Вампир: Маскарад

Геенна – Последняя Ночь

Привет!

Этот перевод выполнен «для души». Если вы хотите на законных основаниях использовать его в коммерческих целях, будь то полностью или частично, - свяжитесь со мной. Если вы используете его для себя, просто не удаляйте эту вставку.

Искренне ваш, Averard macyran@mail.ru

Пролог: Сумерки

Горы Таурус

К юго-востоку от Кайсери (и горы Эрджияс)

Турция

И, в довершение всего прочего, было жарко.

Это было ненормально. В это время ночи температура в горах и окружавшей их пустыне уже должна была заметно упасть. Сегодня ночью, однако, жара упрямо цеплялась за горные склоны, отказываясь отступить следом за садящимся солнцем. Ветры пустыни перегоняли эту жару из одной ложбины с прогретым воздухом в другую, но разогнать ее полностью им не удавалось.

Жара делала еще более некомфортной задачу, которая сама по себе была сложной, и Беккет на миг отвлекся от своих приготовлений, чтобы мрачно посмотреть вокруг.

Беккет не особо выделялся бы из толпы. Коричневые волосы немного длиннее, чем требовала современная мода, коричневые джинсы, белая джинсовая рубаха на пуговицах (сейчас пуговицы были расстегнуты), туристические ботинки и рюкзак достаточного размера, чтобы сломать спину человеку, который бы попытался вскинуть его на себя не под тем углом. Пожалуй, единственной действительно необычной деталью его внешности были солнечные очки, которые он не снял даже в глухую ночь. Они привлекали внимание, и Беккет не стал бы их носить, если бы не необходимость скрывать от внимания смертных свои нечеловеческие глаза. По тем же причинам он носил перчатки, под которыми прятались грубые ногти и густая шерсть на его руках, еще одно проявление звериного наследия его линии крови.

Но все же, если не брать во внимание эти мелкие странности, он в основном выглядел как поклонник пешего туризма – возможно, европеец, странствующий по земному шару в попытках «найти себя». На самом же деле Беккет отлично знал, где находится, и его странствия по земному шару имели целью найти нечто другое. Или, в последнее время, *кое-кого* другого.

Ветер, которому так плохо удавалось остудить воздух вокруг, намного лучше справлялся с тем, чтобы поднимать в воздух грязь и песок на пологом горном склоне. За несколько миль отсюда Беккет оставил джип, который купил как списанный из турецкой армии; если бы родословную джипа можно было проследить достаточно далеко в прошлое, там наверняка нашлось бы и списание из российской армии. Даже внедорожник в идеальном состоянии не забрался бы по некоторым из тех склонов, которые Беккету пришлось одолеть по дороге, а состояние его джипа было далеко от идеального.

Он знал, что никаким чудом не сумеет закончить все, что планировал, и вернуться в цивилизованные места до рассвета, но местность была ему знакома. Не составит труда найти достаточно глубокую пещеру, чтобы укрыться от смертоносного раздражителя, который представляло собой солнце. Разумеется, в чрезвычайной ситуации Беккету не требовалось убежище, хватило бы и пятачка земли достаточной глубины, чтобы в него погрузиться: таково было одно из преимуществ его конкретной родословной в качестве нежити, и оно стоило нечеловеческих черт внешности. Но в таком случае ему пришлось бы оставить все снаряжение валяться открыто, и, хотя вероятность того, что по этому месту пройдет кто-нибудь еще, была очень невелика, рисковать все же не хотелось.

Прямо сейчас, однако, его мысли были заняты другой пещерой. Он не был здесь несколько лет, но маршрут неизгладимо отпечатался в его памяти. Возможно, он смог бы пройти по этому пути с закрытыми глазами.

Когда он подошел ближе, ветер ослабел, но, глянув через плечо, Беккет увидел, что всего в нескольких дюжинах ярдов он дует с той же силой, что и раньше. Казалось, что само место каким-то образом сопротивляется ярости природы.

«Ну что ж, - сказал он в пространство, - удобно получается».

Он мгновение помолчал.

«Почему-то это удобство *совсем* не внушает доверия».

Несколько долгих секунд Беккет стоял неподвижно – намного более неподвижно, чем сумел бы любой смертный, – и смотрел перед собой, предоставляя увиденному врезаться в его память и перекрыть яркие воспоминания нынешним состоянием дел.

Ничего не изменилось. Он взирал на вход в пещеру, который зиял в склоне горы, как пасть какого-нибудь исполинского зверя; если бы Зевс заключил чудовищного Тифона под этой горой, а не под Этной, это могло бы объяснить пасть такого размера. Дюжина человек, стоя плечом к плечу, могла бы пройти внутрь, не коснувшись ни одной из стен. Когда-то в далеком прошлом эта дюжина могла бы пройти свой путь с повязками на глазах, но даже это место не было совершенно неуязвимо для течения лет, и сейчас камни и прочий мусор на полу помешали бы им идти.

Отсюда смертный вряд ли смог бы разобрать древнюю надпись над входом пещеры. Она была слишком невелика, слишком истерта песком, который многие века швырял на нее ветер. Беккет, однако, мог прочесть ее так же ясно, как если бы стоял рядом в ночь, когда она появилась.

Согласно легенде, эти слова на языке, который могли прочесть очень немногие из живущих (или немертвых), не были вырезаны чьими-то руками, будь то человеческими или нечеловеческими. Слова возникли сами, высеченные в камне, в тот самый миг, как их произносил древний господин этого места.

«Да не выйдет ни одно дитя Каина сквозь этот проход. Да не войдет ни один сын Сифа».

Беккет, как уже много раз раньше, стоял у входа в Каймаклы, древний город – и древнюю могилу – давно вымершего клана.

Но на этот раз он собирался сделать больше, чем просто постоять и посмотреть. На этот раз, ради вампира по имени Окулос, друга Беккета (или спутника настолько близкого к понятию «друга», насколько это допускала природа Сородичей), он бросит вызов могуществу ушедшего Патриарха.

Если все-таки предполагать, что он достаточно свихнулся, чтобы действительно через это все пройти.

Годом ранее

Библиотека Принцессы Каролины

Монако

Беккет не был особенно рад визиту в Монако. Вся эта страна всегда казалась ему одной большой мышеловкой для туристов. Здесь нечего было исследовать, не было глубоких тайн культуры, которые можно было бы раскапывать. О да, конечно, история этой нации уходила в прошлое на сотни и даже тысячи лет, ко временам первого финикийского поселения на этом месте, но Сородичи почти не были в нее вовлечены, а Беккета в первую очередь занимала именно эта сторона истории.

Кроме того, большинство местных жителей говорили на французском.

И все же Самир обитал здесь, и здесь Самир хотел встретиться. Так что они встретились здесь.

Мусин Самир (почти наверняка не его настоящее имя) родился в Марокко, но совершенно точно не мог посещать родину. Он был из числа Тремер, не только вампир, но и чародей, и это делало его более чем непопулярным среди весьма влиятельного в Марокко клана Ассамитов.

Кроме того, он был старым знакомцем Беккета, и за соответствующую плату был готов предоставлять информацию – в тех случаях, когда мог это сделать, не вредя интересам Тремер. Беккет неоднократно обращался к нему по различным вопросам, связанным с тауматургией и прочими волшебными тайнами, поскольку, хотя сам Беккет разбирался в магии крови намного лучше большинства, его умения все равно меркли перед познаниями того, кто занимался оккультными делами по-настоящему.

Самир назначил встречу не в каком-нибудь помпезном отеле или казино, вроде Монте Карло (хотя Беккет ожидал именно этого), но в Библиотеке Принцессы Каролины, широко и далеко известной тем, что она специализируется на детской литературе.

«Это потому, что здесь мы не будем выглядеть необычно, когда станем обмениваться книгами» - пояснил в ответ на незаданный вопрос Беккета Тремер, одетый в джинсы американского пошива и старую футболку Гарта Брукса. Он прервался и отошел, когда мимо них просочилась стайка детей – как раз достаточно медленно, чтобы персонал библиотеки не кричал на них за беготню. До закрытия библиотеки дети явно хотели успеть еще в одно место. «А еще потому, что у нас при

этом останется очень мало времени на обмен, и это предотвратит любые попытки передумать в последний момент».

Беккет насупился, но предпочел оставить скрытое в этих словах оскорбление без комментариев. Вместо этого, он сунул руку в матерчатую сумку, одетую через плечо – ее не так-то просто было спрятать от установленных в библиотеке новых систем безопасности – и достал книгу. Толстая кожаная обложка кое-где потрескалась, но в остальном была в относительно хорошем состоянии.

«Ты не говорил мне, - прорычал Беккет, отдергивая книгу, как раз когда к ней потянулся Самир, - что предыдущий владелец будет настолько сильно возражать против того, чтобы я взял ее и ушел».

«Это книга по герметической магии, Беккет. Чего ты ожидал?»

«Я ожидал, что храм будет покинут. Кое-кто, кого я не буду упоминать, говорил мне именно так. Чего я не ожидал, так это прокладывать себе путь когтями сквозь какого-то волшебника – Герметика, пока остальные члены его часовни пытались обрушить на меня крышу, взорвать мою машину или еще как-нибудь разнести мне голову своими чертовыми заговорами во всем их чертовом многообразии!»

«Ты отлично знаешь разницу между Герметическими инкантациями и заговорами, Беккет».

«Тебе вообще нужна эта долбаная книга, или нет?»

«Что за язык, Беккет?! Здесь же дети. - Увидев, как раздуваются ноздри собеседника, Самир решил, что стеб над гостем лучше прекратить. – Хорошо, Беккет. Я приношу тебе свои искренние извинения. Я искренне полагал, что храм действительно покинут. Когда мне удалось узнать, что орден пытается вернуть тексты, ты уже был недоступен. Теперь, пожалуйста, могу ли я получить книгу?»

После секундного колебания Беккет наконец вручил ему свою добычу. «В любом случае, зачем она тебе вообще нужна? Я думал, что у вас, Тремер, уже есть полное собрание сочинений на герметические темы».

«А? Нет, еще остались секреты, которые мы… Впрочем, это неважно. Мы хотели, ты предоставил. Спасибо».

«Спасибо оставь себе. Просто выполни свою часть договора».

Самир огляделся, чтобы убедиться, что в пределах слышимости не было любопытных детей – или взрослых. «Беккет, - прошептал он, и в его голосе не было ни малейшего намека на насмешку, - у меня ушли годы, чтобы раскопать этот ритуал. Он старый, старше, чем большая часть моего клана. Я не хочу тебя обидеть – для того, кто не посвятил тайнам всю жизнь, ты умеешь действительно много, - но я всерьез сомневаюсь, что у тебя хватит могущества и опыта, которые нужны, чтобы провести ритуал».

Беккет наклонился ближе, словно собираясь поведать чародею какой-то важный секрет.

«Самир…»

«Да?»

«Я тоже сомневаюсь. – Он ухмыльнулся, и в его ухмылке было очень мало веселья. – Полагаю, скоро я узнаю это точно».

Тремер только покачал головой. «Как тебе угодно. Пойдем на улицу, материалы у меня в машине».

Горы Таурус

К юго-востоку от Кайсери (и горы Эрджияс)

Турция

И вот он стоял на границе вечной темницы, глядя в жерло пещеры сквозь невидимый барьер, который преградил путь Бог знает скольким Сородичам – включая двух спутников Беккета. После того, как он получил от Самира ритуал, у него ушел почти год, чтобы собрать необходимые компоненты: кровь оборотня или ключ, вырезанный одним из народа фей, было не так-то легко найти, а эти предметы были далеко не самыми редкостными в списке. Самир определенно не преувеличивал, говоря о возрасте и силе ритуала, к которому готовился Беккет. Этот ритуал, несомненно, был создан в эпоху, когда и магия, и мир в целом очень отличались от сегодняшних.

Беккет взглянул на часы. Ему требовался как минимум час, чтобы подготовиться к ритуалу, и еще три, чтобы его провести. И даже если все сработает, у него не было ни малейшего представления о том, сколько времени уйдет на исследования по ту сторону преграды; возможно, много ночей.

У него оставалось как раз достаточно времени до рассвета, чтобы обрушить эту преграду, если он не станет терять времени.

Ну, значит, он не станет его терять.

Рюкзак обрушился на землю: раздался глухой звук удара, и облако пыли и песка разлетелось во все стороны. Из него Беккет достал две сумки поменьше, которые он упаковал так, чтобы держать свое повседневное снаряжение отдельно от того, что предназначалось для оккультных целей.

В первой сумке – той самой, в которой он принес Самиру книгу – было все снаряжение, которое можно было рассчитывать увидеть у археолога-исследователя. Набор мелких инструментов для точной работы – все от кистей и стамесок до бумаги и мелков, чтобы делать зарисовки. Винтажный кольт 45 калибра времен Второй Мировой и четыре полностью снаряженных запасных магазина (у Беккета были много более эффективные возможности управляться со вставшими на пути Сородичами, и он никогда не жаловал огнестрел, но при необходимости общаться с враждебными смертными в больших количествах он все равно не находил аргумента лучше, чем свинец на очень, очень большой скорости). Тяжелый фонарь и несколько файеров (Беккет видел в темноте, но часто путешествовал в компании тех, кто не видел, так что он просто выработал в себе привычку их носить). Фотоаппарат с функцией съемки в темноте, чтобы делать фотографии возможных ценных или информативных находок, не подвергая их воздействию резкого света вспышки. Продвинутый GPS-навигатор, способный показывать пользователю его точное местонахождение (вот уж чего Беккету, а еще больше его спутникам, *очень* не хватало в прошлый раз). Саперная лопатка – не в сумке, но привязанная к ней; самый кончик рукоятки был обломан, на вид – в процессе долгого использования (тот факт, что слом делал конец деревянной рукоятки довольно острым, однако, случайным не был). Кроме того, Беккет, для которого эта часть подготовки походного снаряжения выглядела несколько гротескной, захватил с собой хорошо изолированный термос (третья группа, резус отрицательный, свежая), в снаряжение типичного археолога не

входящий. Все это он возьмет с собой внутрь пещеры, если, когда придет пора, он решит, что у него достаточно крепкие яйца – и недостаточно крепкий здравый смысл – чтобы все же сделать этот судьбоносный шаг.

Содержимое второй сумки он, разумеется, оставит – то есть ту его часть, которая не будет поглощена в процессе ритуала.

Это если предположить, что он сумеет заставить ритуал сработать.

Это если предположить, что в процессе ритуала не будет поглощен *он сам*.

Это если предположить… «А, ебись оно все. Хватит предполагать, Беккет, - мрачно подумал он. – Либо делай, либо иди домой».

С аккуратностью, которая бы сделала честь любому хирургу, Беккет начал чертить на земле символы – используя кость указательного пальца с руки, отрубленной у ее владельца за воровство, в те давние времена, когда такое наказание было нормальным. Дальше пойдут свечи (часть – восковые, но не все) и еще более редкостные ингредиенты, а потом…

Потом придет время направить его магические способности против барьера, поставленного самим Каппадокийцем, одним из тринадцати предков всей расы Сородичей. И внезапно эти способности начали казаться очень, очень ограниченными.

Горы Таурус

К юго-востоку от Кайсери (и горы Эрджияс)

Турция

Беккету не требовался кислород (он вдыхал воздух, только чтобы говорить) уже около трехсот лет, но инстинкты, давно уснувшие, но не отмершие окончательно, заставляли его задыхаться от напряжения. В глубине души (или того, что там за нее сходило в эти ночи) он уже ощущал, что солнце палец за пальцем начинает тянуться к краю горизонта с той стороны. До рассвета оставалось меньше часа.

Вокруг него в беспорядке были разбросаны остатки его ритуала. Лужицы воска, расплавленного и вновь остывшего, образовали на песке странные узоры. Ветер, который поднялся из ниоткуда в середине процесса (он все еще надеялся, что это было знаком успеха, а не случайным природным явлением, которое, возможно, поколебало его концентрацию в критический момент), полностью затер знаки, которые он так аккуратно начертил на земле. Кровь оборотня пропала, впитавшись в поверхность камня, на которую он ее ритуально расплескал; ключ, откованный феей, был погребен глубоко в песке, и песок над ним пошел темными красно-коричневыми пятнами, словно став ржавой пылью. Сам Беккет был покрыт пленкой кровавого пота, его когда-то белая рубаха прилипла к груди и уже начала засыхать и похрустывать. Кровь пахла чем-то неправильным, почти что порчей – словно что-то противоестественное (еще более противоестественное, чем сам Беккет) вторглось в его организм.

Но, несмотря на ветер, несмотря на кровь, несмотря на все, что происходило странного и причудливого, он не видел никаких признаков того, что ритуал сработал. По совести, он и не ожидал большего. Части ритуала были написаны на языках, которые он не мог даже опознать, а уж тем более понять. Самиру хватило любезности предоставить фонетические пометки, чтобы Беккет по крайней мере смог пробраться

сквозь эти части вслепую, но это, конечно, не могло заменить полноценного понимания того, какого черта он, собственно, делал.

И все же, несмотря на свой прошлый пессимизм, Беккет не мог не почувствовать острого разочарования. Окулос был добрым товарищем, одним из немногих, кого Беккет в эти несколько сотен лет мог называть другом. Возможно, он уже перестал существовать, или, по крайней мере, впал в торпор, но Беккет чувствовал себя обязанным сделать еще хотя бы одну целенаправленную попытку сдержать свое обещание и найти для своего друга способ сбежать из ловушки, которую много веков назад расставил мертвый полубог.

«Прости, друг». Это был первый раз за очень долгое время, когда Беккет извинялся. Еще дольше минуло с тех пор, когда он последний раз извинялся искренне. Он наклонился, чтобы собрать те компоненты, что мог, решив, по крайней мере, не оставлять следов своего присутствия.

Когда его пальцы коснулись ржавого пятна на песке, он почувствовал себя так, словно из земли начал извергаться вулкан – сквозь него. Поток силы такой мощности, какой Беккет еще никогда не ощущал, буквально оторвал его от земли и отшвырнул от устья пещеры на полдюжины ярдов. Беккет не мог сразу попытаться понять, что произошло: он был слишком занят, подавляя своего Зверя, который целеустремленно пытался либо вогнать его либо в кровавую ярость, либо спровоцировать инстинктивное безоглядное бегство от этого места и всего, что о нем напоминало. Когда-то Беккет проводил значительную часть своих странствий в компании женщины по имени Люсита. Будучи старейшиной своей крови и отступницей по меркам многих из ее собратьев, она рассказывала ему истории про Шабаш и то, как там принято «вытягивать» информацию из тех, кто не желал ее предоставлять. Особое впечатление (того рода, что смешивается с отвращением) на нее произвела изобретательность одного инквизитора, который разработал систему, включавшую раскаленные добела иглы, сладкую воду и целую колонию огненных муравьев. В то время Беккет не смог вообразить, каково это – быть одновременно сжигаемым и пожираемым изнутри.

Теперь он это знал.

Также, однако, он знал: впади он сейчас в ярость или поддайся алому страху, ему может не хватить рассудка, чтобы найти подходящее убежище от солнца. Он, как и его Зверь, хотел избежать этой боли – но не ценой того, чтобы оказаться испепеленным и смешанным с песком пустыни.

Не будь он так сосредоточен на преодолении собственной боли и собственной бури эмоций, он, возможно, увидел бы, что по каменным стенам пещеры идет *рябь*, словно они – не более чем радуга на ветру. Возможно, он увидел бы, что руны, высеченные в этом камне, пылают алым светом, который не мог объясняться никакими естественными процессами или реакциями – а затем исчезают из вида, ибо их многовековая сила, наконец, была сокрушена.

Но он не видел. И поэтому лишь тогда, когда он снова восстановил контроль над собой и перестал видеть мир вокруг сквозь алую пелену, он взглянул на вход в пещеру – и *понял*. Непонятно как, вопреки всем надеждам, вопреки всей логике, он это сделал. Барьер рухнул.

Несмотря на эту уверенность, Беккет предпочел бы потратить побольше времени на проверку. Исследования с помощью обостренных и даже сверхъестественных чувств, тауматургические ритуалы…

Ничего из этого он не сделал. Чувствуя, что на него уже наваливается сонная одурь от близкого рассвета, что солнце уже окрасило розовым облака над горизонтом, Беккет лихорадочно подобрал свою поклажу и нырнул в гостеприимную тень Каймаклы как раз перед тем, как его одолела дрема…

Где-то еще…

Над Каймаклы горела Красная Звезда.

Барьер обрушился, и своим падением он поднял невидимое течение силы, которое разошлось во все стороны, словно ударная волна.

Красная Звезда горела, и слабели преграды. Красная Звезда горела, адский свет в конце очень длинного туннеля.

Падение барьера Каппадокийца эхом отозвалось в горах и пустынях Турции, и дальше по Дальнему и Ближнему Востоку.

Где-то под песками, в пещере, которая лишь отчасти существовала в каком бы то ни было мире, доступном для осмысления разумом человека или Сородича, эти отголоски потревожили сны того, что дремало со времен юности мира.

Она иногда ворочалась во сне, эта невозможная вещь, этот пережиток прошлого, которого страшились чудовища. Ворочалась – но никогда раньше не просыпалась.

Теперь она проснулась. Проснулась, ничего не осознавая, ничего не видя, ничего не ощущая, среди мира, полного ничем.

Ничем, кроме голода – такого пожирающего, такого всеобъемлющего, что не было вещи, способной существовать вне его, ибо все сущее существовало лишь для того, чтобы быть пожрано.

Голод… и одна рациональная мысль, сформулированная в понятиях, которые невозможно было осмыслить, понятиях из времен, когда не существовало языка.

В приблизительном переводе на понятия смертных, ее значение было простым:

«Время пришло».

И надо всем этим горела Красная Звезда.

Каймаклы, под горами Таурус

Восточная Турция

В темном вестибюле великого подземного города Каймаклы, укрытый от испепеляющего взора солнца, Беккет спал и видел сны…

Он вновь стоял не в пещере, но снаружи. В нескольких сотнях ярдов стоял вертолет «Bell», лопасти которого наконец перестали вращаться; вертолеты этой модели поставляются военным и полицейским силам по всей Земле, хотя на этом конкретном вертолете не было никаких полезных модификаций наступательного характера. Они прилетели сюда именно на вертолете.

В этом странном состоянии частичного осознания происходящего, которое так часто посещает спящих, Беккет подумал, что для этого визита ему бы тоже очень не помешал подобный транспорт – или умение его пилотировать, если уж на то пошло. Еще ему хватило сознания удивиться тому, откуда вообще взялся сон. Он был вполне уверен, что с тех пор, как он перестал быть смертным, ему ничего не снилось.

Он был не в одиночестве, и был чрезвычайно благодарен за это судьбе. Это – это вполне могло оказаться величайшим археологическим открытием современности, по крайней мере, с точки зрения Сородичей. Беккет был рад тому, что рядом были достойные спутники, чтобы разделить радость: некоторые вещи даже для него просто были слишком велики. На мили вокруг было не найти ни одного смертного, так что двое Носферату, которые путешествовали с Беккетом, давно сбросили иллюзорные маски человеческого облика, под которыми многие из их клана скрывали свои чудовищные черты.

Коренна, дитя Окулоса и потому, в каком-то смысле, крестница Беккета, не смогла сдержать восхищенный вздох, когда перевела слова над устьем пещеры. «Это ведь оно, правда? – В ее голосе звучал восторг ребенка, который только что получил на день рождения или Рождество ту единственную вещь, что ему хотелось. – Это вход в Каймаклы».

«Если нет, - отозвался Окулос, незаметно подмигнув Беккету, - то это самая умелая подделка, которую я когда-либо видел».

«Не говоря уж о том, что самая большая» - добавил Беккет.

Многие сотни лет дети Каина искали это место, о котором многие их легенды из числа самых ужасных говорили как об источнике великого знания – и, возможно, великого могущества. Ибо, если эти легенды были правдивы, то буквально тысячи вампиров были заключены за барьером, воздвигнутым их прародителем. Хотя многие наверняка нашли свою окончательную смерть, многие другие вполне могли все еще лежать в торпоре, ожидая прилежных исследователей прошлого, которые их пробудят – или прилежных диаблеристов, которые высосут души из их уже лишенных крови останков.

Любой, кто хотя бы поверхностно ознакомился с историей Каймаклы, ее города-побратима Деринкую, а так же клана Каппадокийцев, который владел обоими городами, знал приблизительное местонахождение потаенного города. Разумеется, это само по себе было проблемой, поскольку очень мало Сородичей во всем мире достаточно знали о каком-то из этих городов или о Каппадокийцах, чтобы хотя бы начать подобные исследования, но Беккет и его спутники вращались в очень избранных кругах. Никому, однако, до сих пор не удавалось найти вход.

«Или, по крайней мере, - как однажды вечером Окулос заметил Беккету, - никто до сих пор не объявлял о находке. Вероятно, найдется несколько Сородичей, которые хранят это знание, но совершенно не представляют, как им воспользоваться. Еще более вероятно, что кое-кто из Сородичей, запертых по ту сторону барьера, оказались в заключении не так давно, как сами Каппадокийцы».

Они решили для себя, что не проявят подобной беспечности. Годы исследований, наконец, принесли зацепку, которая привела их в Каймаклы, зацепку, которая скрывалась в ничем более не интересной рукописи одного сумасшедшего вампира. Тот блуждал по Ближнему и Среднему Востоку, утверждая, что является реинкарнацией одной из жен Магомета, и вел детальный дневник своих путешествий. В итоге он прыгнул в большой костер, предположительно, чтобы сжечь свою мужскую внешность и открыть прячущуюся под ней женщину. Хотя их всех переполняло

воодушевление, они решили, что их первая экспедиция послужит только для того, чтобы подтвердить местонахождение пещеры, и чтобы изучить вход и, по возможности, сам барьер. Беккет, хорошо покопавшись в других источниках, составил более-менее ясное представление о том, как далеко можно зайти в пещеру, не проходя при этом сквозь мистический барьер (в целом оно сводилось к «не очень далеко»). Они надеялись изыскать средства проверить эти соображения, при этом не подвергая опасности самих себя.

Теперь, когда они добрались сюда, искушение немедленно окунуться в задачу с головой и, наплевав на риск, сделать все возможное, конечно, возросло, но им удавалось до некоторой степени сохранять профессиональное спокойствие.

«Окулос, - обратился к нему Беккет, - почему бы тебе и Коренне не осмотреть сам вход в пещеру? Я пока собираюсь сделать несколько замеров снаружи».

«Ну… Ладно, Беккет, как хочешь».

Что? Нет! Тот Беккет, что осознавал себя сквозь сон, был в замешательстве. Все произошло не так! Окулос *настаивал* на том, чтобы первым исследовать устье пещеры, Беккет никогда не хотел…

Он начал исследовать плотность породы окружающих вход скал и строить предположения о ее возрасте и минеральном составе, когда его оборвали два вопля. Первый был женским – пронзительный, высокий крик невыносимой агонии, который оборвался так же внезапно, как и начался. Второй, мужской, был низким, это был плач утраты, и он продолжал звучать еще долго после того, как угасло даже эхо первого.

Когда Беккет подбежал ко входу, сфокусировав в своих глазах силу крови, чтобы ясно видеть происходящее в темном провале, там стояла лишь одна фигура, и ее рука все еще была поднята в беспомощном жесте.

«Беккет… Окулос осекся, его голос был почти плачущим. – Коренны нет! Ты неверно определил место, где проходит барьер, Беккет! Мое дитя мертво! Я в западне! И в этом виноват ты!»

И опять Беккет безмолвно закричал во сне, протестуя. Никто не говорил про его расчеты! И он сам никогда не утверждал, что они достаточно точны, чтобы использовать их как клятые ориентиры на местности! Носферату в своем возбуждении оказались беспечны, они неправильно определили свое местоположении в тусклом свете своих фонарей! Никто, включая самого Окулоса, никогда не винил в этом Беккета! Это никоим образом не было его виной!

Но там, во сне, Беккет отошел от входа, достал записную книжку с переведенными фразами и записями вычислений – записями, по которым было видно, что совсем недавно их аккуратно подчищали и переписывали, – и предался ликованию.

Каймаклы, под горами Таурус

Восточная Турция

Беккет не был настолько большим фанатом клише, чтобы позволить себе пробудиться от кошмара вроде этого, вскочив с воплем. Однако эмоция была настолько сильной, что он чуть было не перешел от дневной спячки напрямую в безумную ярость, и лишь выдающимся усилием воли ему удалось сохранить контроль

над собой. Когда у него снова прояснилось в глазах, он уставился на струйки крови, текущие по его запястьям из сжатых кулаков. У его родословной Гангрела были свои преимущества, но были и недостатки – главным из которых была неприятная склонность приобретать звериные черты, когда они слишком часто впадали в ярость.

«Итого, Беккет, ты дважды чуть не потерял контроль за две ночи. Если ты не хочешь обнаружить, что стал похож на Скуби-Ду, тебе лучше взять себя в руки».

Глоток-другой из термоса успокоил его нервы, хотя ему стоило некоторого труда не выпить все содержимое залпом. На мгновение он почувствовал покалывание в глазах: его тело фокусировало силу крови, текущей по его жилам. Непроницаемая темнота вокруг него растаяла во мгновение ока, и Беккет снова смог видеть. Он знал, что глаза остальных Гангрелов начинают светиться, когда они пользуются своим сверхъестественным ночным зрением; его же собственные светились постоянно. При других обстоятельствах он бы беспокоился о том, что остальные могут заметить в темноте его приближение, но солнечные очки, хотя и выглядели неуместными, решали, в том числе, и эту проблему. Сквозь них сияние его глаз приглушалось, становясь почти незаметным, а он сам все равно мог ясно видеть все вокруг.

Скалы. Каменные стены. Потолок пещеры над головой. Пол прохода, который, возможно, возник естественным путем, но после этого явно выравнивался искусственно.

В целом, не самое драматическое первое впечатление для находки, которая, возможно, была величайшей за время его существования.

Внимательнее посмотрев на то, что сначала принял за скопление валяющихся камней, он увидел, что, по крайней мере, часть этого скопления составляли кости – в основном свиные, но попадались собачьи, овечьи и даже один человеческий скелет.

Беккет печально улыбнулся. Окулос по большей части был помешан на опрятности, но питался всегда неаккуратно. Беккет много месяцев после пленения Окулоса регулярно возвращался к Каймаклы, привозя животных в пищу заточенному другу. Он перестал это делать лишь тогда, когда Окулос перестал приходить за ними к входу в туннель.

Его друг мог быть давно мертв. Но все же, возможно, он лежит где-нибудь, впав в голодный торпор, но еще способный вернуться, и Беккет сдержит свое обещание.

Прежде, чем идти вперед, однако, ему следовало убедиться, что он сможет выйти назад.

Его рука почти тряслась от инстинктивного страха перед огнем, свойственного всем вампирам: Беккет прибежал слишком поздно, чтобы увидеть, как великая печать испепелила Коренну, но он почуял следы ее гибели в воздухе. И все же, так или иначе, он должен быть знать.

Беккет сделал шаг назад ко входу в туннель, еще шаг, еще один…

И ничего не произошло. Сам того не желая, Беккет выдохнул короткий смешок облегчения. Каким-то чудом, один Бог ведает каким, он действительно это сделал. Барьер пал.

Что до того, что ждало внутри, он не ожидал увидеть много. Рассказы и слухи о подобных местах всегда преувеличивались. Он рассчитывал найти маленькую деревню, а не обширный город, и предполагал, что десятки обитателей, как это обычно и бывает, постепенно разрослись до тысяч с распространением легенды. Тем

не менее, ему предстояло поглядеть на место, на которое очень мало кому удалось посмотреть – и еще меньше после этого выжило и смогло рассказать об увиденном. И, возможно, ему все же удастся найти своего друга. Заметно воодушевившись, Беккет двинулся вниз по проходу.

Все то воодушевление, которое возникло от его очевидного успеха в снятии барьера, очень быстро истаяло.

Началось с холода в воздухе. В пещерах естественным образом часто бывает холоднее, чем снаружи, а на долю Беккета уже успело выпасть немало визитов в различные пещеры. Можно было ожидать некоторой степени похолодания. Но сейчас было по-другому. Беккету доводилось стоять в сердце пурги, которая убила бы смертного в считанные минуты, но сейчас он *ощущал* холод. Он касался не плоти; вместо этого, кровь внутри, казалось, остывала, делая его вялым. Неспособный сосредоточиться, он несколько минут просто шел вперед, не смотря по сторонам – не особенно разумное действие, будь то в смысле исследования или собственной безопасности. Беккет яростно потряс головой и бессознательно пожелал, чтобы можно было на чем-нибудь сфокусироваться и отвлечься от неестественного холода.

Ему стоило подумать лучше.

Звук был похож на эхо от ветра, пришедшее по проходу следом за ним по какой-то причуде акустики. Он был невероятно слаб, едва различим даже для его нечеловечески острого слуха. Он не мог с уверенностью сказать, как давно уже его слышит. Беккет напрягся, и его кончики пальцев начали зудеть, когда его тело инстинктивно превратило его человеческие ногти в когти, бывшие его самым сильным оружием.

В ветре были голоса.

Довольно скоро стало ясно и то, что это вообще был не ветер, потому что они начали идти не только из-за спины, но и со всех остальных сторон. Слова, настолько приглушенные и искаженные, что он не мог распознать даже язык, звучали то громче, то слабее, словно говорящие шли по проходу мимо него. Некоторые были мужскими, некоторые – женскими, и все они звучали с одной и той же интонацией. Говорящие, кем бы и чем бы они ни были, явно были чем-то озадачены.

Возможно, его появлением?

«Эй? Если вы хотите меня о чем-то спросить, спросите меня напрямую».

Не получив ответа – он и не рассчитывал – он позволил когтям втянуться в плоть и продолжил идти, медленнее и осторожнее.

По крайней мере, теперь его не заботил холод.

Пещера стала еще шире, и Беккет увидел появляющиеся признаки древнего поселения: тут маленькая ниша, почти комнатка своего рода, вырезанная в стене; там высеченная цитата из Библии, точнее из девяносто первого псалма: «*Живущий под покровом Всевышнего в тени Всемогущего обитает*».

Затем проход вывел в пещеру большую, чем Беккет мог вообразить, и Беккет неверящими глазами уставился на древнее диво – и ужас – которым было поселение Каймаклы.

Легенды, слухи, «преувеличения» - все они были правдивы. Здесь, простертый перед ним, словно модель или карта, лежал целый средневековый город. Строения,

сооруженные из местного камня и дерева, затащенного с поверхности, занимали большие участки пола пещеры; они даже были упорядочены в неровные, но различимые кварталы, позволяя сети улиц и дорог проходить сквозь город. Большинство было в ужасном состоянии, и по ним было заметно, что город заброшен уже столько лет. Даже отсюда Беккету были видны гниющее дерево и рассыпающаяся солома. Даже те строения, что были вырезаны из скалы, зияли открытыми дырами там, где когда-то были двери и ставни, и на них были заметны следы от случающихся в здешних местах землетрясений.

В дальнем углу города, на грани восприятия для сверхъестественного зрения Беккета, простерлась разбитая каменная кладка, которая когда-то могла быть акведуком. Беккет мог лишь предположить, что древние обитатели доставляли воду сверху и запасали ее на то время, когда им было неудобно выбираться на поверхность.

Голоса стали громче, когда Беккет зашагал по первой из узких улочек, ступая в отпечатки ног и даже в тележные колеи, которые явно остались с ночей древности. Теперь казалось, что звуки исходят из дверей и окон, но голоса не сопровождались никакими движениями. Один и только один раз Беккет внезапно обернулся и нырнул в один из зияющих дверных проемов, полный решимости найти источник. Он не нашел ничего, кроме сломанного стола и облака пыли, которое поднялось от его внезапного явления.

Они, однако, стали не только громче. Они начали звучать сердито. Ну что ж, Беккету и раньше доводилось общаться с раздраженными призраками, и он не собирался позволить им обратить его вспять сейчас. Внимательно смотря под ноги, чтобы найти дорогу в тяжелых тенях от строений, он медленно двинулся…

Тени?

Беккет застыл на месте, совершенно неподвижный, если не считать сознательного моргания. Пещера была совершенно темной, не было ни единой звезды, ни единой свечки, чтобы осветить ее. Он мог видеть лишь потому, что одна из его семейных черт в качестве Гангрела позволяла его глазам пронзать даже абсолютную ночь. Теней не могло существовать, ибо не было света ни чтобы их отбрасывать, ни чтобы их видеть.

И все же, когда он посмотрел вновь, они были на месте. Темные, смазанные силуэты, протянувшиеся через улицу перед ним, словно само солнце сияло из глубин пещеры. Дома, конюшни, колодец, даже обломки большой телеги – все это отбрасывало перед ним образы.

У всего здесь были тени. У всего, кроме Беккета.

И, осознав это, он осознал и другое: голоса, которые он слышал, шли не из строений, а из теней этих строений.

Медленно, очень медленно Беккет потянулся в сумку на боку и вытащил мощный фонарь. Его собственное зрение было удобнее, но оно видело вещи, которые явно были невозможны, и он хотел убедиться, существовали ли они при «реальном» освещении.

Беккет нажал кнопку, и мир сошел с ума.

Узкий луч фонаря каким-то образом отразился от окружающих теней, словно наткнувшись на зеркальную преграду, и ударил обратно в его глаза, грозя ослепить его даже сквозь солнечные очки. Земля под его ногами сменила цвет с темно-

коричневого, который он видел ночным зрением, на тускло-красный. Из твердой почвы она стала липнущей к ботинкам густой грязью, и было очевидно, что пол увлажнила не вода, но бесчисленные галлоны крови. Кровавое зловоние бойни обрушилось на него, забиваясь в его нос, хотя он и не вдыхал воздуха, угрожая вновь спустить в привязи Зверя в его душе.

Беккет пошатнулся, пытаясь отвернуться от слепящего света. Голоса поднялись вокруг него, становясь все громче, оглушая, их вопли теперь были смесью ярости и паники, они кричали, прося о милосердии, о прощении. Фигуры, лишь отдаленно напоминающие людей по очертаниям, оторвались от теней строений и с шумом понеслись вниз по узкой дороге, мимо Беккета и сквозь него, и каждая отрывала кусочек от его души. На него обрушились воспоминания. Лишь несколько из многих были его собственными, и те были искажены до неузнаваемости, как был искажен его сон.

Он был молодой женщиной, едва три года как Каинитом. Это была не его вина! У него не было времени, не было возможности проявить себя! Боже, пожалуйста, нет, не оставляйте его здесь внизу, только не в темноте, только не в…

Ярость, равной которой он не знал никогда прежде, захлестнула его, наполняя силой конечности, внешне выглядящие старческими. Так он бесполезен? Он не достоин крови? Он еще покажет этому спесивому старому ублюдку, он им всем покажет! С той силой, что теперь скопилась здесь внизу, он сможет брать, и брать, и – и что это за внезапная боль в груди, и почему он не может двигаться? Проклятье, нет! Его душа не станет поживой для какого-то молодого проныры, он…

Он снова был Беккетом, сидел на корточках рядом с светловолосым Малкавианом, провозвестником грядущих ужасов, и слушал его очередное философствование на тему Книги Нод. Но на этот раз, когда Анатоль отвернулся, делая какой-то драматический жест, Беккет бросился ему на горло, обнажив клыки…

Он был никем, он не мог вспомнить имени, личности, ничего, кроме давящего ужаса замкнутого пространства, когда тела сдавили его, а мощный грохот закрывающегося прохода в пещеру отдавался дрожью в его нутре…

«Мария? Мария, где ты? Мария, я не слышу, здесь все кричат слишком громко? Почему пещера закрывается? Мария, мы сделали что-то не так?»

Голосом тысячи обреченных душ Беккет закричал. Крик продолжался, далеко за пределы той точки, где смертному пришлось бы вдохнуть заново, продолжался даже после того, как воздух в его легких полностью кончился, и из его горла не выходило ни звука.

Беккет рухнул, упал на колени на размытую и пропитанную кровью дорогу, и именно плеснувшая в его лицо холодная грязь спасла его. Запах *витэ* в грязи заставил Зверя взвиться, и, когда Беккет инстинктивно подавил его, попытался силой вернуть себе спокойствие, он восстановил контроль не только над Зверем, но и над образами и воспоминаниями. Вокруг него продолжали нестись призраки, или воспоминания, или чем они там еще были, но на момент он стал самим собой. Он огляделся, ища убежище, и увидел только крохотный проулок между двумя домами – и то, что он сначала принял за поленницы дров, оставшиеся с тех времен, когда Каймаклы покинули…

Не считая того, что у дров не бывает ни рук, ни ног, ни глаз. Боже праведный, это Сородичи! Древние Сородичи, настолько иссушенные голодом за многие годы торпора, что в них не осталось и капли жидкости: они в буквальном смысле состояли

лишь из костей и твердой, мумифицированной плоти. Он ненадолго задумался о том, кто бы это мог сложить их таким образом, но решил, что он, пожалуй, не хочет этого знать.

Беккет пошарил в грязи рядом, нащупал упавший фонарь и так резко нажал на выключатель, что пластик треснул.

Мгновенно наступила тишина. Созерцаемая посредством одного лишь сверхъестественного ночного зрения, Каймаклы снова стала местом странных движений и невозможных теней, но ничего более. Дорога, на которой он стоял на коленях, вновь стала всего лишь древней грязью без следов или запаха пролитой крови. Что бы ни осталось здесь, оно сильнее всего реагировало на свет – так что Беккет больше не собирался предоставлять его.

Он потратил еще немного времени, чтобы успокоиться, собраться с силами и убедить себя, что никто не таился за его плечом, готовясь разорвать его разум по частям. Теперь он стоял уже не там, где до того, а намного глубже в городе. Он задумался, не успел ли какой-нибудь призрак (или даже не один) временно им овладеть, но нет: они все бежали из этого места, а не в его направлении. Не мог он и впасть в ярость и добраться сюда самостоятельно, как он рассудил далее: будь так, инстинкты, вероятнее всего, погнали бы его *прочь* из города. По крайней мере, он очень на это надеялся. Беккету совершенно не хотелось выглядеть или вести себя как животное – а такое случалось со многими старыми Гангрелами после того, как Зверь завладевал ими на один раз больше, чем было допустимо. Как и некоторые другие члены его клана, он освоил техники сосредоточения и медитации, которые позволили бы ему очистить свое немертвое тело от этих звериных черт, но для этого требовались недели и месяцы усилий – время, которому можно было найти лучшее применение. Опять же, эти техники были небезупречны, чему свидетельством были собственные Беккета чудовищные глаза и руки.

Ему оставалось предположить, что он шел вперед, сопротивляясь духам, как утопающий борется с приливом, что его мысленная борьба с ними приняла и физическую форму.

В любом случае, сейчас он стоял на углу улицы, и рядом не было никаких видимых ориентиров, по которым он мог бы определить свое место. При взгляде сверху вниз от устья пещеры все улицы были более или менее похожи одна на другую. Беккет обладал безошибочным чувством направления, и, приди он сюда в сознании, он, по крайней мере, смог бы пройти обратно по своим следам, но сейчас…

Что ж, призраки этого места, возможно, сослужили ему службу. Когда он видел их за секунды до этого, они все неслись в одном направлении, словно убегая от чего-то, и чем бы ни было это что-то, оно явно было зрелищем более выдающимся, чем его нынешнее окружение. Беккет примерно определил направление, в котором, насколько он это помнил, двигалось течение духов, после чего пошел в противоположном направлении.

Вскоре он прошел между двумя самыми крупными зданиями из всех, что он видел здесь внизу – при беглом рассмотрении они выглядели как что-то вроде церквей или храмов, - и теперь стоял возле одной из огромных стен пещеры. Перед ним была открыта вторая пещера, меньше, чем вестибюль, но все еще достаточно большая, чтобы загнать в нее автомобиль. Вокруг валялись обломки камня, и камень этот был странно гладким с двух сторон. Потратив несколько минут на составление кусочков – процесс напоминал сборку очень тяжелого пазла – Беккет решил, что они когда-то были большим каменным кругом, и его, возможно, использовали для запирания этой

пещеры. Что бы ни было на другой стороне, оно со временем сумело выломать дверь, но сам город покинуть не сумело из-за барьера Каппадокийца.

Значит, это и была могила, метафорический обеденный зал на, так сказать, Пиршестве Глупости. Тысячи Каппадокийцев были заперты в этой пещере их собственным прародителем, обреченные на каннибализм и неизбежный голод за то, что они осмелились не соответствовать его идеалам.

Неудивительно, что призраки писали кипятком.

В глубине маленькой пещеры блеснул огонек. Он был слишком неровным, чтобы быть электрическим. Огонь? Беккет напрягся – не из-за мысли о пламени (чтобы его инстинкты одолели его контроль, ему пришлось бы довольно близко подойти к сильному открытому огню), но от мысли о том, что кто-то ходил здесь достаточно недавно, чтобы зажженный огонь все еще продолжал гореть.

Каков бы ни был источник пламени, призраки, похоже, не реагировали на него так, как на его фонарь. Возможно, к этому свету они привыкли. Возможно, их взбесил «искусственный» свет лампы, а пламя давало естественный свет.

А может быть, то, что здесь ходило, их напугало.

Еще через несколько шагов ночное зрение Беккета угасло, поскольку остальным его обостренным чувствам хватало и тусклого света отдаленного огонька, чтобы работать. За тот краткий миг, что был у него, чтобы оглядеться, он успел заметить разбитую каменную мебель, пятна крови достаточно старые, чтобы стать вечным украшением интерьера, еще несколько аккуратных поленниц из тел, другие тела, расшвырянные вокруг, словно ими бросался ребенок в истерике…

Затем что-то твердое и тяжелое врезалось в бок Беккета, словно разъяренный бык.

Беккет полетел наземь, его челюсти свело от боли: он ощутил, как кости в его руке переломились от самого удара, а бедро с другого бока хрустнуло от удара об пол. Лишь его сверхъестественная стойкость спасла его от намного более скверных последствий.

Боевые инстинкты, воспитанные в лучшей из возможных школ – уличных драках и настоящем бою вместо додзе или арены – заставили его перекатиться под ударом. Почувствовав почву под плечами, он немедленно выставил ногу навстречу противнику и с силой толкнул. Ему не хватило угла и импульса, чтобы отшвырнуть врага, но он сумел заставить его отступить, создав себе место, чтобы встать. Кровь хлынула сквозь его конечности, усиливая его плоть, заставив мышцы соединить сломанные кости обратно с хорошо слышным щелчком. Его ногти удлинились и на несколько дюймов выскользнули из кончиков его пальцев, сопровождаемые звуком рвущейся плоти. Оскалившись, вскинув руки, чувствуя, как его Зверь подступает к глазам, Беккет рывком развернулся, чтобы встретить нападавшего.

И его челюсть отвисла.

«Ох, дерьмо. Окулос…»

Носферату едва можно было узнать. Его гранитно-серая кожа была бледнее, чем Беккет когда-нибудь ее видел, и, словно мокрый хлопок, облепила кости. Многочисленные шрамы и нарывы были более заметны, а некоторые из них были открыты и сочились. Нескольких из его неровных, кривых зубов не хватало; другие торчали сразу из кости, потому что кожа его десен полностью отгнила. Его плащ и

штаны из плотной ткани были изодраны, рубашка пропала полностью, не считая манжета, все еще висящего на левом запястье. Кожаная перевязь, свисающая с его левого плеча, была того типа, что пираты в давние времена называли бандольерами и использовали, чтобы носить по несколько пистолетов сразу. Когда Окулос только исчез в глубине Каймаклы, бандольера была полностью снаряжена одноразовыми сигнальными ракетницами – Окулос предпочитал именно их в качестве оружия против других Сородичей. Сейчас оставались лишь две, но их бы все равно более чем хватило, чтобы нанести Беккету серьезную рану. К счастью – если подобная формулировка уместна – Окулос, похоже, слишком далеко ушел в направлении Зверя, чтобы даже подумать об их использовании.

«Окулос, это я. Ты меня помнишь? Я не хочу причинять тебе вред. Я *точно* не хочу, чтобы ты вредил мне. Я…»

Беккет не особенно надеялся, что его слова пробьются сквозь вызванную голодом ярость его друга, но все же он едва успел уклониться, когда Окулос взвизгнул и бросился на него. Беккет начал лихорадочно отступать назад, ища способ спасти свою шкуру и при этом не угробить ту самую персону, что он пришел спасти. Он знал, что быстрее друга, и способен выдержать намного более серьезную трепку, но из них двоих Окулос, безусловно, был сильнее. Беккет блокировал удар за ударом, и каждый раз его руки болели, словно по ним били кувалдой. Свежезалеченная кость в левом локте снова начала расходиться, а когда обезумевший Окулос вслед за ударом кулака неожиданно пнул его коленом, Беккет почувствовал, как сразу несколько ребер протыкают ему органы, которыми, к счастью, он более не пользовался.

Отплевываясь кровью – слишком драгоценной, чтобы ее тратить, – и исключительно за счет упрямства оставаясь на ногах, Беккет понимал, что не может себе позволить и дальше ограничиваться обороной. Но, черт побери, он *не* собирался уложить того, ради кого пошел на все эти неприятности. Если уж на то пошло, это было бы некомпетентностью.

Используя прием, которому его научила Люсита, Беккет напряг одно плечо, словно собираясь ударить рукой, а когда его противник отшатнулся от атаки, нанес сокрушительный удар ногой с разворота с противоположной стороны. Этот прием не был особенно хитрым: любой худо-бедно умелый боец сумел бы уклониться или поставить блок. Целью его, однако, было заставить противника отойти на шаг-другой назад, будь то за счет силы удара или уклонения. И действительно, Окулоса шатнуло в сторону, хотя его могучие руки и поглотили большую часть силы удара.

Теперь Беккету как раз хватало места, чтобы нырнуть. Позволив импульсу движения бросить его вперед, и поморщившись, когда камни и грязь ободрали с его груди слой кожи, он проскользнул между ногами Окулоса.

«Надеюсь, ты потом меня простишь» - мрачно подумал Беккет, полоснув назад когтями и порвав подколенные сухожилия на обеих ногах друга.

С воплем боли и бесконечной ярости Окулос рухнул вперед. Для вампира подобное увечье не было пожизненным, но сейчас оно было нанесено сверхъестественными когтями Беккета. Потребуется провести много ночей и потратить много крови прежде, чем Окулос сможет снова ходить.

Хватка его безумного голода была так сильна, что он, даже потеряв возможность пользоваться обеими ногами, потащил себя за Беккетом, перебирая руками, с искаженным лицом и разинутым ртом. Беккет, в свою очередь, позволил когтям втянуться в плоть пальцев, подобрал сумку – она упала, когда Окулос в него врезался, - и отстегнул тяжелую лопатку с обломанной рукоятью.

«Черт тебя подери, Окулос. Лучше бы тебе потом извиниться, что мне пришлось через все это пройти».

Окулос вскрикнул еще раз, когда деревянное древко вошло в его спину, по пути ломая ребра, и пронзило его сердце. Затем он обмяк, парализованный, когда натуральный мир вторгся в средоточие его сил.

Беккет, все тело которого ныло, осторожно встал на колени рядом с парализованным другом, и удивительно мягким жестом положил руку на его серую, покрытую струпьями голову. «Очень на тебя похоже – устроить все так, что мне же тебя и наружу тащить, ленивый ты ублюдок».

«Ах. Ты, должно быть, Беккет».

Он обернулся, не в силах скрыть шока от звука голоса оттуда, где не должно было быть голосов. Одна его рука скользнула в сумку и сомкнулась на рукояти кольта. Вторая начала зудеть, когда когти снова запросились из кончиков пальцев наружу.

Новоприбывший не выглядел особенно впечатляюще – во всяком случае, по стандартам Сородичей. А Беккет был уверен, что он *был* Сородичем: даже если бы недостаточно было факта нахождения за барьером, куда не мог войти «ни один сын Сифа», чувствительные уши Беккета не различали ни следа дыхания или сердцебиения. Чужак был невысок, не больше двух дюймов к пяти футам. Его волосы были темнее, чем у Беккета, и длиннее. Он носил густую бороду, которой не хватало буквально толщины пальца до звания «косматой». Одет он был в простую тунику до колена, явно сделанную из материала, подобранного уже в Каймаклы.

Да, он выглядел несолидно, но Беккета это не обмануло. Вампир практически лучился ощущением контролируемой силы. Кроме того, сами его черты подсказывали, что его Обратили довольно давно. Они неуловимо отличались от черт человека современного, хотя ни один смертный и почти ни один Сородич не заметили бы этого. Беккет сосредоточил взгляд на уровне шеи и подбородка собеседника, не желая встречаться с ним взглядами из опасения, что взор старейшины одолеет его.

«Ты еще кто такой? И откуда ты меня знаешь?»

«Мое имя, - промолвил невысокий вампир, - Капаней. И я знаю тебя потому, что твой друг часто говорил о тебе. Тогда, - прибавил он, и голос его стал печален, - когда он еще был способен к речи».

Капаней. Это имя было греческим, но акцент, с которым он говорил, на греческий похож не был. Более того, Беккет вообще не мог определить акцент. Эта странная смесь произношений, вероятно, была собрана в ходе длительных путешествий. Разумеется, сам факт того, что чужак говорил на английском, был удивительнее любого акцента.

«Окулос научил меня вашему языку, - продолжил Капаней, словно прочитав мысли Беккета. – Он поведал мне о многих чудесах современной эпохи, которые я едва ли могу понять, а тем более – принять на веру. Он и я стали близкими друзьями за те годы, что у нас были, господин Беккет, и его друзья – мои друзья. Я не желаю тебе вреда. Более того, я надеялся, что ты появишься».

Беккет убрал руку с оружия, но оставался настороже. «Как ты сюда попал, Капаней? Как давно ты в ловушке?»

«Я прошел за барьер Каппадокийца в году 1401-м. Я искал места, о котором знал бы, что дела мира не потревожат меня, ибо мне нужно было о многом поразмышлять».

«Что? – Челюсть Беккета отвисла. – Ты запер себя здесь *добровольно*? – Внезапно он подумал, что понимает. – Ох, замечательно, как раз то, что мне надо. Еще один. Ты Малкавиан, так?»

Тогда Капаней расхохотался – громкий, неистовый звук для кого-то столь малого роста: «Нет, я не из племени Малкава – хотя мне временами хотелось, чтобы было так. Несомненно, мир становится намного проще, когда ты безумен и видишь вещи лишь так, как хочешь того».

Беккет ненадолго подумал об Анатоле, Малкавиане, пророке Геенны, с которым он часто путешествовал, у которого учился, которого, в какое-то время, считал приемным сиром. Анатоль потратил много лет, распространяя пророчества, которые никто не хотел услышать, и потратил свое существование на поиски ответов, которые не могли дать даже его видения.

«Не будь так уверен, - прошептал он вполголоса. Затем, уже громче, спросил: «Как тебе удалось выживать здесь внизу так долго?»

«Я призываю к себе животных, когда они нужны, - ответствовал старейшина. – Крысы, ящерицы и им подобные утомляют вкус, но их хватает. Я много времени дремал в торпоре. И я освоил некоторые медитативные техники, которые позволяют мне обходиться без питания дольше, чем обычно, если я бережно сохраняю энергию. Я пытался обучить им твоего друга, но у меня самого ушло много смертных жизней на овладение даже самой простой из них. Боюсь, господин Окулос был потерян задолго до того, как мог бы научиться».

Беккет вновь преклонил колено над парализованным спутником.

«Он уже некоторое время не более чем зверь, - сообщил ему Капаней. – и мои силы с трудом скрывали меня от него в его безумии. Возможно, его еще удастся спасти – но я бы не стал чрезмерно надеяться на это».

«Его удастся спасти. – Беккет встал, держа Окулоса на руках. – Я как-то сумел добраться сюда, найду и способ довершить дело».

«Да, ты сумел. – Капаней, кажется, задумался над чем-то, а затем улыбнулся. – Раз ты был столь любезен, что сокрушил барьер, возможно, - с твоего позволения, - я на некоторое время останусь в твоем обществе. Я бы хотел посмотреть, каков стал мир, и убедиться, что господин Окулос действительно полностью оправился».

Разумеется, это было бы трудно. Капаней признавал, что ничего не знает о современном мире. Черт, этот старейшина хоть о Маскараде успел узнать? В нынешние ночи вампиры, которые хотели выжить, очень хорошо прятались.

Но возможность общаться с кем-то столь древним, задавать вопросы тому, кто сам видел столько лет… У большинства старейшин была своя выгода, политические причины отказывать в ответах или отвечать полуправдами. Шанс долгое время говорить с Капанеем стоил почти *любых* неудобств. Черт, если он означал возможность подойти к ответам на вопросы, которые он задавал почти три сотни лет, Беккет мог бы рискнуть даже самим Маскарадом.

Кроме того, даже будь у него такое желание, Беккет был совершенно уверен: попытка помешать Капанею составить ему компанию определенно не стоила бы

сопряженных с нею неприятностей. Не говоря уже о том ущербе, который нанес бы миру ничего не знающий о нем старейшина *без* проводника того или иного рода.

Беккет просто кивнул, выражая согласие, и начал долгий пеший подъем на свежий воздух.

Часть Первая: Наступление Ночи

Гостиница «Капля Росы», рядом с 10 Межштатной автомагистралью

не доезжая Лос-Анджелеса, Калифорния

Комната была настолько банальной, насколько банальными бывают комнаты мотелей. Выцветший бурый коврик, желтовато-коричневые стены, трюмо, телевизор с набором фильмов минимум двухмесячной давности. Она пахла дешевым средством для очистки ковров.

Те, кто сейчас занимал комнату, были не столь банальны. Для начала, никто из них не был живым.

Первый, высокий и нескладный очкарик по имени Эберт, был одет в костюм, серый в узкую полоску и открытый у шеи. Он как раз поднимался с коленей, на которых простоял уже больше часа, скорчившись перед одним из находящихся в комнате ободранных кресел.

Второй, наклонившийся через плечо Эберта, был высок, с растрепанными каштановыми волосами и бородой, в которой начала пробиваться седина. Одетый в плотные штаны, ботинки и фланелевую рубаху, он выглядел как не-мертвый лесоруб.

Оба они не сводили глаз с третьей обитательницы комнаты, молоденькой блондинки, которая неподвижно сидела в кресле с отвисшей челюстью и ничего не выражающим взглядом.

«Должно сработать, Сэмюель» - сказал Эберт; его голос был хриплым от усталости.

«Я хочу, чтобы ты был совершенно уверен, - ответил Сэмюель. – Это очень особенная молодая женщина».

«Особенная?»

Сэмюель широко улыбнулся: «Спасительница ваша затеряна среди тысяч, - процитировал он, - и все поиски ваши не могут найти тайную отметину на ее плоти, ниже узнать ее имя. Воззрите на полумесяц Госпожи, что охраняет небеса. Внизу же, начертанный во плоти, отмечает он единственный путь прочь от погибели».

«Точно. – Цитата не произвела на Эберта впечатления. – Книга Нод. Ты веришь в эту чушь? Думаешь, девушка – что-то вроде мессии?»

«Мессии? Не совсем. Но ей предстоит побывать в разных местах, Эберт, и ей предстоит вести дела с множеством могущественных людей. Я не могу позволить, чтобы кто-то наткнулся на какие бы то ни было следы моего присутствия».

Эберт насупился: «Ты обратился ко мне потому, что я лучший, и тебе это известно. Никто не найдет следов того, что я сделал. Это не какое-нибудь шарлатанство. Она не будет на тебя западать, или вести себя, словно связана с тобой узами, или еще что в таком духе. Она всего лишь будет склонна слушать то, что ты ей будешь говорить».

«Отлично. Очень, очень хорошо. А сколько еще времени до того, как она выйдет из транса?»

«Не меньше часа. У тебя еще должно быть полно времени, чтобы отвезти свое «второе пришествие» туда, где ей место. И я полагаю, что наши дела на этом закрыты, так что я пошел».

Сэмюель поднял руку: «Вообще-то, если позволишь еще немного тебя побеспокоить…»

Одетый во фланелевую рубаху Сэмюель покинул мотель спустя считанные минуты, неся молодую блондинку на плече. Все, кто увидел их на улице, когда они садились в побитую старую машину, решили, что девушка пьяна. Один молодой человек даже предложил помочь поудобнее устроить ее на заднем сиденье.

Никто никогда не нашел никаких следов Эберта, но уборщики очень удивлялись тому, сколько пепла на следующее утро обнаружилось на полу комнаты.

Корабельный Канал Хьюстона

Хьюстон, Техас

Техас. Почему обязательно Техас?

Федерико ди Падуя, верный архонт Камарильи и агент юстициария Носферату Кок Робина, ненавидел южные и юго-восточные штаты со страстью, которая, в его случае, могла буквально считаться «кровной». Здесь присутствовали все недостатки его родины, Италии, как-то горячее жаркое лето и слишком много открытых пространств, где не за что зацепиться взгляду, и отсутствовали хоть какие-то культурные достопримечательности. Эти места были похожи на ксерокопию картины Рембрандта.

Что существенно ухудшало ситуацию, ди Падуя лишь несколько месяцев назад очнулся из торпора. Он имел несчастье встретиться лицом к лицу с самим кардиналом Полоньей, когда Камарилья в 1999 году завоевывала Нью-Йорк, и старейшина Шабаша подошел болезненно близко к тому, чтобы его уничтожить. Даже сейчас, спустя годы, ди Падуя все еще время от времени чувствовал приступы боли в груди, все еще чувствовал спазм в том месте, где на его шее наконец-то закрылась рана, и задавался вопросом, сумеет ли он вообще когда-нибудь восстановить свои полные силы.

Ди Падуя еще раз изрыгнул серию проклятий на пяти языках, направленных исключительно на его собрата по рангу, архонта Зака Шейла. Хьюстон был *его* охотничьей площадкой, частью его обычного театра действий, и нынешние слухи о стае разведчиков Шабаша должны были быть его проблемами, а не Федерико. Федерико должен был продолжать восстанавливаться, состоя при Кок Робине или занимаясь еще чем-нибудь, что не требовало от него напрягаться, пока он не восстановится на сто процентов.

К сожалению, Шейл исчез. Юстициарии были совершенно уверены, что убит он не был. Казалось, он нашел время собрать вещи и отбыть по какому-то делу. Он даже потрудился отправить через серию телефонных реле закодированное сообщение, в котором значилось: «Неспособен выполнить задание, пришлите помощь». Но после этого было похоже, что он исчез с лица Земли – достижение не из малых, если прятаться приходится от ищеек со способностями и связями юстициариев и их архонтов.

Это означало, что кому-то придется начать с того места, на котором прервался Шейл, и ди Падуя имел несчастье оказаться под рукой.

И вот теперь он, пригнувшись, ждал в кабине управления массивного крана на Корабельном Канале Хьюстона. Сила его крови, поддерживаемая плотными тенями в кабине, делала его совершенно невидимым для взгляда смертных (и большинства Сородичей). Заметки Шейла, предусмотрительно оставленные для ди Падуи в камере хранения на автостанции, вкупе с собственными изысканиями ди Падуи привели его к выводу: нарушители границы из Шабаша планировали принять какой-то груз с одного из грузовых кораблей, что стояли здесь этой ночью. Он понятия не имел, что *именно* они получали, и это – в сочетании с тем фактом, что он хотел точно узнать, с кем имеет дело, - в эту ночь погнало его сюда.

К сожалению, хотя он и наблюдал кое-какую незначительную деятельность внизу возле кораблей, ничего занимательного не происходило. Он видел, что две фигуры – он предполагал, что это Сородичи, но сказать с уверенностью на таком расстоянии не мог, - стоят внизу и беседуют, но более ничего.

Когда эти две фигуры внезапно исчезли – не смешались с темнотой, как часто делал он сам, а именно пропали, словно перестав существовать, - ди Падуя понял, что у него проблема.

Когда в ветровом стекле крана появилась первая дырка, окруженная паутинкой трещин и сопровождаемая громким хлопком, он понял, что проблема только что стала заметно серьезнее.

А когда он увидел больше полудюжины фигур, спрыгивающих или слезающих с ближайших крыш и грузовых контейнеров, он понял, что оказался по уши в дерьме.

Ди Падуя не был снаряжен для скоротечного огневого контакта. Скрытное разведывание, затем – внезапный всплеск рукопашного кровопролития, вот что было его стилем. Архонт кубарем слетел с крана, метнулся через открытое пространство – пули взбивали пыль на полу вокруг его ног – и нырнул за большую упаковочную клеть. Он выглянул из-за своего убежища, шустро пригнулся, когда один из приближающихся бойцов Шабаша швырнул...

Камень? Какого черта им швырять в меня камнем?

Камень ударился об пол позади клети, и в уме ди Падуи разом пронеслись две мысли.

Во-первых, в стае Шабаша, очевидно, был Равнос, или кто-то, освоивший умения этого клана по части иллюзий. Это было простейшим способом объяснить исчезновение фигур, которые так долго приковывали его внимание – и, очевидно, отвлекали его.

Во-вторых, камень, ударившись об пол рядом с ним, не стукнул. Он лязгнул. Металлически.

Ди Падуя, близкий к панике, ускорил течение крови сквозь свое тело. Хотя он не особенно хорошо владел этой способностью, но все же умел ускоряться до сверхчеловеческих скоростей. Этого должно хватить, чтобы оказаться вне зоны поражения прежде, чем…

Ничего не произошло. Ни внезапного ускорения, ни взрыва скорости. Кровь текла сквозь его тело и не делала совершенно ничего.

Когда взрыв поднял Федерико ди Падую в воздух, разрывая его тело осколками, обжигая его плоть, он думал не о том, хватит ли ему силы залечить раны. Не о том, как он спасется от стаи, которая, несомненно, уже приближалась к его изломанному и кровоточащему телу.

Нет, лишь одна мысль наполняла его пылающий в агонии разум, когда он лежал в ожидании конца, кажущегося неизбежным. Его способности – и его невидимость, и его скорость, - полностью изменили ему. И он не знал, *почему*.

Фабрика «Объединения Двигательных Цехов» (закрытая)

Нью-Бедфорд, Массачуссетс

«Вы могли одурачить прочих, кого послали вас найти! Долго и далеко могли вы бежать от места ваших прегрешений! Но нет такой тени, что скроет от взора Господня! Нет такого места, чтобы укрыться от гнева Его!»

Взмах бича содрал еще одну полосу плоти со спины одного из приговоренных, и глаза вампира, известного только под именем Праведного Устремления, при виде этого вспыхнули от удовольствия. Он снял долгополый сюртук своего старомодного одеяния и стоял над заключенными, одетый в брюки и белую рубашку с закатанными рукавами. Широкополая шляпа, которую он упорно продолжал носить как знак своего «священного» прошлого, легкомысленно болталась на торчащем шипе одного из нечеловеческих существ, что его сопровождали. «Шляхта» - могучие и отлично тренированные боевые гули, которым искусство лепки плоти клана Цимисхи придало их нынешний извращенный облик, - служили равно его охранниками и его инструментами в задачах вроде нынешней.

Будучи одновременно ведьмой и охотником на ведьм из темнейших дней Салема, Праведное Устремление после Обращения не оставил ни своей веры, ни своей любви добывать «признания» из еретиков и грешников. Став жрецом и неофициальным инквизитором Шабаша, он немного сместил свой фокус, и все.

Четыре неоната, стоявшие перед ним на коленях, были всего лишь очередными «грешниками», с которыми ему предстояло разобраться. Получив задание разведать позиции Камарильи в городах и городках помельче вокруг Нью-Йорка, они вместо этого нарвались на шерифа и ее костоломов, уже готовых к их приезду. Они заключили сделку с Камарильей, выдав секреты Шабаша ради своего собственного выживания – непростительное прегрешение, с точки зрения их руководителей по секте, - и лишь недавно оказались загнаны в угол. Комната, в которой им предстояло встретить свою судьбу, была практически лишена деталей интерьера: четыре бетонных стены да цементный пол, к которому были пристегнуты их цепи. Воздух был густым от резкого запаха крови, пролитой из ран и выступившей из пор Сородичей с потом, - вполне буквального запаха страха.

«Мы суть орудия Всемогущего! – продолжал Праведное Устремление, снова и снова опуская свой бич. – Мы суть руки Его! – *Щелк!* – Мы суть гнев Его! – *Щелк!* – «Мне отмщение», сказал Господь, и мы суть это отмщение! Меч Каина есть Меч Господа, и Господу неугодны орудия, которые ломаются!»

Щелк!

Неонаты вопили от боли, но не делали ни одного движения, чтобы уклониться от кожаных полос, в которые были вплетены куски битого стекла. Дело было не в том, что они не могли сделать этого физически. Цепи, что их удерживали, были слабыми,

едва ли более чем просто церемониальными. Дело было и не в том, что они страшились «шляхту»: быстро умереть от когтей этих чудовищ было бы заметно легче, чем продолжать сносить бесконечную пытку от напыщенного проповедника с бичом. Нет, дело было в ауре самого жреца, в ощущении могущества, злобы и бесстрашия, которое, заметное почти физически, расходилось от него по комнате, словно мираж в пустыне. Именно оно силой удерживало их на коленях, не давало поднять глаз, не позволяло и пальцем шелохнуть. Они были не более способны поднять руку на Праведное Устремление, чем выступить с оружием против утренней зари.

«Вы ущербны! – *Щелк!* – Вы слабы! – *Щелк!* – Вы прокляты, как и все мы, но вы *не* принимаете ваше проклятие! Вы бежите от него! Вы бежите от боли и смерти на службе Господней, и через это бежите от Него! – *Щелк!* – Вы отвернулись от Него! Вы *презрели* Его! И вы *разгневали* Его! – Щелк! – Что вы посеяли, то и пожинаете, ибо *аз есмь* могучая десница Господня, *аз есмь* отмщение Господа и Меча Каина, и так говорю я вам: дважды вы прокляты!»

«Члены Стаи Серебряного Молота, - формальным тоном продолжил жрец Цимисхи, сворачивая бич и не утруждая себя вытереть с него кровь и обрывки кожи. – Я нахожу вас виновными в ереси против слова Божьего и законов Шабаша. Перед глазами моими, как и перед глазами Господа, вы уже мертвы. Во имя Его я сделаю, чтобы стало так».

«Прикончите их».

Когда «шляхта» скользнули вперед, Праведное Устремление вновь взял свою шляпу и отвернулся, собираясь с удовлетворением выслушать, как грешники будут разорваны по кускам.

И он услышал звуки, о да, - но они были совершенно не те, что он ожидал услышать.

Проповедник резко развернулся и вытаращился на своих драгоценных боевых гулей: они бились, словно отравленные. Более крупный из двоих дернулся раз, другой, и затем умер. Второй мучился намного сильнее: казалось, что силы, которые придали ему форму существа одновременно большего и меньшего, чем человек, взбесились. Конечности удлинялись и укорачивались, искажаемые и изгибаемые. Раскрывались раны, и куски плоти свешивались из них, точно языки из разинутых ртов.

Праведное Устремление почти утратил дар речи. Как такое могло происходить? «Что… Что?..»

«*Вот что*, лицемерный ты ублюдок!»

Проповедник рухнул на пол, в его черепе отдавалась агония. Он посмотрел снизу вверх на одного из заключенных: цепи, которые приковывали его к стене, теперь свисали с его запястий, порванные, и несколько звеньев были в крови.

Это было невозможно! Его сила, чистый вес его сверхъестественного присутствия, должна была удержать их, скорчившихся, как наказанных детей, несмотря на смерть их стражей. Что ж, им предстояло узнать, как опасно вмешиваться в дело Господа.

Праведное Устремление напрягся, позволяя ярости самых воинственных ангелов Божьих хлынуть сквозь него. Она *должна* была преобразить его в ужасающее создание, демона Бездны с шипами, зеленой кожей и руками, способными рвать бетон с той же легкостью, как слабую плоть.

Вместо этого, могучий охотник на ведьм Цимисхи рухнул на колени, когда его тело начало извергать находившуюся внутри кровь. Он изрыгал ее обильным потоком, пока его рта не перестало хватать, и он не почувствовал, как кровь течет из его носа и даже из слезных пазух.

«Господь мой, - выдавил он из себя, и голос его был почти не слышен сквозь кровь. – Почему ты… - еще один приступ рвоты – оставил меня?»

«Может, потому, - услышал он над собой голос неоната, полный ярости и ненависти, - что ему твое дерьмо так же надоело, как нам».

К тому времени, как стае Серебряного Молота надоело их развлечение, и они решили окончить его, выпив все, что оставалось от души Праведного Устремления, проповедник мог только поблагодарить Бога, что все закончилось.

Аэропорт Хилтон, международный аэропорт Лос-Анджелеса

Лос-Анджелес, Калифорния

Для Сородича, известной лишь под именем Тары, бывшей предводительницы анархов, а теперь – князя, пользующегося поддержкой Камарильи, последний год выдался не сильно хорошим. Будь на то ее воля, она предпочла бы оставаться дома в Сан-Диего, ее настоящем домене, несмотря на его многочисленные проблемы и еженощные катастрофы.

Вместо этого она уже третий месяц как выполняла обязанности «регента» Лос-Анджелеса. Катаяны, эти странные азиатские вампиры, которые сумели заявить о своих правах на значительную часть Западного Побережья, внезапно отступили, и их ряды в Лос-Анджелесе съежились до незначительной части прежнего размера. Старейшины Камарильи не знали, были они уничтожены, или вернулись домой, или еще что, - и не заботились этим. Несколько группировок анархов уже двигались в Лос-Анджелес, чтобы вернуть себе этот город, когда-то бывший центром так называемых Свободных Штатов Анархов. Этого Камарилье тоже не хотелось. Юстициарии не собирались ни допускать, чтобы в ЛА сформировалась еще одна враждебная группировка, ни оставлять город легкодоступным для Катаянов, если те вернутся.

Соответственно, когда князь ЛаКрой был убит примерно в то же время, как Катаяны начали исчезать, понадобилось, чтобы кто-то занял место. Кто-то опытный, кто-то, знающий местность, кто-то, знающий анархов.

Тара была князем ее собственного города, и *приказать* ей это сделать они не могли. Но она чертовски хорошо знала, что они могли сделать ее существование еженощным адом, если она не сделает этого. Так что Сан-Диего теперь находился под управлением ее детей – и она уже пообещала им все возможные виды вечных мучений, если они с готовностью не отдадут власть обратно, когда она вернется, - а сама она, взмыленная и обезумевшая, пыталась жонглировать многочисленными группировками Лос-Анджелеса.

«Раймонд, мне нужно, чтобы ты доставил сообщение», - сказала она в трубку старого телефона. Хотя в ее речи этого почти не ощущалось (разве что по редким перепадам тона), но застывшее на ее лице выражение отчетливо показывало, насколько же сильное отвращение она испытывает от того, что собирается сделать.

«Будь добр уведомить Умысел Четырех Ветров, - Боги, как же она *ненавидела* произносить вслух имена Катаянов: это всегда заставляло ее чувствовать себя полной

идиоткой, - что, после тщательного рассмотрения, суверенный домен Лос-Анджелеса принимает последнее предложение, переданное его вышестоящими. Мы заплатим Мандаринату Нового Обещания Лос Анджелеса дань в размене пяти миллионов долларов. В обмен, МНО обещает воздержаться от вмешательства в нашу текущую борьбу в анархическими элементами – как с так называемыми МакНилами, так и с худокровками Кросс. Сообщи ему, что я ожидаю получить подтверждение того, что его вышестоящие понимают и принимают мое соглашение, в течение месяца».

Тара повесила трубку прежде, чем ее гуль мог ответить. Пластик под ее пальцами лопнул: ярость грозила пробудить в ней Зверя. МакНилы, которые взяли свое название в честь Джереми МакНила, вожака анархов, убитого, когда Катаяны захватили Сан-Франциско в 2000м году, были ведущей группировкой анархов в Лос-Анджелесе, и все еще гнули старую партийную линию про изничтожение князей и сект и управление собственным существованием. Можно подумать, у них было хоть какое-то представление о том, с чего начать! Их было много, и они были хорошо вооружены, но тонкости им не хватало. Будь она только против них, Тара знала бы, что со временем возьмет верх.

Но теперь в салат добавилась еще одна группа вампиров. Эти худокровки, вампиры, столь удаленные от Каина, что едва могли считаться большим, чем смертные, были недавним явлением в обиходе Сородичей, и они были не более чем забавной диковинкой – до недавнего времени.

«Князь Тара?» Вперед – явно без большой охоты становиться перед ней при подобных обстоятельствах – шагнул второй вампир, находившийся в комнате. Она выполняла роль сенешаля, прибыла вместе с госпожой из Сан-Диего и, как и сама князь, когда-то была анархом. «Ты уверена, что это мудро? Ода из главных причин того, что мы находимся здесь – удержать Катаянов от того, чтобы вернуть себе…»

«*Думаешь, я не знаю*? – Тара резко вскочила, кулаки ее были сжаты. Клыки, выпирающие под кожей губ, чудовищно исказили контуры ее лица, обычно округлые и мягкие. Второй вампир – фактически, правнучка самой Тары, соответственно тому, как подобные вещи отсчитывают Сородичи, - отступила на несколько шагов и вжалась спиной в дальнюю стену. – Черт его раздери, и черт раздери тебя, Диона, я *знаю*!» Князь зашагала вперед, пока младшая из двоих Сородичей не ощутила, что мощь гнева Тары, проявившаяся сквозь ее сверхъестественную природу, кажется способной продавить ее сквозь стену.

«Я знаю, что я сделала! Я знаю, что, если Катаяны вернутся большим составом, у них на руках будет отличный стартовый капитальчик, чтобы начать все отстраивать заново. Я знаю, что мне теперь предстоит заискивать перед этими уродскими ублюдочными дерьмососами с этого дня и пока не разразится Геенна, если только мне не повезет *чертовски* сильно!

И скажи-ка мне, есть ли у меня хоть какой-то ебаный выбор? МакНилы две ночи назад спалили убежище Родригеса. Дженна Кросс и ее скопище клятых неудачников убили еще двоих моих граждан и заняли еще девять районов *за последние три месяца*! Я едва держусь в войне на *два* фронта с теми силами, что у меня есть, Диона, и я никаким боком не смогу в одиночку сражаться на *три*! А высокая, могучая и злоебучая Камарилья, столь вежливо потребовав, чтобы я усмиряла для них Лос-Анджелес, пока здесь не сможет установиться постоянный князь, не утруждает себя прислать подкрепление! «Слишком много необъясненных происшествий в других частях света». Мне придется разбираться с врагами по одному за раз. Я думаю, что смогу управиться с МакНилами, я знаю, как они думают, как они работают. Так что сейчас «армия угнетенных» Кросс – дело более неотложное».

«Было время, - мягко ответила Диона, - когда ты сама была угнетенной».

Когда Тара стиснула челюсти, ее зубы по-настоящему щелкнули и скрежетнули. Одна ее рука, почти самостоятельно, поднялась к шее Дионы, и князю потребовалось величайшее усилие, чтобы не позволить себе раздавить гортань своего сенешаля. Для вампира подобное увечье, конечно, не было бы неизлечимым, но на какое-то время она бы точно заткнулась.

«Да, я была, - рыкнула примоген. – А потом я повзрослела».

«Обзвони выживших примогенов, - приказала она, развернувшись и зашагав к двери. – Я хочу, чтобы весь совет собрался в начале следующей недели, и неважно, что им придется ради этого бросить. Нам предстоит разобраться с Кросс, и нам предстоит сделать это сейчас».

После того, как Тара хлопнула дверью с такой силой, что рама затрещала, Диона несколько долгих мгновений стояла недвижно и смотрела ей вслед. Потом, с очень человеческим вздохом, она вытащила из внутреннего кармана куртки сотовый телефон (предоплаченный, неотслеживаемый, в любой момент можно выкинуть).

«Это я, - представилась она в микрофон. – Ожидавшаяся встреча назначена на следующую неделю. Да, я об этом позабочусь. Ты уверена, что вы готовы… Ладно, тебе решать. Ты ведь понимаешь, что, если дело пойдет кисло, я буду громче всех призывать оторвать тебе голову, так? Хорошо, что мы друг друга понимаем.

И тебе удачи, Дженна. Увидимся на неделе».

Дворец Альхаферия,

Сарагосса, Испания

«Извините, кардинал Мисанкта не может с вами говорить в данный момент».

«Да. – Люсита, древняя Ласомбра, погибель столь многих Сородичей за прошедшие века ее существования, а с недавних пор – новоназначенный архиепископ Арагона, практически шипела в динамик коммуникатора на тяжелом столе красного дерева. – Ты мне уже говорил. И даже много раз. Я желаю знать, *почему* он не может говорить со…»

«Извините, кардинал Мисанкта не может говорить с…»

Щупальце чистой тьмы, клубящейся тени, которая двигалась независимо от рассеянного освещения, хлестнуло из полумрака позади Люситы. Лишь в последний момент она восстановила достаточный контроль, чтобы просто прервать соединение, а не разнести динамик (возможно, вместе со всем столом) на осколки.

Это потребовало намного больше усилий, чем должно было. Вызвать подобное щупальце – одно из так называемых «рук Бездны» - было простым делом для того, кто настолько искусен в умениях манипулировать тенью, как она. Однако Люсита чувствовала легкую усталость, словно только что занималась не особенно тяжелым физическим трудом.

Она не в первый раз за последнее время сталкивалась с подобной нестабильностью своих сил. Не так уж много времени прошло с тех пор, как она повстречала, и еле сумела одолеть, врага, способного на много более впечатляющие деяния по части призывания Бездны, чем она сама, врага, властного мешать

способностям других делать то же самое. Но сейчас было не как тогда. Тогда она ощущала активное противодействие своим усилиям. Сейчас, и в нескольких других случаях за последние недели, у нее было такое чувство, что она просто пытается поднять вес немного тяжелее, чем ожидала. Никто ей не мешал. Казалось, что ее попыткам противостоят сами тени.

Это само по себе могло озаботить Люситу, хотя и не обеспокоить попусту. Бездна была странным местом, странной *сущностью*, и ее не понимали полностью даже те, кто подчинял себе силы, извлекаемые из нее. Если течения, идеи и концепции, которые были самыми близкими к физическим чертам характеристиками Бездны, смещались и изменялись – особенно в свете случившегося несколько лет назад – это было бы не так уж удивительно.

Но недавние странности не ограничивались тем, что у одной Ласомбра стало несколько хуже получаться управляться с тенями. Люсита использовала свое положение архиепископа, чтобы вести досье событий, происходящих на территориях, которые Шабаш считал подвластными – или желаемыми. К ней начали просачиваться доклады, мелкой, но постоянно нарастающей струйкой, о Каинитах, которые сталкивались с ослаблением или полным отказом своих способностей. Будь эти доклады более разрозненными, Люсита отмахнулась бы от них как от случайностей, решила бы, что пострадавшие вампиры сначала слишком мало питались, а потом слишком много пытались сделать, либо же что какие-нибудь тешащие себя иллюзиями дураки сами начали верить в собственное всемогущество.

Но доклады не были разрозненными. Более того, ее анализ выявил определенную и беспокоящую тенденцию. У более старых вампиров подобные явления встречались чаще и были сильнее, чем у молодых. В сочетании с ее собственными трудностями этого было достаточно, чтобы побудить ее поделиться своим открытием с кардиналами Шабаша.

То, что ей не удалось связаться с несколькими из них, привело ее к еще более неприятному умозаключению, а именно, что некоторые из вожаков Шабаша пропали. Не все, и даже не большинство. Однако в последние несколько ночей Люсита выслушала достаточно вежливых уклончивых ответов от разного рода лизоблюдов, которые явно не знали, где их хозяева, и отчаянно пытались скрыть этот факт. Она осознала: происходило что-то неправильное.

А этой ночью события ухудшились еще сильнее. Поступали жесткие, быстрые доклады, доставляемые по факсу, по телефону и с посыльными, на тему кровопролития среди личного состава. Само по себе это не было необычным: доктрина Шабаша о силе и могуществе вела к тому, что многие внутренние конфликты разрешались кровью и разрушением. Но масштабы происходящего изумляли. Целые стаи, похоже, истребляли друг друга подчистую, и несколько епископств и архиепископств, видимо, объявили друг другу войну и установили осады такого вида, какой обычно приберегался для городов Камарильи.

Хмм… Необычайная жестокость. Исчезающие старейшины. Люсите внезапно пришла в голову мысль, и она решила ей последовать. Сознательно используя щупальце тени, хотя можно было обойтись рукой (она была настроена сохранить за собой полную степень контроля, даже если ради этого ей пришлось бы выучить все свои навыки заново с самого начала), она нажала кнопку интеркома на коммуникаторе.

«Свяжи меня с Ахавом Каном».

Целую секунду ответом ей было лишь молчание. Затем: «Ваше превосходительство, вы бы не могли… пожалуйста, повторить это?»

«Ты очень хорошо меня расслышал. Серафим Ахав Кан из Черной Руки».

«Ваше превосходительство, я не вполне уверен, что знаю, как…»

«Так узнай. И быстро». Люсита отключила интерком.

Тайная, воинственная под-секта внутри Шабаша, называемая Черной Рукой, не была легко доступной – даже в сравнении с теми кардиналами, которые использовали десятки уровней тайных передач, пакетов шифрованных данных и многочисленных кодовых фраз, чтобы просто ответить на телефон, - но она знала, что *кто-то* из числа иерархов знает, как связаться с ее вождями. А если это может сделать *кто-то*, то сможет и *она*.

Прошло несколько часов; Люсита провела их, чередуя чтение дальнейших докладов с упражнениями по контролю за тенями, а иногда и совмещая эти занятия, когда она переворачивала страницы с помощью крохотных щупалец темноты. Было уже далеко за полночь, когда интерком зазвонил вновь.

«Ты его достал?» - спросила Люсита, не давая собеседнику возможности заговорить.

«Боюсь… боюсь, что нет, ваше превосходительство. *Очень* немногие из моих контактов выразили желание предоставить контактную информацию, связывающую с серафимом. И все те немногие каналы связи, что мне удалось проверить, привели в тупики. Либо среди моих зацепок не было ни одной корректной, либо Ахав Кан более не доступен. Ни для кого. Я прошу прощения, ваше превосходительство».

Люсита практически зашипела: «Тебе следовало подумать прежде, чем извиняться передо *мной*. В следующий раз сделай дело лучше».

И все же Люсита не могла по-настоящему винить своего помощника. Не то чтобы ей самой последнее время сильно больше везло по части того, чтобы с кем-то связаться.

Что-то определенно происходило, что-то, чреватое далеко идущими последствиями. Она слишком долго ходила по Земле и видела слишком много ходов Джихада, чтобы даже помыслить, что все это соединение событий – странная, распространяющаяся среди старейшин слабость крови, зашкаливающая жестокость в рядах секты и исчезновение нескольких вожаков Шабаша, - могли быть просто совпадением. Кому-то предстояло в этом разбираться, и, хотя она потратила немало времени, пытаясь придумать альтернативу, правда была такова: Люсита знала лишь одну личность, которой достаточно доверяла для проведения подобного расследования.

Какого черта? Она же сама хотела больше практики, в любом случае…

Еще один щелчок по интеркому: «Пожалуйста, подготовь дела к моему продолжительному отсутствию, и приготовь самолет. Я собираюсь попутешествовать».

Отель «Гранитные Ступени»

Саванна, Джорджия

«Ты, конечно, понимаешь, - спокойно сказал Анатоль, поднимая к губам чашку кофе, - что это не может происходить на самом деле».

«О, я знаю, - ответил Беккет, прихлебывая из собственной чашки. Он огляделся вокруг, на пустующие столики. Он и его друг-пророк были единственными, кто сидел в уличном кафе. Оно выглядело по-парижски, но Беккет почему-то не мог рассмотреть остаток квартала, чтобы убедиться в своем предположении. – Хотя не уверен, откуда я это знаю. Почему этого не может происходить?»

«Потому, что в этом часу практически невозможно найти порядочное кафе открытым, - объяснил ему Анатоль. Чашка в его руках стала кубком такого вида, какой часто можно было увидеть в Средние Века на причастии в богатейших церквях. – А если бы у тебя получилось, оно вряд ли было бы пустым».

«А-а. - Беккет сделал еще глоток. Вкус все еще был как у кофе, но жидкость в его собственной кружке – нет, кубке, - была густой и красной. – Знаешь, ты говоришь как-то по-другому».

«Да, из-за смерти такое случается. Я еще никогда не встречал никого, кто, умерев, продолжал бы говорить как раньше».

«Ну… наверное, логично».

«Ты в курсе, что у тебя неприятности, да?»

«Ну да, сливок нет».

«Я серьезно. Смотри».

Беккет обернулся и понял: дело было не в том, что он не мог видеть остаток квартала; остатка квартала просто не существовало. Прямо на его глазах ничто подползло еще на несколько дюймов ближе, сопровождаемое жующими звуками.

«Это еще что за чертовщина?»

«Я бы тебе рассказал. Но я мертв».

Беккет проснулся.

«Это, - пробормотал он в пустой ванной комнате отеля, - было странно».

Несколько мгновений он просто лежал в ванне – дополнительная мера безопасности в виде лишней стены между ним и любыми окнами, не говоря уже о дополнительном замке на дверях ванной, вполне компенсировала некомфортное пробуждение с телом, затекшим от фаянса, - и размышлял. Это был далеко не первый сон, который он в последнее время видел. Даже не первый, в котором фигурировал его старый друг и наставник Анатоль. Беккет был в замешательстве, и, хотя он никогда не признался бы в этом никому другому, уже начинал беспокоиться. Все то время, что он существовал в качестве одного из не-мертвых, Беккет проводил свои дни в дреме без сновидений – или же, если он все-таки *видел* сны, то они не были достаточно запоминающимися и не вспоминались ему после захода солнца. Но последние несколько месяцев, с той самой ночи, что он провел у входа в Каймаклы, Беккет видел сны не реже двух раз в неделю, а иногда и каждый день. Первое время он предполагал, что сны были вызваны теми воспоминаниями, что подняли со дна и исказили призраки под землей, но он ожидал, что они угаснут. Беккет на своем веку видел слишком много пророков и пророчеств, которые оказывались правдивыми,

чтобы не верить в знамения, и те, что он, похоже, переживал сейчас, ему не нравились.

Внезапная трель спутникового телефона – а точнее, личная мелодия, которую Беккет назначил только для одной личности, - выдернула его из того, что грозило перерасти в занявшую всю ночь задумчивость.

Беккет слегка ухмыльнулся, нажимая кнопку ответа: «Как самочувствие, старик?»

«Я старше тебя, - с преувеличенной напыщенностью отозвался Окулос, - менее чем на десять лет».

«Точно. Так как самочувствие, старик?»

Голос с той стороны рассмеялся: «Лучше, спасибо. Физические раны уже давно зажили. В том числе, - добавил он, и в его голосе зазвучали нехорошие нотки, - и несколько очень поганых разрывов у меня под коленями».

«Ну, просто имей в виду, что еще на выбор были твои кишки и твое горло».

«А-а. Ну да, физические раны зажили. Но я все еще… устал. Опустошен. Я не знаю, как много времени я был нездоров…»

На эту формулировку Беккет ухмыльнулся. Окулосу никогда не нравилось думать о ситуациях, когда он терял контроль, так что он редко использовал слово «ярость», разве что про кого-то еще.

«…но, похоже, это продлилось достаточно долго, чтобы отнять у меня действительно много», - завершил мысль Окулос.

Беккету оставалось только согласиться, хотя он и не собирался что-то говорить. По словам Капанея, Окулос оставался в хватке Зверя много месяцев. Беккета по-настоящему впечатлило, что его другу хватило силы воли вообще восстановить человечность.

«Я думаю, - продолжил Окулос, - что я уже был бы в порядке, если бы смог просто хорошенько отдохнуть, если бы эти клятые сны не заставляли меня проводить половину дня с открытыми глазами».

Сны? И опять Беккет подумал, не сказать ли что-нибудь, но закрыл рот с почти различимым хлопком. Он еще не был готов признаться кому бы то ни было в собственных снах, по крайней мере до тех пор, пока не разгадает их значение – если таковое есть.

«Но хватит о стариковских жалобах, - с усмешкой продолжил Окулос. – Как тебе Каир?»

«Разочарование. И опасность. Здесь что-то происходит. Холодная война между местными Ассамитами и Сетитами, похоже, подогревается, и ни одна из сторон не имеет большого интереса в возне с чужаками».

«Понятно. Но… разочарование? Я не бываю в Каире так часто, как ты, но никогда его таким не находил».

«Ну, Капанею он вроде понравился», - признал Беккет.

«Он все еще с тобой путешествует?» - В *этом* вопросе прозвучало неприкрытое удивление.

«Да. Пока мы говорим, он в соседней комнате. – Беккет нахмурился. – Но, честно сказать, я не знаю, *почему* он все еще со мной. У него есть действительно раздражающая манера не отвечать по-настоящему ни на один из моих вопросов о прошлом, а когда он все же *отвечает*, то делает это поверхностно и невнимательно. Но каждый раз, как я к нему повернусь, *он* задает *мне* вопросы о современном мире, и я отвечаю на них, не задумываясь. Я вообще не знаю, какого черта все еще с этим мирюсь».

На самом деле это было не совсем правдой. Беккет был вполне уверен, что *знал*, почему, и это было не из-за остатков надежды выжать из Капанея информацию. Он последнее время не особо занимался копанием в собственной душе, если не считать снов, но подозревал, что настоящий ответ заключался в банальном одиночестве. У него теперь оставалось очень немного спутников по путешествиям, и было приятно делить ночь хоть с *кем-то* – даже если этот кто-то задавал больше вопросов, чем трехлетний ребенок.

(А где-то в глубине души он задался вопросом: а смог бы он, если бы захотел, заставить Капанея уйти, учитывая его предполагаемый возраст?)

«В любом случае, само открытие было бесполезно, - пояснил Беккет, переводя тему обратно на Египет и на раскопки, которые он обследовал в пустыне. – Только на одном из артефактов были «таинственные надписи», и это был всего лишь обычный отрывок из Книги Нод, который у меня уже есть в трех других видах. Это ценная находка, - ты не поверишь, сколько Эш оказалась готова заплатить за возможность добавить его в свою коллекцию, - но применительно к моим исследованиям она бесполезна».

«Ах, восхитительная Виктория Эш. А я еще удивился, с чего бы тебе тратить время на американском Юге. Полагаю, ты отбываешь этой ночью, так?»

«Следующей. – Беккет нахмурился от мысли о том, что предстояло. – Прежде, чем я ушел из ее офиса, Эш позвонили и спросили меня. На эту ночь у меня назначена встреча с Голландским Подлизой. Камарилье потребовались мои услуги «эксперта» по какому-то вопросу».

На то, чтобы перестать смеяться, Окулосу потребовалось несколько минут: «А Питерзун знает, что ты так о нем думаешь?»

«Ян Питерзун – это безотказный инструмент и фанатик Камарильи худшего рода из возможных. Если он не знает моего мнения, я буду рад ему сказать».

«Так почему ты с ним встречаешься?»

Беккет почувствовал очень человеческое желание вздохнуть: «Потому что он еще и агент Внутреннего Круга Камарильи, и дитя Хардештадта, одного из основателей секты. И мне проще потратить несколько часов, чтобы их развлечь, чем ждать несколько лет, пока им надоест злиться на то, что ими пренебрегли».

«Разумно».

«О да, я очень разумен. На самом деле, я настолько разумен, что уже опаздываю. Поговорим позже, Окулос. Рад, что тебе лучше».

Плантация Томпсон

За пределами Саванны, Джорджия

Беккет выбрался из взятого напрокат «Лендровера» и опытным взглядом оглядел окрестности. Главное здание усадьбы стояло в конце длинной аллеи, по обе стороны усаженной деревьями, и помещалось в центре огромного поместья. Оно явно было построено до Гражданской войны. Если бы ему пришлось угадывать, Беккет предположил бы, что здание было почищено и отреставрировано Историческим Обществом Саванны в те времена в 1950-е, когда они активно развлекались в здешних окрестностях. Самого по себе главного здания было достаточно, чтобы разместить семью человек в пятьдесят, и Беккету пришло в голову, что бывшие бараки для рабов сейчас наверняка перестроены в роскошные гостевые дома.

Один-единственный охранник, который на вид казался всего лишь престарелым седобородым негром, сидел рядом с воротами на складном стуле и раскладывал пасьянс на телевизионной тумбочке. Беккет, хорошо зная, что страж – почти наверняка больше, чем кажется, при приближении держал руки на виду.

«Беккет, к мисс Эш. Меня ожидают».

Престарелый (на вид) человек – нет, вампир, как определил Беккет с этого близкого расстояния, - внимательно на него уставился. Беккет и видел, и выполнил достаточно проверок с помощью чувств, недоступных смертным, чтобы понять, насколько тщательно его сейчас смерили и взвесили взглядом.

«Все правильно, мистер Беккет, - наконец произнес охранник. Он быстро набрал последовательность цифр на клавиатуре, скрытой на стене за его спиной, и ворота распахнулись. «Если вы припаркуетесь у главного здания, о вашей машине позаботятся. Проходите внутрь».

Беккет поехал по аллее, отметив, что даже в этот поздний час несколько садовников (Беккет на мгновение задумался, гули они или просто наемный персонал) бродят по поместью, чтобы убедиться, что многочисленные и разнообразные клумбы и цветники отлично себя чувствуют. У самого поместья широкая каменная лестница с небольшим уклоном вела к главной двери, которая была много выше, чем требовалось. Когда он потянул за ручку, где-то внутри звякнул колокольчик.

Интерьер дома был даже более роскошен, чем внешнее убранство, причем намного. Густой ковер вел от парадной двери, проходил под чередой массивных хрустальных канделябров и заканчивался у раздваивающейся лестницы, которая расходилась вверх и по кругу, чтобы снова соединиться на балконе второго этажа. Живописные полотна и другие художественные безделушки украшали стены, а статуи были доступны для обозрения в изолированных нишах, размещенных с выверенностью, которую мог продемонстрировать лишь подлинный aficionado искусства. Каким-то образом, однако, дом также создавал ощущение временного пристанища, словно его обитатель, несмотря на очевидное пристрастие к красоте и комфорту, не предполагает задержаться в нем надолго. Даже если бы Беккет уже не знал, кто здесь живет, то прихожей хватило бы, чтобы догадаться.

«У вас красивый дом, мисс Эш, - сказал Беккет хозяйке, поднимаясь по левой лестнице. – Я польщен тем, что здесь оказался».

Кроме того, он был чертовски озадачен тем, что здесь оказался, поскольку дело, завершенное ими в прошлые ночи, было улажено в ее офисе. Зачем Питерзун затребовал комнату для переговоров в ее личном убежище? Либо он пытался продемонстрировать свою значимость – а Беккет, хоть и не переносил его, но признавал, что это не в его духе, - либо Эш просто пыталась проявить себя с лучшей стороны, оказав ему всю возможную любезность.

«О, Виктория, пожалуйста. И благодарю вас. – Ее темно-рыжие волосы этой ночью были заколоты слоями, современное эхо того стиля, в котором могла одеться подлинная южная belle, встречая посетителей в этом самом поместье почти две сотни лет назад. Ее темно-красное платье оставляло плечи открытыми, и поверх них была наброшена черная шаль. – Я рада, что вы здесь, Беккет, - сообщила она ему, ведя его дальше вверх по лестнице. – Возможно, вы поможете мне найти правильное место, чтобы разместить те предметы, что я только что у вас приобрела».

«Я уверен, что мне не хватило бы вашего умения в том, чтобы их разместить, Виктория, - ответил он, невольно наслаждаясь игрой. До этого их с Викторией пути пересекались несколько раз, и самая заметная встреча имела место в Лондоне больше ста лет назад. Та встреча закончилась не слишком приятно для обоих. – Или вашего умения видеть эстетику».

«И все же, - продолжил он, поднимаясь на верхнюю ступеньку и, по велению руки хозяйки, двигаясь к дубовой двери, за которой, вероятно, находился кабинет, - если я смогу отделаться от Питерзуна, потратив впустую минимум времени, возможно, мы могли бы осмотреть…»

«Вы не встречаетесь с Яном Питерзуном». – Беккет услышал, что голос Эш, когда она это произнесла, почти неразличимо дрогнул. Он застыл на месте, уже протянув одну руку к двери, медленно повернулся к ней и немигающим взглядом уставился на нее. Если так подумать, не бледнее ли она сегодня, чем обычно, даже по ее собственным меркам?

На задворках ума Беккета всколыхнулось подозрение, а вместе с ним – Зверь. Не предали ли его? Не было ли это какой-то ловушкой?

«Виктория, - начал он негромко, - что происходит?»

«Происходит то, - отозвался новый голос, когда дверь офиса открыли изнутри, - что мое дитя оказалось занято другими делами. Я полагаю, что смогу справиться вместо него, господин Беккет?»

Беккет ощутил, что его собственное лицо побелело – инстинктивная реакция для физиологии Сородичей, когда вся кровь в теле концентрировалась, готовая для боя или бегства, - и силой вернул на щеки румянец. Он уже слышал этот голос, с этим странным германоязычным-но-не-совсем-немецким акцентом. Еще не обернувшись назад к дверному проему, он уже знал, что увидит. И все же он на миг задержался, отчасти – чтобы позволить своей плоти вернуть тот скудный цвет, что обычно в ней был, отчасти – чтобы не казаться таким ошарашенным, каким он на самом деле был.

Человек в дверном проеме был на несколько дюймов ниже самого Беккета, хотя в те времена, когда он был рожден и Обращен, он считался довольно высоким. Черные волосы, голубые глаза, подбородок, квадратный почти до такой степени, что можно использовать вместо угольника… Безумно дорогой черный европейский костюм ручного пошива, под ним – рубашка королевского пурпура… И аура мощи и властности, такая могущественная, что Беккету едва ли не приходилось щуриться, чтобы смотреть сквозь нее.

«И снова привет, господин Беккет».

Беккет *очень* надеялся, что собеседник этого не заметит, но перед тем, как ответить, он сглотнул: «Привет, Хардештадт».

Плантация Томпсон

За пределами Саванны, Джорджия

Сейчас они стояли в кабинете, наедине. Основатель походя отправил хозяйку дома с глаз долой бесцеремонным «Эти дела не касаются вас, мисс Эш». И, хотя Тореадор вполне могла быть рассержена или оскорблена тем, что ей с такой легкостью приказали выметаться в ее же собственном доме, она совершенно не собиралась спорить с тем, кто отдавал приказ. Кабинет был уютно обставлен несколькими мягкими креслами, большим столом и несколькими книжными шкафами – все на вид того же возраста, что и сам дом, - но ни Беккет, ни Хардештадт не выказывали желания присесть.

Беккет стоял так неподвижно, как только мог, и молился, чтобы Основатель не заметил его внутреннего смятения. Его нелюбовь к официальным лицам обеих сект – лицемерным эгоистам, по большей части, не заботящимся ни о чем, кроме собственных интересов, - столкнулась со здоровой нервозностью (Беккет был не достаточно честен с самим собой, чтобы назвать ее страхом), которую любой разумный Сородич испытывал бы в общении с настолько могущественной личностью, как эта. Знал он и то, что часть его трепета была вызвана искусственно, была следствием неестественной эмоциональной ауры Вентру, но это знание совершенно не помогало справляться с чувствами. Беккет удерживал Зверя в глубине своего разума и души, стиснув его железной хваткой.

«Ладно, Хардештадт, в чем дело? Для меня честь, что вы проделали весь этот путь, чтобы меня увидеть, но…»

«Честь? – Хардештадт недоверчиво изогнул бровь. – Неужели».

«Ну, возможно, не столько честь, сколько досада».

«Беккет, какого черта ты делаешь?» - спросила одна часть его существа другую, и ответа у него не было. Высказывание было на грани между скрытием страха и неуместной бравадой, а он все еще пребывал в таком раздрае, что вряд ли смог бы отличить одно от другого.

К счастью, Хардештадт, если не считать слегка дернувшегося глаза, на вид предпочел пропустить оскорбление мимо ушей, не подав виду, что заметил его.

«Скажи мне, Беккет, - наконец продолжил он вместо этого, заняв место в одном из кресел, закинув ногу за ногу и приняв позу, которая буквально излучала уют и непринужденность, и которая, как было известно обоим Сородичам, была лишь маской. – Не заметил ли ты чего-либо необычного в последние месяцы?»

Беккет нахмурился и положил руки на спинку другого кресла, хотя остался стоять. В том, чтобы признать, где он недавно был, не могло быть вреда; в конце концов, Эш и так уже знала: «Последние месяцы я по большей части провел в Каире. Каир всегда немного необычен. Но, да, были признаки чего-то не совсем нормального. Различные группировки Каира, похоже, наконец-то объявили открытую войну. И я, кажется, слышал слух-другой о какой-то болезни крови у нескольких старейшин, но мне так и не представилось возможности узнать подробнее».

Беккет не был уверен в том, что *хотел бы* узнать подробнее. У него все еще сохранялись пугающие воспоминания о *последнем* разе, когда какое-то переносимое с кровью заболевание, способное поражать вампиров, распространилось среди населения, и о том, какие паника и кровопролитие последовали.

«Именно. – Хардештадт кивнул. – По правде говоря, дело является несколько более серьезным. Эта «болезнь крови», как ты говоришь, не ограничилась несколькими старейшинами. Более того, она, насколько можно видеть, не ограничивается теми, кто старше определенного возраста, хотя более старых Сородичей она, похоже, поражает сильнее. Распространяются слухи, Беккет, и они распространяются быстро. Если бы ты провел хотя бы немного времени в доменах Камарильи, - или, я могу предположить, хотя бы на территории Шабаша, - Хардештадт практически выплюнул это слово, - то, я уверен, ты услышал бы их сам.

Но это не единственная актуальная проблема. Существенно растет уровень насилия, как между сектами, так и в их пределах. В течение двух месяцев мы получили доклады не менее чем об одиннадцати пограничных стычках с доменами Шабаша, не менее, чем о трех открытых сражениях между соперничающими князьями Камарильи, и разведка предполагает, что некоторое число старейшин Шабаша либо скрывается, либо было удалено с поля. Наиболее свежие события происходили здесь, в Америках, но то же самое в большей или меньшей степени творится по всему миру.

Наконец, Беккет, некоторое количество наших мистиков утверждает, что Красная Звезда начала светить ярче, если ее рассматривать с помощью каких-либо средств помимо чувств смертных».

Беккет внезапно подумал, что видит, куда ведет разговор, но не мог заставить себя поверить в это: «Хардештадт, вы? Чтобы изо всех Сородичей именно один из великих Основателей Камарильи, который провел последние пять с половиной сотен лет, утверждая, что это все миф, - чтобы вы внезапно начали бояться Геенны?»

«Не говори абсурда. *Разумеется*, это не Геенна. К сожалению, как я уже сказал, слухи расходятся быстро. И многие из тех, кто их слышит, мыслят не настолько здраво, как я».

«Ладно, но зачем обращаться ко мне? Я не то чтобы такой уж спец по пиару».

Хардештадт поморщился: «Мне нужны люди. Прославленные и уважаемые эксперты в этой области, которые начнут заверять массы в том, что это не какой-нибудь псевдомифический апокалипсис, а всего лишь заразная болезнь крови, возможно, совпавшая с очередным циклом галлюцинаций и истерии по поводу Геенны. Тремер могут быть не в силах предоставить удовлетворительное объяснение».

«Ну, если они не могут, - начал Беккет, - то не уверен, что я…»

«Поэтому я обращаюсь к другим известным оккультистам и знатокам Книги Нод, - продолжил Хардештадт безо всякого интереса к комментариям Беккета. – К сожалению, это не столь простое предприятие, как было ранее, поскольку большинство действительно известных экспертов подобного рода взяли себе привычку исчезать. Малкавиан Анатоль мертв. Я отправил людей разыскать твоего напарника, Аристотеля де Лорана, но наши поиски пока не увенчались успехом».

«*Бывшего* напарника» - глухо прорычал Беккет. Он все еще не простил Аристотелю попытку украсть одну из реликвий, которую Окулос передал Беккету из своего заточения в Каймаклы, еще до того, как он перестал выходить на связь через барьер.

«Калеброс согласился помочь, но он еще не создал себе репутацию на этом поле. Его слова обладают меньшим весом, чем мне требуется. И таким образом, Беккет, исследователь оккультных тем, археолог и целеустремленный ноддист, мы приходим к тебе».

Беккет почувствовал, как дерево кресла хрустит в его сжимающихся кулаках. *Сейчас начнется...*

«Просто для ясности... Так *чего* вы от меня хотите, конкретно?»

«Просто распространить информацию о том, что происходящее не предвещает Геенну. Успокоить людей. Возможно, некоторое время путешествовать вместе со мной. Говорить перед другими, когда я скажу тебе говорить. Сделай это, и тебе, вполне возможно, удастся предотвратить широкое распространение паники, не говоря уже о глупостях, которые могут открыть нас для внимания смертных. Те, кто объяты паникой, имеют несчастливое обыкновение пренебрегать нашей традицией Маскарада».

«Но я не член вашего Клуба Старого Мертвеца, Хардештадт. Даже если вы желаете доверить мне это дело, почему я должен этого хотеть?»

«Все Сородичи – часть...»

«Прибереги это для неонатов, Хардештадт. Если я еще хоть раз услышу какое-нибудь дерьмо про «Все Сородичи входят в Камарилью, хотят они того или нет», то, Богом клянусь, я вколочу кое-кого в торпор».

«Ох, дерьмо. Я же не на самом деле это только что произнес?..»

Когда Хардештадт поднялся на ноги, его глаза горели. Хотя из них двоих Беккет был выше, он неожиданно почувствовал, что смотрит на собеседника снизу вверх. От Основателя расходились волны повергающего в трепет величия и праведной ярости, и казалось, что он вырос – не увеличился физически, но каким-то образом стал более материальным, более *реальным*, словно все остальное было лишь нарисованными на кулисах декорациями. Воздух в комнате сгустился и начал давить на плечи Беккета невозможным весом, который не давал и помыслить о движении куда-либо, кроме как прямо вниз. Если раньше Беккет думал, что сверхъестественное присутствие Основателя вызывает у него дрожь, то теперь он был буквально раздавлен им. Его тело тряслось от подавляемого желания упасть на пол лицом вверх и подставить горло.

«Не показывать страх. Не показывать страх. Не дать ему понять, как крепко он тебя прижал...»

«Вы, - Хардештадт практически взревел, и даже его слова, казалось, ударяли с силой потока пуль, шаг за шагом отбрасывая Беккета назад, в угол комнаты, - проявляете опасное отсутствие уважения к тем, кто старше вас, сударь!»

Очень существенная часть Беккета хотела поступить так, как Хардештадт явно и ожидал. Он хотел проглотить свою гордость, позволить своему страху проявиться и попросить прощения, возможно, даже униженно. Это, несомненно, было бы разумным ходом.

Но вместо этого Беккет прислушался к своим давно выработанным и въевшимся инстинктам: *никогда* не признавать чужого господства, и особенно – за членом иерархии одной из великих сект. Эти же инстинкты говорили ему, что страх его был искусственным, и, насколько он знал, это голос самого Хардештадта подсказывал, что подчиниться было бы «разумным ходом». И вместо извинения Беккет произнес нечто, неприятно близкое к его собственному смертному приговору.

«Ты не настолько старше меня, как ты заставил поверить остальных, Хардештадт».

В комнате повисла полная и гробовая тишина. Тяжесть личности Хардештадта, вжимавшая Беккета в пол, внезапно стала холодной, как лед. Нельзя было сказать: эта ли тяжесть заставила мурашки побежать по всему не-мертвому телу Беккета, или он просто с ужасающей и сводящей внутренности ясностью осознал, что наделал.

Это было умозаключение, к которому Беккет, имея доступ к большему количеству исторических источников и даже свидетельств из первых рук, пришел уже довольно давно. По официальной версии, Хардештадт выжил в попытке убийства, предпринятой революционером по имени Тайлер во время Мятежа Анархов, войны Сородичей времен Возрождения, которая опосредованно породила как Камарилью, так и Шабаш. Беккет, однако, сумел по кусочкам сложить истину, известную лишь немногим избранным из высшего состава Камарильи: Хардештадт Старший на самом деле погиб от рук и клыков Тайлера. Той ночью выжил Хардештадт Младший, его дитя, который и занял место своего сира.

Это была тайна, ради сохранения которой Хардештадт убивал, и не один раз. И Беккет только что аккуратно вписал свое имя в список – пока что карандашом, но сделать что-то во избежание этой участи нужно было *очень* быстро.

Когда Эш открыла дверь именно в этот момент, он почувствовал, что вполне готов благодарить ее на коленях.

«Приношу извинения, что побеспокоила вас обоих, - спокойно и вежливо произнесла она, почти как будто говорила искренне, - но, чем бы вы здесь наверху ни занимались, я чувствую это по всему зданию. Это мой дом, и я буду признательна, если мои гости будут держать себя в рамках приличия».

Хардештадт взглянул на нее с нескрываемым раздражением, но Беккет почувствовал, что вес присутствия Основателя стал самую чуточку легче.

«Послушай, Хардештадт, - быстро начал он, молясь, чтобы его голос не звучал со всем тем отчаянием, что он ощущал, - я просто не могу быть для тебя рупором пропаганды. Не проведя глубокого изучения обстоятельств, я не смогу звучать убедительно, по крайней мере для того, кто имеет хоть малейшее понятие о теме, на которую я говорю.

Но позволь предложить вот что. Я расследую происходящее, изучу его. Черт, да я бы, может, и сам решил так поступить, когда услышал бы часть тех слухов, о которых ты говорил. И как только я что-то выясню о том, что происходит, я доложу тебе, и мы – то есть ты – сможешь решить, что делать с этим дальше».

Еще несколько долгих секунд – самых долгих за все время существования Беккета, и, возможно, его последних, - Основатель продолжал неподвижно глядеть на него. Эмоциональное давление, сокрушающее его разум, сердце и душу, выросло еще раз. Затем, еще раз глянув на Викторию Эш, Хардештадт отступил на один шаг назад. Делая это, он, казалось, сжался, и воздух в комнате стал ощутимо мягче.

«Очень хорошо, Беккет. Разумеется, мои собственные люди ведут расследование, но я допускаю, что нам может пригодиться взгляд специалиста. Изучай. Расскажи мне, что происходит, болезнь ли это крови, или проклятье, или нечто большее.

Но, Беккет… *Все*, что ты выяснишь, идет ко мне. Немедленно. Если я узнаю, что ты утаил хоть одну деталь, или если ты открыл любую часть этой информации кому-то еще, тогда, и я это тебе торжественно обещаю, весь остаток твоего существования ты будешь молиться, чтобы Геенна наступила на самом деле».

На Беккета нелегко было произвести впечатление угрозами, но он знал, что Хардештадту по силам сделать в точности так, как он пообещал. Он кивнул. «Как мне с тобой связываться?»

«Я буду много путешествовать. У тебя при себе… сотовое устройство?» - Хардештадт, по-видимому, не слишком комфортно чувствовал себя по части современной технологии, такое не было редкостью среди старейшин.

«А? Да. Если есть номер, по которому мне можно звонить…»

«Нет. Когда у тебя будет что доложить, оставь сообщение здесь, с мисс Эш. Она известит меня, и я с тобой свяжусь. – Он обернулся. – Я полагаю, это для вас приемлемо?»

Хозяйка дома кивнула: «Вам стоит лишь попросить».

И вот таким образом Беккет обнаружил, что работает на Камарилью. Он задумался, не лучше ли было бы, если бы Хардештадт его убил.

Плантация Томпсон

За пределами Саванны, Джорджия

«Чего он хотел?»

Беккет совершенно не знал, что на это ответить. Он уже вляпался в достаточно серьезные неприятности, чтобы нарушать обещание, данное Хардештадту Основателю, спустя считанные минуты после самого обещания: «Большую часть времени вы присутствовали, Виктория. И в любом случае, я думал, вы знаете обо всем, что происходит под вашим кровом».

Она одарила его кислой улыбкой: «Как неискренне с вашей стороны, Беккет. Что вы говорили насчет Тремер?»

Беккет был искренне озадачен. На этот вопрос можно было ответить и честно: «Немного. Они помогают ему в его деле, или, точнее, не сумели помочь».

«Вы не находите это странным? То, что Хардештадт не сумел найти ни одного Тремер, чтобы помочь ему в… деле, по которому он прибыл, чем бы оно ни было?»

«Я этого не говорил, Виктория. – Она хотела что-то ему сказать. Он это чувствовал. – У меня просто создалось впечатление, что они сделали ему официальную обструкцию. Стандартная деловая процедура для этой шайки, вообще-то».

Несколько долгих секунд Виктория ничего не отвечала, а Беккет не нарушал молчания. Она взвешивала «за» и «против», пытаясь определить, в чем ее выгода. Что ж, пусть взвешивает.

Наконец, она заговорила: «Беккет, я не могу найти Тремер. *Никого* из них. И я не думаю, что он может».

Беккет сглотнул. Сородичи были не слишком многочисленны, а Тремер – лишь одной из их группировок, но, святый Боже, ведь их часовни были во всех крупных городах мира. В совокупности их ряды насчитывали сотни, может даже, тысячи.

«Что вы имеете в виду? Они все попрятались, или что?»

«Нет. Беккет, Тремер не «попрятались». В Саванне было трое чародеев крови, и, когда я заметила их отсутствие, то начала наводить справки. Насколько может сказать любой из моих друзей, они полностью пропали. Я не могу найти ни одного их следа, ни здесь, и ни в каком городе, где у меня остаются связи».

Беккет наклонился вперед. «Они пропали? *Все*?»

«Дело выглядит так. Беккет, что происходит?»

«Виктория, когда я выясню, вы определенно будете одной из первых, кто узнает».

Отель «Гранитные Ступени»

Саванна, Джорджия

«Ты выглядишь так, словно несколько торопишься».

Беккет, запустивший обе руки в большую матерчатую сумку, которую он упаковывал, чуть из кожи не выпрыгнул: «Черт побери, Капаней! *Прекрати* так делать!»

Старый вампир, - теперь одетый в египетскую хлопковую тунику и штаны, поскольку в большинстве современной одежды он чувствовал себя некомфортно, - стоял в дверях комнаты Беккета, опершись одной рукой о косяк.

«Мы куда-то отбываем?»

«Я – да. И я тороплюсь не столько отбыть в какое-то конкретное место, сколько перестать находиться здесь. Я ухитрился наговорить такого, что теперь у меня чертовски большие проблемы, Капаней. И, какими бы огромными ни были проблемы, пока я здесь, все идет к тому, что дальше ждут еще более крупные». – Он вкратце пересказал информацию, полученную и от Хардештадта, и от Виктории. Капаней принял по-настоящему озабоченный вид.

«Звучит очень похоже на некоторые пророчества, Беккет. «Придет время, и перестанут терпеть проклятие Того, кто свыше, и Род Каина пресечется, и Кровь Каина ослабеет…»»

«Я знаю пророчества, Капаней. «Книга Нод» - это мое хобби, я уже довольно долго играю в эти игры, и я слышал очень много воплей о Геенне, которые оборачивались ничем. Но я знаю: *что-то* странное происходит, а когда дело касается странностей этого рода, я не могу придумать никакой отправной точки лучше, чем Тремер».

«Но и Хардештадт, и Эш предполагали, что все Узурпаторы исчезли».

«Узурпаторы». Иногда Беккет забывал, насколько же все-таки на самом деле стар должен быть Капаней. Черт, в подобной компании ему, возможно, не нужно так уж сильно переживать насчет Хардештадта.

«Да, исчезли. Я понятия не имею, что за чертовщина происходит, и это меня тревожит. Сильно. Когда Тремер бегут в укрытие, значит, надвигается что-то неприятное. В любом случае, я уже озадачил Окулоса просьбой пройтись по своим контактам, а тем временем, я знаю одно место, где мы почти наверняка все еще сможем откопать чародея».

«А. Теперь уже «мы». Хорошо. Египет был чрезвычайно интересен, но я бы все же предпочел посмотреть на вещи более близкие к нынешней эпохе. И куда мы направляемся?»

«В маленькую страну под названием Монако».

Внутри торгового судна «Салима», район доков

Стамбул, Турция

Его имя было Джибрил, в честь архангела Гавриила, как его зовут по-арабски. Если и было у него какое-то другое имя, он позабыл его за века своей не-жизни, а почти черная кожа Джибрила показывала, что за его плечами уже много таких веков.

Джибрил считал себя Ассамитом Ассамитов. На деле его клан был общностью намного более глубокой и разнообразной, чем предполагала его репутация. Большинство чужаков видели в нем не более чем шайку кровожадных убийц и каннибалов. Если судить по Джибрилу, они были правы. Он любил лишь охотиться, лишь убивать. Когда Ур-Шульги, Древний, восстал и потребовал, чтобы все Ассамиты отреклись от веры смертных и поклонялись лишь Хакиму, их основателю, многие из клана предпочли идти своим путем, охотясь поодиночке или присоединяясь к Камарилье либо Шабашу. Джибрил остался верным, и принялся охотиться на тех, кто стал предателем. Это было сделано не из какой-то там любви к Ур-Шульги или даже Хакиму, но ради убийства. Традиции Ассамитов воспрещали насилие внутри клана без разрешения, но теперь у Джибрила было оправдание, чтобы охотиться на самую почетную дичь из возможных.

И так он сумел скрытно пробраться сюда, в Стамбул, ибо Турция была домом для многих из его слабых братьев, которые связали свои судьбы с Камарильей. Он повергнет их одного за одним, и найдет упоение в их…

Здесь, в крохотной комнатке внутри корабля, это было невозможно – но по комнате внезапно пронесся порыв горячего ветра. Он напомнил Джибрилу о ветре пустыни, несущем в себе вкус песка.

Почти сразу же за ним последовал ошеломляющий запах крови. Он был настолько силен, что в комнатке мгновенно запахло, как на бойне. Джибрил ощутил, что его клыки удлиняются сами. В нем проснулся столь острый голод, что он начал потеть. А ветер все усиливался, и запах становился все сильнее.

И пришло нечто большее. Хотя он ничего не видел, не ощущал ничего, кроме ветра, Джибрил почуял, что нечто находится в этой комнате вместе с ним, нечто сокрытое.

Нечто ужасное.

«Кто…»

Когда Джибрил начал говорить, он был в полном здравии, хотя и слегка нервничал. К концу первого слова он падал на пол, кровь полностью покинула его тело, душа его была высосана и пожрана чем-то древним. И после этого он более не был ничем, лишь пеплом, который еще минуту или около того порхал по комнате на ветру, пока ветер не утих и не унес с собой запах крови.

Прошли еще минуты, и дверь со скрипом отворилась. Женщина, которая стояла в дверях, также была темнокожей, и, как и в случае Джибрила, эта темнота означала

не количество меланина, а количество прожитых лет, отметину, которую носили лишь Ассамиты. Ее черты были красивы, остры, но привлекательны. Она была облачена в свободную одежду – штаны и рубаху, которые не стесняли ее движений. Ее волосы были убраны назад и схвачены куском ткани, и на различных местах ее фигуры было скрыто не менее шести клинков.

Ее имя было Фатима аль-Фахади, и она охотилась за чем-то, моля Аллаха, чтобы не найти это что-то. Уже месяцы она ощущала, что в ее уме растет постороннее присутствие - тяжесть или эхо чего-то, что перемещается по миру. Иногда она ощущала его приближение, но лишь затем, чтобы снова его потерять. Каждый раз, как она в спешке являлась на место, где ощущала его сильнее всего, она не находила ничего, кроме сцен вроде этой. Сцен, свидетельствующих: кто-то, кто однажды выжил по ту сторону смерти, наконец-то пал.

Жертвой чего-то. Хотя у нее были свои страхи и свои теории, Фатима не была готова прийти к какому бы то ни было заключению без дополнительных сведений.

Настало время, однако, прекратить пытаться следовать за этим чем-то, отставая на три шага, и попробовать зайти спереди. Если вампиры внезапно умирали насильственной смертью, то, возможно, ей надлежало побеседовать с теми, для кого их убийства были специальностью.

Фатима покинула «Салиму» незамеченной, как и пришла, и начала готовиться к быстрому путешествию в Хуарес, в Мексику.

Плантация Томпсон

За пределами Саванны, Джорджия

«Мне следовало его убить».

Хардештадт сидел в том же самом кресле, за тем же письменным столом в кабинете на верхнем этаже поместья Эш. Он был один: Эш была достаточно вежливой хозяйкой, чтобы предоставлять гостям возможность остаться наедине, когда они того желали. Что более важно, большинство вменяемых Сородичей слишком страшились бы последствий, чтобы рисковать и шпионить за Основателем. Он говорил со своим отсутствующим и давно мертвым сиром, «настоящим» Хардештадтом. Он часто так делал, обдумывая тактические вопросы там, где его никто не мог бы услышать. Эта привычка появилась у него меньше чем через год после нападения Тайлера.

«Но это бы вызвало слишком много вопросов, я полагаю. По крайней мере, у Виктории – а ее слушает слишком много ушей. Я пытаюсь *предотвратить* эту чертову истерию по поводу Геенны. Чтобы я оказался напрямую замешан в смерти столь известного ноддиста, как Беккет… Последнее, что мне нужно – это чтобы казалось, что я что-то скрываю. Лучше пусть он путешествует, пусть будет далеко от всего, что ассоциируется со мной и моими делами».

Это было досадно. Взгляды Беккета на текущие события могли бы оказаться занимательными. Возможно, он даже смог бы помочь Хардештадту определить, что происходило *на самом деле*. Сейчас Хардештадт безотчетно подозревал, что виноваты Тремер, что они либо повернулись против Камарильи, либо позволили своей магии выйти из-под контроля. Но, пока у него не было твердых доказательств, все это оставалось лишь теорией. Беккет был бы полезен в сборе таких доказательств.

С другой стороны, Беккет занимался оккультизмом и был известен тем, что доверял знакам и знамениям. Было вполне возможно, что он поддастся нарастающей панике и сам поверит в эту чушь о Геенне. Учитывая то, с какими проблемами Хардештадт, Внутренний Круг и юстициарии сдерживали распространение подобных слухов, не хватало еще, чтобы известный исследователь начал подливать масла в огонь.

К тому же, разумеется, Беккет слишком много знал о нем самом.

Поиск кого-то, кто был и достаточно верен, и достаточно силен, чтобы устранить Гангрела, грозил обернуться проблемами. Большинство архонтов Камарильи были в настоящее время заняты контролем за слухами и даже, в некоторых случаях, затыканием тех ртов, что повторяли эти слухи слишком громко. Но эта задача была сейчас первостепенной.

Хардештадт поглядел на телефон в кабинете, решил, что не *настолько* полностью доверяет манерам Эш, и, с выражением чрезвычайного отвращения, вытащил из кармана пальто сотовый телефон устаревшей модели. Он не знал и не имел интереса к тому, что набранный номер прошел через дюжину реле и почти столько же кодировок и перекодировок с использованием криптографической технологии, которую пока что не освоило даже ЦРУ. Он знал лишь о том, что его советники заверили его в безопасности звонков, и этого было достаточно.

«Это Хардештадт. Мне требуется один из твоих архонтов, для дела высочайшей срочности для Внутреннего Круга и, более того, для всей Камарильи. Да, я знаю, что вы заняты. Все равно, найди кого-нибудь.

«Что? – Основатель не смог удержать неестественную ухмылку, которая выползла на его безжизненое, как у статуи, лицо. – Да. Да, он *идеально* подойдет. Пусть он свяжется со мной напрямую, я выдам дальнейшие указания».

Хардештадт с громким щелчком закрыл отвратительное маленькое устройство. Беккет был все равно что уже мертв.

Уже десятую ночь подряд Виктория сидела у своего туалетного столика и, используя его зеркало и собственное маленькое зеркальце, изучала кожу за линией ее челюсти, на левой стороне шеи. Последние четыре года она тщательно избегала любого взгляда на это место, и предпочитала прически, которые держали этот маленький участок шеи закрытым. Когда Атланта оказалась в руках Шабаша, она была захвачена и передана чудовищному существу по имени Элфорд, которое заклеймило ее. Элфорд (да сгниет он в аду!) был энтузиастом по части пыток и знатоком по части ужасающего искусства, которое сам он называл лепкой плоти. Как и многие члены его клана, Цимисхи, он был способен менять форму костей и кожи, словно форму мягкой глины. Виктория не могла вспоминать «улучшения», которым он ее подверг, не вызывая в своей душе волну ярости, страха и отвращения. То, что Элфорд в итоге не пережил их встречи, не слишком ее утешало: пережил выступающий рубец плоти, который он оставил на ее шее. Похожий на змею, кусающую свой хвост, этот кружочек ненатуральной кожи был постоянным напоминанием о том, что она никогда не сможет полностью убежать от тех страшных ночей, когда ее город пал под так называемым «Мечом Каина». Отметина была бессмертной, как и она сама.

До сих пор.

В течение последних десяти ночей она смотрела, как эта *вещь* – больше, чем просто отметина, скорее, паразитический нарост, - нарывает, трескается и, наконец, кровоточит. Теперь на ее коже была открытая сочащаяся отметина, которая, несмотря на все ее усилия, отказывалась заживать. Она сохраняла свою тайну лишь за счет того, что использовала маленькие компрессики и меняла их по нескольку раз за ночь.

Она снизошла до того, чтобы обратиться за помощью к Тремер, но это всего лишь привело ее к еще одному тревожному открытию.

«Удачи, Беккет» - промолвила она и опустила маленькое зеркальце.

Аэропорт Хилтон, международный аэропорт Лос-Анджелеса

Лос-Анджелес, Калифорния

Князь Тара хмурилась, входя в зал совещаний на пятом этаже аэропорта Хилтон. Она была поглощена размышлениями о тактике ее разрастающейся кампании против Дженны и ее неудачников, не говоря уже о разрушениях, которые учиняли МакНилы, и о дипломатических обручах, сквозь которые ей приходилось прыгать в общении с оставшимися Катаянами. Ей потребовалось несколько секунд, чтобы осознать, что в комнате было не все в порядке.

По большей части, это была вполне типичная комната для совещаний, с большим окном (и тяжелыми занавесками, на случай если Тара или кто-то из примогенов будут вынуждены использовать ее как убежище на дневное время), длинным деревянным столом (полированный дуб) и нужным количеством стульев (с деревянными ножками – ни одного). Ковровое покрытие было плотным, стены и потолок – звуконепроницаемыми. В одном конце комнаты большой мультимедиа-центр включал телевизор и видеомагнитофон, а маленькая дверь в левой стене, рядом с окном, вела в комнату поменьше для частных переговоров.

Все было так, как и должно. Проблема состояла в том, что все стулья, кроме того, на котором сидела Диона, были пустыми.

«Где все?» - ровным голосом поинтересовалась Тара.

«Я боюсь, что примогены сегодня вечером не явятся, князь Тара» - ответила Диона.

«И почему же?»

«О, по многим причинам, полагаю. Но основная, думаю, состоит в том, что я назначила им встречу на завтра».

«Понятно. – Тара начала медленно, но неуклонно двигаться вокруг стола к своему отбившемуся от рук сенешалю. – Ты играешь в опасную игру, Диона, и у тебя не сильно много шансов победить».

«Тара, - произнесла Диона, сама поднимаясь на ноги и начав медленно идти вокруг стола (что, отнюдь не случайно, позволяло ей оставаться от князя на расстоянии большем, чем вытянутая рука). – Не делай этого. Когда-то ты входила в число величайших вождей анархов. Ты знала, каким должно быть общество Сородичей. Тебе следует работать *вместе* с худокровными, а не…»

«О, Боже, началось. – Князь оскалилась, обнажив клыки. – Черт побери, Диона, а я-то думала о тебе по-другому. Когда я впервые объявила о себе как о князе, то все до одного официальные лица Камариль и на этой территории говорили мне одно и то же: «не держи каитиффа в советниках», говорили они, «она никогда не будет верна тебе так, как этой бессмысленной мечте, которую ты переросла», говорили они. А я говорила, что они неправы. Я *клялась* им, что они неправы. *Черт тебя подери*!». Кулак Тары обрушился на тяжелый стол со звуком выстрела из ружья. Дерево вокруг ее руки пошло трещинами.

Тара, как и большинство Сородичей, умела увеличивать свою физическую силу в несколько раз, наполняя свои конечности кровью и наращивая их мощь и скорость. Проблема состояла лишь в том, что она этого еще не сделала – а ее обычной силы никогда не должно было хватить, чтобы так повредить стол.

Она, однако, была слишком занята подавлением собственной ярости и сомнениями относительно того, стоит ли трудиться это делать, чтобы заметить случившееся. Выражение внезапного страха на лице Дионы она заметила, но приписала его проявлению ее ярости. Если бы она заметила вмятину на столе, то, по крайней мере, была бы озадачена не меньше, чем ее сенешаль.

«Тара, - отчаянно продолжила Диона, - ты можешь это сделать. Открой город для худокровок и других отверженных. Сделай это место их безопасным пристанищем. Со всем хаосом и дичью, что сейчас творится по миру, Камарилья никогда не сможет приложить достаточно усилий, чтобы хоть как-то заметно возражать. Черт, да им даже может понравиться идея, так территория хотя бы не достанется Катаянам…»

Князь испустила один вопль первобытной ярости, сгребла с пола ближайший стул и швырнула его поверх стола. Ее движение было таким быстрым, а бросок – таким сильным, что Диона не сумела полностью увернуться. Ножка стола впечаталась ей в лоб и заставила растянуться на полу.

«Так ты за этим устроила нам встречу наедине? – Тара зарычала, шагая вокруг стола, и руки ее сжались в кулаки, которые, учитывая их явно возросшую силу, этим вечером были способны дробить бетонные блоки. – Чтобы ты смогла «уговорить меня рассудить здраво»? Или ты просто была настроена покончить с собой?»

«Ни то, ни другое. – Дверь в боковую комнату открылась, и Тара, обернувшись, посмотрела в полдюжины стволов. – Она устроила встречу, чтобы ты умерла, но, как полная дура, надеялась обойтись без этого».

Женщина, сказавшая это, стояла во главе группы. При невнимательном рассмотрении она была похожа на какую-то пустышку, мнящую себя попсовой певицей, если не считать того, насколько уверенно и умело она держала матово-черный Тес-9. Светлые волосы, ниспадающие по обе стороны ее лица, явно были крашеными. Она была одета в облегающий ярко-красный топик и джинсы, которые, казалось, были готовы в любой момент упасть с ее бедер.

Более внимательный наблюдатель, который посмотрел бы в ее пылающие глаза, или задержал взгляд на странной отметине в форме полумесяца на ее плече (то ли татуировке, то ли родинке), пришел бы к более верному выводу, даже не обращая внимания на оружие.

Обостренные чувства князя Тары часто предупреждали ее об опасности прежде, чем любой смертный мог бы надеяться ее ощутить. Сегодня ее, похоже подвела интуиция – или, что более вероятно, как она себе призналась, она слишком бесилась

на Диону, чтобы уделять внимание предчувствиям. Ее застал врасплох выводок детишек – непростительно!

Но поправимо. Дженна Кросс могла быть чем угодно, но она, и большинство тех, кто следовал за ней, все еще была неопытна. Они все еще мыслили, как смертные, все еще не представляли, на что способен настоящий вампир.

Когда первые пули с грохотом покинули стволы, Тара уже метнулась назад в несколько раз быстрее, чем мог бы двигаться даже наилучшим образом подготовленный человек. Вместо того, чтобы попасть ей в голову и грудь (это не убило бы ее, но могло бы остановить на достаточное время, чтобы другие доделали дело), большинство пуль из залпа безобидно пролетели мимо и вошли в дальнюю стену. *Этого* не заглушить никакой звукоизоляции. Теперь у них оставались считанные минуты прежде, чем кто-нибудь придет посмотреть, что происходит.

Несколько пуль все же попало. Они полоснули ее по правой руке и плечу, разбрызгивая по полу кровь и давно мертвую плоть. Она ощутила, что одна засела в ее плечевой кости, и стиснула зубы, чтобы не взвыть от боли. Ее тело инстинктивно качнуло кровь к ране, пытаясь ее залечить; сосредоточившись на долю секунды, Тара остановила процесс. С болью она пока справлялась, а остаток крови ей еще мог понадобиться, пока все это не закончится.

Когда последние пули вонзались в стену, князь уже ударилась об пол и перекатилась, найдя укрытие под столом. Теперь у нее оставались секунды до того, как в ее сторону отправится еще один стальной рой. Она слышала, как худокровки выбегают из двери, даже слышала, как один упал на пол, чтобы лучше взять ее на прицел. Вены Тары загорелись огнем, когда кровь понеслась по ним с нечеловеческой скоростью. Она перевернулась на спину и обеими ногами лягнула вверх.

Она всего лишь хотела перевернуть тяжелый стол, что дало бы ей намного более надежное убежище от пуль. Вместо этого стол треснул посредине, там, куда ударили ее ноги, хотя не переломился полностью. Тяжеленная деревянная махина поднялась в воздух и полетела через всю комнату, внеся Кросс и еще кого-то из худокровок обратно в дверной проем. Тот дитя, что упал на пол и хотел стрелять под стол, не успел и вскрикнуть, когда несколько сотен фунтов полированного дуба обрушились на его спину острой гранью столешницы.

Вампир, при наличии времени и крови, мог бы восстановиться даже после такого увечья. Тара не позволила ему. Она перекатилась на ноги, жестко ударила ногой по голове обездвиженного худокровки и, не обращая внимания на обдавшие ее ноги брызги крови и мозга, подобрала его оружие – Mac-10, переключенный на автоматический огонь. Она вслепую выпустила одну очередь поверх стола в дверной проем – не чтобы кого-нибудь зацепить, хотя и это было бы неплохо, но чтобы удержать худокровок еще на мгновение.

Ага. Диона тщетно пыталась вжаться в угол и оставаться незамеченной. Сопровождаемая порывом ветра, Тара оказалась рядом с ней, одной рукой схватив сенешаля за горло и подняв ее на ноги: «Что, не ждала, что я протяну так долго, сука такая?»

«Тара, пожалуйста, я…»

Одна быстрая очередь в живот заткнула ее и временно обездвижила. Затем, отбросив оружие и сжав каитиффа обеими руками, Тара рванулась вперед, как раз когда Кросс перепрыгнула стол и снова начала стрелять.

Тело Дионы содрогнулось еще раз, когда врезалось в окно из бронестекла. Звук ломающихся костей был почти таким же громким, как звуки стрельбы и бьющихся стекол. Осколки полетели на асфальт в пятидесяти футах внизу. Следом полетели Тара и Диона.

«Блядь!» - Дженна Кросс добежала до окна, быстро выпустила еще несколько пуль, но знала, что это бесполезно. Даже раненая в падении и явно хромая, князь Тара с ее нечеловеческой скоростью уже пробежала до конца квартала и заворачивала за угол. Несколько прохожих в шоке уставились на тело, которое, изломанное, лежало на тротуаре. Возможно, Диона была еще не окончательно мертва, но в ближайшие месяцы, если не годы, она точно не очнется.

«Что будем делать, Дженна? – спросил один из худокровок из-за ее плеча. – Обосрались по полной».

«Не по полной, Лоренс. – Дженна отвернулась от окна. – Сучка смылась, это правда. Но она немного сумеет натворить, одна и раненая. У нас есть несколько ночей прежде, чем она за нами вернется. Диона дала мне адреса большинства убежищ старейшин в этом районе. Давайте-ка устроим так, чтобы Тара, когда она подлечится, уже ни к кому не смогла обратиться за подмогой. Кто-нибудь, позвоните Сэмюелю, расскажите, что случилось, и назначьте встречу».

Худокровки быстро протерли оружие (вампиры из-за отсутствия кожного жира редко оставляют отпечатки пальцев, но мало ли…) и побросали его на пол. Все, что оставалось дальше – панически выбежать из здания вместе со смертными, которые услышали стрельбу.

«Жаль Диону, - думала Кросс, пока бежала бок о бок с каким-то бухгалтером, жирноватым и с нездоровым цветом лица. – Она могла быть полезной. С другой стороны, каитифф или нет, она не была одной из так называемых «худокровок», так что на самом деле и не была «своей»».

Кросс глянула вбок, в переулок рядом со зданием, вдернула туда бухгалтера следом за собой и вволю напилась, одновременно празднуя и готовясь к трудной ночи. Сначала – разобраться с примогенами и остальными старейшинами, к которым может обратиться Тара. Потом она собиралась начать размещать своих людей по городу, а еще – в очередной раз попытаться договориться с МакНилами. Кросс не знала, какие подкрепления может вызвать Тара, когда выяснит, что лишилась местной поддержки, но была решительно настроена подготовиться к их появлению.

Трафальгарская площадь

Лондон, Англия

«Но это конец! Конец наступил!»

«Правильно, сэр. Конец, я совершенно уверен. - Бобби весело покачал головой, несильно, но настойчиво подталкивая неряху кончиком дубинки. – Но ему придется наступать где-нибудь в другом месте. Вы тут нарушаете порядок, а предсказатели всяких неприятностей вроде вас уже всем надоели. И почему вы все не унялись, когда наступило новое тысячелетие, ума не…»

В тот самый миг, когда огни Трафальгара остались у них за спиной, выкрикивавший предсказания бродяга, одетый только в выцветшие джинсы, старые кеды и пальто, резко крутнулся, отбил дубинку полицейского в сторону ударом, переломившим предплечье человека, и впился ему в горло. Несколько долгих мгновений, пока они, сцепившись, стояли в тени между уличными фонарями, был слышен только один звук – ужасающее, мерзкое хлюпанье.

«Вечер, Руфус».

Встрепанный вампир, не замечая струйку крови на подбородке, обернулся на звук своего имени. В проулке позади него, освещенная только слабым огоньком сигареты, стояла женщина, и ее вид заставил бы грузчика из доков сбежать, боясь ограбления. Ее черные волосы были собраны в тугой узел на затылке. Одета она была в джинсы и мужскую фланелевую рубаху. Руфус не заметил дубинку, но не сомневался, что женщина имеет ее при себе - дубинку, которую она унаследовала от отца (одного из первых полицейских лондонской метрополии, очень давно). Это оружие, один конец которого она заточила, успело заработать себе чрезвычайно стремную репутацию среди низов лондонского сообщества Сородичей.

«Тебе чего, Лиза?»

«Мне придется тебя забрать, Руфус. Королева Анна и шериф недовольны тем, что ты в последнее время творишь».

«Что, вот это? – Руфус позволил бобби упасть. – Посмотри, он выживет. Все еще дышит, и все такое. Просто решит, что я его вырубил, когда смылся».

«Дело не в бобби, Руфус».

Руфус моргнул. Он же *не делал* ничего другого. В последние ночи он не делал ничего такого, чего не делал *всегда*. Руфус считал себя чем-то вроде пророка, и принял на себя долг предупреждать остальных Сородичей о приближении Геенны – разумеется, только в таких выражениях, которые не выдадут никаких секретов проходящему мимо стаду. Не то чтобы они слушали, но он их все равно предупреждал. А в эти последние ночи, когда некоторые вампиры начали чудно себя вести, а Красная Звезда светила ярче, он еще сильнее…

О, Боже. Они пришли за ним, потому что он *знал.* Должно быть, он прав! И в таком случае, он не может позволить им заткнуть его рот сейчас!

К его чести, Руфус задал громиле шерифа хорошую пробежку. Его хватило почти на три квартала, и еще на половину пути вверх по пожарному ходу на крышу, прежде чем удар дубинкой по пояснице заставил его с воплем рухнуть с лестницы. Кричал он недолго. Не успел он перекатиться, как острый конец деревянного оружия прошел сквозь его ребра и пронзил сердце.

Возможно, Руфусу было бы легче, знай он, что он – далеко не первый Сородич, в последние ночи пропавший с улиц какого-нибудь города Камарильи, и что до последнего такого Сородича ему еще дальше.

Возможно, и было бы, но, наверное, все-таки нет.

Склад в центре города

Хьюстон, Техас

«А, архонт ди Падуя. Как хорошо видеть вас на ногах и подвижным».

Говорящая, Карен Суадела, выглядела жесткой бизнес-леди, возрастом примерно под сорок. Ее темные волосы были убраны в хвост, и на ней был хорошо отглаженный брючный костюм очень темного синего цвета. Уже многие десятилетия Суадела была силой, направляющей примогенов Хьюстона. Возможно, ей бы хватило влияния оспорить позицию князя Лукаса Халтона, но ее всегда устраивало оставаться менее заметной мишенью.

Все это переменилось несколько недель назад, когда князь Халтон исчез вместе с остальными Тремер города. Решив, что возможность попросту слишком хороша, чтобы ее упустить (а так же беспокоясь о том, что спокойно заниматься своими делами при любом другом князе будет менее комфортно, чем при Халтоне), Суадела, не теряя времени, объявила о том, что принимает власть на себя. Ни у кого из остававшихся примогенов не было возможности ей помешать.

Пожалуй, исчезновение Халтона обернулось к лучшему. По мнению Суаделы, у него не хватило бы воли делать то, что все равно пришлось бы делать.

Ди Падуя, со своей стороны, ответил на ее приветствие слабым и очень скованным кивком. Он втащился в комнату семенящей, неровной походкой раненого, который пытается хромать на обе ноги сразу. Раны на его руках, в которых не проступало ни капли крови, все еще были открытыми, а на его лице и плечах все еще были видны ожоги и следы осколков гранаты. С той ночи прошла уже неделя, а он все еще не сумел залечить ни одного из своих ранений, кроме совсем уж незначительных. Его кровь, казалось, просто больше не обладала той силой, что когда-то. Это обстоятельство, будь оно правдой, заодно объясняло бы и отказ его способностей при встрече со стаей Шабаша. Если бы он заблаговременно не предупредил о своих действиях князя Суаделу и шерифа Рено, и если бы они не отправили своих людей ему в поддержку, Шабаш прикончил бы его. Рено и его люди и так едва успели подхватить его до того, как один из тех ублюдков снес бы ему голову мачете.

Менее соображающие вампиры сочли бы добрым знаком то, что Суадела проявляла необыкновенную любезность, чтобы помочь ему поправиться, и предоставила безопасное убежище на то время, пока он приходил в себя. Теперь вот ни с того, ни с сего она прислала одного из своих гулей в лимузине, передав с ним «приглашение» присоединиться к ней на этом задрипанном складе. Его провели вверх по лестнице, и теперь он стоял на балконе – скорее даже, широкой навесной галерее, - смотря на пол склада.

«На ногах, князь Суадела. Еще не совсем то, что можно назвать подвижным. Что, если позволите спросить, я… делаю…»

Ди Падуя уставился на сцену, вырванную из кошмаров Данте. Несколько тяжело вооруженных Сородичей стояли на постах или ходили патрулями по складу, в котором не было ничего, напоминавшего бы товары. Вместо этого, на полу несколькими короткими рядами были аккуратно разложены Сородичи. Каждый из них лежал без движения, с какой-нибудь длинной деревяшкой, торчащей из груди: палки для метел, толстые ветки, стрелы, настоящие колья, вырезанные именно для этой цели, и Бог знает что еще.

«Князь Суадела, *что* это?»

«Преступники, архонт ди Падуя, все до одного. Они были найдены виновными в нарушении традиций и в деяниях, направленных на свержение законной власти, моей и Камарильи».

«А подробнее?» - Технически, у ди Падуи не было права требовать детали. В конце концов, подобные вещи относились к местным законам местного князя. Но ему было интересно.

«В большинстве случаев, распространение лжи о наступлении Геенны и восстании Патриархов. Учитывая нынешнее распространение этой странной болезни крови, жертвой которой, похоже, стали и вы, архонт ди Падуя, я не могу допустить, чтобы предсказатели бедствий вызывали массовую панику. Большинство неонатов как раз достаточно доверчиво, чтобы верить в такие вещи».

«Понимаю. И они собраны здесь, вместо изгнания, уз крови или превращения в пепел на рассвете… Почему?»

«Пойдем со мной, Федерико». – Ди Падуя отметил внезапный переход на имя, данное ему при крещении, но предпочел воздержаться от комментариев. Он последовал за ней по ступеням на пол основного этажа с молчаливой благодарностью: Суадела, спускаясь, двигалась неторопливо.

«Ты не единственная жертва проклятия, или болезни, или чем там является то, что поразило нас, в моем городе. Несколько личностей, близких ко мне, также пострадали от него».

Это, возможно, означало, что пострадала и она сама, заключил ди Суадела, но он опять не стал комментировать.

«И мы открыли лекарство, Федерико».

Ноги ди Падуи коснулись пола – и на него мгновенно обрушился запах крови Сородичей, текущей из ран от обездвиживающих кольев. Он навалился на него, как ни разу до того не наваливался ни один голод. Зверь в его душе не просто забеспокоился – он прыжком занял место у руля, в одно мгновение и безо всяких предупреждений. Личность, бывшую Федерико ди Падуя, заволокло черным, когда одной рукой архонт еще держался за перила лестницы. Когда у него снова прояснилось в глазах, - точнее, когда он смог снова видеть мир, хотя бы сквозь водоворот крови, ярости и бесконечной жажды, - он стоял на коленях перед первым из пронзенных кольями преступников. Его клыки полностью вытянулись, ощущение от них было почти болезненным. Он трясся от желания глубоко вонзить их в открытую плоть беспомощного вампира.

Но это было недопустимо! Диаблери, вампирская разновидность каннибализма, была худшим из возможных грехов. Она была всем тем, против чего архонт вроде ди Падуи, как предполагалось, должен был выступать. Уничтожение не просто чужого тела, но чужой *души* – Федерико не думал, что сумеет выжить, имея такое на своей совести.

С расширенными глазами, трясущимися губами и даже челюстью, он обернулся и уставился на Карен Суадела, стоявшую рядом.

«Это единственный выход, Федерико. Верни себе силу, принадлежащую тебе! Почувствуй, как кровь течет сквозь тебя, как и должна! Если ты не исцелишься, то не сможешь помочь нам встретить то, что грядет. Ты нужен Камарилье, Федерико».

Чувствуя, как душа внутри выворачивается наизнанку, Федерико ди Падуя посмотрел вниз, на беспомощного Сородича, лежащего перед ним на полу. И, медленно, очень медленно, он наклонился вперед.

Это было необходимо, а раз это было *необходимо*, он найдет какой-нибудь способ примириться с этим и двигаться дальше. Достаточно будет всего одного раза…

Где-то над Атлантическим Океаном

При небрежном рассмотрении, самолет выглядел довольно обычно. General Dynamics Gulfstream, модель 400, один из тех реактивных самолетов, что выбирают для себя богатые личности и бизнесмены, которым нужно совершать трансатлантические перелеты независимо от коммерческих авиалиний. Обычно способный с комфортом разместить восьмерых, этот конкретный G-400 отличался несколькими внутренними улучшениями, которые сокращали запас места для пассажиров, но делали полет намного более комфортным для собственника. Задняя половина пассажирского салона была полностью отделена от передней толстой пуленепробиваемой стенкой и тяжелой дверью с засовом, запирающим ее изнутри. Этот внутренний салон не имел окон, но в остальном был оборудован всем, что мог бы потребовать взыскательный путешественник, включая, но не ограничиваясь спутниковым телефоном и интернет-соединением. Несколько стульев, диван и рабочий стол с собранным на заказ персональным компьютером создавали в комнатке ощущение офиса. Маленькие холодильник и телевизор делали ее несколько более похожей на личные апартаменты, хотя пакеты с кровью в холодильнике производили несколько беспокоящее впечатление. У дальней стены находился снабженный подкладкой металлический гроб того типа, что используют для доставки тел через океан, а рядом был спальный мешок для гостя Беккета.

Беккету не слишком нравилось мелодраматическое ощущение от сна в гробу. Вот, скажем, ортопедический матрас, или просто подходящий кусок земли, это всегда пожалуйста. Но, если самолет потерпит крушение в дневное время, он хотел, чтобы рядом было какое-то средство защиты от солнечных лучей (на тот очень маловероятный случай, что он все же выживет в катастрофе), а запечатанный металлический ящик просто был лучшим вариантом решения. Раз уж пришлось потратить многие миллионы на самолет, он собирался предпринять все возможные предосторожности.

Конечно, ему на самом деле вообще не хотелось тратить эти деньги. Хотя Беккета нельзя было назвать бедным, у него не было ресурсов того калибра, что у многих Сородичей его возраста: он был слишком занят своим личным крестовым походом, чтобы беспокоиться о биржевой игре или манипулировании корпорациями. Но, несмотря на все его швейцарские счета, та сумма, что ушла на самолет, ударила по нему тяжело. Он все еще распродавал свои археологические находки из числа не особо интересных (вроде той, которую он пристроил Виктории Эш), чтобы пополнить свой провисший счет. И все же, учитывая, сколько ему приходилось скакать с континента на континент, что-то было необходимо. Его собственных двух ног (или четырех ног, или двух крыльев, смотря по тому, в каком обличье он находился) хватало для путешествий между отдельными государствами, но для пересечения больших водных пространств они подходили заметно хуже. Для кого-то вроде него полет на рейсовом самолете вариантом не был: достаточно одной задержки рейса, когда его самолет не успеет приземлиться до рассвета, и возникнет куча проблем. Корабли были безопаснее, но не отличались особой скоростью. Всего несколько лет назад он, наконец, решил, что будет эффективнее обзавестись собственным транспортом.

Зажужжал интерком, словно испуганный майский жук. Беккет, дотянувшись, надавил кнопку: «Что там, Чезаре?»

«Вы велели уведомить вас, Синьоре, когда охрана найдет служащих. Они нашли».

Беккет сначала кивнул и только потом вспомнил, что гуль не может видеть его из кабины. Они с Капанеем оставили троих носильщиков, затолкав их в служебный туалет в международном аэропорту Саванны, Hilton Head. Он даже украл их бумажники, чтобы все выглядело естественнее. Когда эти трое очнутся, они расскажут, что на них напрыгнули сзади и стукнули по голове.

«Если очнутся» - мысленно поправил себя Беккет, почувствовав быструю вспышку вины. Он немного потерял голову, когда пил из третьего, и, возможно, вытянул слишком много. Питаться в настолько людном месте, как аэропорт, всегда было рискованно, а если бы тела нашли до их вылета, им могли бы его запретить. Но отправляться голодным в полет на дальнюю дистанцию, в котором из еды на борту только пилот, было бы еще хуже. Конечно, в холодильнике был неприкосновенный запас, но зачем рисковать?

Аэропорт, без сомнений, закроют не на один час, пока служба безопасности не удостоверится, что происшествие не было связано с проникновением в комплекс каких-нибудь террористов. Беккет велел Чезаре слушать радиопереговоры в аэропорту (Боже, благослови того приятеля Окулоса, что продал им подслушивающее оборудование дальнего действия, которое сейчас и использовалось), на случай, если кто-нибудь увяжет нападение и частный самолет, покинувший аэропорт два часа назад. Вероятность была невелика, но Беккет не собирался ее игнорировать.

«Очень хорошо, Чезаре. Сообщи, если что-нибудь дальше произойдет».

«Конечно, Синьоре».

Беккет нахмурился, отключая связь. Он никогда не хотел заводить гуля. Сама эта идея – превратить человека в эмоционального раба, дав ему отпить вампирской крови, - всегда создавала у него смутное ощущение нечистоты. Убийства смертных, хотя он и старался избегать их, насколько только возможно, были частью его природы. Но вкуса к тому, чтобы их контролировать, он, в отличие от многих других Сородичей, так и не выработал.

И все же, когда он приобрел самолет, ему было хорошо понятно, что кто-то должен его пилотировать. Чезаре был безработным пилотом, на которого Беккет наткнулся в Венеции, когда (безуспешно) пытался купить кое-какой еретический текст из коллекции некоего Пьетро Джиованни. Чезаре был весьма умелым пилотом, но еще он был рабом бутылки. Беккет рассудил, что, если этот человек добровольно сделал себя рабом, то пусть от него в этом состоянии лучше будет хоть какая-то польза. Теперь алкоголизм закончился, сменившись намного менее естественным пристрастием. Беккету не нравилась необходимость этого, не нравились прилагающиеся к этому обязательства, и, на самом деле, ему не слишком нравился Чезаре как человек – но, в конечном итоге, этот выход был лучшим из плохих.

«Ты рассказывал мне, - напомнил Капаней, когда стало ясно, что Беккет впал в задумчивость, - об этом Хардештадте, и почему ты выбрал на него работать».

Беккет моргнул, потом очень невесело ухмыльнулся: ««Выбрал» - это, думаю, не очень точный термин, Капаней. У меня совершенно не было выбора».

«Потому, что этот Хардештадт – могущественный член этой Камарильи, о которой ты говорил?»

«Могущественный? Хардештадт был одним из основателей Камарильи, - объяснил ему Беккет. – Почти наверняка он еще и член Внутреннего Круга. Если же нет, он

дергает за ниточки многих, кто туда входит. Честно говоря, я бы предпочел вырвать себе оба клыка лезермановскими пассатижами, чем на него работать, но… В общем, говоря с ним, я умудрился ляпнуть ему кое-что, чего совершенно точно не надо было говорить. Сейчас в моих наилучших интересах, чтобы он был мной доволен, и если для этого потребуется некоторое время изображать мальчика на побегушках, значит, пусть будет так».

Если у Капанея и были какие-то трудности с восприятием современных метафор, он хорошо это скрыл: «Но почему нельзя просто спрятаться? Не может быть, чтобы он мог дотянуться до тебя где угодно».

«Не где угодно, но близко к тому. Чтобы я мог от него спрятаться, мне пришлось бы уйти в какое-нибудь действительно темное место и в нем оставаться. А если бы я так поступил, то не смог бы вести мое собственное расследование».

«А. – Капаней откинулся назад, и по его выражению можно было предположить, что к этой идее он и подводил разговор. – Значит, ты делаешь это не только от его имени, но и от своего собственного. Это часть того же квеста, с которым ты был в Египте, верно?»

«*Квест. Рыцарское искание. Интересный выбор слов.* – Беккет улыбнулся своим мыслям. – *Но, в конечном итоге, довольно точный*».

«Да, полагаю, это так» - ответил он.

«Так почему ты это делаешь? Это не для чьей-то чужой выгоды, очевидно. Почему ты так странствуешь, так ищешь? Что ты надеешься обрести?»

«*Он действительно хочет, чтобы я ответил на этот вопрос?*» Они уже месяцы были спутниками по странствиям, но друзьями их это не делало. Они были Сородичами, и для них доверие было почти столь же чуждой идеей, как солнечные ванны.

И все же у Беккета нечасто была возможность обсудить с кем-то свои мотивы. В конце концов, это позволило бы ему самому четче их для себя сформулировать.

«В значительной степени, - начал он, рассеянно перебирая пальцами по солнечным очкам, что он держал в руках, и явно не замечая этого очень человеческого жеста, - это все ради самого процесса решения проблемы. Складывания мозаик в единое целое. Я нахожу интеллектуальные и эмоциональные стимулы почти столь же приятными, как хорошая кормежка. Они поддерживают мою остроту, не дают мне пресыщаться. – Уголки его рта печально дернулись вниз. – Заставляют меня чувствовать себя полезным, как будто я действительно трачу свое бессмертие на то, чтобы чего-то достичь».

Капаней слегка улыбнулся: «Подобное достижение всегда ценно и само по себе. Но ведь это не единственная твоя причина, не так ли?»

Беккет на мгновение потерял мысль, удивляясь вампиру, который сидел перед ним. Хотя по смертным меркам Капаней был сдержанным, в сравнении с другими старыми Сородичами его эмоции, казалось, буквально перехлестывали через край. Большинство старейшин со временем начинали выглядеть нечеловечески – не из-за изменений внешности, но из-за того, как они вели себя, как двигались. Они переставали делать все те мелкие случайные движения, что делают люди: жестикулировать, моргать… Некоторые вообще переставали менять выражение лица иначе как сознательно напоминая себе его сменить.

У самого Беккета было немного больше смертных манер, чем у большинства вампиров его возраста. Он сознательно вырабатывал их – в основном, в противовес нечеловеческим чертам и привычкам, что он выработал с годами. Но Капаней был почти таким же выразительным, как Беккет, и при этом был существенно старше.

«Ты прав, - наконец отозвался Беккет, мысленно встряхнувшись. – Да, это не единственная причина, по которой я делаю то, что делаю. Я ищу истину о нашем прошлом, и о нашем происхождении, как способ понять нас. Не просто нас – себя самого».

«Что ты имеешь в виду? Как понимание Каина или Третьего Поколения поможет в этом?»

«Я полагаю, - сказал Беккет, наклоняясь вперед: тема начала его увлекать, - что «Каин», как его знают Сородичи, не существовал. Рассказы о Каине, и Авеле, и Геенне – все это апокрифы. Миф и метафора».

Глаза Капанея расширились: «В мое время о подобном невозможно было бы и помыслить. Наша история, как ее передавали Книга Нод и наши жрецы пепла, была столь же несомненной, как рассвет на следующее утро».

«Точно. И в этом и состоит проблема. Большинство Сородичей, которые вообще этим занимаются, смотрят на это, как на историю. Никто не задерживается, чтобы поразмыслить, что оно все значит».

«А ты желаешь знать, что оно значит».

Беккет кивнул: «Может, я и не верю, что мы происходим от земледельца – убийцы, *но откуда-то* мы происходим. И, учитывая довольно необычную природу наших способностей, это происхождение, совершенно точно, и близко не имеет ничего общего с эволюцией или естественным отбором. Что-то создало нас. Может, это был Бог. Может, что-то еще. Я не знаю. Но я *знаю*, что у этого должна была быть какая-то *цель*. Что мы были созданы по какой-то причине, и эта причина – нечто большее, чем желание какого-нибудь гневного божества обрушить бич на спину согрешившего человечества.

Я должен понять, откуда мы пришли, Капаней, потому что лишь так я смогу понять, *почему* мы существуем. Я искренне верю, что это отсутствие понимания, по крайней мере, отчасти ответственно за нашу неспособность сотрудничать друг с другом хоть сколько-нибудь продолжительное время, за постоянные интриги, махинации и войны людей вроде Хардештадта. Бессмертие без цели есть, должно быть, величайшее проклятие из вообразимых, и именно от него я намерен освободить себя самого, и остальных Сородичей тоже, если они станут слушать.

Без понимания, Капаней, все остальное – не более чем пепел и пустой звук».

Какой бы ответ ни мог предложить Капаней, их беседу грубо прервало внезапное ощущение летаргии, которое накатило на обоих. Они едва успели забраться в свои постели – Беккет в гроб, Капаней, соответственно, в спальник, - прежде чем поднимающееся солнце не загнало их в спячку.

Замок Сфорческо

Милан, Италия

Когда-то бывший могучей крепостью, способной устоять почти под любой атакой, в современную эпоху замок Сфорческо был осажден толпой иного рода – туристами. В его стенах располагались многочисленные музеи и библиотеки, включая прославленный Museo d'Arte Antica, и каменные полы от рассвета до заката отражали эхо шагов персонала и тысяч людей, которые приходили из ближних и дальних земель, чтобы увидеть реликвии ушедших эпох.

Ночью замок Сфорческо, разумеется, был полностью закрыт для публики. Те, кто сейчас стоял в одной из его высоких сводчатых галерей, «публикой» не были. В любую другую ночь сразу несколько каких-нибудь Сородичей из числа тех, что населяли Милан, вполне могли оказаться в этих залах, симулируя восторг от живописи и скульптуры, чтобы произвести впечатление на собратьев художественным вкусом и культурностью. Замок Сфорческо был известен как Элизиум, один из нескольких в пределах Милана, в его пределах Сородичи могли собираться, не боясь насилия или враждебности – по крайней мере, открытых. Двор князя Джангалеаццо помещался не в нем, но замок был вторым по популярности местом собраний среди вампиров, озабоченных продвижением в обществе.

Сегодня он по большей части пустовал. Джангалеаццо назначил на эту ночь собрание двора, в другом месте и с началом в полночь, так что верхушка Сородичей города проводила эти ранние ночные часы за подготовкой. Это оставляло для Джангалеаццо время, чтобы посетить Сфорческо по собственной надобности. Сейчас он стоял в одной из галерей поменьше, в основном занятой бюстами и другими мелкими скульптурами итальянского прошлого, которые, казалось, безо всякого порядка были расставлены по комнате на постаментах. Их наличие мешало князю ходить туда-сюда с почти маниакальным видом, но он все же находил место для маневра, и его шаги выбивали по полу частую дробь.

Образец итальянского джентри, Джангалеаццо носил волосы зачесанными назад, был одет в костюм военно-морского темно-синего цвета из наилучшего шелка и не имел на себе украшений, кроме кольца на пальце. Даже в слабом освещении этой комнаты оникс в кольце то и дело вспыхивал.

Второй и последний посетитель комнаты, который тоскливо смотрел на коленные чашечки ходящего взад и вперед вампира и периодически размышлял о том, как было бы здорово их поломать, выглядел в этом окружении настолько неуместно, насколько было возможно. Он был одет в джинсы, кроссовки и кожаную куртку – хотя, в качестве дани формальной оказии, он сменил свою обычную мотоциклетную косуху на кожаное полупальто спортивного фасона. По той же причине сегодня на нем не было обычной бейсболки, и его голова без привычного убора казалась голой. Через плечо у него была матерчатая спортивная сумка – кое-какие вещи, без которых он никогда не путешествовал.

Наконец, уже выведенный из терпения, не желая ждать, пока князь заговорит, он понял, что не может больше выносить частого звука шагов. «Крутой ритм, - сообщил он, становясь на пути Джангалеаццо, - но я не смогу под него танцевать».

«Скажите мне, архонт Белл, - Джангалеаццо едва успел остановиться, чтобы не врезаться в более крупного вампира, и его ответ звучал очень резко, - что ваши вышестоящие предлагают делать по поводу *этого*?»

Вся до капли сила воли потребовалась Тео Беллу, архонту юстициария Ярослава Пашека и, как казалось в последние ночи, еще одним мальчиком на побегушках у Камарильи, - чтобы не ответить «уроки музыки». Вместо этого, чувствуя, как в его голове раздается эхо слов «манеры» и «дипломатия», он ответил бледной улыбкой.

«Мои вышестоящие занимаются расследованием. Мы и раньше имели дело с проклятиями и болезнями крови, и этот случай не должен оказаться…»

«Избавьте меня от банальностей, архонт! Я вам не какой-нибудь невежественный неонат, чтобы меня можно было утихомирить пустыми обещаниями чудесных исцелений или одурачить явным враньем о чуме и море! Это не просто какое-то заболевание, и Внутреннему Кругу это чертовски хорошо известно!»

«*Иисусе, ну началось…*»; «И что же, по вашему мнению, происходит, князь Джангалеаццо?» - Сквозь стиснутые зубы поинтересовался Белл.

«Вы действительно настолько слепы, архонт Белл? Все знаки проявляются. Старейшие по крови угасают ночь за ночью, и, если верить слухам, одна лишь кровь других Сородичей способна облегчить их слабость. Красная Звезда светит ярче – и еще ярче, как мне говорят, для тех, кто обладает даром высшего зрения, но изменение заметно даже мне. Вы действительно не способны увидеть, что на нас надвигается Геенна?»

«Геенна – это миф, князь. Нас ожидает офигенно большая буча, это я вам точно говорю, но…»

«Белл, я оставил Шабаш потому, что не переваривал того, чем он стал, и чем он заставлял стать меня. Однако я исходил из того, что ваши главы готовы разбираться с Древними, когда они восстанут, что их слова о мифах и легендах нужны лишь для усмирения младших поколений. Если же это не так, если Внутренний Круг собирается зарывать головы в песок даже тогда, когда перед ними предстает столь очевидное свидетельство, - тогда, возможно, мне стоит пересмотреть мое прошлое решение. По крайней мере, Меч Каина не лишен глаз».

Белл моргнул, всего один раз, медленно, намеренно показывая, что обдумывает услышанное только что. Потом, так же медлительно, он сделал несколько шагов вперед и оказался нос к носу с Джангалеаццо – почти буквально.

«Князь, - сказал он, низким и тихим голосом. – Я не хотел быть здесь этой ночью. Я несколько месяцев провел в самом центре целого урагана дерьма совершенно эпического масштаба. Меня послали в Европу, даже близко не дав понять, что мне предстоит делать, велели ждать дальнейших клятых указаний, а *потом* сказали, что, пока я здесь, мне нужно заскочить в Милан и уладить ваши жалобы. «Попытайся умиротворить его беспокойство» - сказали они мне. Так вот, после того, что я только что услышал, что-то там «умиротворять» мне совершенно не интересно.

Я устал. Я привык к тому, что в это время как раз встает солнце. У меня нет ни малейшего ебаного понимания того, почему именно *я* оказался по эту сторону океана, кроме того, что все остальные чертовы архонты из этих краев оказались слишком заняты чем-то еще, чтобы заняться той хуйней, что предстоит мне, что бы это ни было. И вот тут, внезапно, князь Камарильи стоит передо мной и прямым текстом говорит, что хочет слиться.

В общем, смотри, князь, как оно получается. Когда ты пришел в Камарилью и принес с собой свой город, это была крупная победа. Если юстициарии выяснят, что все это на самом деле было замыслом Шабаша, а тебя пришлось замочить как шпиона, то это окажется крупным промахом. Куча народу потеряет лицо, по-крупному. *Но*, - и вот тут становится прикольно, - промах будет не таким крупным, как если бы тебе *удалось* уйти назад в Шабаш.

Я, бля, достаточно ясно выразился?»

«Вы… Вы не можете говорить со мной в таком тоне!» Джангалеаццо орал, брызгая слюной – действительно редкое дело для вампира его возраста и с его самоконтролем, обычно идеальным. Он был старейшиной, который хладнокровно отдал весь свой город в руки враждебной секты, люди которого по его велению истребили всех, кто был верен Шабашу и на тот момент находился на территории Милана. Белл осознал, что князь, чтобы оказаться настолько потрясенным, должен искренне верить в близящийся конец света.

«*Либо так, либо его тоже поразила эта хрень с кровью, которая бродит вокруг. В любом случае, надо донести до него мою идею*».

«Могу, и говорю, - ответил Белл вслух. – Поскольку я собираюсь сделать тебе одолжение и притвориться, что я не слышал всей этой беседы – если только ты потом не сделаешь что-нибудь тупое и не заставишь меня о ней вспомнить – думаю, с тебя причитается в смысле простить мне некоторую некультурность по части высокой дипломатии».

Белл отступил на два шага от ошеломленного князя: «Итак, - продолжил он, - я заверяю вас, что Камарилья тщательно и с полной серьезностью расследует это дело, и она благодарна за внимание к нему, выказанное *лояльным* и *доверенным* князем Милана. Мы будем держать вас в курсе дел, а если у вас будет что-то, что сможет помочь ходу расследования, пожалуйста, обратитесь к нам в любое удобное для вас время».

Джангалеаццо ощерился, затем развернулся на каблуках и быстрыми шагами удалился через ближайшую дверь, а Белл остался сомневаться, нельзя ли было уладить ситуацию каким-нибудь способом получше.

«*Да ну нахуй. Это был лучший способ из тех, которыми уладить ситуацию мог* я. *Если хотят корректности, пускай ищут еще кого, чтобы сюда приперся. У меня и других дел…*»

Глаза Белла слегка сузились – это было совершенно незаметно для кого угодно, кто в это время не глядел прямо ему в лицо. Ничто другое не выдало того, что архонт внезапно напрягся. Он со скучающим видом сделал несколько шагов среди бюстов и скульптур, остановился, чтобы рассмотреть какую-то получше, присел, кладя сумку на пол…

И комнату сотряс раскат рукотворного грома, когда он поднялся на ноги, держа в руках SPAS-15, полуавтоматический дробовик. Оружие изрыгнуло в потолок настоящее облако крупной картечи. Полетели обломки камня; на потолке и нескольких статуях остались отметины. Белл надеялся, что их можно будет отреставрировать, но боязнь попортить предметы искусства не остановила бы его. Не в этот раз. Не когда противником оказалась она.

Покров теней, который делал темноволосую женщину невидимой для обычного зрения, испарился, когда она нырнула из угла – где щупальца тени поддерживали ее на высоте нескольких футов от пола – и прочь от облака жалящего металла. Она упала на ковер, перекатилась и поднялась на ноги быстрее, чем человек успел бы моргнуть. Ее руки поднялись вперед в защитной стойке, вокруг ее тела и рук заклубилась тьма, делая попытки прицелиться в какую-то конкретную часть ее тела сложнее.

«Польщена встречей, архонт Белл»

«Сдохни, архиепископ».

Про себя Люсита выругалась, но на ее лице не промелькнуло и следа раздражения. Она еще раз перекатилась, уходя из-под картечи, которую Белл отправил в ее направлении. Она знала об архонте по его репутации: так называемый «Мочила Б» был широко известен в рядах американского Шабаша, и слава о его возможностях достигла и Арагона. И все же она была вполне уверена, что он не должен был суметь заметить ее сквозь ее укрытие. Это могло объясняться лишь очередным проявлением непостоянства ее способностей, как и ее слабеющий контроль над тенями. Белл был хорош для своего возраста, возможно, он был лучшим среди сверстников, но она была почти в шесть раз старше. На пике своей формы она, несомненно, сделала бы его, хотя схватка не была бы легкой. Но при нынешнем раскладе у нее были серьезные проблемы.

Белл, со своей стороны, достаточно слышал о наводящей ужас Люсите, чтобы теперь выкладываться меньше чем на сто процентов. Среди архонтов Люсита была почти легендой: независимый игрок в войне сект и каменно-хладнокровный убийца. Теперь, когда она связала судьбу с Шабашем, это уважение было смешано с немалой долей ненависти – и страха. Белл знал: если он даст ей хоть миг, чтобы получить преимущество, то он мертв. Знал он и о том, что его дробовика никак не хватит, чтобы уничтожить Ласомбра, хотя пришедшая в голову или грудь порция картечи способна замедлить кого угодно. Выпуская третий заряд в быстро перемещающееся облако тьмы – все, что он мог увидеть от архиепископа – он уже несся по комнате, петляя среди статуй, и сила его крови разгоняла его до скорости, невообразимой смертным. Люсита, однако, была почти такой же быстрой, и один из пьедесталов позади нее, приняв выстрел на себя, разлетелся почти в пыль.

Белл обернулся для четвертого выстрела, но Люсита внезапно оказалась *над* ним, вновь удерживаемая в воздухе конечностями из тьмы. Щупальце метнулось вперед, обернулось вокруг дробовика, и комнату наполнил звук сминаемого металла: оружие начало гнуться, сдавленное посредине: «Посмотрим, чего ты стоишь без игрушек, архонт Белл».

«Окей». – Даже в спокойном состоянии Тео Белл был в несколько раз сильнее любого смертного. Теперь, в бою и с несущейся по жилам кровью, он был еще сильнее. Не выдав своего намерения ни одним движением мышцы, он внезапно и резко дернул на себя дробовик – и Люситу, которая была связана с ним щупальцем и не успела отцепиться. С силой сваебойной машины он ударил кулаком вверх и достал череп врага.

Несмотря на сверхъестественную живучесть Люситы, кость треснула. Мир вокруг нее, казалось, поплыл и замигал, словно Бог начал то включать, то выключать свет с большой скоростью. Она ощутила пол под спиной, поняла, что приземлилась, почувствовала, что ее контроль над тенью ускользает, и щупальца исчезли. В последний раз, когда она получила удар такой мощи, его нанес Левиафан – существо Бездны, обитающее под убежищем ее сира, кардинала Монкады. Она не думала, что какой-либо еще вампир хоть раз бил ее с подобной силой.

Но Люсита была слишком опытна и слишком хорошо тренирована, чтобы позволить себе потерять ориентацию от боли и замешательства – даже от столь сильных. Когда архонт склонился над ней с обломком деревянного пьедестала в руке, она откатилась назад и пнула Белла в подбородок обеими ногами, тем же движением подняв себя на ноги в прыжке. Она приземлилась на широко расставленные ноги и с руками, выставленными перед собой. Белл, которого сильно шатнуло от пинка, почти не уступавшего по силе его удару, все же сумел восстановиться с такой же скоростью, как она, и теперь стоял перед ней, изготовив и кол, и кулак.

Люсита двинулась вперед – и резко остановилась, захваченная внезапным приступом тошноты. Подобного с ней не бывало со времен смертной. Ощущение прошло почти так же быстро, как появилось, но напугало ее сильнее, чем любое мыслимое действие Белла. Если ее недуг, чем бы он ни был, продолжал нарастать, если он был способен проявиться так внезапно и посреди боя, то она просто не могла себе позволить схватку с настолько могучим врагом, как архонт. По крайней мере, пока она не сможет лучше разобраться с тем, что с ней происходит.

Люсита почувствовала, что пришло время применить необычную тактику: начать говорить правду.

«Белл, послушай. В этом нет нужды. Сегодня ночью я здесь не как твой враг».

«Точно. Лучший убийца Шабаша случайно оказался в городе того, кого Шабаш считает своим главным предателем. Не знаю, что ты обо мне слышала, но я не *настолько* тупой».

Прежде, чем предложение отзвучало, Белл нырнул вперед, направляя в голову Люситы боковой удар кулаком. Если бы она сблокировала его, как инстинктивно сделали бы многие бойцы, то открыла бы левую сторону груди для кола, удар которого последовал спустя долю секунды.

Но Люсита была одной из лучших, и она поняла обманное движение чуть ли не раньше, чем Белл его начал. Вместо того, чтобы блокировать, она пригнулась под обоими ударами и широко размахнулась ногой, вышибая ноги из-под Белла. Тот жестко приземлился на спину, но мгновением позже сгреб себя на ноги – пусть не так грациозно, как Люсита до того, но не менее действенно. Он ожидал, что ему, поднимаясь, придется отбивать атаку, и удивился, обнаружив, что Люсита не воспользовалась преимуществом. Более того, она отступила на несколько шагов *назад*.

«Белл, послушай. Я здесь не за Джангалеаццо». – Это было более или менее правдой. Казнь князя-предателя не была ее основной задачей в Милане. Она всерьез подумывала убить его в качестве маленького приятного дополнения, но упоминать об этом не собиралась.

Если бы заявление Люситы не было подкреплено ничем, кроме ее честного слова, Белл бы уже атаковал вновь. Но от него не ускользнул тот факт, что схватка проходила немного слишком хорошо, по крайней мере, для него. Люсита занималась подобными вещами уже так с тысячу лет, если он правильно помнил (а он помнил правильно), так что сейчас ему должно было быть больно. Должно, но не было. И если это означало то, что Белл думал по этому поводу, то внезапно стало очень важно узнать больше. Он ни на мгновение не ослабил осторожности, но наступать все же не стал: «Ну ладно. Так *почему* ты здесь?»

Люсита на мгновение усомнилась, стоит ли ему говорить, но решила, что вреда от этого не будет. Даже если лично он не знал того, что она ему скажет, то его начальство наверняка уже знало. Про Камарилью можно было говорить что угодно, но Люсита знала, что шпионы у этой секты эффективные.

«Несколько старейшин Шабаша в последние недели пропали. Остальные ослабели, словно атакованные изнутри. Я предполагала, что это может быть первой ступенью какого-нибудь наступления Камарильи, возможно, какой-нибудь проклятый ритуал Тремер. И, будь все так, ваши люди, вероятно, связались бы с Джангалеаццо, чтобы получить от него закрытую информацию о европейских силовых центрах Шабаша. Я здесь в целях разведки, Белл, и ничего больше».

«И у могучего архиепископа Арагона не нашлось миньонов, которые могут сбегать по поручению?»

«У могучего архиепископа Арагона нет миньонов, которым бы она доверила дело подобной важности, хотя твои руководители явно мыслят по-другому».

Белл нахмурился. На самом деле он не хотел ей верить. Он хотел, чтобы это оказалось очередным трюком, ее попыткой скрыть тот факт, что слабость крови, поражающая Камарилью, на самом деле была затеей Шабаша. Но Люсита не только утверждала, что старейшины Шабаша испытали эту слабость, она, похоже, сама страдала от некоторых ее симптомов. Хотя мысль об этом плохо укладывалась в голове, у него возникло ужасное подозрение: Люсита говорит ему правду, или, по крайней мере, часть правды. Но если Камарилья не была ответственной за происходящее (а он был вполне уверен, что не была), и Шабаш тоже не был ответственным за него, то что оставалось?

Способности Люситы шли на убыль – но все еще оставались выдающимися. Что важнее, она умела извлекать преимущество из того факта, что противник отвлекся. Едва Белл открыл рот, чтобы задать еще один вопрос, Люситу, точно занавесью, окутали тени.

Когда они истаяли, Белл остался один с разнесенным музеем и предстоящими объяснениями.

Снаружи Музея Доисторической Антропологии

Монако

В среднем на дождливую погоду в Монако приходилось около шестидесяти дней в году. Нынешняя ночь не относилась ко средним. С небес рушились потоки воды, словно кто-то перевернул город набок, и Средиземное море оказалось над городом, а не под, как обычно. Пешеходы – в основном туристы, но и кое-кто из местных, - бежали по гостиницам и домам; и зонтики, и всеми любимые газеты-поверх-головы оказывались более или менее бесполезны против подобного потопа.

Даже сейчас, спустя час после рассвета, из музея выходило небольшое количество людей – в основном персонал, разделавшийся с вечерними делами и бегущий домой. Никто из них не знал, что кое-кто рассматривает именно их, а не экспонаты, о которых они заботились.

Через дорогу, крохотными немигающими глазками глядя на выходивших из дверей библиотеки, висела на ветке дерева большая черная летучая мышь. Она была совершенно неподвижна и лишь изредка ежилась, пытаясь стряхнуть со своего меха хотя бы часть воды.

В подобые моменты Беккету хотелось, чтобы вампиры были так же равнодушны к сырости, как к жаре и холоду. Мех помогал, как помогало и то, что он не чувствовал холода от дождя, но это не отменяло того факта, что он чувствовал себя чрезвычайно жалко. При большинстве других обстоятельств он бы уже давно сдался и решил заняться этим делом в какую-нибудь другую ночь.

Но они с Капанеем были в Монако уже почти две недели, следуя по ниточкам и по большей части возвращаясь с пустыми руками. Самира нигде не удавалось найти, будь то в его убежище или на его местах обычного пребывания (тех, о которых Беккет знал, по крайней мере). Не удавалось Беккету и откопать кого-нибудь из других

Тремер, живущих в Монако. Когда он последний раз беседовал с Самиром, на всю страну, предположительно, приходилось всего трое Тремер. Но в стране, размеры которой были меньше, чем размеры большинства мегаполисов, найти кого-нибудь из трех конкретных вампиров не должно было быть такой уж невозможной задачей.

Наконец, Беккет наткнулся на другого вампира, который, в обмен на несколько сотен (выплаченных фишками казино) сообщил ему, что у одного из других Тремер Монако был гуль – по фамилии Рево, имени вампир не знал, - который работал в Музее Доисторической Антропологии. Если хоть кто-то в стране знал, где искать отсутствующих чародеев, и если предположить, что гуль сам не исчез вместе с ними, то он должен был знать.

И вот теперь Беккет, летучая мышь, смотрел, как уходят сотрудники музея. Их лица были в основном скрыты зонтами и другими средствами защититься от дождя. Он пытался найти человека, на которого у него не было даже внятного описания внешности. Беккет в попытке поднять себе настроение представил, как он слетает туда вниз, у всех на глазах превращается обратно в человека и, с интонациями Бела Лугоши, заявляет: «Я здесь за Рево». Он пронзительно пискнул: у рукокрылых это сходило за смех.

И затем, внезапно, Рево оказался на улице, замыкая маленькую процессию сотрудников, выходивших из музея. Он выглядел совершенно обыденно: мягкие коричневые волосы, мокрые от дождя, облепляли голову; дешевый костюм с распродажи – тело; на носу сидели очки. Беккет никогда бы его не заметил, если бы не его манера держаться и вороватый, отчаянный взгляд. Его глаза метались то туда, то сюда, словно ища пути к бегству, они были сощурены от дождя и ветра, и налиты кровью. Он сильно сутулился и волочил ноги, словно больной, понемногу оправляющийся от вируса. Возможно, этот человек просто был болен, но Беккету так не казалось. Он выглядел, как наркоман в ломке, но ему требовалось больше, чем затяжка никотина или доза.

Беккет последовал за ним, трепыхаясь в ночном небе. Дождь делал затею сложной, мешая эхолокации и отяжеляя крылья, но, к счастью, идти было недалеко. Всего несколько кварталов, и он уже заворачивал в дешевый (по крайней мере, по меркам Монако) многоквартирный дом. Через две минуты в одной из квартир четвертого этажа зажегся свет.

Окна были плотно закрыты от дождя, нигде не находилось места, чтобы могла пролезть мышь. Но, с другой стороне, Беккет не был ограничен одним сменным обликом. Он впорхнул в окно какой-то другой квартиры, открытое и ведущее в комнату без света, и сконцентрировался. Усилие, которое потребовалось, чтобы принять этот новый облик настолько быстро, много отняло: он бы вспотел, будь это обличье способно потеть, и он знал, что ему придется найти пищу до конца ночи. Мир стал серым, а затем растворился, когда зрение Беккета сменилось на чувство, больше похожее на осязание.

Сидя в большом кресле перед телевизором, включенным на каком-то платном канале, Рево не заметил, как в комнату сквозь окно вползла неестественная полоса тумана. Не услышал он и мягких шагов Беккета по ковру за спиной. Он почувствовал, что не один, только когда на его горло легли бритвенно-острые когти.

«Вечер, - сказал ему Беккет на безупречном французском. – Где часовня?»

На бульваре Мельниц

Монте-Карло, Монако

Вернувшись в комнату гостиницы за сумкой, сытый от крови гуля, Беккет стоял перед большим, но непримечательно выглядящим домом на задворках Монте-Карло. Ворота на территорию были открыты, и ни в одном окне не было света. Дождь спал до разражающей мороси, но гром и молния все еще периодически раскалывали небо.

«Ну разумеется, - подумал Беккет. – Какой же это покинутый дом с колдовством без «темной ночи с бурей и дождем», в самом-то деле».

Он коротко порадовался, что Тремер насадили вдоль линии забора несколько кустов. Это позволит ему разложить всю лавочку на газоне, не особо боясь, что его увидят с улицы. Он с полным правом ожидал, что у часовни будет несколько линий чародейной защиты, и вовсе не был настолько глуп, чтобы пытаться зайти внутрь, предварительно с ними не разделавшись.

Проблема была в том, что близкое рассмотрение не показывало никакой защиты подобного рода. Он оглядел дом всеми своими обостренными чувствами, включая способность видеть ауры. Он потратил некоторое время, осматривая землю на предмет мистических отметин, знаков, символов – чего угодно, что казалось неуместным и могло выдать барьер. Наконец, он просто простоял несколько минут, молча глядя на дом перед собой. Либо гуль соврал о местонахождении часовни (маловероятно, если учесть, насколько отчаянно он жаждал хотя бы попробовать кровь Сородича, что и предлагал ему Беккет), либо Тремер оставили место без защиты.

Либо же кто-то еще успел прибраться.

Беккет вслух обругал себя. Какого черта он об этом не подумал? В Камарилье знали, что Тремер исчезли: ебаный стыд, сам Хардештадт при нем об этом упоминал! И как он не додумался, что они позаботятся пройтись по адресам и подчистить все, что могли оставить после себя чародеи, пока это не успел сделать Шабаш или, что еще хуже, какие-нибудь сильно смелые смертные?

Вероятность найти внутри что-нибудь, что подскажет, куда делись Самир или остальные Тремер, таким образом, становилась почти нулевой. Но никакой нити получше у него все равно не было. Почему бы по ней и не пройтись.

Взвешивая каждый шаг, не моргая, непрерывно принюхиваясь на случай, если кто-то обнаружится рядом, Беккет приблизился к парадной двери дома. На какой-то момент он оказался близок к панике, когда, как ему показалось, заставил сработать какой-то оберег или другое мистическое средство защиты, оставшееся незамеченным. Его руки начали с невероятной силой чесаться, и он содрал перчатки, готовый увидеть, как они вспыхивают, или теряют цвет, или отгнивают, или что-нибудь еще. Тем не менее, они выглядели довольно обычно (насколько обычно могут выглядеть руки с когтями, покрытые мехом), а зуд прошел почти так же быстро, как начался. Когда прошло несколько минут, а ощущение не вернулось, Беккет мысленно пожал плечами и двинулся дальше.

Дверь была заперта простым замком, и на его вскрытие у Беккета с его отмычками ушло меньше минуты. Так себе безопасность. Он мог лишь предположить, что у Тремер, пока они здесь жили, были в наличии более мощные защитные средства. И все же его удивляло то, что команда чистильщиков Камарильи оставила дом настолько доступным, хотя всегда была вероятность того, что они пропустили нечто, не предназначенное для чужаков. Что-то было очень, очень не так.

Дверь, слегка скрипнув, повернулась на петлях, открыв узкую прихожую. В ней не было ковра, а единственным украшением стен была картина в абстрактном стиле. Фигуры на ней почти гипнотизировали, и Беккет понял, что, если смотреть уголком глаза, странные цвета и контуры складываются в знак треугольника-и-квадрата-в-круге, символ клана Тремер. Мило.

Дверные проемы открывались в обе стороны помещения, но не вперед. Беккет мог лишь заключить, что подобная конструкция была предназначена для обороны: короткое, стесненное пространство, в котором незваный гость не мог нормально маневрировать, пока защитники…

ЛОЖИСЬ!!!

Беккет давно уже научился доверять инстинктам. Они были острыми, и, дополненные его способностями не-мертвого, часто предупреждали его об опасностях, которые оставались незамеченными даже для его ночного видения и обостренных чувств. Так что, когда все его нутро крикнуло ему, что лучше всего сейчас быть на полу, он не мешкал ни секунды.

Когда Беккет воткнулся носом в паркет, прихожую сотряс грохот, и *что-то*, полыхнув над его головой, проделало дыру в двери позади. Беккет вскочил, глаза его горели даже ярче обычного.

«Белл». С их первой встречи с архонтом прошло уже довольно много времени, но забыть этого парня было не так-то легко.

Тео Белл, теперь одетый в привычные ему бейсболку и косуху, направлял для второго выстрела ствол помповика двенадцатого калибра. Беккет не знал, что Белл был вооружен помповым дробовиком, так как не смог починить поломанный Люситой полуавтоматический, и Беккета это не интересовало. Деловой взгляд на вещи говорил, что и помповик представляет собой достаточную угрозу.

За долю секунды в голове Беккета пронеслась, вальсируя, череда мыслей. Во-первых, Хардештадт, очевидно, в итоге решил, что он представляет собой слишком большую угрозу, хотя и непонятно: то ли из-за того, что Беккет уже знал, то ли из-за того, что мог узнать еще. Во-вторых, раз Белл уже начал стрелять, значит, возможность взять Беккета живым он не рассматривает; учитывая собственные Беккета возможности, это могло быть весьма мудро. И в-третьих…

В-третьих, Беккету было некуда деться. Он не мог бежать: даже если бы он по дороге каким-то чудом сумел не поймать в спину заряд-другой картечи, Белл, несомненно, был быстрее него. Он все еще не достиг тех дверей, рядом с которыми стоял архонт, так что не мог уйти ни в одну сторону.

Оставалось одно направление – вперед. «*Черт, будет больно…*»

По его венам понеслась кровь, давая ему всю дополнительную скорость и ловкость, что только можно. Беккет рывком вскочил на ноги и метнулся вперед. Вместо того, чтобы двигаться по прямой, он на ходу швырнул себя на левую стену и, следуя возвратному импульсу, качнулся вправо.

Как он и надеялся, первый выстрел Белла пробил глубокую дыру в левой стене, у которой Беккет был мгновением раньше. Второй, к несчастью, достал Беккета как раз в левое плечо.

В Беккета и раньше попадали, но даже его прочная шкура не смогла полностью защитить от такого мощного оружия на таком небольшом расстоянии. Боль от

кусочков металла, рвущих его плоть, заставила его зубы сжаться, его Зверя подняться из глубины души. Стремление бежать прочь от дикой боли почти одолело его – он почувствовал, как его ноги дрогнули на бегу, - но желание оторвать руки-ноги источнику этой боли было еще сильнее. Глубокий звериный рык вырвался из глотки Беккета, и его когти прорвали кончики пальцев на перчатках. Архонт или нет, как *смело* это наглое существо грозить ему? *Ему*?! Старейшине вдвое старше самого Белла!

Пытаясь удержать Зверя на более или менее коротком поводке (против врага вроде Тео Белла потребуется весь здравый рассудок, сколько есть), Беккет нырнул вперед. Дробовик выстрелил еще раз, левее того места, где он уже находился, и после этого он обрушился на архонта. Он услышал стук, когда выбитый дробовик упал и прокатился по полу, а потом уже не видел и не слышал ничего, кроме врага перед собой.

Белл со своей скоростью почти сумел уклониться от атаки. Он шагнул назад, и когти, которые вполне могли бы вырвать его сердце, всего лишь прочертили по его груди кровавые полосы. Беккет знал, что рана должна адски болеть – но, если и так, архонт не подал ни малейшего вида. Белл начал бить, наносить чудовищно сильные и при этом молниеносные удары кулаками, локтями и коленями. Он действительно был намного быстрее Беккета, и сильнее, но Беккет мог выдерживать трепку совершенно богомерзкой силы. Черт, да одного попадания в плечо многим Сородичам хватило бы, чтобы лечь. Беккет знал, что теперь бой представляет собой гонку: сумеет ли он нанести решительный удар когтями прежде, чем Белл измолотит его до отключки, торпора или чего похуже.

Ощущение было, словно Беккет попал под град, только градины были размером с мусорные контейнеры. Все его тело тряслось, кости протестующе выли, а архонт наносил удар за ударом с такой скоростью, что Беккет и надеяться не мог блокировать или уклоняться. Все, на что его хватало – защищать руками грудь и лицо да высматривать дыру в защите врага.

Он еще раз подумал о бегстве, но с ярящимся Зверем внутри и непрерывными ударами снаружи он просто не мог сконцентрироваться, чтобы сменить облик на более пригодный для бегства. Вместо этого он неожиданно извернулся и впечатался в Белла здоровым плечом, сбивая того с ритма. Он надеялся, что так выиграет момент для собственной атаки, но Белл, хотя и шатнулся, сгреб Беккета – одной рукой за горло, другой за ремень, - и впечатал его в потолок. Вокруг них посыпались куски гипсокартона и уплотнителя, а так же щепки от несущей балки. Беккет почувствовал, как хватка архонта сжимается у него на горле, и усомнился: хватило бы Беллу силы оторвать ему голову, или он просто собирается переломить Беккета через колено?

Ждать и выяснять на опыте он не собирался. Беккет наощупь схватился за обе руки Белла – когтями вперед. Его большие и указательные пальцы *встретились* между костями предплечий Белла.

Тогда архонт взвыл и отшвырнул Беккета вниз по коридору, не думая ни о чем другом, кроме того, чтобы прекратить эту боль, убрать эти неестественные когти, которые вонзились в его плоть. Беккет болезненно ударился об пол и прокатился по нему почти до самой двери. Приземлившись, он выбросил руку в сторону. Если он правильно заметил, куда упала игрушка…

Белл уже шел к нему по коридору, в глазах его было убийство, в лице проступал Зверь. Беккет перекатился в более или менее сидячее положение и вскинул с пола дробовик. Не тратя время и концентрацию, чтобы втянуть когти, он просто оторвал скобу, прикрывавшую курок, долю секунды наслаждался тем, как расширились глаза

Белла, когда он увидел дуло собственного дробовика, и выстрелил. И выстрелил еще раз. И еще раз, так быстро, как он только мог передергивать затвор.

Вообще-то, Беккет не был лучшим в мире стрелком. Он предпочитал использовать огнестрел только против смертных, если таковых оказывалось много, а в общении с Сородичами полагался на свое «естественное» оружие. Но на таком ограниченном пространстве даже Беллу было бы трудно уклониться от выстрела картечью, а тем более от нескольких подряд. Архонт припал на одно колено, когда хорошая часть его левой ляжки попросту исчезла под ударом свинца.

Опираясь на дробовик почти как на костыль, Беккет с трудом поднялся на ноги. Все его тело тряслось, когти дрожали от желания запустить их в плоть врага и омыть его кровью.

Но Беккет, хотя и считал себя хищником, решительно предпочитал оставаться чем-то большим, чем орудие Зверя. Кроме того, хотя его положение теперь, когда его смерти хотел Хардештадт, вряд ли могло так уж сильно ухудшиться, он знал: оставив за спиной пепел архонта, он его не улучшит.

«Я не хочу тебя приканчивать, Белл, - тихо сказал он, хотя на самом деле довольно сильно хотел. – Но я клянусь, если ты…»

Когда Белл поднял голову и встретился с ним взглядом, Беккет сбился, и ему пришлось подавить очень человеческое желание сглотнуть. В чертах Белла не оставалось никаких признаков разума. Глаза были сужены, и Беккет был готов поклясться, что видит в них почти такое же свечение, как в своих собственных. Челюсть архонта отвисла, клыки торчали наружу. Из груди и горла Белла вырвался низкий, басовитый рокот. И неторопливо, словно боль была всего лишь мелкой неприятностью, а не агонией, как на самом деле, он начал подниматься на ноги.

«Вот дерьмо».

Ну все, договориться теперь точно не выходило, и он *совершенно* не собирался разбираться с вампиром подобной силы, впавшим в ярость. На долю секунды Беккет подумал о дробовике: на такой дистанции одного заряда в голову могло хватить, чтобы прикончить даже такого живучего вампира, как Тео Белл. Потом, тихо ругнувшись, он выпустил последние остававшиеся заряды по раненой ноге встающего архонта – это могло еще сильнее его замедлить – швырнул пустой дробовик Беллу в ноги и бросился бежать. Белл сейчас не ощущал боли, но увечье, нанесенное его ноге, само по себе должно было не давать ему бегать на полной скорости, сколько бы крови он ни вкачал в ногу, – по крайней мере, в ближайшие минуты. Беккету, с другой стороны, было очень больно – его плечо пылало, словно в огне, - но ноги у него работали как надо. Теперь, когда из уравнения был исключен дробовик, ему достаточно было оторваться от Белла, чтобы тот не сгреб его в процессе превращения в летучую мышь, и можно будет смыться.

Его ноги простучали по полу и земле почти со скоростью пулеметной очереди. Беккет пронесся по главному газону участка и вылетел из главных ворот; прямо сейчас его не сильно заботило то, какое зрелище он при этом собой представляет. Он слышал за спиной рев архонта, знал, что еще не выиграл достаточно времени. Повернув, он метнулся по тротуару, обогнул нескольких запоздалых пешеходов, которые таращились на них в шоке, мельком взмолился о том, чтобы не поскользнуться на какой-нибудь луже от почти прекратившегося дождя…

На улице позади него неожиданно раздался вой – болезненный звук сирены, который по всей Европе используют полицейские машины. Маленькая машинка

вывернулась из-за поворота с такой скоростью, что чуть не перевернулась, и вылетела на тротуар на пути у вампиров. «Так, а ну-ка, - по-французски закричал один из полицейских, когда они оба выскочили из машины, - объясните мне, что…»

Белл рванул первого полицейского на себя с воплем первобытной ярости, который почти заглушил крик боли и ужаса человека. Второй с расширенными глазами побежал к ним вокруг машины, шаря у пояса в поисках кобуры. На какой-то момент сложилось так, что на Беккета никто не смотрел, и этого момента было вполне достаточно.

Он мог бы вмешаться. Возможно, должен был вмешаться. Возможно, ему следовало просто вышибить Беллу мозги, пока была возможность.

Но он не сделал этого тогда – и не вмешался сейчас. Игнорируя боль в плече (и, хотя это было несколько сложнее, крики полицейских), он перемахнул через ближайшую стену – каменную ограду, окружавшую еще один участок, - и исчез. Если бы кто-нибудь смотрел в ту сторону, он, возможно, заметил бы крупную летучую мышь, взлетевшую со двора неровными движениями, словно у нее плохо работало левое крыло.

На бульваре Принцессы Шарлотты

Монте-Карло, Монако

Ощущение теплой крови в горле и первые подергивания начавшегося исцеления медленно возвращали Белла в сознание. Его зрение понемногу сфокусировалось, а давление, тяжело колотящееся в его черепе, слабело, пока он вновь не смог мыслить рационально. В глазах у него, казалось, продолжало плыть, перед ними мелькали вспышки, и до него не сразу дошло, что он в упор смотрит на мигалки на крыше полицейской машины.

«Ох, бля».

Белл посмотрел ниже. Он был полностью залит кровью. В его руках безжизненно висел полицейский, горло которого было разорвано до самого позвоночника. Второй лежал на бордюре, и было видно, что у него переломаны конечности. Белла пронзила боль от изодранных рук и изувеченной ноги, но он, по крайней мере в ближайшие несколько минут, был способен не обращать на нее внимания.

Это… это было неправильно. Белл лучше контролировал себя, чем большинство его необузданных собратьев по клану Бруха, но все же и ему приходилось впадать в приступы ярости, безумного и жестокого гнева. Но чтоб настолько? Он ни разу до того не испытывал ярости такой силы, чтобы потерять не только контроль, но даже способность осознавать или запоминать происходящее. С того момента, как Беккет его подстрелил, и до этой минуты его память заполняли только коротенькие обрывки. Он не помнил, как добрался сюда, а от того, как он рвал копов, осталось лишь несколько кровавых картинок в мозгу.

С ним было что-то не так, и сильно, и он не собирался гоняться за таким опасным противником, как Беккет, пока не выяснит, что именно.

Прибыли еще полицейские, а так же скорая помощь (ей мало что осталось делать, кроме как прибраться), но ни Белла, ни первой полицейской машины к этому времени не было. Машину полиция Монако нашла брошенной через несколько

кварталов, но, хотя они охотились много месяцев, они так никогда и не нашли убийцу копов.

Плантация Томпсон

За пределами Саванны, Джорджия

Даже сквозь пол и толстый ковер они слышали множество Сородичей, которые, ожидая их появления, были заняты светским общением в обеденном зале. Хардештадт лично созвал местный конклав, и на нем присутствовали почти все могущественные или важные вампиры Камарильи на пять сотен миль вокруг. Никто из них точно не знал, что предполагается обсуждать, хотя предположения варьировались от нового наступления на Шабаш (Саванна в прошлом году отбила набег Шабаша, и многие видели в этом первый шаг к возвращению Атланты) и до обсуждения заболевания крови, которое многие называли «увяданием», и которое продолжало распространяться.

Эти последние предположения были довольно близки к истине. Хардештадт действительно намеревался ознакомить их с последними событиями. Сразу несколько городов – Лондон, Хьюстон, Глазго, Ницца и другие – натолкнулись на универсальное решение сразу для проблемы увядания и проблемы распространения «пророков», кричащих о Геенне. Это решение Хардештадт, при помощи архонтов и местных шерифов, намеревался сделать официальной политикой Камарильи.

Но обсуждать все это предстояло позже. Прямо сейчас ум Хардештадта был занят другим.

Он находился в том самом кабинете, где за несколько недель до того говорил с Беккетом, и был в нем не один. Перед ним в одном из кресел с подушками сидела хозяйка дома, Виктория Эш, теперь одетая в простое черное платье сообразно серьезности собрания.

«Что произошло, когда вы встречались, мисс Эш» - спросил Хардештадт.

Виктория переключила внимание с обдумывания предстоящей встречи на более сиюминутные вопросы: «Я приобрела находки, как мы и договаривались, и он ушел. Я бы его больше и не увидела, если бы вы не избрали мое поместье местом встречи».

«И это все? – На лице Хардештадта отразился скепсис. – Он не пытался объяснить, какое значение имеют эти находки, или как они относятся к истории или мифологии Сородичей?»

Эш нахмурилась: «Насколько я понимаю, Хардештадт, они *не* относятся ни к нашей истории, ни к нашей мифологии. Потому он и хотел их продать».

«Может, и так, - пробормотал Хардештадт, словно про себя, но Эш это не обмануло: если он сказал что-то вслух в ее присутствии, значит, хотел, чтобы она услышала. – Беккет вряд ли расстался бы с чем-то, что, по его мнению, могло бы содержать какой-то из его драгоценных ответов. Это, правда, не значит, что он не оставил бы подобных вещей на сохранение кому-то, кому он доверяет».

«Ну, знаете. Я не настолько хорошо с ним знакома. У него были безделушки на продажу, мне они понравились, я их купила. Даже *мы* не настолько подвержены паранойе, чтобы увидеть здесь что-то, подобное заговору».

Хардештадт кивнул: «Вы, разумеется, правы. Пойдемте, нам не следует более заставлять наших гостей ждать». – Но, несмотря на слова согласия, в его глазах оставалось подозрение.

Виктория Эш поежилась при мысли о том, что Хардештадт может быть врагом, и в очередной раз задумалась: что такого мог натворить Беккет за считанные недели, чтобы стать настолько опасным для Основателя Вентру.

Hotel de Paris

Монте-Карло, Монако

Капаней поднял взгляд на летучую мышь, которая дергаными движениями втащилась в открытое окно и, уже падая на пол, превратилась в избитого и обожженного Беккета. «Мы отбываем?» - мягко спросил он.

«Капаней, ты даже не представляешь, насколько сильно мы отбываем». Беккет, явно стараясь не двигать левым плечом, начал швырять на кровать свои немногочисленные пожитки. Внезапно он замер.

«Дерьмо! – Беккет резко сел на кровать, не замечая, что при этом смахнул на пол половину разложенных вещей. – Сумку забыл».

Капаней принял озабоченный вид: «Там находятся материалы, которые нам нужны?»

«Нет, только кое-какие простенькие расходники для тауматургии. Их можно заменить. Мне просто нравилась эта долбаная сумка». Ну ладно. По дороге в аэропорт заведет другую. Он подумал о том, чтобы сбегать на улицу подкормится, но понял, что не особенно голоден – довольно странно, учитывая, сколько крови он сжег за эту ночь. Казалось, что сам его Зверь стал вялым и не интересовался даже базовыми потребностями.

Прежде, чем он мог бы еще сильнее озадачиться этим феноменом, ход его мыслей был прерван.

«Беккет, куда мы направимся?»

Это был хороший вопрос. У него уже были контуры складывающейся идеи, но ему очень, *очень* не нравилось, куда его эта идея ведет. Вместо того, чтобы сразу ответить Капанею, он сначала сверился с часами – да, уже достаточно поздно, чтобы в месте, куда он звонит, село солнце, - и поднял свой спутниковый телефон.

«Беккет, - голос Окулоса ответил ему уже после нескольких гудков. – Как там твои дела?»

«Слово «отвратительно» и половины не покроет. А с твоей стороны что?»

«Становится хуже, Беккет. Эта болезнь, или проклятье, или что там оно такое, она распространяется. Камарилья созывает конклавы на сей счет».

«Проклятье».

«Ну, можно и так сказать. Она стала непредсказуемой. Несколько жертв сообщали, что на время становились *сильнее* прежде, чем начинали слабеть, но прилив всегда временный. И она не ограничивается теми, кто действительно стар.

Даже несколько ancillae уже стали жертвами. Тем временем у каждого второго вампира от Парижа до Покипси есть собственная теория насчет причин. На первом месте в сборном списке подозреваемых, конечно, Тремер, но Геенна уверенно держит второе место. По слухам, Шабаш начал открывать каждый ритуал цитатой из одного из пророчеств: «Где ваша гордость, где ваша сила, где гнев, что должен был устоять?», и прочая срань в таком духе».

«Святый Боже, Окулос. Это не Геенна. Насколько же они все *доверчивы*!?»

«А я-то что? Я не из тех, кого цепляют вопли ноддистов. Но уже куча неонатов начала прислушиваться, и Камарилья с ума сходит, пытаясь удержать крышку на коробке».

Беккет напрягся. Зная склонность его друга преуменьшать… «Окулос, что они делают?»

«Ну, ты понимаешь, что это только слухи, Беккет. Но много самых громких сторонников теории Геенны исчезают. Внезапно».

«Их казнят?»

«Может, еще хуже. Ходят слухи, что кровь Сородичей временно снимает симптомы, Беккет. Не лечит, но восстанавливает потерянную силу. Никто из тех, кто на самом деле что-нибудь знает, не говорит, но стали слышны шепоты о складах и старых офисных зданиях, превращенных в концлагеря – и закусочные. А кривая насилия на уличном уровне взлетела до небес».

Срань Господня. Беккет не сомневался, что слухи преувеличены – они всегда преувеличены – но, чтобы такие истории хотя бы начали циркулировать, должно было начать твориться *что-то* крупное. Ему надо было двигаться.

«Как насчет того поиска, о котором я просил? Нашел что?»

«Ну смотря что. Я нашел довольно много замешательства, довольно порядочно испуга и след из поехавших крыш».

«Черт, если хочешь сказать «нет», то можешь так и сказать».

«Извини, Беккет. Я посмотрел везде, где умею, я прозвонил все контакты, что у меня есть, и все контакты, что были у *них*. Все часовни пусты, все убежища покинуты. Если бы я сам на своем веку не встречался с несколькими лично, я бы и сам усомнился, а были ли Тремер вообще».

Беккет длинно и многоэтажно выругался на нескольких мертвых языках.

«Я *должен* поговорить с чародеями, Окулос. Слабость крови, странные происшествия, знамения апокалипсиса… Все это просто *вопит* о Тремер».

«Ну, наверное, найдутся другие мистики, с которыми ты бы смог обсудить эти дела».

Найдутся ли? Беккет знал порядочное количество практиков магических искусств. Некоторые были Сородичами, которые, как и он сам, смогли приобрести некоторые навыки по части тауматургии вне опеки Тремер. У нескольких других кланов были свои формы магии крови – зачастую менее гибкие, чем тауматургия, но не менее мощные. У него даже было много контактов среди смертных магов, вроде Нолы Спайер в Лос-Анджелесе или Иосифа Равида в Тель-Авиве.

Но так, навскидку, он не верил, что кто бы то ни было из них сможет предоставить нужные сведения. Ни у кого другого попросту не было такой профессиональной привязанности к магии крови – и, что более важно, архивов и глубинных исследований по теме, - как у Тремер. Кроме того, если Тремер все же ответственны, никто другой этого не подтвердит. Если Беккету придется искать источники поменьше, он так и поступит, но не раньше, чем попробует последний вариант подобраться к основному.

Хотя ему совершенно не хотелось этого делать.

«Окулос, - сказал он, мгновение помолчав, - у меня сейчас нет доступа к компьютеру». – Вот и для него пришло время осовремениться и завести ноутбук. Еще одна вещь, которую нужно будет сделать завтра вечером по дороге.

«Могу тебя попросить посмотреть для меня расписание поездов?»

«Конечно. – Сверхчуткие уши Беккета различили по ту сторону трубки стук пальцев по клавиатуре. – Куда изволите?»

Беккет прикрыл глаза.

«Вена».

На крыше здания Банка Санва

Лос-Анджелес, Калифорния

Ночной воздух обтекал лицо князя Тары ровным потоком ветра. С высокой крыши одного из многочисленных небоскребов даунтауна она взирала на город, который пыталась умиротворить – безуспешно, во всяком случае, пока что. Полностью оправившись от ран, полученных от рук Дженны и ее неудачников, князь тем не менее не привлекала к себе ненужного внимания и наблюдала за ходом событий.

События шли плохо. Конфликт стремительно становился партизанской войной не хуже, чем любой поход Шабаша; несколько старейшин все еще сражались из разных скрытых убежищ, но большинство примогенов и прочей городской элиты было перебито, либо захваченные в убежищах, либо загнанные, как собаки. Ночь за ночью худокровные Сородичи прибывали со всей страны, очевидно, привлеченные сообщением о том, что им подобные составили отдельную группировку. В Лос-Анджелесе уже собралось больше вампиров, чем Тара когда-нибудь видела зараз, и она не была уверена, что человеческое население сможет справиться с подобным наплывом хищников. При других обстоятельствах, это могло бы быть интересным социологическим опытом, но сейчас было лишь помехой.

Изначально она планировала скооперироваться с другими старейшинами города, но теперь их число было недостаточным, чтобы отбиваться от растущей орды. Она запросила помощи у соседних князей и Камарильи в целом. *Теперь* они послали подкрепление, о да: учитывая «текущее положение дел», они не могли позволить, чтобы из их хватки вырвали целый город, - но она понятия не имела, насколько сильным оно будет и насколько быстро придет. Не была она уверена и в том, что прибывшие силы позволят ей играть сколько-нибудь заметную роль в отвоевании ее города, а если нет, если она потерпела здесь полное поражение, она не знала, насколько долго сможет оставаться князем Сан-Диего. Сородичи в большинстве своем не позволяли неудачникам надолго задерживаться у власти.

Единственным ее утешением было то, что Кросс и МакНилы все еще сражались друг с другом с той же яростью, что раньше. Очевидно, старые анархи жаловали худокровок не больше, чем все остальные. Но, хотя они могли ослаблять друг друга, эти две фракции не были способны друг друга уничтожить – без посторонней помощи. И потому, хотя ей казалось, что ее гордость извивается и кусает ее изнутри, как проглоченная гадюка, она обратилась к единственной оставшейся силе, которая, как она полагала, может суметь ей помочь.

«Спасибо, что пришли» - сказала она через плечо, неспособная повернуться и встать лицом к лицу с человеком – с *существом* – которое стояло за ее спиной.

Умысел Четырех Ветров, достопочтенный член Мандарината Нового Обещания, поклонился, хотя она этого и не видела: «Для меня честь оказать вам услугу». Он был высок, почти до ненормальной степени, и худ. Лицо его было гладко выбрито, одет он был в темно-синий в узкую полоску костюм от Армани, болтавшийся на нем, как на вешалке. Будь он смертным, Тара дала бы ему около сорока, плюс-минус. Поскольку он был одним из Катаян (или Куэй-Дзин, как они звали себя сами), существом, подобным вампиру, но не родственным Сородичам, его возраст мог быть практически каким угодно.

«Обдумал ли Мандаринат мое предложение? Я знаю, что большинство из ваших родичей оставили Лос-Анджелес, но любой из вас все еще стоит любых троих анархов, не меньше». – Она, скрепя сердце, согласилась предложить вдвое больше изначально обговоренной дани – хотя десять миллионов были слишком большой суммой, чтобы выплатить ее без напряжения, - если Катаяны окажут ей помощь в возвращении ее города».

«Они обдумали его».

«И каково было их решение?»

«Увы, князь Тара, было решено так: поскольку мы, вероятнее всего, вскоре присоединимся к нашим братьям дома, нам лучше принять пять миллионов и не делать ничего, чем десять миллионов и ввязаться в еще один конфликт».

Глаза Тары сузились, и она обернулась, закипая яростью: «Ты, ебаный идиот! Если я не верну себе город, вы вообще не получите дани! Ты…»

И тут она поняла. Умысел Четырех Ветров ухмыльнулся улыбкой намного боле широкой, чем мог бы продемонстрировать человек (или Сородич), а дверь на лестницу за его спиной распахнулась, и эта сука Кросс – в компании по меньшей мере дюжины своих людей – выскочила на крышу.

«Сукин ты сын!»

Умысел Четырех Ветров молча пожал плечами, поклонился Дженне Кросс и пошел вниз по ступеням.

Ну что ж, однажды она уже уделала этих ублюдков, и в тот раз у нее не было места для маневра. Пускай увидят, на что *на самом деле* способен старейшина! Князь Тара начала бежать, уклоняться на немыслимых скоростях. Она позволила своей силе и ярости хлынуть из нее, создавая эмоциональную мощь, которая должна была повергнуть младших Сородичей на колени.

На пятом шаге она почувствовала неладное. Она не двигалась так быстро, как должна была…

На седьмом первая пуля вонзилась в ее плечо и развернула ее на бегу. Еще несколько десятков прошли сквозь ее лицо, горло, ребра, живот, и каждая оставляла за собой след боли, боли, которую она не должна была чувствовать.

Как ни странно, последняя мысль князя Тары была совершенно спокойной и совершенно рациональной: «Как странно, - подумала она, - что я была так сильна в последний раз, когда с ними встретилась, и так слаба сегодня. Эта болезнь совсем бессмысленная».

А затем сила залпа выбросила ее за бордюр крыши. Прошло еще несколько секунд, и князь Тара более не чувствовала ничего.

На крыше здания Банка Санва

Лос-Анджелес, Калифорния

Дженна Кросс перегнулась через край крыши, подавив приступ головокружения. «Не думаю, что после такого выживет даже старейшина, - сказала она остальным за ее спиной, - но езжайте вниз, и пусть Тоби и Крис посмотрят на ее остатки, просто для верности. Скорее, прежде чем там начнет собираться толпа».

Большинство ее людей один за другим втянулись в дверь на лестницу вниз, и Кросс осталась на крыше всего с двумя спутниками. Оба были бородаты, но в остальном спутать их было никак нельзя. Первый мог бы показаться могущественной личностью: широкоплечий, с острыми чертами лица, длинными черными волосами и густой, но ухоженной бородой. Когда-то он и правда был могущественной личностью, когда был силой перемен и анархии среди Сородичей, легендой своего времени. Теперь он был облачен в драные штаны и вызывающую зуд шерстяную тунику, перепачканную кровью от многочисленных кормежек – современный эквивалент пепла и власяницы. Не то чтобы он не мог о себе позаботиться. Просто другие вопросы занимали его больше, чем собственная внешность.

Борода второго была поопрятнее, он был одет в грубые ботинки и фланелевую рубаху. Его звали Сэмюель, и он знал Дженну заметно дольше, чем Дженна знала его.

«Ну усраться, доча, - сказал более растрепанный из этих двоих. – Ты это сделала. Взъебала еще одного из тех, кто мог бы положить нам конец».

Дженна нахмурилась: «Я не твоя дочь, дядя Джек. Я уже тебя просила меня так не называть».

«Можешь еще попросить солнце не подниматься, сладкая моя. То есть результат будет тот же».

На этот раз он услышал в ответ вздох: «Пошли, дядя. Не хотелось бы, чтобы нас забыли при отъезде».

«Нет, мы бы этого точно не хотели».

Дженна Кросс, самая свежая колючка в боку Камарильи, и вампир по имени Смеющийся Джек, бывший вожак анархов, превратившийся в пророка наступающей Геенны, вместе ушли с крыши. Сэмюель смотрел им вслед, пока они не скрылись, и только тогда медленно пошел за ними.

Дом в пригороде

Сьюдад-Хуарес, Мексика

Люсита выскользнула из дома на краю города – прежде, чем кто-то найдет хозяев, пройдет достаточно времени, - и обманчиво мирной походкой зашагала по неровной, разбитой дороге. Сейчас, меньше чем через час после заката, звуки дневной жизни города еще не угасли. Ей пришлось сделать над собой усилие, чтобы подняться так рано и как можно скорее начать поиски.

Ее теория относительно Джангалеаццо не подтвердилась (и к тому же чуть ее не угробила). Не дали результата и никакие другие нити, по которым она следовала в последующие недели. Люсита была терпелива, она научилась этому за многие сотни лет, пока выслеживала тех, кого другие хотели видеть уничтоженными. Но она еще не была привычна к неудачам таких масштабов. Все, что у нее было, - ее первоначальные предположения, плюс соображения о том, чем слабость крови и насилие *не* являются.

Она наконец решила еще раз последовать тому, что ее инстинкты подсказывали с самого начала – поговорить с Ахавом Каном, нынешним верховным Серафимом Черной Руки. Рука была больше, чем просто военным органом Шабаша. Они были фанатиками и последователями культа Геенны, даже по меркам секты, основанной в том числе и чтобы избежать Геенны или выжить в ней, и они не плясали под ту же дудку, что остальной Шабаш. Люсита не думала, что они могли отвечать за появление этого проклятия (или чем там оно было), но высокий уровень насилия и странные исчезновения определенно входили в компетенцию Черной Руки.

Итак, если никто не собирался помочь ей связаться с Джалан-Ахавом по телефону, она нанесет ему личный визит. И если для этого требовалось обшарить весь Хуарес здание за зданием (поскольку все, что ей было известно – это что его обычное убежище и штаб-квартира были где-то в городе), что ж – старость ей не грозила.

Сегодня она начнет, посвятит ночь разведке и оценке местности. Она найдет хотя бы кого-нибудь еще из местных Каинитов, доведет до общего сведения, кто она и чего ищет. Один из них расскажет ей то, что она хочет, или за ней придут из Черной Руки. В любом случае, она…

«Я знала, что со временем ты придешь сюда, Люсита».

Люсита была старейшиной, лишь немного моложе тысячи лет. Она несколько лет назад отбросила остатки человечности и теперь гордилась своим продвижением по так называемому Пути Ночи. Но она только и смогла, что подавить очень человеческий вздох удивления от звука голоса – этого голоса – который уже не предполагала услышать еще раз.

«Фатима…»

Ассамитка мягко выступила из теней и жестом пригласила Люситу последовать за ней в широкий проезд между двумя покинутыми домами. Настороженно ища глазами какую-нибудь ловушку, хотя на самом деле и не ожидая ее найти, Люсита двинулась следом.

Она совершенно не представляла, как понимать эту встречу. За многие годы они с Фатимой были близки во многих пониманиях этого слова. Они были друзьями. Они были врагами. Они любили друг друга, так, как могут любить две не знающих смерти сущности, отягощенные одним и тем же проклятием, любовью, которую смертные, отягощенные их разнообразными похотями, не способны постичь.

Когда они в последний раз расстались четыре года назад, это произошло в тайном убежище Фатимы в пустыне к северо-западу от Медины, в Саудовской Аравии. И это расставание проходило в недружелюбной атмосфере.

«Ты изменилась, Люсита, с тех пор, как мы говорили в последний раз. Это… Это не ты».

Удивление архиепископа резко сменилось надменностью и даже гневом. «Это я. В первый раз с тех пор, как этот ублюдок ввел меня в его мир, это я! И тебе-то что об этом знать? В последний раз, когда мы говорили, ты толкала меня действовать, побуждала определиться, на какой стороне я нахожусь, с кем держусь вместе, а сама сидела на песке и камнях, ожидая какого-то великого послания от Аллаха, чтобы выбраться в мир и начать что-то делать».

«Я лишь наблюдаю, Люсита. Я не сужу. Ты могла бы ответить мне той же любезностью».

Люсита ощерилась и начала наступать на Ассамитку, стремясь пройти мимо нее: «Уйди с моей дороги, Фатима».

«Нет. Прошлое есть прошлое, возможно, его не исправить. Но в память о том, чем мы были, я пришла тебя предупредить. Черная Рука не поможет тебе, Люсита. Не ищи их».

Люсита шагнула назад, и лишь боец настолько опытный, как Фатима, смог бы ощутить, как ее мышцы слегка шелохнулись, напрягаясь. «А ты это знаешь? Не иначе, Аллах пришел к тебе в пустыне и рассказал тебе, - говоря это, Люсита пригнулась и попыталась подсечь ноги Фатимы; Ассамитка легко перепрыгнула через ее ногу и сама с разворота направила размашистый удар ногой в голову Люситы, - что я напрасно трачу свое время?»

«После того, как ты оставил мой дом, - объяснила Фатима, одновременно проводя серию ударов кулаками и локтями, которая уложила бы на месте большинство противников, - я осознала, что само твое появление и было знаком, которого я ждала. Для меня настало время еще раз выйти в мир».

Люсита поднырнула под два удара, заблокировала локти чередой быстрых движений предплечьями, - однажды она слышала, как такие движения в шутку называют «игрой в бокс», - затем на следующем ударе поймала вытянутую руку Фатимы и перебросила Ассамитку через свое плечо. «Я – знак от Бога? – не останавливая движения, она глумливо хмыкнула. – Бесценно, Фатима. Похоже, жара пустыни испекла тебе мозги».

Фатима выбросила одну ногу перед собой и восстановила баланс прежде, чем впечаталась бы в бетон. Другая нога распрямилась в пинке, пришедшемся в лоб Люситы. Архиепископ отшатнулась, а Фатима выпрямилась – из угла, который казался совершенно невозможным.

«Неужели? Не твой ли собственный Путь Ночи учит, что вы выполняете конкретную роль в замысле Господа?»

«Откуда тебе известно…»

«Оставив пустыню, - продолжила Фатима, равнодушно переступив через тоненькое щупальце тьмы, которое попыталось захватить ее лодыжки сзади, - я приложила значительные усилия, чтобы навести связи и наладить взаимодействие с теми, кто мог бы оказаться союзником против мощи Аламута». Фатима была одной из

тех Ассамитов, кто предпочел идти своим путем вместо того, чтобы по велению Ур-Шульги отречься от своей веры. Она выжидательно смолкла, и на сей раз атаковала Люсита, наступая в низкой стойке и нанося удары в голову руками, коленями и голенями. Фатима обнаружила, что отступает, неспособная блокировать их все.

«Ты же не собираешься сообщить мне, что присоединилась к Черной Руке, Фатима. Ты…» Остаток комментария Люситы оказался оборван, когда Ассамитка резко наклонилась навстречу ее атаке, в процессе получив тяжелый удар в плечо, и каменно-твердыми пальцами ткнула Люситу в солнечное сплетение. Грудь архиепископа пронзила боль, и воздух, который она вдохнула для речи, вылетел наружу с громким вздохом.

«Разумеется, я не… - Она качнулась назад, когда Люсита, согнутая болью от ее удара, превратила внезапное движение в удар головой, пришедший Ассамитке точно в подбородок. Она на секунду смолкла, подвигав челюстью, проверяя, осталась ли она в рабочем состоянии. – Но я поддерживала с ними связь, - продолжила она, проглотив полный рот собственной крови. – Я оказывала им помощь в некоторых вопросах, как и Камарилье. Мне нужны союзники, Люсита, убежища, в которые я могу отступить в любой момент, если Ур-Шульги отправит за мной остальных».

«Черная Рука не доверяет чужакам».

Фатима одной рукой поймала на лету кулак Люситы, другой сжала ее запястье: «В эти неспокойные ночи они иногда предпочитают честных чужаков предателям в рядах Шабаша, предателям, с которыми им придется разделаться до того, как все закончится».

Люсита перекатилась назад, утянув за собой Ассамитку за ее же собственный захват, и ударила ногами. Фатима жестко приземлилась на мостовую, а Люситу пинок вернул на ноги: «Ты говоришь, что за исчезновение старейшин отвечает Черная Рука?»

Ноги Фатимы закрутились, точно штопор, и она тоже оказалась на ногах, в широкой стойке: «В некоторых случаях. Некоторые на самом деле исчезли из-за… других причин. Но, когда начала распространяться эта слабость крови, несколько старейшин Шабаша устрашились того, что пришла Геенна, и решили попытаться найти представителей поднимающихся древних и договориться с ними вместо того, чтобы сражаться. Ради блага секты этих старейшин нужно было устранить».

«А почему в Руке не хотели сказать мне об этом сами, или помочь мне отыскать источник слабости и тех, кто *по-настоящему* пропал?»

«Очень просто, Люсита: они тебе не доверяют. В Шабаше ты всего несколько лет, а заклятым врагом секты была много веков. В Руке не знают, лояльна ты, или же сменишь флаг при первой возможности». Видя, как лицо Люситы исказила ярость, Фатима поспешно добавила: «Это их сомнения, а не мои».

«Значит, мне достаточно убедить Ахава Кана», - заключила Люсита и подчеркнула последние слова пинком в корпус Фатимы.

Фатима заблокировала удар: «Ахав Кан тоже пропал, Люсита».

С легким ворчанием Люсита выпрямилась и уронила руки вдоль тела. Фатима сделала то же, и несколько секунд они смотрели друг для друга.

«Мы сражались? – Наконец спросила Люсита. – Или разминались?»

«Не уверена. Если бы я предоставила тебе брешь для смертельного удара, ты бы воспользовалась?»

Люсита не смогла ответить, да Фатима, похоже, и не ждала от нее ответа.

Вместо этого, она просто продолжила: «В Черной Руке не стали бы встречаться с тобой, если смогли бы избежать встречи, не стали бы помогать тебе при возможности этого не делать, а если бы ты проявила настойчивость, могли бы решить разобраться с тобой как с угрозой. С исчезновением их высокого серафима их паранойя стала еще больше, чем раньше.

Могу сказать, однако, что тебе не помогли бы их советы. У них есть свои теории, но они не более уверены в причинах недавних событий, чем ты сама».

«А ты? Во что веришь ты?»

Фатима нахмурилась, и Люсита с удивлением и тревогой заметила в ее глазах следы страха.

«Что-то пробудилось, Люсита. Я уже недели чувствую, как оно передвигается по миру, и куда бы оно ни шло, за ним следует смерть для нашего рода. Я не могу сказать точно. Возможно, это какой-то великий старец вроде Ур-Шульги. Возможно, это вообще не Каинит. Спаси нас Аллах, возможно даже, что это один из Третьего Поколения, пришедший как вестник конца ночей. Я знаю лишь то, что оно здесь. Что я как-то связана с ним, хотя я не знаю, почему. И что это, а так же другие события, перепугало даже могучую Черную Руку».

«И я знаю, - промолвила она, шагнув ближе, - что я не хочу видеть, как ты падешь его жертвой, или жертвой тех, кто будет с ним сражаться». Она остановилась только тогда, когда встала прямо напротив своей старой спутницы. Обе они на таком расстоянии способны были убить одним движением, даже если противник обладал живучестью вампира. Ни одна из них не шелохнулась.

«Так ты пришла меня предупредить?»

«Я пришла сказать «прощай», Люсита. Думаю, мы вряд ли можем надеяться, что мы обе переживем то, что грядет. И неважно, чем ты, или я, стали или станем в будущем, я не могла допустить, чтобы наше предыдущее расставание осталось нашим последним».

Люсита, парализованная вихрем чувств в груди не хуже, чем колом, могла только смотреть, как Фатима наклонилась вперед и поцеловала ее в лоб. «Прощай, Люсита Арагонская, дитя и победительница Монкады. Ты всегда была большим, чем просто дочерью своего отца».

И с тем Фатима вновь исчезла в темноте.

Какая-то безымянная улица

Сьюдад-Хуарес, Мексика

Много долгих минут Люсита невидящими глазами смотрела в тени аллеи, решительно пытаясь подавить не только кровавые слезы, которые хотели хлынуть из ее глаз, но и те эмоции, что их породили.

«Ты – не какая-нибудь слабовольная смертная, чахнущая над утраченной любовью! Ты – Каинит! Ты – вампир! Ты идешь по Пути Ночи, и это не станет тобой!»

В конце концов она сумела одолеть свои чувства и затолкать их в бездну более глубокую, чем та, из которой она извлекала подвластные ей тени. Ненадолго она усомнилась: стоило ли это делать.

Ее раздражала сама мысль об этом, но она действительно нуждалась в помощи. В нормальных условиях даже просить о помощи было бы нарушением ее нового морального кодекса (который все еще был довольно неустойчив), но она могла оправдать подобный шаг тем, что делает его ради своей секты, а не ради себя, хотя оправдание было очень слабым.

Но к кому обратиться? Черная Рука ей не поможет. Фатима явно не была готова путешествовать с ней, иначе она бы осталась. Может, оно и к лучшему, учитывая, насколько переменчивы были их отношения. Не могла она и обратиться к остальному Шабашу, раз в его рядах были предатели. Кроме того, она все еще была новообращенной, как отметила Фатима, и очень мало кто в Шабаше согласился бы ей помогать. Она могла бы вызвать из Арагона епископа Андрея и его стаю, но это оставило бы ее домен бесхозным в ее отсутствие.

Ну ладно. Если ей не найти союзников в пределах секты, она просто поищет за ее пределами. И она неожиданно иронически хмыкнула, осознав, что точно знает, к кому обратиться.

Гостиница «The Mission Inn»,

Риверсайд, Калифорния

Тео Белл совершенно не был удивлен тем, что Сородичи, направлявшие усилия Камарильи по отвоеванию Лос-Анджелеса, выбрали это место своей основной штаб-квартирой. Менее чем в шестидесяти милях от границы собственно Лос-Анджелеса и, соответственно, на заметно меньшем расстоянии от многих из его внешних пригородов: оно находилось достаточно близко, чтобы наблюдать вплотную, управлять тактикой – и даже, если возникнет необходимость, дать распорядителям натиска возможность вступить в бой лично, - но достаточно далеко, чтобы оставаться вне основной линии огня.

Кроме того, сама по себе гостиница «The Mission Inn» позволила бы большинству старейшин чувствовать себя как дома. Этот огромный комплекс, занимавший целый квартал, был выстроен (по крайней мере, отчасти) в стиле старинного испанского форта. Это само по себе создавало в прибывших в него Сородичах атмосферу воинственности, а наличие многих сотен комнат позволяло им занять несколько смежных многокомнатных номеров, где они могли спокойно заниматься общением и планированием без посторонних помех.

Самому Беллу было нисколько не интересно здесь находиться. В последние несколько лет ему уже один раз довелось поучаствовать во всяких делах, связанных с осадой города, и захват Нью-Йорка оставил его сытым подобными впечатлениями по горло. Разумеется, если ему прикажут принять участие в приближающемся конфликте с худокровками (из какой щели они все так внезапно повылазили, интересно знать?), он это сделает, но без особого желания.

У Белла были другие заботы. Обратное путешествие из Монако дало ему достаточно много времени для того, чтобы разбираться в себе, но он все еще не мог

понять, что было не так. Не терял ли он связь со своей человечностью? Или со здравым рассудком? Или это было проявлением той хрени, что поражала старейшин, а вот теперь добралась и до того, кому еще и двухсот не стукнуло? Он надеялся, что Хардештадт, который, совершенно точно, не был доволен неудачей Белла в попытке убить Беккета, по крайней мере, пожелает прислушаться к его доводам, и, возможно, ответит на несколько вопросов.

Комната, в которую он вошел, представляла собой зарисовку на сюжет «Хаос под контролем». Большой номер был занят полудюжиной Сородичей и как минимум вдвое большим количеством смертных (гулей, как заключил Белл). Большинство гулей сидело перед компьютерами, телефонами, радио и телевизорами, постоянно передавая приказы или принимая отчеты. Вампиры, - и среди них Хардештадт, костюм которого все еще был несколько помят после нескольких часов на самолете, - принимали донесения, стоя перед расстеленной на столе большой картой городских территорий Лос-Анджелеса. Рядом лежала небольшая стопка бумаг. Белл по опыту знал, что это должны быть доклады по Дженне Кросс и другим лидерам худокровок, которые были известны Камарилье по имени, а так же по участникам второй фракции анархов, МакНилам. Его удивило, что имя Смеющегося Джека обнаружилось именно наверху стопки, посвященной худокровкам.

Вампиры обернулись навстречу его приходу, и он склонил голову в знак почтения. Помимо Хардештадта, он узнал архонта Федерико ди Падую и быстро улыбнулся ему, поздравляя с тем, что архонт сумел пережить ту напряжную работу, что ему пришлось выполнять в Штате Одинокой Звезды. Более того, насколько помнил Белл, сейчас ди Падуя выглядел более здоровым, чем когда они за несколько лет до того вместе участвовали в натиске на Шабаш в Нью-Йорке. Как и у всех его собратьев по клану, лицо ди Падуи было искаженным и откровенно отвратительным, но в эту ночь на нем было видно нечто, похожее на печать достоинства. Белл пожал плечами. Носферату часто скрывали свои лица под иллюзорными обличьями, и, вероятно, это ди Падуя и сделал. Взгляд на других вампиров подтвердил предположение: Белл узнал одну из любимых иллюзорных масок юстициария Носферату, Кок Робина. Он снова кивнул в знак подлинного уважения к одному из братьев его собственного босса.

Когда он подошел, один из гулей обернулся от своего радио и возвестил: «Поступают полицейские рапорты о, и я цитирую, «каких-то связанных с бандами беспорядках» в районе даунтауна».

Ди Падуя кивнул, показывая, что доклад принят, дождался от гуля названия улицы, – оно поступило секундой позже, - и поставил на карту красную фишку – знак активных действий. Белл заметил на карте несколько таких. Пока что среди них выделялась только одна зеленая, «занятая территория», и Белл удивился, увидев, что она отмечает аэропорт.

«Утечка газа и пожар на кухне вынудили Хилтон эвакуироваться в десять утра, - пояснил ди Падуя, видя выражение на лице Белла. – Оказавшись между ремонтными бригадами и нашими собственными гулями, никто из людей Кросс, кто мог использовать как убежище старый Элизиум Тары, не пережил солнечного света».

«Хорошо сделано. Но я все равно удивлен, что на карте так мало зеленого».

«У нас было меньше времени, чтобы скоординировать все здесь, чем в Нью-Йорке, Белл, и худокровок здесь *намного* больше, чем там было бойцов Шабаша. Кроме того, мы собирались отправить кое-кого из своих людей следом за полицейским рейдом на предполагаемый наркопритон, - ну то есть на одно из предполагаемых убежищ Кросс, - но нам не дало прийти вовремя «ДТП» на сто первом шоссе».

«Ты ведь не думаешь, что это правда было случайное «происшествие»?»

«Если случайное, то для Кросс оно было чертовски кстати».

Хардештадт резко поднялся: «Вы здесь не для того, чтобы обсуждать нашу тактику, архонт Белл. Вы здесь, чтобы ответить за то, что не выполнили назначенные вам обязанности».

Белл огляделся: «Мы будем беседовать при группе поддержки?» - Саркастически поинтересовался он, указав рукой в сторону гулей.

«Будьте так добры объяснить, - продолжил Хардештадт, сев в кресло и сцепив перед собой пальцы, - что произошло».

Белл мысленно пожал плечами и начал рассказ. Он уже передал по телефону доклад о случившемся в замке Сфорческо, так что перешел сразу к событиям в Монако. Он не умолчал ни о чем.

«Архонт Белл, вы что, говорите нам, - вклинился юстициарий Робин; голос его был искаженным из-за уродства его пасти, - что вы не сумели продолжить погоню потому, что боялись за *стадо*?»

«Нет. Я не сумел продолжить погоню потому, что, к тому моменту, как я оправился, я его потерял. И еще более – потому, что я не собирался лезть на кого-то, настолько опасного, как Беккет, не контролируя себя полностью».

«И на случай, если я неясно выразился, - продолжил он, когда Хардештадт открыл рот и собрался что-то сказать, - это не было простым перепадом настроения, которых ребята вроде вас, похоже, постоянно ожидают от нас, Бруха. Это было полное и абсолютное безумие. В голове Зверь, в глазах кровь, желание порвать в клочки что угодно, что косо на вас смотрит. Насмерть ебанутая ярость. Единственный раз, когда я видел что-то вроде такого, был во время охоты на оборотня, и я чертовски уверен, что я еще не *настолько* сдал».

«Нет, - сказал Хардештадт, хотя он явно был недоволен тем, что его перебили. – Еще не настолько». Он обернулся к остальным, словно Белла здесь больше не было: «Что вы думаете?»

«Может быть одним из симптомов, - задумчиво произнес ди Падуя. – Я не чувствовал ярости, только слабость. Но мы уже видели, что эта болезнь по-разному поражает разных Сородичей и даже представителей разных кланов».

«Или это может быть лишь предлогом, - прибавил Робин, - и попыткой оправдаться за провал простого задания. – Он сердито уставился на Белла. – Я бы не потерпел подобных отговорок от одного из *моих* архонтов».

Белл стиснул зубы, но заглотал поглубже все комментарии, что хотели вырваться. Пререкания с юстициариями занимали одно из почетных мест в начале списка Вещей, Делать Которые Нельзя Никогда. Ди Падуя уловил его взгляд и слегка пожал плечами, словно извиняясь за поведение начальника.

«Хорошо, - наконец сказал Хардештадт, - если архонт Белл *действительно* стал жертвой нарастающего недуга, мы не станем ставить это ему в вину».

«*Гы, благодарен до усеру*». – Но, опять же, Беллу более чем хватало ума не озвучивать такие мысли.

«Найджел, - Хардештадт взмахом руки подозвал одного из гулей. – Проводи Белла в зону содержания под стражей, и предоставь ему одно из средств лечения, на его выбор». Он обернулся к Беллу: «Когда вы станете больше похожи на себя самого, возвращайтесь, и мы обсудим вашу следующую попытку».

Белл моргнул. «Зона содержания? Средства лечения?» Он кивнул и развернулся, следуя за смертным прочь из комнаты, но начал чувствовать, что где-то у него внутри что-то начало падать.

Сразу за пределами города

Риверсайд, Калифорния

Это было еще хуже, чем он думал. Запах крови, как свежей, так и запекшейся, обрушился на него, едва гуль открыл боковую дверь гаража. Снаружи дом выглядел так же, как любой другой дом в любом пригороде. Внутри самого дома все тоже выглядело нормально (если не считать полного отсутствия смертных обитателей). Но в гараже на две машины, стены которого были изнутри обиты полотенцами и одеялами, чтобы заглушить возможные звуки…

Внутри ожидали одиннадцать вампиров, и еще двое надзирали за ними, вооруженные тяжелыми пистолетами и чем-то вроде пожарного топора. Одни лежали на полу, пронзенные кольями и брошенные вповалку; один, похоже, неудачно приземлился на сломанную биту, которая не только проткнула его сердце, но и прорвала большую дыру в груди. Другие свисали с потолка – некоторые были подвешены за запястья, остальные – за петли на шеях. В них кольев не было: попытки их тел залечить перебитые спины, которые были растянуты на весу, делали их достаточно беспомощными.

«Это что еще за херня?» - спросил Белл, и его голос по-настоящему дрожал от желания Зверя в очередной раз вырваться наружу.

«Военнопленные, - объяснил ему гуль. – Агенты и шпионы анархов и худокровок Лос-Анджелеса».

«Ага, правильно. Полное дерьмо». Белл и раньше такое слышал. Вот этот – шпион. Вон тот – агитатор. Он слышал слухи о том, что в последние несколько недель молодые Сородичи пропадают с улиц, и знал, что это имеет отношение к усилиям Камарильи по заглушению слухов о Геенне. Но он и вообразить себе не мог что-то вроде *этого*!

«Что, всего одиннадцать шпионов? – Он наконец заговорил вслух, и сарказм в его голосе был настолько плотным, что, казалось, капал на пол вместе с кровью. – Я удивлен, что не больше. Вы, ребята, похоже, совсем мышей не ловите».

«О, их намного больше. Мы просто не хотим перегружать ни одно место. У нас есть еще два дома, и еще склад в даунтауне, который…»

Белл коротко, дико взревел – боевой клич взбешенного животного. Неизвестно, насколько хорошей была звукоизоляция; возможно, соседи все-таки услышали вопли, выстрелы из дробовика и хруст костей под топором. Все прошло очень жестоко, но это не был приступ ярости вроде того, что в Монако. Белл полностью осознавал, что он делает. Он получал от этого удовольствие.

Когда все закончилось, мертвый гуль лежал рядом с двумя кучками стремительно разлагающейся плоти, которая в считанные минуты должна была стать пеплом. На другой стороне комнаты выросла кучка из кольев и порванной веревки, и одиннадцать тяжело раненных неонатов смотрели снизу вверх на огромного Бруха. В их глазах боролись страх, непонимание и слабенькие отпрыски надежды.

«Убирайтесь отсюда ко всем чертям, - жестким голосом приказал им Белл. – Я имею в виду не гараж, а весь этот клятый город. Ваши задницы стоят больше, чем оказаться в Риверсайде, когда завтра сядет солнце.

Им не пришлось повторять. Те, кто мог бежать, убежали; те, кто не мог, похромали прочь. Но они смылись все до одного, оставив Белла в одиночестве стоять посреди побоища.

Он огляделся: пятна крови на полу, колья, веревка. «Я на это не подписывался, - прорычал он в пустоту комнаты. – Никаким, нахуй, манером».

Какого черта творилось с Камарильей? Им что, предстояло именно это? Старейшины будут держать младших вампиров в загонах, как еду, чтобы получить себе временное избавление от хвори, которую они даже опознать не смогли? Ебаный стыд, они должны были посвятить силы тому, чтобы найти *причину* этой слабости, или болезни, или проклятия, или что оно там такое, а вместо этого они просто восстанавливают собственные силы и давят слухи о конце мира!

Но ведь старейшины всегда только этим и занимались, так? Беспокоились только о себе, о том, чтобы удерживать то, что имеют, – за счет всех остальных. Ну уж этому не бывать! Белл не собирался позволить упорядоченному обществу, ради защиты которого он всегда сражался, - хотя это сообщество и обладало совершенно чудовищными недостатками, - порвать самое себя по кускам в яростном само-каннибализме. Кому-то предстояло что-то сделать, и, если это не собираются старейшины, то он собирается точно, черт возьми!

Но он не мог действовать в одиночку. Ему потребуется помощь – помощь не из рядов Камарильи, поскольку, как только разойдется известие о произошедшем, он станет беглецом номер один. Так от кого?..

Белл внезапно расхохотался. Ну да, если все обдумать, пожалуй, сходится. Теперь осталось только ее найти.

На поезде

На въезде в Вену, Австрия

Потребовалось некоторое количество дней, проведенных в упакованном виде в тесных грузовых ящиках, и несколько перегрузок с поезда на поезд, но они наконец-то почти приехали. Они легко могли бы добраться на самолете, всего за несколько часов, но Беккет не хотел, чтобы остались записи об их прибытии в Вену. Хотя он не думал, что хоть кто-то из Сородичей связал бортовые номера его «Гольфстрима» и его особу, он не собирался рисковать.

Кроме того, он надеялся, что за несколько дополнительных ночей либо Окулос, либо он сам придумают какую-нибудь альтернативу тому, что было у Беккета на уме. Но альтернативы не нашлось.

И вот теперь Беккет сидел на открытом грузовом ящике и яростно чесал правую кисть, не обращая внимания на проносящийся мимо пейзаж, озаренный луной. Уже в третий или четвертый раз, считая с того случая в Монако, одна или обе его кисти начинали зудеть, словно он долго копался в крапиве. Поначалу он думал, что это действуют остатки какого-нибудь тауматургического оберега, но теперь… Теперь он был обеспокоен. Он чесался настолько усердно, что выдрал из кожи несколько клоков волос. Он, впрочем, не видел в своих руках ничего проблемного: они выглядели как обычно, не считая тех проплешин, что он только что продрал в густом меху. Зуд медленно угас сам по себе через несколько минут, как и обычно.

Беккет поднялся, поразмыслил, не рассказать ли Капанею, но решил вместо этого пройтись по поезду и размять ноги.

Капаней ждал его сразу за дверью. «Посмотри туда», - сказал он вместо приветствия, указывая поверх голов сидящих пассажиров в направлении головы вагона.

Беккет увидел всего лишь человека, - или, возможно, вампира, на таком расстоянии он сказать не мог, - с густыми каштановыми волосами и бородой, в которой начинала пробиваться седина. Человек выглядел несколько неряшливо, и на нем была фланелевая рубаха. Он равнодушно глянул на Беккета и двинулся в следующий вагон.

«Проблемы, Капаней?»

«Этот человек уже некоторое время наблюдал за входом в багажный вагон. Я полагаю, что видел, как он же наблюдал за нами и прошлой ночью».

«Ну ладно. Пойдем».

Беккет и Капаней бродили по всему поезду, от двигателя до багажного вагона и обратно, пока на восточном небе не появились первые угрожающие проблески зари, но не нашли и следа бородатого человека.

«Нам как раз должно хватить времени на питание прежде, чем взойдет солнце, - отметил Капаней, когда они возвращались в багажный вагон. – Нужно будет проявить некоторую осторожность, но я, полагаю, смогу устроить, чтобы никто не помнил…»

«Ступай, Капаней. Я не особенно голоден».

Старейшина остановился: «Беккет, когда ты в последний раз питался?»

Беккет остановился, прикидывая: «А, ну это было… - его глаза расширились, когда он мысленно подсчитал количество ночей. – Почему меня не мучает голод? Ну то есть, истощение мне не грозит, но я редко обхожусь без кормежки так долго… Что это значит?»

Капаней открыл было рот, собираясь ответить, но Беккет его оборвал.

«Нет. Даже не говори».

Старейшина изогнул бровь: «Беккет, Сородичи слабеют, секты впали в хаос, а теперь и ты переживаешь нечто необычное. Не стоит ли тебе хотя бы допустить мысль…»

«Это не Геенна».

«Почему ты так уверен?»

«Потому, что Геенна – миф».

«Почему, - точно тем же самым тоном вновь спросил Капаней, - ты так уверен?»

Беккет чуть не ответил ему как есть: «*Потому, что мне приходится быть уверенным. Потому, что, если я неправ, если Геенна, и Книга Нод, и все остальное правдиво, это не только значит, что я не нашел ответы, которые искал. Это значит, что все, что я делал, все, во что я верил, было ложью. Не найти ответов уже достаточно плохо. Я отказываюсь признавать, что уже почти три сотни лет я задавал не те вопросы*».

Но он не сказал этого. Некоторые вещи Беккет был едва способен признать наедине с собой, а тем более – признаться в них перед сравнительно недавним знакомым. Вместо этого он просто ушел, вернулся в свой ящик, чтобы провести в нем еще один бессознательный день.

Снаружи библиотеки Фортшритт,

Публичного фасада Отчего Дома Тремер

Вена, Австрия

Была следующая ночь после их прибытия, и Беккет с Капанеем находились возле той части старой Вены, что называется Молькер Бастай, возле архитектурного сооружения, которое можно было описать одним словом: импозантное. Изначально задуманное как церковь, в середине девятнадцатого века оно было выкуплено и достроено уже в качестве библиотеки Фортшритт. Высокие шпили, готические арки и витражные окна все еще глядели на улицы Вены. На многочисленных уступах все еще помещалось целое воинство горгулий; Беккет, быстро их оглядев, пришел к выводу, что все они были обычными каменными статуями, а не искусственными существами, которых Тремер использовали как солдат и стражей. Ступени, ведущие ко входу, уходили от уровня земли вниз, к притопленному дверному проему. Две особенно крупных и внушительных горгульи стояли на вечной страже по обе стороны лестницы, и глаза их блестели в лунном свете.

Что было довольно странно, улица непосредственно перед Фортшриттом была перекрыта полицейскими деревянными барьерами, а за их пределами валялось некоторое количество битого камня. Беккет коротко расспросил какого-то одинокого прохожего (который, помимо ответов, послужил и источником столь нужного питания) и выяснил, что улица была перекрыта уже почти два дня из-за обрушения верха одного из шпилей.

«Возможно, естественный износ?» - поинтересовался Капаней не особенно обнадеживающим тоном.

«Совершенно невероятно. Тремер наверняка наложили на это место такое количество всяких консервирующих заклинаний, что оно могло бы пережить и Геенну. Нет, если оно разваливается, значит, с магией внутри что-то не так, и это плохой признак независимо от того, как его понимать».

Оба, быстро оглядевшись напоследок, нет ли где еще прохожих, отодвинули барьеры и спустились к главному входу. На мгновение Беккету показалось, что он увидел бородатое лицо, глядящее на них из-за угла дальше по кварталу, но оно скрылось раньше, чем он хотя бы подумал сходить и проверить.

Ну и нахрен. Если тот человек с поезда шпионил за ними, пускай. Пусть последует за ними в глубины Фортшритта, если у него достаточно крепкие яйца.

Беккет, в общем, ожидал встретить какой-нибудь барьер, или другое защитное средство, которое не даст им войти, однако дверь не была запечатана ничем более волшебным, чем хороший замок. Он выудил из новой сумки отмычки и быстро с ним разобрался. Покосившись на большое железное кольцо, он подумал было постучаться, но передумал. Тремер не оценят незваных гостей, не известивших о визите, но, там мог быть и *кто-нибудь* еще, так что Беккет не хотел привлекать к себе внимание.

«Я здесь однажды был, - сообщил он Капанею, держа руку на ручке двери, - но это было давно, и я не видел сильно больше, чем общественные зоны. Считается, что в этом месте есть сколько-то подземных этажей, но, если мы не найдем кого спросить, то придется искать их самим».

Беккет распахнул дверь – и застыл.

Вестибюль библиотеки Фортшритт был широким залом с высоким потолком, который вел непосредственно в огромное помещение, изначально проектировавшееся как неф церкви. На полу был ковер, а стены были покрыты красивыми фресками на религиозные темы.

Сегодня, однако, они также были покрыты запекшейся кровью в достаточном количестве, чтобы побледнел даже хищник вроде Беккета. Кровь запятнала фрески даже не потеками, а огромными кляксами. В прихожей валялось несколько комплектов одежды, воняющих тухлой кровью и давно начавшимся разложением. Посмотрев внимательнее, Беккет обнаружил, что останки владельцев все еще находились внутри, но на останки Сородичей, насколько Беккету доводилось таковые видеть, *это* похоже не было. Жертвы не истлели в прах, а оставили после себя либо странные лужи из растекшихся в жижу тканей, либо обезвоженные, мумифицированные обрывки плоти. Беккет нашел несколько сохранившихся частей тел. Некоторые были мягкими на ощупь и превращались в жидкость буквально от прикосновения; другие были похожи на мумии и совершенно лишены крови и прочих жидкостей. Одна рука без тела казалась мутировавшей: ее пальцы изогнулись, касаясь кончиками тыльной стороны ладони, а в нескольких дюймах выше запястья появился дополнительный сустав.

«Ну что ж, - медленно проговорил Беккет с заметным отвращением в голосе, - теперь мы знаем, куда подевались по крайней мере некоторые Тремер…»

«Что это за дьявольщина?» Впервые на памяти Беккета голос Капанея звучал по-настоящему потрясенно, и это обеспокоило его не меньше, чем все остальное.

«Не знаю. Похоже, эти бедные засранцы либо взорвались, либо оказались высосаны досуха».

«Могло ли это быть плодом той магии крови, о которой ты говорил? Тауматургии Тремер?»

«Могло. Ритуал пошел не так, или, может, какая-то отрава против Сородичей… - Но его глаза не отрывались от мутировавшей руки, и что-то в его теориях звучало не совсем правильно. Он уделил еще минутку более тщательному осмотру искаженной конечности. – Похоже на то, что мог бы сотворить Цимисхи, - пробормотал он, имея в виду как ужасающие способности этого клана к изменению формы плоти, так и их долгую ненависть к Тремер. – Но я ни за что не поверю, что они сподобились напасть на сам отчий дом».

Не получив ответов, оба прошли дальше в церковь, превращенную в библиотеку. Неф стал книгохранилищем таких масштабов, какой, когда здание только начали строить, нельзя было и вообразить. Ряды скамей, алтарь и все прочее было заменено столами, стульями и многими, многими полками книг. Кое-где они поднимались почти к самому высокому потолку, и для доступа к томам наверху использовались лестницы на колесиках. В этом помещении тоже лежали разрозненные останки Сородичей, которые то ли были убиты, то ли стали жертвой какой-то внутренней порчи. Вонь настолько ошеломляла, что у Беккета уже слезились бы глаза, если бы они еще были на это способны. Беккет задумался, не лежит ли весь клан замертво, рассеянный по их отчему дому, но решил, что вероятность этого невелика. Он уже насчитал несколько десятков тел, но на весь клан этого было явно мало. С другой стороны, судя по останкам (хотя судить было довольно сложно), погибшие происходили из разных культур и стран со всей земли. Очевидно, что огромное количество Тремер собралось в Фортшритте, вероятно, по призыву Совета Семи – чародеев на вершине пирамидальной иерархии клана. Неужели где-то поблизости прячется весь клан? Что убило столь многих из них, и что случилось с остальными, Беккет не знал. Было ли это связано со слабостью крови? Было ли оно *причиной* этой слабости?

Беккет почувствовал внутренний конфликт. Он знал, что здесь, в общедоступной части часовни, вероятность найти информацию о судьбе Тремер или происхождении распространяющегося недуга была почти нулевой. Но часть его протестовала против мысли о том, чтобы отвернуться от всех этих книг, даже не попытавшись их просмотреть. Он пришел к компромиссу, рассудив, что вернется, если поиски в глубине часовни ничего не дадут. Он…

«Беккет, беги!!!»

Он не стал задавать вопросов, а просто нырнул вперед. Его уши заполнил звук ломающегося камня, и, катясь по полу под стол, он оглянулся и увидел, как огромный осколок потолка с привешенной к нему люстрой обрушивается на то самое место, где он только что стоял. Во все стороны полетели осколки стекла и камня, и Беккет поднял руку, защищая глаза. Когда он снова поглядел в ту сторону, то не увидел ничего, кроме большого облака пыли от падения. Беккет медленно выбрался из-под своего импровизированного убежища и встал на ноги, ожидая, пока уляжется пыль.

И пыль улеглась, открыв пол без единой царапины и без единого камешка. Посмотрев наверх, Беккет увидел неповрежденный потолок, ни одна трещина на котором не указывала на возможные разрушения.

«Не думаю, что меня заботит это место» - мрачно пробормотал он.

«Беккет, если магия, что пропитывает это место, спадает, то, возможно, нам надлежит проявить некоторую толику поспешности».

И они начали поиски, разыскивая какие-нибудь пути в потайные комнаты и на нижние уровни, о существовании которых Беккет знал. Они прочесали библиотеку, осмотрели каждую нишу и щель, даже заглянули за те книжные шкафы, что стояли у стен.

Они обыскали кабинеты и читальные залы (раньше бывшие комнатами священника и гардеробными. Прошли часы, и Беккет был все больше рад, что они уговорились начать пораньше. Ему не нравилась идея того, чтобы проспать день в библиотеке.

Черт возьми! Беккет не понимал. Он знал все техники и уловки, которыми можно было спрятать тайный проход или обнаружить его. Более того, он там бывал, был по

крайней мере в одной комнате, которую теперь не мог найти. Что за чертовщина творилась?

Он быстро прикинул время по зонам и вытащил из сумки спутниковый телефон: «Окулос? Беккет. Мне нужна помощь…»

Шло время. Капаней праздно бродил по библиотеке, разглядывая книги. Беккет устало прислонился к стене. Каждые несколько минут он спрашивал в трубку, но не получал того ответа, которого хотел.

«Не уверен, чего ты от меня хочешь, Беккет, - наконец сказал ему Окулос. – Никто из моих знакомых не знает Фортшритт лучше, чем ты, и Тремер вроде как не выкладывали чертежи и планы часовни в Интернет. Я раздобыл план самой церкви, общественной части библиотеки, но, боюсь, там нигде нет пометки «секретный вход». Ты уверен, что везде посмотрел?»

Беккет утвердительно проворчал. Он слышал, как щелкают клавиши: Окулос вызывал на экран те картинки, что у него были.

«Ты осмотрел прихожую, ты, очевидно, через нее и зашел. Ты обыскал все стены и пол собора?»

«Да».

«Индивидуальные читальные комнаты слева? Кабинеты справа?»

«Да».

«А маленькую комнату, где ремонтируют книги, за алтарем?»

«Гм, нет. Там на двери табличка «Служебное помещение, вход воспрещен»».

По ту сторону трубки повисло долгое молчание.

«Окулос? Ты на связи?»

«Беккет… Повтори мне, пожалуйста, то, что ты только что сказал».

«Я сказал, что я туда не заходил. Туда воспрещен вход».

«То есть древние проклятия, религиозные запреты и угроза почти неминуемой Окончательной Смерти тебя не останавливают, а табличка «вход воспрещен» - останавливает?»

Беккет почувствовал, как что-то высвобождается в его мозгу; чувство было сродни тому, как при изменении давления закладывает уши. Если бы он все еще реагировал, как смертный, он бы покраснел.

«На меня действовало какое-то отвращающее заклинание или оберег, так?»

«Ну, если только ты внезапно не начал с небывалой педантичностью относиться к регламентам и предписаниям, то я бы сказал, что так».

Беккет вздохнул: «Спасибо, Окулос. Потом уговоримся, чего мне будет стоить, чтобы ты никому об этом не рассказывал».

«Чековую книжку не забудь».

Беккет повесил трубку и двинулся к двери в дальнем конце зала. Даже сейчас, когда он знал о заклинании, почти наверняка наложенном на дверь, он хотел развернуться и пойти поискать где-нибудь еще. Просто для того, чтобы положить руку на ручку, потребовалось усилие воли, но, как только он это сделал, ощущение пропало.

Он глянул назад, на Капанея: «Почему ты не обратил мое внимание на то, что мы здесь не искали?»

Старейшина поднял бровь: «Ты настолько демонстративно избегал этого места, и я рассудил, что у тебя есть хорошая причина».

«Капаней… В следующий раз спрашивай».

Беккет толкнул дверь, и она отворилась.

Фортшритт, Отчий Дом Тремер

Вена, Австрия

Беккету не хотелось этого признавать, но Фортшритт оказался местом довольно скучным.

Предполагаемая комната реставрации книг оказалась проходом вниз; невысокие ступени вели в глубину земли, и на них лежали останки еще нескольких Тремер. Отсюда Беккет и Капаней вышли в большую библиотеку, обрамленную разнообразными антресолями и прочими балконами. Беккет опознал в ней одну из тех немногих внутренних комнат, что видел в прошлый свой визит сюда. Единственный другой выход из комнаты вел в небольшой, но несколько запутанный комплекс каменных комнат и проходов.

Разумеется, путешествие по этим проходам не было *совсем* уж лишено происшествий.

«Капаней, - мягко обратился Беккет к спутнику как-то раз, когда они вышли на перекресток двух коридоров. – Мы разве не шли мимо этой картины несколько минут назад?» - Он указал на темную раму, в которую была вставлена темная картина маслом: окно с видом на продуваемую ветром пустошь.

Глаза старейшины сузились: «Должно быть, это просто такая же картина, Беккет. Мы не поворачивали с самого зала на входе».

Беккет подошел поближе. «Нет, это та же самая. Я узнаю эту царапину на раме».

«Беккет, это означало бы, что коридор, по которому мы идем, только что пересекся сам с собой – не поворачивая».

«Ну да. Я действительно ненавижу это место».

Он обернулся, шагнул назад к Капанею – и почва под его ногами внезапно перестала быть твердой. Ни люка, ни сдвижной панели – пол просто перестал быть.

Беккет полетел бы вниз, к ожидавшей его там неизвестности (он был уверен, что обнаружил бы что-нибудь менее банальное, чем просто следующий этаж), если бы не рефлексы, отточенные за столетия исследований. Еще раньше, чем он сообразил, что

произошло, он уже выпустил когти, вогнал их в ближайшую стену и повис на кончиках пальцев.

И в этот самый момент его руки снова начали зудеть, еще сильнее, чем раньше. Беккет почувствовал, как его пальцы сводит, почувствовал, что соскальзывает…

А затем почувствовал на своих запястьях сокрушительно сильную, но успокаивающую хватку: Капаней вытянул его на твердый пол. Беккет осознал, что буквально трясется, стоя рядом со своим спутником, и его Зверь бьется внутри, желая бежать.

Но почему? Беккет бывал и ближе к смерти, чем только что, в этой классической и банальной яме-ловушке. Возможно, сверхъестественная природа этого места влияла на самого Зверя? Или дело было в чем-то большем, в чем-то, связанном с зудом в его кистях и отсутствием голода?

Беккет огляделся слегка дикими глазами и решил, что совершенно не хочет об этом думать. Он благодарно кивнул Капанею, и, с некоторым беспокойством, они продолжили продвигаться.

Это и другие, не менее странные, события служили яркими вешками в медленном поиске, на который ушла минимум половина ночи. Ни в одной из многочисленных комнат, лабораторий, камер или библиотек не нашлось ничего полезного. Хотя они и начали пораньше, до рассвета оставалось лишь несколько часов.

Теперь они стояли в большой восьмиугольной комнате. Воздух внутри был теплее, чем в залах вокруг – настолько, что для вампиров вроде Беккета и Капанея он был несколько некомфортен. Стены от пола до высокого потолка были покрыты длинными полосами пергамента, и каждая полоса была испещрена сотнями записанных строк. Большинство было на латыни или древнегреческом, но некоторые были написаны и на более эзотерических языках: санскрит, вавилонский, енохийский, даже что-то, что Беккет опознал как минойское линейное письмо А. Беккет делал уже третий круг по комнате, держа перед собой телефон и делая частые фотоснимки. Капаней стоял у входа и молча наблюдал.

«Получил все это?» - спросил Беккет у Окулоса, вновь поднеся телефон к уху.

«Похоже на то. Но я довольно-таки удивлен, что тебе понадобилась помощь с переводом».

Беккет пожал плечами, хотя Окулосу этого было не видно: «Санскрит или енохийский для меня не проблема, но минойское письмо я знаю плоховато».

«А-а».

Еще молчание и звук печатающих клавиш. Беккет прислонился к стене, его рука (опять чешется, черт побери!) легла на узкое пространство между пергаментами. Господи, ну тут и жара!

«Боюсь, что там еще на ту же тему, - минутой позже сообщил Окулос. – Как и в латинском тексте, там в основном герметические тексты и теории. Есть кое-какие интригующие тауматургические принципы, но ничего, что бы непосредственно касалось твоей ситуации».

«Этого я и боялся. Ладно, пора идти… полагаю…»

Беккет почувствовал влагу на пальцах, убрал от головы телефон и уставился на кулаки. Кровь. Он провел другой рукой по лицу, и та тоже оказалась окрашена. Он

потел, а для вампиров эта реакция на жару нормальной не была, как бы жарко ни было. «Капаней» - начал он, борясь с внезапным приступом паники…

И тогда пришла боль. Беккет почувствовал, словно кто-то зажег в его нутре пламя, ревущий адский костер, который грозил сожрать его изнутри. В его уме взвыл Зверь, в ужасе от этой странной пытки. На него накатил Красный Ужас, и ему стоило труда не сбежать из комнаты с воплями. Наверное, у него сейчас даже кровь закипела…

Ну конечно.

«Капаней! – заорал Беккет, и какая-то часть его сознания с нездоровым удивлением отметила розоватый пар, вместе со словами вырвавшийся из его рта. – Вон из комнаты!»

Ему не пришлось говорить старейшине дважды. Капаней нырнул в дверь еще раньше, чем Беккет договорил. Сам Беккет последовал за ним секундой позже.

Как только его пятки ударились о пол коридора, кровь в его жилах начала остывать. В считанные секунды он почувствовал себя лучше, хотя был уверен, что еще не одну ночь будет ощущать слабость, словно его долго били. Он оглянулся в восьмиугольную комнату как раз вовремя, чтобы увидеть, как края пергаментов дымятся и вспыхивают. Беспомощный, он смотрел, как тонкие струйки пламени поднимаются вверх, уничтожая невосстановимые секреты древней магии.

«Беккет! Беккет!!!»

Он наконец услышал доносящийся из телефона тоненький голосок и понял, что Окулос уже некоторое время пытается до него докричаться. «Я здесь» - ответил он, и сам удивился тому, как хрипло звучит его голос, и как дрожит его рука.

«Что случилось?»

Беккет ощерился и гневно всадил кулак в ближайшую стену. «Тауматургическая ловушка, - проскрежетал он. – Чародеи навесили на комнату ебаное заклинание, кипятящее кровь. – Он покачал головой, глядя, как на пол оседают хлопья пепла. – Похоже, оно вышло из-под контроля: я серьезно сомневаюсь, что магия так и должна была уничтожить надписи. Ты хоть представляешь, как важны могли быть эти страницы и их история?»

«Да, досадно. Ты уверен, что с тобой все хорошо?»

«Нет, но мы справимся. Буду на связи». – Беккет повесил трубку прежде, чем Окулос мог бы возразить. Он глянул на Капанея, еще раз покачал головой и двинулся дальше по коридору.

Далеко идти им не пришлось. Вскоре коридор вывел в комнату, узкую с их конца, но расширявшуюся к дальнему, где были две двери. Она казалась чем-то вроде прихожей или передней. В комнате было несколько кресел и даже диван, а на столике лежала небольшая стопка книг.

В дальнем конце, между двумя дверями, стоял большой комплект латного доспеха четырнадцатого века на высоком пьедестале; в его рукавицах был зажат древний «бастард» - «полуторный» меч, пригодный для фехтования и одной, и двумя руками. Забрало по форме очень напоминало морды горгулий на главном входе

«Ну, сейчас начнется».

Капаней выглядел озадаченно: «Что ты имеешь в виду?»

«Тремер любят свои клише, пока они работают. Когда мы шагнем в эту комнату, вон те доспехи оживут и полезут на нас. Готов почти на что угодно спорить».

«Тогда нам следует быть осторожными. Я пойду вдоль одной стены, ты вдоль другой».

«Разумно».

Беккет, выставив перед собой когти, сразу от входа быстро шагнул налево; Капаней пошел направо. Медленно и осторожно они двинулись по комнате, по стеночке приближаясь к дальнему концу.

Доспех не двигался.

Когда они прошли половину расстояния, и ничего так и не случилось, Капаней ехидно покосился на Беккета: «Я благодарен, что ты предупредил меня об опасности, Беккет. Иначе я бы чувствовал себя немного глупо».

Беккет не ответил. Оба крадучись дошли до дальней стены и начали продвигаться к дверям. Ничего не происходило.

Беккет, хмурясь, подошел прямо к доспеху и постучал по кирасе костяшками пальцев.

«Ну, - сказал он, еще несколько секунд помолчав, - я почти разочарован».

«Я – нет. В какую дверь?»

Беккет прикинул их предыдущий маршрут, но ничего, похожего на явную схему, в нем не было. «Понятия не имею. Выбери ты».

Капаней рывком открыл левую дверь. Внутри оказалась гардеробная. Стены были заняты рядами крючков, в основном пустых; на остальных висели церемониальные облачения. Краткого поиска хватило, чтобы убедить Беккета: комната является тем, чем кажется.

Правая дверь открылась в короткий, но широкий холл. Стены по обе стороны были покрыты фресками со сценами из истории Тремер. Справа был изображен высокий, царственный человек, глядящий вниз, в саркофаг. Слева несколько чародеев на вершине холма направляли стаю горгулий против какого-то невидимого противника. На двери в конце холла был вырезан замысловатый абстрактный узор, который, если посмотреть с близкого расстояния, был составлен из многократно повторенного квадрата-в-круге, символа Дома и клана Тремер.

«Ну вот, думаю, мы куда-то приближаемся, - сказал Беккет, протягивая руку к двери. – Мы должны уже быть близко к центру, и… *Господи Иисусе*!»

Рядом с дверью стоял второй доспех. Он был не более подвижен, чем первый – но сквозь каждую глазницу шлема на них внезапно уставилась пара крохотных глазок.

Забрало со щелчком распахнулось, и, с визгом достаточно высоким, чтобы от него заболели уши, из доспеха хлынул настоящий поток крохотных гомункулов. Каждое из этих сотворенных существ было размером с мелкую крысу и в целом напоминало человека, но было лишено отдельных деталей, словно их слепили из глины. Они стаей облепили ноги незваных гостей, их прикосновения напоминали легкие касания ног

таракана или языка змеи. Даже сквозь толстую ткань брюк Беккет ощутил, как его немертвая кожа сжимается, словно стараясь оказаться подальше.

И они кусались, и зубы их точно не были глиняными. Беккет пинком разбил первого о стену, но на его место уже спешила целая дюжина. Драться с ними явно было плохой идеей, даже если бы Беккет смог побороть отвращение. Боль в его ноге свидетельствовала: их клыки и когти, конечно, меньше, чем у Беккета, но не менее могучи; раны, оставленные ими, болели необычайно сильно для их небольшого размера. Убивать их было несложно, но их было много, они были шустрые, и он не думал, что сумеет передавить достаточно прежде, чем они нанесут серьезный урон. Мысли о том, что он может оказаться погребен под этим живым потоком противоестественной мелюзги, сожран по маленькому кусочку, хватило ему, чтобы содрогнуться всем телом. Он мог бы превратиться в мышь и взлететь над ними, но ни открывать двери, ни изучать книги он в этом облике не сможет. Если они последуют за ним…

Стоп. Возможно…

«Капаней! – крикнул Беккет, не трудясь обернуться и посмотреть, как у его спутника получается отбиваться от орды. – Пошли!» И он метнулся назад тем путем, по которому они пришли, в спешке с оглушительным лязгом уронив с подставки доспех. Он слышал за спиной громкие шаги Капанея и пронзительные вопли гомункулов, бегущих за ним по пятам.

В прихожей он неожиданно обернулся и втолкнул Капанея в гардеробную, захлопнув за ним дверь. «Оставайся здесь» - гаркнул он и побежал дальше. Он не думал, что мелкие создания сумеют открыть дверь, а значит, все они последуют за ним.

Собравшись с духом, Беккет вновь бросился в восьмиугольную комнату. Пепел, оставшийся от рукописей, взметнулся вокруг его ног. Он сразу почувствовал, как возвращается и нарастает жар, но заставил себя подождать, чтобы гомункулы втянулись в комнату следом за ним.

И тогда, хотя ему едва хватало крови на такую быструю трансформацию, Беккет позволил себе растаять, и его тело вновь распалось на облако тумана. Он сразу почувствовал себя лучше: у этого обличья не было крови, и оберегу комнаты было нечего кипятить.

Гомункулы, крохотные умы которых были озадачены исчезновением врага, остановились, оглядываясь вокруг. Хотя в этом облике Беккет не мог видеть, он мог чувствовать – и почувствовал, как мелкие создания, мельтешащие вокруг и сквозь него, внезапно вздрагивают и, одно за другим, начинают распадаться в лужицы бурлящей слизи. В комнате странно запахло, одновременно кровью и обожженной глиной. Несколько оставались за пределами комнаты, когда он выплыл в холл и принял физический облик, но отделаться от них труда не составило.

Голодный, усталый, измученный, но улыбающийся, Беккет зашагал выпускать Капанея из гардеробной. Им еще предстояло далеко идти.

Фортшритт, Отчий Дом Тремер

Вена, Австрия

Или, возможно, *не очень* далеко.

Беккет огляделся вокруг, рассматривая тауматургическую лабораторию. Столы с химической посудой и горелками, вышедшие прямо из эротического кошмара безумного ученого, стояли рядом с курильницами, жаровнями, кругами для призывания, алхимическими формулами, высеченными в камне, и клетками, в которых когда-то были живые животные и люди. Даже сейчас, Бог знает сколько времени спустя с последнего использования, все место слегка пахло химикалиями и серой.

Кроме того, здесь не было никакой двери, кроме той, сквозь которую они пришли.

«Такого быть не должно, - уже не первый раз отметил Беккет. – В этом месте еще много чего есть. Должно быть. Мы где-то пропустили дверь или лестницу». Он начал ходить вдоль стен, выстукивая стены и рассматривая оборудование.

«Беккет, - промолвил Капаней, пытаясь успокоить раздосадованного спутника, - если скрытый проход и есть, я сомневаюсь, что он где-то здесь, где те, кто им бы пользовался, мешали бы работе братьев, проходя по нему».

Беккет остановился, хмурясь. Старейшина, вероятно, был прав; черт, Беккет бы и сам догадался, не будь он так устал и помят, - но инстинкты все равно не позволяли ему уйти, не обыскав комнату.

«Чароплеты ебучие. Какого черта им было надо так усложнять это место. Вряд ли какой-то враг сумел бы добраться так глубоко, со всеми их оберегами и защитами в рабочем состоянии». Все еще бормоча себе под нос, Беккет вышел из лаборатории в коридор; Капаней шел следом.

Стены колыхнулись.

Глаза Беккета расширились; он уставился на обе стены зала, которые начали медленно двигаться, словно поверхность озера. На ковер неожиданно упали капли того, что еще недавно было твердым камнем. Было это еще одним признаком того, что магия часовни рушится, или очередной колдовской ловушкой?

Если честно – какая разница? Беккет и Капаней побежали, а стены за их спиной обрушились с громким плеском и начали течь за ними, вязко и неумолимо. Коридор уже был заполнен жидким камнем по щиколотку, и это ужасно замедляло бегущих вампиров: им приходилось с силой пробиваться сквозь тяжелую жидкость. Мимо них в поднимающейся волне жидкого камня проплыло несколько костей и желтоватый череп; одна костяная рука, казалось, пыталась их схватить, когда ее проносило рядом. Беккет мог только ужаснуться судьбе тех несчастных, кто оказался жертвой этого чудовищного потока, хотя и подозревал, что сам вот-вот к ним присоединится.

Они были едва в шаге от надвигающегося потопа, и не могли дольше оставаться впереди. Когда они приблизились к одной из дверей, сквозь которые прошли, Капаней прыгнул с силой, намного превосходящей силу Беккета. Он врезался в спутника сзади, выдернув его из вязкого камня и вынеся в дверь. Давление самого камня захлопнуло за ними дверь.

Беккет, ребра и спина которого ныли от хватки Капанея, поблагодарил старейшину одним кивком, а дальше оставалось только ждать. Пользуясь случаем, они отчищали с ног жидкий камень, пока он не засох, и слушали доносящиеся из-за двери тяжелые хлюпающие звуки.

«Я ведь уже говорил, как ненавижу это место, да?» - уточнил Беккет.

«Действительно. Не представляю, за что».

Через несколько минут после того, как звуки за дверью наконец-то утихли, Беккет решил, что стоит посмотреть на происходящее. Камень не давал двери открыться, так что пришлось разнести верхнюю часть створки когтями.

Коридор за дверью был примерно на три фута в высоту заполнен камнем, который затвердел странными узорами, похожими на волны. То тут, то там торчали разные предметы мебели и несколько костей из числа тех, что они видели раньше. Пожав плечами, Беккет пополз по камню на четвереньках, настороженно ожидая малейшего признака того, что он снова начнет размягчаться.

Продвинувшись по коридору, они заметили и узнали разное оборудование из лаборатории. Очевидно, жидкие стены, как и многие другие обереги в эти странные ночи, вышли из-под контроля. Беккет сомневался, что камень изначально должен был выходить за пределы коридора.

В конечном итоге, однако, такой исход оказался большим благом: помещение, в котором все началось, полностью лишилось камня, который составлял его стены – и, отчасти, пол. Протиснуться оказалось нелегко, но исследователи сумели спуститься на этаж ниже сквозь самую большую из этих дыр, так что искать «правильный» вход не понадобилось.

Беккет приземлился первым и встал перед огромной открытой аркой, раза в два шире, чем холл, из которого он только что пришел.

Он не увидел руны, вырезанные в камне под его ногами. Не почувствовал, как в них растет колдовская мощь, и никогда не узнал, насколько близок в этот момент он был к Окончательной Смерти.

Капаней спрыгнул позади Беккета; его глаза были сужены. За спиной спутника он ненадолго поднял руку, словно отгоняя назойливого овода.

«Ну ладно, - сообщил Беккет, обернувшись, - мы… Иисусе!» Он уставился вниз, на защитные знаки, которых не заметил сразу, и заметно побледнел даже по сравнению с обычным цветом его лица. «Чертовски хорошо, что этот оберег не работал, Капаней. Он бы прожарил нас обоих до корочки».

«Правда? – Нейтральным тоном поинтересовался Капаней. – Что ж, действительно хорошо».

Беккет задержался в дверном проеме, словно ему неожиданно расхотелось идти дальше.

«Капаней, - мягко сказал он, - если это действительно сердце Фортшритта…»

«Да?»

«Легенда говорит, что здесь внизу спит сам Тремер».

Довольно долго оба молчали. Затем Капаней произнес: «Ты ведь знал это и до нашего прибытия, не правда ли?»

«Ну, да, но…»

«Значит, ничего не изменилось. Мы прошли так далеко, зная то, что знаешь ты. С чего нам поворачивать назад сейчас?»

«Могу придумать сколько угодно причин» - пробормотал Беккет. И все же он шагнул в арку – и понял без всякого сомнения, что он, действительно, стоял в сердце часовни Фортшритта.

Зал был огромен, и купол его потолка наверняка поднимался вверх за лабораторией, так как он явно был выше, чем этот уровень и следующий, взятые вместе. Десятки или даже сотни знаков и рунных формул столь замысловатых, что Беккет не мог проследить ни одну из них, вились по всему полу, переплетаясь друг с другом. Вдоль стен размещалось несколько полок: некоторые ломились от заплесневелых томов, на других лежал обширный ассортимент разных странных предметов, которые, как оставалось предположить Беккету, были компонентами ритуалов. На полу лежало намного больше искаженных останков: несколько сотен, может, даже тысяча. Беккет все еще не был уверен, что здесь лежал весь клан, но теперь он не был уверен и в обратном. Так где же выжившие, если такие есть? И какого черта они все здесь делали?

Комната явно была подготовлена для ритуала, но ритуал этот не был похож ни на что, о чем Беккет когда-либо слышал. Один огромный символ глубочайшего красного цвета и умопомрачающей сложности был начертан на потолке, но он был единственным «нормальным» элементом ритуала. На правой стене помещалась масштабная фреска, изображающая рассвет; она была нарисована с таким реализмом, что Беккет при первом взгляде отшатнулся от солнца, выглядывающего из-за нарисованного горизонта. В центре комнаты стояла пара высоких факелов, и то обстоятельство, что они все еще горели, хорошо показывало: пламя имело неестественную природу. На дальней стене красовался лесной пейзаж: листья были насыщенного зеленого цвета, трава вокруг стволов была усыпана цветами, и сквозь тяжелые кроны пробивались лучи цвета. Беккет обернулся назад, и его глаза расширились. У двери, сквозь которую они прошли, слева лежала детская колыбель, справа – гроб. Стену занимало огромное нарисованное распятие, окруженное Звездой Давида, полумесяцем и десятками других религиозных символов со всего мира. Рядом с колыбелью лежала мертвая овца, явно погибшая от голода после завершения ритуала.

Только на левой стене не было никаких украшений, и только в ней была одна дверь – открытая. Сквозь нее была видна широкая крутая лестница, уходящая вниз. Даже с того места, где сейчас стоял Беккет, он ощущал поднимающуюся из глубины ауру холода, от которой по коже бежали мурашки. Верны или нет были легенды об основателе клана Тремер, в конце этой лестницы спало *нечто* ужасное. Поежившись, он вновь обратился к комнате.

«Беккет, - медленно спросил Капаней, - что здесь произошло?»

«Не знаю. – Беккет с невыразительным лицом пошел по кругу. – Но символика совершенно безошибочная. – Он начал показывать жестами. – Солнце. Огонь. Вера. Рождение. Развитие. Все, что противоположно или чуждо природе Сородичей. – Он остановился у трупа животного. – Даже овца. Авель был пастухом».

«Так нам говорят, да».

«Что бы ни сделали здесь Тремер, это был ритуал, направленный на саму сущность того, что мы из себя представляем».

Капаней нахмурился: «В таком случае, не может ли это быть причиной? Не может ли этот ритуал быть ответственным за слабость крови?»

Беккет склонился, чтобы рассмотреть символы на полу. «Ну, - промолвил он, подумав несколько минут, - я так не думаю. Этот ритуал далеко за пределами моего понимания – черт, он за пределами понимания всех, о ком я слышал, - но я узнаю несколько принципов. Заклинание было наложено на тех, кто *внутри* комнаты, а не снаружи. Учитывая то, что мы видели вне комнаты, я ни за что не поручусь – но я не думаю, что это источник».

«Тогда защита от слабости?»

«Возможно, но все это выглядит более комплексным, чем чары защиты. Опять же, посмотри на символы. Они пытались вызвать какое-то фундаментальное изменение в своей собственной природе, хотя я не представляю, что бы это могло…» Беккет сбился с мысли, продолжая мерить комнату шагами. На столе у двери лежало несколько томов, но ничего, что казалось полезным прямо сейчас. Комната задавала еще больше вопросов и не давала ни одного ответа из тех, за которыми они пришли.

Он медленно встретился глазами с Капанеем, и взгляды обоих переползли на лестницу вниз.

«Что бы там внизу ни было, - мягко сказал Беккет, - оно, наверное, уже ушло. Я имею в виду, ведь все остальные здесь мертвы».

«Наверное» - согласился Капаней.

«Так что, когда мы пойдем смотреть, что там внизу, мы наверняка будем в полной безопасности».

«По крайней мере, в такой же, в какой мы были во всех остальных помещениях».

«Чудесно. Хочешь идти первым?»

Глубочайшее помещение Фортшритта,

Отчего Дома Тремер

Вена, Австрия

Каменная лестница, которая вела вниз, и комната, в которую она выводила, были холодны – не зимним холодом, но холодом вроде того, что Беккет испытал в Каймаклы. Но они к тому же казались пустыми, так же, как древний город Каппадокийцев пустым не казался. Какие бы духи ни обитали в этом месте когда-то, теперь они ушли.

И все же Беккет не смог сдержать дрожь облегчения, когда они дошли до дна и обнаружили большое каменное погребальное ложе – пустое, если не считать лежащего на нем переломленного черного кола.

Здесь что-то произошло, это было достаточно очевидно. Беккет видел силуэты, выжженные на стенах пещеры. Они напомнили ему виденные когда-то фотографии последствий Хиросимы, хотя он знал, что природные или созданные человеком энергии никогда не заставили бы появиться эти фигуры. В воздухе до сих пор витал легкий дух сгоревшей плоти. Он был так занят, изучая образы и пытаясь сделать выводы на их основании – он был совершенно уверен, что произошел какой-то конфликт, если судить по позам силуэтов, - что не замечал, что делает его спутник, пока не услышал, как его зовут по имени.

«Беккет, - мягко сказал Капаней, наклоняясь и разглядывая что-то на полу, - посмотри на это».

Беккет подошел ближе и посмотрел вниз. Рядом с ложем, в основном скрытая тенями, лежала книга. Глаза Беккета расширились: он узнал личный знак на обложке.

Это были записи Этриуса, высочайшего в Совете Семи и сенешаля самого Основателя Тремер.

Беккет пролистал книгу до последней странице, - записи были на латыни, - и начал читать.

«...более не можем придерживаться допущения, или надежды, что наши изначальные заключения были ошибочны. Мы страдаем не от болезни; если же это проклятье, оно сильнее любого, что мог бы наложить даже наш Отец. То, что делает нас Сородичами, медленно вытягивается из нас, и, возможно, из мира в целом, ибо эта слабость едва ли ограничивается кланом Тремер. И потому, боюсь, старейшие страдают от нее первыми: они стоят выше, и падение будет более глубоким, они владеют большей силой, и утратят больше. Наше волшебство изменяет нам. Сама наша природа становится искаженной.

Наши предсказатели видят знаки и приметы повсюду, куда они смотрят. Пылает Алая Звезда. В мире эхом отдаются знамения. По Земле движутся Силы, которых не должно быть; мы можем ощущать их, и мы ощущаем, как наши собственные силы оттягиваются к ним. Ослабевают барьеры: между мирами, между существами, между природой вещей.

И именно это ослабление может быть нашей единственной надеждой - ибо, если граница между тем, что мы есть, и тем, чем мы были, стала нечеткой, то - может быть - ее возможно пересечь еще раз. Это глупая надежда, это мечта безумца, но мы обязаны попытаться. Наш Отец велик, но он не подобен им. Он не способен нас защитить. Когда они придут, мы должны быть не тем, что они ищут.

Пора. Боже, если твои уши еще слышат жалкие вопли тех, кто подобен мне, - буди милостив».

Трясущимися руками Беккет положил, или, скорее, уронил дневник на ложе. Его желудок свело, как не сводило и в бытность смертным, и он рухнул на колени: его тело содрогалось от одновременных позывов к рыданиям и к рвоте.

«Беккет?! – Капаней стоял рядом с ним. – Беккет, что такое?»

«Это правда. Это правда. Это все правда». – Он, казалось, не отвечал на вопросы Капанея, и даже не замечал присутствия другого вампира.

«Что правда, Беккет?»

...Барьеры ослабевают... Боже праведный, не поэтому ли он сумел спасти Окулоса? Возможно, все это началось уже тогда?..

«Древние ходят по земле и крадут у нас то, что делает нас Сородичами. Что еще это может быть? О нет, Господи, не сейчас. Не так скоро. Я еще не знаю, я не узнал...»

Руки Беккета начали зудеть так, как никогда не зудели раньше. Он яростно содрал рваные остатки перчаток со своих пальцев. Как маленькая метель, из перчаток полетел мех и рассыпался по полу. Он едва мог посмотреть вниз. Он уже был уверен в том, что именно увидит.

…То, что делает нас Сородичами, медленно вытягивается из нас…

Беккет уставился на свои руки. На совершенно нормальные кисти и пальцы без меха и без когтей.

«Геенна, - прошептал Беккет. – Пришло время. Все кончается, - и я так и не узнал, почему все это началось». По его лицу текли слезы крови, но он не был достаточно в себе, чтобы их вытирать.

«Беккет, - начал Капаней, кладя руку на его плечо, - возможно, это не…»

Все существование Беккета за последние десять минут перевернулось с ног на голову. Он впустую потратил все время своей не-жизни в искании ответов, найти которые ему было не суждено.

С воплем боли, ярости и парализующего отчаяния Беккет просто исчез. Без малейшей сознательной мысли к его рукам прихлынула кровь, и, хотя толстые ногти и звериный мех исчезли, его пальцы все еще были способны выпускать смертоносные когти. И Зверь в его душе, с ревом встав на дыбы, полоснул Капанея когтями по горлу.

Собор Nuestra Senora de la Almudena

Мадрид, Испания

Строительство Альмудены было начато в шестнадцатом веке и понемногу продолжалось последующие три столетия. Этот собор не выглядел таким уж старым и таким уж впечатляющим. Он представлял собой простое незамысловатое здание, едва способное отложиться в памяти. Снаружи.

Внутри дело было совсем другое. Рассеянные лампы освещали многочисленные изображения и статуи, которые занимали альковы на каждой стене на всем протяжении базилики. Более яркие лампы светили на статуи над алтарем, и отраженное золотое сияние заливало все помещение. Аркбутаны поддерживали высокий сводчатый потолок с белой облицовкой. За многие годы использования собор впитал запах поклонения – смешанную вытяжку свечного дыма и запаха тысяч людей.

Под собором находились катакомбы из низких камер; во многих были могилы старше, чем собственно Альмудена. Здесь трещины в потолке начинали намекать на то, что что-то не в порядке, хотя ущерб, по крайней мере, на этом уровне, был в основном залечен.

А еще ниже, под катакомбами, находилось подлинное прогнившее, увядшее и наконец отошедшее сердце домена, который Люцифер был бы горд назвать своим.

Здесь, где множество проходов сплеталось в лабиринт, полностью известный лишь господину собора, было логово архиепископа Амброзио Луиса Монкады, древнего Каинита, сира Люситы Арагонской и образца веры в среде Шабаша. Фанатичный последователь собственной разновидности христианства, проповедовавший, что долг всех Каинитов – принять, отпраздновать и заслужить уже наложенное на них проклятие, Монкада был монстром среди монстров. Редко покидая

свое убежище (если такое вообще случалось), он правил своим доменом до степени, которой в нынешние ночи могли похвастаться очень немногие вампиры, и через посыльных отдавал приказы, которым, как он знал, не посмеют не подчиниться. Даже некоторые кардиналы склонялись перед его опытом или приходили к нему на исповедь, и говорили, что Монкада воплощает саму душу (если таковая существовала) европейского Шабаша.

Он мог бы все еще воплощать ее, если бы его навязчивая идея касательно достижения полного контроля над его дитятей, бурной и непокорной Люситой, не отнимала бы у него столько сил, которые можно было бы потратить на что-нибудь еще. Наконец, несколько лет назад он пал, поглощенный созданием Бездны, которое попытался спустить против своей дитяти и ее спутницы – Ассамитки.

С тех пор его убежище, хотя и ограбленное мародерами, паломниками и самой Люситой, оставалось в том виде, в каком было после его смерти. Обломки лежали по всем углам помещения, осыпи забивали большую часть выходов на поверхность. Повсюду валялись обломки стекла, некоторые – размером с мечи: Монкада, хотя и не имел отражения, всегда питал странную страсть к зеркалам. В сочетании с кусками статуй и обломками опрокинутых книжных шкафов пол помещения представлял собой настоящую смертельную ловушку с острием или лезвием на каждом углу. Все это было покрыто пылью и паутиной. Прошло уже немало времени с тех пор, как самый отчаянный из верующих Шабаша или самый решительно настроенный из исследователей Сородичей ступали в это место.

В пустоте, в темноте что-то пошевелилось.

Казалось, это ничто, и оно невещественно. Просто движущиеся тени, потоки тьмы, игра света – в месте, где не было света.

Каким-то образом в комнате, где уже царила кромешная тьма, участок пола начал становиться еще темнее. Будь кто-то свидетелем этого, он, возможно, заметил бы, что именно на этом участке исчез обратно в Бездну Левиафан, после того, как поглотил Монкаду. Он мог бы заметить, что тьма продвигалась в направлении исповедальни архиепископа, где тысячи вампиров исповедались ему в своих грехах и получали епитимью: грешить еще больше.

Оно не извивалось, как змея, это щупальце тени, а скорее расширялось и удлинялось, как трещина в самом мире. Оттуда начал дуть странный, чуждый ветер. Он был совершенно беззвучен, этот ветер, словно он, захватив часть воздуха, совершенно не затрагивал остальной. Он не нес с собой никакого запаха. Даже миазмы плесени и разложения, которые заполняли комнату, истаяли с его продвижением. Он был холоден – не активным, бьющим холодом урагана или обжигающим холодом льда, но холодом полной и совершенной пустоты, стужей из мира, которому было чуждо само понятие тепла.

Разрыв стал еще шире. Обломки, мусор, битый камень и старые книги падали в него и исчезали, утерянные для этой реальности. И внутри бесконечной тьмы что-то пошевелилось.

Оно медленно выдвигалось в мир, осторожно, понемногу. Вверх протянулся клочок тени, словно шарящая наощупь рука или дрожащий язык рептилии, пробующей окружающий мир на вкус. За ним через несколько мгновений последовала большая колонна чистой и полной тьмы.

Последовала. И последовала дальше. И дальше. Бывшее убежище архиепископа Монкады по самые стены заполнилось тьмой более тяжелой, чем сама ночь, и она все

продолжала прибывать, вытягивала все большую часть своей туши – если это можно было назвать тушей – из Бездны.

Несколько лет назад кабал мистиков попытался призвать из глубин сущность их основателя, Отца Ночи, божества, которое некогда носило обличье Сородича и было известно как Ласомбра. Вместо этого они вызвали существо Бездны, обличье которому придали их собственные мысли, их собственные желания. Оно состояло из вещества тени, но все же было искусственным, рукотворным.

Эта же *вещь...* Она была не такова. Ни одно воображение, смертное или бывшее смертным, не смогло бы ее измыслить; ни один взор живущего или жившего не смог бы ее охватить. Она была чиста. Она была ничем. Она была Бездной.

И однажды она носила имя.

Тьма потекла вверх по проходам Альмудены, сквозь двери и окна собора. Она вздрогнула от звезд, от луны, от уличного света вокруг, ибо она пришла из обители, где сам свет был незваным гостем.

Ей не нравились подобные вещи – так что она разделалась с ними.

В окрестностях Мадрида в ночь, которую не забудет никто из тех, что пережил ее, погасли огни. Умерли уличные фонари. Сами луна и звезды перестали сиять, все, кроме одной красной звезды, которую раньше не видел ни один из обитателей города.

Тьма потекла, двигаясь по Испании, подобно облаку, и позади нее объятые ужасом смертные на коленях благодарили Бога за возвращение света. Прошли часы, и она растаяла на берегу Средиземного моря.

И позади нее, теперь видимая равно для Сородичей и для стада, горела Красная Звезда.

Часть Вторая: Полночь

Где-то под городом Мехико, Мексика

Ревущий костер, разожженный из деревянной мебели, невосстановимых экземпляров хартий Шабаша и одеяний тех, кого, вопящих, швыряли в пламя, отбрасывал танцующие тени на всю большую каменную комнату. Комната быстро заполнялась дымом, и это было бы проблемой, если бы находящимся в ней нужно было дышать. Большинство ее посетителей сейчас плясали вокруг огня (а в некоторых случаях прямо сквозь огонь), выкрикивая кровожадные языческие пеаны, распаляя друг друга и осыпая оскорблениями тех, кого толпа захватила как заключенных: «Предатель!», «Коллаборационист!», «*Cabrón!*» Каменный пол был заляпан кровью, засохшей в трещинах, словно слой известки.

Несколько из заключенных уже стали пеплом, отданные в пищу яростному пламени. Остальные стояли в очереди, некоторые – пронзенные кольями, некоторые – просто скованные цепями. Спотыкающаяся процессия, которую со всех сторон охраняли молодые Каиниты с обнаженными клинками и пистолетами на взводе, шаг за шагом приближалась к центру комнаты. Там, где когда-то стоял помост, где кардиналы Шабаша обращались к своим братьям, теперь возвышалась гильотина – настоящая, работающая и сохранившаяся со времени, которое очень похоже называлось «эпохой Террора». Пепел, который покрывал скамью и пол вокруг устройства, молча свидетельствовал о том, сколько вампиров уже полегло под ее клинком.

Если ничего не собиралось измениться в ближайшее время, то кардинал Ласомбра, известный лишь как Борзая или Грейхаунд, должен был стать следующим. Времени на то, чтобы придумать какой-нибудь план побега, у него было очень немного. Он стоял третьим в очереди, позади пары Цимисхи, которая яростно ругалась друг с другом по-испански. Неонаты убьют их, а он станет следующим, если он не…

Первая Цимисхи перед ним завопила высоким, пронзительным голосом, в звуке которого не было ничего хотя бы отдаленно человеческого. Секундой позже присоединилась вторая; ее вой был примерно на октаву выше. Они привалились друг к другу, оседая, словно их костям перестало хватать сил поддерживать их, сгибаясь в местах, где не могло быть суставов. Их плоть начала плавиться и смешиваться, и в считанные секунды уже невозможно было сказать, одно это было существо, или два. Они быстро опали, растеклись вязкой массой из непонятных жидкостей, обрывков плоти и одной-двух конечностей, искаженных и мутировавших до неузнаваемости. Они, насколько можно было видеть, оказались пожраны их собственными способностями к изменению плоти, и это были далеко не первые Цимисхи, павшие жертвой этой конкретной формы увядания: за какие-то месяцы их клан поредел настолько, что в его рядах не оставалось и десятой части первоначального числа.

Кроме того, с точки зрения Грейхаунда, они выбрали чрезвычайно неудобное время помереть.

Кардинал, нагой, не считая разных мелких сувениров, которые он любил отрезать от своих врагов, шатнулся вперед, когда молодой Каинит дернул за его цепи. В который раз он напрягся, пытаясь обрушить свою волю на тюремщиков, сокрушить их мысли и желания своими. И в который раз ему это не удалось, как и в прошлый раз, и в позапрошлый. Он был слаб. Беспомощен. Эта мысль язвила его даже больше, чем надвигающаяся смерть.

Хотя ненамного.

Никто не читал приговоров. Адвокатов, оправдательных речей или апелляций тоже предусмотрено не было. Каким-то образом основной массе Шабаша взбрело в голову, что кто-то из их старейшин предал секту и при виде растущего хаоса и приближающейся Геенны обратился к Камарилье или другим старейшинам. Возможно, некоторые на самом деле так поступили, но сейчас истерия уже охватила Меч Каина сверху донизу. За очень немногими исключениями, ни один Каинит старше пары сотен лет не был в безопасности. Перепуганные до безумия тем, что на них надвигалось, подстегиваемые знаками, которые могли означать только грядущий конец, молодые вампиры повернулись против *всех* своих старейшин в лихорадочном стремлении выполоть всех прислужников Патриархов прежде, чем эти древние существа восстанут сами. За прошедшие недели десятки старейшин встретили Окончательную Смерть в ходе мероприятий вроде нынешнего, и многим это еще предстояло. Не добавлял оптимизма и тот факт, что еще большее их количество погибло не от рук детей, а от клыков их же собратьев, ибо вампиры по всему миру уже узнали: кровь им подобных могла отодвинуть увядание.

Насладившись могущественной кровью Грейхаунда, неонаты действительно почувствовали себя много лучше.

Склад в центре города

Хьюстон, Техас

Цементный пол более не пустовал: в него вогнали ряды тяжелых металлических пилонов. Из этих колонн во все стороны торчали толстые деревянные колья, и десятки парализованных Сородичей свисали с этих кольев, словно говяжьи туши. Вдоль дальней стены выстроились узкие клетки, где не хватало места даже повернуться. Заключенные в них были грязны, избиты и содержались на рационе из собачьей и свиной крови, которую каждую ночь наливали в их миски. По мосткам наверху и между колоннами находилось около дюжины гулей, вооруженных мощным огнестрельным оружием, ножами с широкими клинками и тяжелыми кольями, а так же меньшее количество вампиров, которые надзирали за ходом дел. Раз в несколько ночей какой-нибудь из старейшин Хьюстона заходил сюда, ища избавления от нарастающей слабости. В компании вооруженного охранника он выбирал кого-нибудь из содержащегося на складе «стада», чтобы временно решить проблему.

Это было далеко не единственное заведение подобного рода. По всему земному шару, почти в каждом крупном городе Камарильи, «центры изоляции» становились нормой. Официально князья и архонты утверждали, что это было необходимо для подавления нарастающего беспокойства, и в заведениях всего лишь содержались те, кто пытался проявить неподчинение или как-то еще нарушить порядок.

На деле, они в первые же недели стали не более чем концлагерями. Шерифы и другие силовики хватали на улицах неонатов и чужаков при малейшей провокации, или вообще без таковой. Как заявлялось публично, их задачей было сохранение мира и обеспечение дальнейшего ровного функционирования общества Камарильи.

Частным образом их задача формулировалась проще: пусть старейшины будут накормлены и сильны, а «центры изоляции» - наполнены. Неважно, какой ценой.

Их любимыми мишенями были свеже-Обращенные неонаты, каитиффы, худокровки, чужаки или новички в городе и, разумеется, те, кто действительно совершил какое-нибудь преступление. Чаще всего звучало обвинение в публичном

упоминании Геенны, и многие из попавших в заключение действительно были виновны в том, что слишком много трепались. Тем не менее, в зону риска попадал любой Сородич достаточно слабый, чтобы его можно было легко взять, и не имеющий могущественных союзников, способных заметить его отсутствие. В некоторых случаях князья крупных доменов фактически спускали своих подчиненных на районы поменьше, по сути, завоевывая мелкие домены лишь ради дополнительного источника корма. Полицейские силы по всему миру докладывали о существенном росте количества преступлений на почве страсти, террористической деятельности, криминальных разборок, бунтов и прочих происшествий, связанных с насилием.

Некоторые старейшины пытались Обращать целые стада, создавая собственные запасы корма – и обнаруживали, что даже Обращение под давлением увядания стало непредсказуемо. Многие попытки вместо вампиров создавали лишь трупы.

В эту ночь князь Суадела лично позвонила Джеку Фоулеру, надзирателю этого конкретного центра, и известила о том, что сегодня прибудет. После ее звонка охрана целый час суетилась по всему центру, возглавляемая им самим. Речь шла не об уборке: старейшины знали, что заключенные содержатся в максимально убогих условиях, и вполне одобряли это. Но он знал: вся ярость ада покажется ему штилем, если Карен Суадела или кто-то из ее свиты обнаружит хоть крохотную брешь в безопасности. Замки и засовы были проверены и перепроверены, висящие вампиры устроены на кольях понадежнее, видеокамеры выровнены, оружие полностью заряжено.

Все было в полной готовности, когда они услышали звук двигателя: в разгрузочный дворик позади склада заехала машина. С подхалимской улыбочкой на крысиной физиономии Фоулер вышел наружу.

Он замер, увидев праздно стоящий снаружи старый красный фургон «Шевроле». Князь всегда прибывала на «Towncar», дорогом лимузине.

К чести своей, Фоулер немедленно понял, что происходит нечто чрезвычайно неправильное. Его не за красивые глаза сделали директором концлагеря. Он не стал тратить время, пытаясь понять, как фургон просочился через проходные внешнего периметра, или что случилось с князем. Спустя мгновение он, с «Глоком» в руке, уже несся к ближайшей из множества кнопок тревоги, которые они поставили у всех дверей и в разных местах по всему заведению.

Он до нее не добрался. Сверху, с края крыши, на него обрушилась занавесь тьмы, опутывая его, словно сеть, замедляя его движение. «Руки» теней внутри этой темноты вцепились в него и швырнули его назад. Фоулер, пятясь, вывалился из темноты – и врезался в что-то большое и неподатливое.

Тео Белл не дал ему развернуться. Он просто сгреб голову Фоулера сзади и резко, со всей силы повернул. По совести, он не был уверен, что это сработает. В эти ночи его физические возможности были непредсказуемы. Иногда вечером он просыпался еще сильнее, чем раньше, готовый в одиночку уделать весь мир. В другой раз он ощущал не больше силы, чем помнил за собой по смертным временам.

Эта ночь, к счастью, относилась к числу первых. Позвоночник Фоулера треснул, как стекло. Белл позволил телу упасть и спокойно раздавил его череп ударом пятки, довершая дело.

«Это было неосмотрительно, Белл. – Люсита соскользнула с крыши на тросе из тени; ее спуск был заметно менее грациозен и текуч, чем был бы некоторое время назад. – Он мог мне пригодиться».

«Извини, Люсита. Не подумал. Первый же обсосок, которого мы найдем внутри, весь твой».

С парадной стороны склада донеслось стаккато автоматной очереди.

«Это если кто-то останется» - добавил Белл. Потом, обернувшись к фургону, он проорал: «*Пошли!*»

Из раздвижной двери высыпало с полдюжины Сородичей всех возрастов, убеждений и кланов. Некоторые были вооружены пушками, некоторые – клинками, и у всех в глазах горел один и тот же огонь. Все они до последнего – шестеро из фургона и еще восемь, которые шли с главного входа, - однажды были такими же заключенными, как ждущие внутри, и любая возможность нанести Камарилье ответный удар была желанной. Белл с новым, но уже немало побывавшим в употреблении «SPAS-15» в руке, последовал за ними внутрь, сразу на входе отскочив влево и пригнувшись. Люсита прыгнула и нырнула в одно из верхних окон, обрушившись на одного из охранников внутри.

В конечном итоге, много времени это не заняло. Численность обеих сторон была примерно равной, но защитники были в основном гулями – тоже живучими, но умирающими много быстрее, - а Сородичи внутри уже лишились вожака. Нападавшие, с другой стороны, были вампирами все до одного, и среди них было двое из числа лучших рукопашников, что когда-либо встречались среди потомков Каина. Люсита аккуратно перебила гортань тому человеку, на которого приземлилась, и перекатилась вперед, ныряя под очередь другого охранника. Вверх метнулась нога, выбивая из руки охранника ствол и ломая ему три пальца. Гуль вскрикнул и обмяк, когда Люсита всадила ему в солнечное сплетение могучий кулак. Она дернула упавшее оружие вверх и хладнокровно вогнала две пули в голову третьему охраннику, стоявшему на галерее. На мгновение она порадовалась про себя, что из противников ей достались только гули: с ее сегодняшней медлительностью кто-то более серьезный был бы проблемой. Затем она скользнула прочь в поисках оставшихся врагов.

Белл, со своей стороны, просто врезался в тех, кто стоял против него; в одной руке был дробовик, кулак другой этой ночью был силен, как и прежде. SPAS-15 дважды плюнул свинцом, полностью снеся голову одному из немногих настоящих вампиров, охранявших склад. Белл крутанулся на месте, поморщившись, когда ему в ляжку ударила пуля, но не замедляясь, и ударом сплеча перебил ключицу еще одному гулю. Потом, привлеченный звуком стрельбы, он вломился в маленькую боковую комнату, стреляя на ходу.

Когда пальба, наконец, прекратилась, дым развеялся, а кровь начала подсыхать, лежали только двое из нападавших, и обоих можно было вернуть к жизни достаточным количеством крови. Из защитников на ногах не оставалось никого.

«Так, парни, вы знаете порядок, - прокричал Белл. – Малик, бери Азура и Бена, начинайте сваливать трупы в центре комнаты. Джозеф, хватай три пары глаз и вали на периметр. Если кто появится, я хочу их увидеть раньше, чем они меня. Вы все, начинайте открывать клетки и снимать этих детишек».

Белл и Люсита бесстрастно смотрели, как вампиров, Бог знает сколько времени провисевших парализованными, стаскивают с кольев и роняют на пол. Другие выползли из своих клеток и потащились к трупам, полным крови, но их остановил окрик Белла.

«А ну, бля, подождали! Пускай сначала остальные начнут двигаться». Он указал жестом на Сородичей с дырами в груди, которые только начинали подавать признаки не-жизни: «Я не допущу, чтобы они очнулись без ничего пожрать». Со стороны Белла это не было благотворительностью – всего лишь здравым смыслом. Глупо освобождать этих людей только затем, чтобы убить их в порядке самообороны после впадения в голодное безумие.

«Так, а ну все послушали!» - еще раз проорал он немного позже, когда все, кто собирался очнуться в ближайшее время, это сделали. Трупов хватило, чтобы немного приглушить их голод, но не утихомирить его, и они уже начали нехорошо коситься друг на друга голодными глазами. Вот уж что нужно было прекращать.

«Вы все знаете, во что сейчас превращается Камарилья, кому и знать, как не вам, - сказал им Белл. – Мы все знаем. – Он указал на тех, кто пришел с ним. – Мы все это видели. Большинство из нас прошли через это так же, как и вы. И мы боремся против этого».

И действительно, за прошедшие несколько месяцев, когда Камарилья стала все более склонна к жесткости, насилию и подавлению, в ее рядах проросло несколько ячеек того, что можно было определить только как «сопротивление». Группа спасенных беглецов Белла и Люситы была лишь одной из немногих, хотя уже стала одной из самых больших, насчитывая почти сотню участников по континентальным Штатам и отдельным территориям Канады. Это было не так уж много, учитывая, что творилось с обеими сектами, но пока что это было все, что они могли придумать. Собственное дитя Хардештадта, Ян Питерзун, как говорили, собирал более формализованную секту в оппозиции к Камарилье, но он, насколько мог видеть Тео, нигде не появлялся на виду. Их единственной целью на этом этапе было собрать достаточно народу, чтобы выжить, пока секты либо не исправятся, либо не рухнут под своим весом. При условии, что они переживут все это – и даже, помоги Господи, саму Геенну, если речь все-таки шла о ней, - у них будет опора и возможность начать сначала.

Разумеется, у Белла и Люситы были *существенно* разные представления о том, как возводить это новое общество, когда и если потребуется его возводить, но по молчаливому соглашению они отложили эту конкретную разборку до того времени, когда вопрос станет актуальным. Когда и если.

Белл не стал говорить обо всем этом новоосвобожденным заключенным. Он просто произнес воодушевляющую, хотя и не особо красноречивую, речь на тему того, какое зло последнее время творит Камарилья, как он сам, бывший когда-то пламенным защитником секты, теперь обернулся против нее. Люсита, честно говоря, была более красноречивым оратором, но они с самого начала решили: в устах бывшего архиепископа Шабаша подобные речи пойдут намного худе. Если и когда они перенесут действия на территорию Шабаша, тогда, возможно, говорить будет она.

Как и всегда, Белл закончил приглашением. И, как всегда, лишь около четверти заключенных выразили хоть какой-то интерес к присоединению, а остальные ушли своей дорогой сразу, как убедились, что Белл не будет им в этом препятствовать.

«Половина в течение месяца будет либо мертва, либо опять под замком, - пробормотал он Люсите, пока они разбегались. – Сказочные долбоебы».

«Сейчас они свободны. Это все, что мы можем для них сделать». Люсита нахмурилась. Ее инстинкты и ее моральный кодекс не позволяли ей помогать людям, не ожидая получить взамен что-нибудь существенное. Она знала, что в

долговременной перспективе делает то, что нужно делать, но большую часть последних четырех лет она провела, убеждая себя, что по сути своей является служительницей проклятия, а не спасения. Ну да, эти рейды были полезны тем, что подрывали деятельность противника и добывали новых рекрутов, но Люсите не было уютно в шкуре освободителя или партнера. Она научилась в одиночестве выживать в этом суровом мире. Действовать по-другому, даже допускать возможность другого пути – это вызывало сожаления, которые, если она расслабится, поглотят ее целиком. Если все происходящее будет продолжаться слишком долго, все грозило этим и закончиться.

«Нам нужно сваливать, - сказал один из заключенных из клеток, молодой Носферату, на сухой, кожистой и землистой физиономии которого странно смотрелись густые усы в староевропейском стиле. – Те охранники все бегали, к чему-то готовились. У нас скоро будет компания, если еще проваландаемся».

Белл прикинул, не стоит ли подождать, чтобы продемонстрировать еще часть его неудовольствия тем, кто собирается заявиться (кто бы это ни был), но решил, что оно того не стоит. «Все, парни, - объявил он тем, кто уже был с ним, и тем, кто присоединился только сейчас, - уходим. Нам еще ехать, а ночь уже кончается».

Пока новобранцев вели наружу и грузили в тот фургон, что побольше, Белл и несколько из его бойцов потратили свободные минуты, поставив несколько зарядов и разлив по полу керосин. Большая часть здания была из цемента, но они могли хотя бы *временно* не дать использовать его в качестве закусочного концлагеря.

К тому времени, как в ночное небо поднялись первые клубы дыма, они уже уехали.

Убежище Дженны Кросс в долине Сан-Фернандо

Лос-Анджелес, Калифорния

Дженна Кросс, все еще одетая в обтягивающий топик и джинсовые шорты, но теперь почти не снимающая с плеча кобуры, внешне эволюционировала от попсовой фанатки до красотки-мордобойцы из видеоигры. И все же тот факт, что она все еще была жива и дергалась, а еще более тот, что большая часть Лос-Анджелеса оставалась за ней, а не за Камарильей, заработал для нее уважение, которое не могли вызвать внешность и гардероб. Эти два факта, а еще – полумесяц на ее плече. Когда она все это начала с маленькой котерией худокровок и поддержкой знаменитого лидера анархов, большинство из тех, кто ее знал, сочли затею не стоящей внимания. Теперь, учитывая ее достижения в борьбе с Камарильей и весь творящийся в мире хаос, ее люди – и, более того, худокровки по всему миру, слышавшие о ее делах, - начали воспринимать все серьезно. Она уже сбилась со счета, сколько раз в ее присутствии цитировали Книгу Нод и всю эту чушь про сирот и худокровок, правящих городами в конце времен. Эти цитаты не добавляли ей хорошего настроения. Если честно, то ее познаний о верованиях вампиров хватало, чтобы они пугали ее до мокрых трусов.

Она глотнула чрезвычайно сладкого кофе, - кофеин и сахар на нее теперь почти не действовали, но, в отличие от «полнокровных» вампиров, которые хотели ее полной и окончательной смерти, она все еще могла порадоваться вкусу, - и нахмурилась, обводя взглядом тех, кто сидел за столом вместе с ней. По большей части, ее не радовало то, что она слышала.

«Как они на нас вышли, Роб?»

«Понятия не имею. Я только знаю, что, едва наши люди ступили в Риверсайд, как несколько псов Камарильи слетелись на них, точно мухи на дерьмо». Он замолчал, и его нижняя губа дрогнула.

Ох, блядь… Дженна знала, что это означает. «Они ушли не все?»

Роб покачал головой: «Мы потеряли и Муса, и Лоренса, обоих».

«Вот дерьмо…»

«Они прихватили с собой минимум одного архонта, Дженна, и они дали всем остальным нашим время выместись оттуда к чертям. Они достались недешево».

«Они вообще не должны были «доставаться»!» Дженна покосилась на стену: она швырнула в нее кружку, даже не заметив. Теперь вид кофе, медленно стекающего по обоям, немного ее успокоил. «Ладно, пока не пытаемся лезть в Риверсайд. Как у нас дела с обороной?»

«Тут немного получше, - вклинилась одна из сидящих за столом, темноволосая женщина по имени Табита. – Мы все еще не сумели отбить большую часть Пасадены, но пока что хорошо закрепились в Восточном ЛА. Мы сожгли мотель, в котором они собирались, и смогли отрыть одного из их шпионов. Крис и Тоби его сейчас догоняют. Не должно занять много времени».

«Что с перестрелками в даунтауне?»

«Первая была с отрядом разведки боем, как нам кажется: в основном гули, плюс несколько разведчиков-дерьмолазов. Мы потеряли там пару хороших ребят, но не думаем, что враг сумел занять какую-то территорию.

Вторая вообще не имела отношения к Камарилье. Мы окружили еще один выводок МакНилов, но они не стали складывать оружие. Мы с ними разобрались».

Дженна вздохнула. В общем, все как вчера. И на прошлой неделе. И в прошлом месяце. Каждую ночь в Лос-Анджелес со всей страны и даже из других государств прибывали худокровки, услышавшие о том, что она стремится сделать этот город свободным убежищем для всех им подобных. Но даже при постоянном притоке подкреплений они, похоже, никак не могли добиться дополнительного преимущества. Сейчас они удерживали Камарилью примерно на тех же границах, что тогда, когда их начали давить по-настоящему. То, что им вообще до сих пор удавалось держаться, граничило с чудом. По крайней мере, одной из причин было то, что у Камарильи было слишком много дел и не хватало ресурсов еще и на эту войну. Но война на истощение не могла принести победы. Если худокровки не смогут одержать решительную победу, не смогут доказать Камарилье, что легче их терпеть, чем сражаться с ними, как раньше сделали Катаяны, то рано или поздно у Камарильи найдется время, чтобы с ними разобраться. И тогда почти бесконечный вес секты раздавит худокровок Лос-Анджелеса, точно лавина.

И им все еще приходилось разбираться с этими чертовыми МакНилами. Кросс надеялась, что теперь, когда Камарилья больше не доминировала в Лос-Анджелесе, что она сможет прийти хоть к какому-нибудь соглашению с остальными анархами, но МакНилы ясно дали понять, что не потерпят у власти безымянную худокровку. Пока что они, пожалуй, не могли считаться полноценной стороной конфликта: их серьезно ослабила война с князем Тарой, а затем – первоначальный удар Камарильи. Но их обыкновение объявляться через случайные промежутки времени и стрелять во всех Сородичей, кто не был частью их общества, делало и без того хаотичную ситуацию еще боле безумной.

«Всем спасибо, - наконец сказала Дженна. – Ступайте».

Лишь когда в комнате не оставалось никого, кроме самой «Последней Дочери», она услышала, как открывается дверь в подвал, и звук шагов по кухне. Она даже не подняла глаз, когда Сэмюель отодвинул стул от стола и уселся.

«Ты слышал?»

«Да. Ты хорошо потрудилась, так долго сдерживая Камарилью».

«Недостаточно хорошо, Сэмюель. Я и не оттеснила их назад».

Пришедший наклонился ближе: «Ты могла бы попробовать снова обратиться к МакНилам. Если бы ты не настаивала на том, что останешься во главе…»

«*Нахуй*! Я все это провернула, я вынесла князя Тару, и мои браться и сестры идут в Лос-Анджелес именно ко мне. Черта с два я все это сдам просто так!»

«Похвально, Дженна. Но не забывай, ты можешь потерять больше остальных. Камарилья – штука прагматичная. Если они здесь победят, то для наглядности казнят нескольких анархов, но остальным позволят остаться, если они поклянутся в верности. Но ты… - Его глаза выразительно сместились на ее плечо и отметину, которая его украшала. – Камарилья может открыто заявлять, что Геенна – это миф, но многие старейшины в нее верят. Почему, думаешь, они затыкают любого, кто о ней заговорит. Это не для того, чтобы не допустить беспорядка. Они напуганы. Если хоть *кто-нибудь* в Камарилье решит, что ты действительно являешься частью надвигающегося апокалипсиса, они не постоят за ценой. Они выследят тебя, и, если тебе *повезет*, тебя просто убьют. Если нет, тебя станут… изучать».

Дженна содрогнулась; кожа под полумесяцем на ее плече начала зудеть. Она снова и снова вспоминала, как Сэмюель цитирует Книгу Нод, любой из десятков отрывков, где говорится о «Последней Дочери», женщине с отметкой в форме полумесяца. Дженна, честно говоря, не хотела быть для кого-то там спасителем, ну разве что для ее собратьев, худокровок. И она была чертовски уверена, что не хочет оказаться затянута в религиозную истерию.

«Я не единственная, у кого есть отметина», - сказала она. Некоторые из ее последователей завели себе стремноватое хобби – искать детей со шрамами и родинками в форме полумесяца. Пока что обнаружилась уже дюжина – это только в Лос-Анджелесе.

«Верно, - отозвался Сэмюель, - но ты единственная из них, кто и взрослая, и худокровка, и ведешь восстание против власти Камарильи. Я полагаю, любой, кто задастся этим вопросом, сочтет Последней Дочерью именно тебя».

«Но…»

«Не забывай, - перебил ее Сэмюель, - что страшнейшие твои враги – это те, кого интересует, чем ты являешься для их древней религии, а не те, кто хочет отобрать у тебя улицы или стадо».

На этот раз он не упомянул имя, но много раз до этого, снова и снова, он предупреждал ее о том, кто будет самым страшным из охотящихся на нее. *Беккет*.

Она вновь содрогнулась от одной мысли об этом.

«К слову говоря, - продолжил он, - я поговорю со своими знакомыми среди людей Хардештадта. Мы распустим слух, что ты уже близка к заключению договора с

МакНилами. Посмотрим, может, мне удастся хоть ненадолго переключить усилия Камарильи на них и дать тебе передышку».

В первый раз за этот вечер Дженна Кросс улыбнулась: «Спасибо, Сэмюель».

«Рад помочь, Дженна, как и всегда».

Фортшритт, Отчий Дом Тремер

Вена, Австрия

«Беккет... Тебе нужно вставать, Беккет. Много дел, много миль впереди».

Нет. Нет, он не встанет. Ему здесь нравилось. Тишина. Невесомость. Никаких сложностей. За пределами этого места... там было плохо.

«Да, там плохо. И скоро станет еще хуже. Ты что, действительно хочешь все это пропустить?»

Во сне, - если это был сон, - Беккет открыл глаза. Он почему-то не удивился, увидев лицо Малкавиана, обрамленное буйными светлыми волосами.

«Так значит, я действительно мертв? – Беккет обдумал эту мысль. – Что ж, ощущения не такие и плохие».

«Боюсь, ты пока дергаешься. Хотя видывал я трупы, которые и выглядели, и пахли лучше».

«Значит, я сплю».

«Точно. Это в полночь-то? Если ты только не сменил карьеру настолько радикально, что теперь работаешь в дневную смену, то звучит не очень правдоподобно».

Беккет нахмурился: «Нет, было что-то...»

Вспышки памяти в обратном порядке. Он увидел себя, безумно несущегося по коридорам под Фортшриттом, увидел, как он разносил мебель и рвал книги, пока не рухнул. Он увидел себя, бегущего из центрального покоя, где проходил ритуал Тремер. Он увидел себя, бросающегося на Капанея, увидел, как старейшина отшвыривает его через всю комнату, словно новорожденного котенка. И он увидел дневник, лежащий перед ним, вспомнил найденные в нем ужасающие откровения.

«О Господи... - Беккет снова зажмурил глаза. – Уходи, Анатоль».

«Не могу. Тебе нужно проснуться».

«Я не хочу просыпаться! Это правда Геенна, Анатоль! Ты все это время был прав. Это конец».

«Определенно идет к тому. Лев пока еще не возлег с овечкой, но он уже напоил ее и теперь вызывает такси».

Глаза Беккета снова распахнулись. «Я уже говорил, что ты сейчас не очень похож на себя прежнего?»

«Ты бы удивился, знай ты, что смерть делает с чувством юмора. – Анатоль встал на колени рядом с ним. – Беккет, послушай меня. Я обменял свое существование на ответы, или так мне казалось. Я помню, как погружался в пульсирующую массу Собора Плоти, и я был рад этому. Но в самом конце я почувствовал... что-то вроде зова, полагаю, хотя это не имело ничего общего с земным шумом. Это было похоже на внезапную тоску, или желание вернуться домой. Я последовал за ним, или часть меня последовала.

Ты же слышал слухи о моем клане, о том, что все мы связаны на уровне даже более глубоком, чем подсознание. Это правда, Беккет. Здесь обитают люди – люди и вещи, вещи даже более безумные, чем мог бы вообразить самый безумный из нас. И я здесь. Я часть всего этого. Поэтому я и кажусь тебе другим. Это больше не я один.

От меня осталось достаточно, чтобы помнить, кто мои друзья, Беккет. Но я не могу долго дотягиваться до тебя. Прямо сейчас ты лежишь лицом вниз в каменном коридоре, где уже три месяца пролежал в торпоре. Ты больше не можешь здесь оставаться».

«Допустим, я верю, что это все больше, чем просто безумный сон – но почему бы и нет? Какое это имеет значение, если я останусь здесь? Если здесь и умру?»

«Какое это имеет значение? Не это ли ты всегда хотел знать?»

Беккет моргнул во сне еще один раз – и, медленно, его глаза в реальном мире начали открываться. Анатоль начал исчезать из вида, но он еще не пропал.

«Анатоль, ты являлся только мне? Люсита была бы счастлива...»

«Люсита больше не хотела бы меня увидеть, Беккет. Смотри за ней. Вы с ней еще встретитесь прежде, чем все закончится, а она уже не та, кто была. Даже я не могу сказать, куда она пойдет: тьма, окружившая ее, слишком густа».

Малкавиан уже почти исчез, сменившись нечетким зрелищем каменной стены, рваного ковра и чего-то неровного, прижатого к щеке Беккета.

«Анатоль... Спасибо тебе. Мое сожаление стоит немного, но мне жаль, что ты умер».

«Мне – нет. Ты что, смеешься? Мне достаточно витать вокруг тебя и говорить загадочным тоном. А ты оказался несчастным паяцем, которому предстоит разбираться с Геенной».

И он пропал. Медленно, чувствуя боль во всех конечностях, Беккет поднял себя на ноги. Он...

Голод!..

- согнулся пополам, когда ощущение обрушилось на него. Казалось, что сам Зверь рвет его изнутри когтями. Если он действительно пролежал в торпоре несколько

месяцев (сам он упал от голода, или Капанею пришлось его уложить?), удивительно было, что ему вообще хватило сил подняться.

Он собирался пройтись по этому месту и посмотреть, не задержался ли здесь Капаней каким-то странным чудом, или же он все-таки поступил разумно и свалил ко всем чертям. Но это должно было подождать. Он не мог себе позволить наткнуться на старейшину в таком состоянии. Его зрение уже заволакивала алая пелена, и он не думал, что сумеет сохранить самоконтроль в присутствии источника крови. И, хотя он даже ради спасения своей не-жизни не смог бы вспомнить, *как* это случилось, Капаней один раз уже разобрался с ним, впавшим в ярость.

Сосредоточившись, насколько позволяла боль, Беккет собрал всю силу, что у него была, и разослал во все стороны мысленный призыв. Всего несколько месяцев назад, когда здесь еще было владение не-мертвых чародеев несравненной силы, в Фортшритте, безо всяких сомнений, не водилось никакой мелкой живности кроме той, что были рады видеть сами Тремер. Теперь, когда владельцы сгинули, Беккету оставалось молиться, что природа взяла свое…

И первая крыса, ответившая на его зов, действительно явилась через считанные секунды. Беккет, все тело которого трясло от необходимости оставаться на месте, позволил ей подойти ближе, еще ближе. На мгновение ему показалось, что может видеть в глазах зверька себя самого, и постарался еще сильнее вжаться в стену, стать незаметным, распространить вокруг себя волны убаюкивающего покоя.

Кровь крысы была скудной и недостаточной – словно одна печенька, предложенная умирающему от голода. Она, горячая и слегка кислая, потекла в горло Беккета, и даже немного не притушила яростный огонь жажды, который наполнял его живот и его душу. Он позвал вновь. Здесь, похоже, жило немного крыс, по меркам комплекса таких размеров. Всего несколько десятков. Но вместе их хватило, чтобы немного приглушить его голод и достаточно утихомирить Зверя в желудке; он решил, что может встать лицом к лицу с Капанеем и не броситься ему на горло. Еще раз.

К большому удивлению Беккета, - и, хотя он никогда бы в этом не сознался, к его облегчению, - он обнаружил старейшину в центральном помещении, где проходил ритуал. Капаней уютно устроился в кресле, которое он явно притащил из общественного раздела библиотеки наверху, и рассеянно листал один том из высокой, шаткой стопки.

Когда вошел Беккет, он улыбнулся и поднялся на ноги. «Я собирал их для тебя» - вот и все, что он сказал. Беккет только и мог, что улыбнуться в ответ.

«Ты был здесь все время?»

«По большей части. Я, конечно, иногда отбывал за питанием. Буду счастлив снова это сделать, если то же требуется тебе самому».

«Приглашение принято. Нет опасности того, что нас здесь найдут?»

«Никакой. Внешний фасад здания продолжает обваливаться. Судя по табличкам на дверях, здание объявлено закрытым, хотя я не уверен, кто их повесил.

Твое устройство для общения, - тут Капаней достал спутниковый телефон Беккета, - часто звенел в первые несколько ночей после твоего, гм, происшествия, но потом перестал».

«Наверное, батарея сдохла». – Беккет взглянул на телефон и усомнился, что здесь внизу найдется розетка. Ладно, тем временем…

Он дошел до сумки со снаряжением, аккуратно лежавшей в углу, и вытащил свой новый ноутбук. Первым, на что он обратил внимание, был горящий индикатор: в батарее еще оставался заряд. Хорошо, что он не иссяк за эти месяцы. Пора посмотреть, что творилось в мире, пока он отсутствовал. Но это после того, как они с Капанеем поднимутся наверх и найдут что-нибудь более сытное, чем крыса.

Фортшритт, Отчий Дом Тремер

Вена, Австрия

«Поправь меня, если я что-то понял неправильно. – Капаней с подозрением разглядывал ноутбук. – Ты можешь получать письменные сообщения на это устройство, от кого угодно в мире, у кого есть устройство вроде этого?»

«Ну, по большей части, да».

«И ты говоришь, что здесь не используется никакая магия?»

«Никакой. В основном, те же общие принципы, что и в телефоне».

«Поразительно. – Капаней наклонился ближе. – И им достаточно просто знать имя, на которое они должны отправить свое сообщение?»

«Опять же, по большей части».

«Этот мир, в который ты меня привел, действительно изумителен».

К сожалению, судя по тому, что читал Беккет (в основном от Окулоса, но также и от других знакомых со всего мира), в современной эпохе было очень немного других поводов для восхищения. Ученые, оккультисты и ноддисты из числа Сородичей исчезали с пугающей скоростью. Некоторые, вероятно, залегли поглубже, надеясь переждать бурю, но Беккет подозревал, что немало их пало жертвой приказа Камарильи затыкать упоминания Геенны железным кляпом. Шабаш деградировал в жестокую и беспорядочную толпу (впрочем, не то чтобы им пришлось для этого деградировать так уж далеко...), а Камарилья все больше напоминала Четвертый Рейх. Увядание распространилось более или менее на всех уровнях общества Сородичей, и сообщения о странных происшествиях приходили более или менее со всего мира. Маскарад стал мыльным пузырем, готовым лопнуть: одного катастрофическое происшествия не в том месте или не в то время могло бы хватить, чтобы обвалить его весь.

«Ты ведь не мог позволить мне просто все это проспать, Анатоль?» - пробормотал Беккет.

Когда Беккет резюмировал происходящее для Капанея, старейшина принял столь же озабоченный вид. «Что ты собираешься делать?» - спросил он после долгого молчания.

Беккет глубоко вдохнул, хотя особой нужды в этом не было. «Я собираюсь продолжать. Все мое восприятие мира... в общем, рассыпалось на дерьмо и потом собралось заново. Но основной идеи это не меняет. Наш род появился по какой-то причине, Капаней, в этом я сейчас убежден еще больше, чем раньше. Если для нас предуготовано окончание, то я чертовски уверен, что было предуготовано и начало. И я собираюсь выяснить, в чем оно состояло».

«Цель, заслуживающая восхищения, Беккет. Но если это и правда Геенна, то времени у тебя немного».

«Да. – Беккет вопросительно посмотрел на свои руки. За все эти годы он привык видеть их покрытыми мехом, и гладкая кожа теперь казалась вопиюще неестественной. – Так что нам лучше начать».

Фортшритт, Отчий Дом Тремер

Вена, Австрия

Беккет был опытным ученым – не мог не быть, совмещая занятия исследователя, археолога, историка и собирателя сведений, - но в Фортшритте было очень много книг. Если бы ему пришлось просматривать все, на это ушли бы месяцы, а он знал, что теперь у него уже нет впереди привычной вечности. Он начал с того, что зарылся в дневник Этриуса, начиная с самых свежих записей и двигаясь к более старым; Капаней тем временем штудировал остальные тома, которые уже лежал в центральном помещении, когда они там появились.

Даже в собственном дневнике величайший маг Тремер явно не желал рассуждать о деталях ритуала «Красного Знака» (Беккет все еще не был полностью уверен насчет того, какой именно результат ритуал должен был дать, хотя подозрения у него были), но чародеи явно были сильно напуганы. Многочисленные упоминания знаков и знамений, неудач в когда-то надежных тауматургических ритуалах, ранних стадий слабости крови и «порчи Цимисхи» заполняли последние записи. Было очевидно: какой бы цели ни служил ритуал, Этриус видел в нем последнюю надежду их клана. Он недвусмысленно отметил, что в случае его неудачи Тремер сгинут все до одного. Беккета заинтриговал один конкретный фрагмент, гласивший: «В самом крайнем случае, меня удовлетворяет мысль о том, что, каков бы ни был наш рок, в случае нашей неудачи то же самое ожидает и извергов». Но он не развил мысль подробнее, и Беккет вскоре переключился на другие части дневника.

«Беккет, - позвал Капаней несколько часов спустя, подняв глаза от своей книги. – Ты говорил о Катаянах».

Беккет вернулся мыслями к новостям и сведениям, полученным от Окулоса. Там было… а, ну да.

«Да. Похоже, они все исчезли с Западного Побережья, и никто не знает, почему. Честно говоря, я и рад, что они пропали».

«Представляется, что некоторые Узурпаторы изучали их. Их мифологию, их физические особенности».

«Интересно. – Беккет прикинул. – Они планировали сотворить против Катаян какой-то ритуал? Или это было частью их изучения природы Сородичей, в ходе подготовки к ритуалу Красного Знака?»

«Здесь не говорится. Но, возможно, исчезновение Катаян объясняется их действиями?»

Беккет признал, что такое возможно, но не кажется вероятным. Не имея возможности узнать что-то еще на эту тему, они двинулись дальше.

Фортшритт, Отчий Дом Тремер

Вена, Австрия

Беккет наконец закрыл дневник Этриуса. Он откинулся в кресле, рассеянно ковыряя пятнышко крови на обивке, и печально посмотрел на тело смертного, лежащее рядом на полу. Он не хотел убивать человека, правда не хотел. Но после долгого торпора ему оказалось сложно контролировать голод. Что еще хуже, какая-то его часть признавала, что выпить человека досуха было не такой уж плохой идеей: ему какое-то время больше не придется питаться, так что больше времени будет для исследований, - и он чувствовал себя виноватым за то, что думает об одном из своих случайных убийств в подобных клинических понятиях. Возможно, как он признался сам себе, именно эта вина заставила его оставить тело на виду вместо того, чтобы спрятать его в какой-нибудь пустой комнате.

Капаней поднял глаза, услышав, как захлопнулась книга.

«Что-нибудь обнаружил?»

«Возможно». – Глаза Беккета, погруженного в мысли, еще несколько секунд оставались расфокусированными. Потом он моргнул и посмотрел на спутника.

«Тремер не особенно интересовало то, откуда и как появились Сородичи. Их больше занимало манипулирование нашей природой и нашими возможностями для раскрытия полного их потенциала. Но все же здесь есть некоторые вещи, которые могут направить нас на верный путь. Ты знаешь о тех усилиях, что Тремер приложили для уничтожения Салюбри?»

Капаней кивнул: «Они начали прикладывать эти усилия задолго до того, как я вошел в Каймаклы. Узурпаторы охотились за Салюбри, именовали их отродьями демонов».

«Верно. По большей части их усилия оказались успешными. До недавнего времени численность Салюбри измерялась двузначным числом, если не меньше. Но здесь, - Беккет хлопнул по дневнику, - Этриус говорит о Салюбри по имени Райциэль, недавно поднявшейся из торпора. Дитя самого Саулота».

«В самом деле?»

«В самом деле. Саулот был, наверное, величайшим исследователем природы Сородичей и пророком Геенны из всех, что когда-либо были известны, не говоря уж о том, что был старше грязи. Райциэль могла бы очень много рассказать нам о его трудах. Черт, да Саулот мог говорить с ней и о самом начале, и даже о самом Каине». Беккет, пусть неохотно, признал: раз Геенна была фактом, то и миф о Каине мог быть реален.

«И Тремер не отправились ее уничтожить?»

Беккет распахнул дневник и прочел: «В свете текущих событий вокруг Отца, а так же знамений, виденных нами, я не могу позволить столь ценному источнику знания и информации пасть жертвой какой-то древней вражды – даже если речь идет о нашей собственной вражде. Я не сообщу об этом открытии Совету и не стану никому открывать, где ее найти. Этот источник мудрости я сохраню для себя самого, в надежде, что он еще может нас спасти».

«Значит, она жива!» - Капаней улыбнулся.

«Значит, жива. По крайней мере, если и нет, то ее уделали не Тремер».

«Тогда почему ты так подавлен?»

«Потому, - ответил Беккет, - что Этриус не потрудился записать, как он на нее вышел, или где она может быть».

«А. – Капаней задумался. – Да, это может осложнить дело».

Беккет выругался, и его рука дрогнула, пока он боролся с желанием запустить книгой через всю комнату. «Эта Райциэль может быть лучшим из всех источников ответов, о которых я даже слышал. Дитя Саулота, Боже всемогущий! А у меня нет ни малейшего ебаного намека, где ее искать!»

«Мы можем просмотреть здесь остальные книги, Беккет. Где-нибудь, несомненно…»

«Нет. Нет, если Этриус хотел сохранить что-то в тайне, он бы об этом позаботился. – Беккет вздохнул. – Тут есть и еще одна наводка. Не такая многообещающая, и лично меня она привлекает намного меньше, но…

Некоторое время назад я был в Лос-Анджелесе. Как раз перед тем, как начали исчезать Катаяны, если так подумать. Я следовал за историями о гробе Каина, представь себе».

Капаней поднял одну бровь.

«Ну да, это я так думал, более или менее. Оказалось, вся эта штука не подлиннее, чем прическа на Носферату. Черт, пока я там был, я даже слышал кое-какие слухи о явлениях Каина».

«Это звучит не очень многообещающе, Беккет».

«Ну да, но слушай дальше. Одним из тех, кто оказался замешан во все это дело, был вожак анархов, известный как Смеющийся Джек. И согласно вот этому, - он опять помахал дневником, - Джек после моего отъезда начал трудиться, как пчелка. К нему начали доставлять со всего света артефакты, связанные с Сородичами – *настоящие*, не подделки. И последнее время Джек вел себя странно, проводил больше время, разнося пророчества о Геенне и цитируя Книгу Нод, чем тратил на привычное наведение беспорядка».

«И ты полагаешь это важным?»

«Ну, Джек не того сорта личность, от кого бы я ожидал, что он обратится к религии. Но что ближе к делу, Этриус отправлял к Джеку людей, пытаясь приобрести какие-то из этих артефактов. Джек не стал их продавать, и Тремер нашли ответы на свои вопросы где-то еще, так что они не проявляли настойчивости. Но Этриус был уверен, что Джек что-то знает, что он как-то приобрел некое понимание происходящего. Что он – не просто очередной Сородич, который проснулся однажды вечером и решил, что будет ноддистом. Я бы хотел узнать, каким источником он пользуется, а найти его много легче, чем Райциэль».

«Действительно. Так мы отбываем?»

Беккет кивнул: «Мы останемся еще на несколько ночей: Чезаре они потребуются, чтобы перегнать сюда самолет и подготовить его к еще одному межконтинентальному рейсу. Но, если мы до тех пор не откопаем в этих книгах что-нибудь еще, то мы отправимся в ЛА».

Плантация Томпсон

За пределами Саванны, Джорджия

Виктория Эш почти незаметно нахмурилась, выражая раздражение тем, что ее прервали. Она положила находящуюся в полубессознательном состоянии молодую женщину на простыню, аккуратно промокнула платком кровь с губ и вышла из дверей спальни.

«Я полагала, что потребовала не беспокоить нас, Аллан».

«Мои самые искренние извинения, госпожа Эш. Там мистер Беккет хочет вас видеть. Он утверждает, что это чрезвычайно срочно».

Беккет? Здесь?! Эш подавила секундный приступ паники. Если узнает Хардештадт…

Но она не могла просто скомандовать выдворить его. Кроме всего прочего, она сомневалась, что ее охрана справится с подобной задачей. Лучше узнать, чего он хочет, и выпроводить его настолько вежливо – и быстро, – насколько это возможно.

Набросив на плечи эфемерную сорочку, Эш покинула комнату и вышла на балкон, нависающий над первым этажом дома. Он был здесь, бродил среди выставленных предметов и скульптур, задерживаясь перед историческими диковинами – как она и предположила бы, пожелай она строить предположения. Он посмотрел вверх, точно почуяв ее присутствие.

«И снова привет, Виктория» - поздоровался он, помахав рукой.

С вежливой улыбкой она помахала в ответ.

«Очень хорошо, Аллан, - сказала она через плечо. – Пусть подождет в кабинете». Не дожидаясь ответа, она вернулась в спальню и стала переодеваться во что-нибудь более существенное.

Плантация Томпсон

За пределами Саванны, Джорджия

Виктория вошла в кабинет и плотно закрыла за собой дверь. «Ладно, Беккет, что, ради всего святого, вы…»

Для большинства Сородичей, и тем более для смертных охранников Эш, человек за столом выглядел как Беккет. Он двигался как Беккет, говорил как Беккет и даже пах как Беккет. Но, хотя Эш не избежала увядания и была ослаблена, ее возможности восприятия все еще были почти непревзойденными, и она знала Беккета лично, хотя и не особо хорошо. С балкона она этого не заметила, но на таком близком расстоянии опознала иллюзорное обличье, хотя и не могла видеть сквозь него.

«Кто вы такой?» - спросила она. Голос ее был жестким и разгневанным – голос старейшины в собственном убежище, которой не нравилось быть застигнутой врасплох.

«На самом деле, не думаю, что нас представляли друг другу, мисс Эш. – Облик Беккета поплыл и истаял, открывая встрепанного человека, одетого во фланель и с густой бородой. – Мое имя Сэмюель. Извините за эту маленькую загадку. – Сэмюель

встал и пошел вокруг стола. – У меня всего лишь есть несколько вопросов насчет тех находок, что вы приобрели у Беккета, и я подумал: если вы будете думать, что говорите с ним…»

«Во имя Каина! Откуда вы о них узнали? Вас послал Хардештадт? Я и он уже закрыли этот вопрос. Я бы предпочла, чтобы вы…»

Клинок безо всякого усилия полоснул Эш по горлу, одним ударом рассекая плоть и хрящи. Этого и близко не хватило, чтобы ее обезглавить, но гарантировало, что она не сможет говорить: воздух из легких впустую выходил мимо обрезанных голосовых связок.

Всего пару месяцев назад это было бы лишь мелким неудобством. Эш доводилось сокрушать волю вампиров намного старше нее самой, подавлять ее весом ее собственных эмоций, ее сверхъестественного присутствия.

Но сейчас, когда она была слаба, кровь вяло повиновалась ее приказам. Она увидела, как Сэмюель дрогнул, но он не упал, не свернулся бормочущим бессмыслицу клубком, как должен был. Вместо этого нож – оружие с жестоко выглядящим, похожим на крюк клинком вроде тех, что используют для потрошения рыбы, - блеснул снова. И снова. И каждый раз концентрация Эш, и без того шаткая, слабела еще сильнее.

А потом Сэмюель по-настоящему принялся за дело. Не считая тех ночей, которые она провела в плену Цимисхи во время наступления Шабаша на Восточное Побережье, она никогда не подвергалась пыткам, хотя бы отдаленно подобным этой. Сэмюель срезал с ее тела полосы плоти, дюйм за дюймом. Он разбрызгивал кровь по всем четырем стенам ее кабинета, рвал ее одежду на лоскуты. И только когда ее зрение начало меркнуть, Эш наконец поняла, что именно делал Сэмюель.

Последней ее мыслью было: «Надеюсь, Беккет тебя за это порвет».

Сэмюель хладнокровно смотрел на тело, пока оно быстро разлагалось; потом на его лице проступила широкая ухмылка. «Ash to ashes»: «Прах к праху», - ехидно сказал он и хмыкнул.

Быстро оглядев комнату, он убедился, что все выглядит, как он и хотел. Тела, конечно, не осталось, но брызги крови и изодранная одежда определенно указывали на жестокую драку. Крюк ножа оставлял рваные следы, которые легко можно было принять за следы когтей. И все слуги видели, как Беккет входил в здание. Да, должно хорошо сработать.

Сэмюель медленно исчез из виду – еще одно применение его способностей к изменению облика, одурачиванию и затемнению, - и пошел вниз по лестнице, чтобы похитить вещи, выкупленные Эш у Беккета несколькими месяцами раньше.

Текстильный комбинат Гутьеррес,

Сьюдад-Хуарес, Мехико

Дверь с треском рухнула внутрь; в открытом проеме стояла Фатима с клинками в руках, готовясь к побоищу.

Ей не следовало волноваться.

Как и во все прошлые разы, комната была полна только разлагающимися вампирами. Тела лежали на полу, сидели на стульях – они, все они, умерли прежде, чем хотя бы успели подняться на ноги. И чуткий нос Фатимы мог уловить слабые запахи крови и, что было странно, песка пустыни. В комнате все еще было слегка тепло.

Большинство верхушки Черной Руки лежало на полу перед ней, и их пепел уже начал смешиваться с пылью. Некоторые, возможно, выжили, и Ахав Кан мог быть в их числе, но секта внутри секты, которая так долго страшила даже самых отъявленных монстров из числа потомков Каина, теперь сгинула.

Фатима опустилась на колени и начала молиться, как делала каждый раз. Она просила Аллаха придать ей сил, даровать ей мудрость.

И она просила: если странная сила, за которой она следовала, существо, с которым она ощущала неразрывную связь, было тем, что она думала, - то пусть Аллах милосердно дарует ей столь же быстрый переход в истинную смерть, какой встречали все жертвы этого существа.

Карвер: складирование и упаковка мяса

Риверсайд, Калифорния

Их шаги по бетонному полу эхом отдавались в большом помещении, но эхо звучало очень недолго: его поглощали и заглушали ряды висящих мороженых туш.

Вампиры, разумеется, не были заинтересованы в мертвых коровах. Их целью была вторая комната, вход в которую открывался в конце основного морозильника.

«Я хочу знать, что произошло, - уже не в первый раз гневно прошипел Хардештадт. – По всем правилам, мне следовало бы приказать выставить всех ее людей на рассветное солнце с кольями!» Его голос, хотя и дрожал от ярости, оставался достаточно низким, чтобы остальные, идущие в нескольких шагах позади спорящей пары, не услышали его.

Федерико ди Падуя, не особенно тронутый гневом Основателя, просто пожал плечами. «Хотя меня, разумеется, не радуют новости о смерти мисс Эш, Хардештадт, не может ли это быть к лучшему? Вы сами говорили: вы не ожидаете, что Эш сможет последовать этим путем». Он отошел в сторону и прервался, предоставляя одному из гулей (который был ночным менеджером заведения) подойти с ключом и открыть перед ними дверь. «Вы говорили, - продолжил он тихим шепотом, - что она для этого слишком мягка, что вы ждете, что она в итоге станет работать против нас. С предателем Беллом, может быть, или с Беккетом». Ди Падуя совершенно сознательно не стал упоминать Яна Питерзуна или его новообразованную секту, Нефтали, которая, как говорили, работала в частичном сотрудничестве с оппозиционерами Белла. Эш, скорее всего, обратилась бы к Питерзуну, с которым их в прошлом многое связывало, но упоминание блудного дитяти Хардештадта было не слишком хорошим способом заручиться приязнью Основателя.

«Так что теперь у вас на руках решение сразу двух проблем. С Эш покончено, а у вас теперь намного более весомый случай, который можно представить юстициариям и Внутреннему Кругу. Беккет теперь уже не потенциальная угроза – он убил уважаемую старейшину Камарильи. Он вернулся в Штаты, поссорился со своей соучастницей – возможно, насчет тех находок, что он украл, уходя, - и порвал бедную женщину в клочья. Теперь вам стоит лишь скомандовать – и в считанные ночи его

след облепят архонты, включая меня самого, если вы захотите, - архонты много более надежные, чем предатель Белл».

Остальные снова отошли назад, позволяя Хардештадту и ди Падуе войти в комнату первыми.

Запах крови Сородичей ошеломлял, хотя и притупленный стужей в охлажденном воздухе. Звук капающей крови, который полностью заглушался стенами комнаты и толстой металлической дверью, теперь заполнил их уши. Кровь собиралась по стокам, доработанным, чтобы собирать ценную жидкость в контейнеры для последующего использования. Ни капли впустую.

Сородичи, в основном, неонаты, неподвижно свисали с больших металлических крюков на стенах. Из груди каждого торчал деревянный вертел. На потолках рядом с ними висели большие пластиковые канистры, из которых торчали трубки для питья; кровь в канистрах была в основном смесью свиной и говяжьей (достать их на предприятии, где упаковывают мясо, труда не составляло), с небольшой примесью крысиной, собачьей и человеческой. Раз в несколько ночей колья ненадолго вынимали, чтобы пленники могли напиться. Чтобы не допустить побега, их ноги болтались в нескольких дюймах над полом, так что у них не было ни опоры, ни рычага, даже когда они могли двигаться. Руки у многих были скованы наручниками за спиной или еще как-то связаны.

Многочисленные охранники бродили вдоль стен комнаты или стояли на страже у единственной двери. Они были тяжело вооружены, хотя ни у одного потенциального беглеца не хватило бы сил от них отбиваться, даже будь они безоружны.

«Это не «к лучшему», - ответил Хардештадт, бродя среди висящих тел с таким видом, словно он праздно рассматривал товары в каком-то бутике, - поскольку Беккет этого не делал, и мы оба об этом знаем. Я, конечно, не против использовать это против него, но я очень хочу знать, кто сделал это на самом деле и почему они пошли на такие хлопоты, чтобы подставить Беккета. Я не люблю таинственностей, на пользу они мне или нет.

Кроме того, не приходило ли тебе в голову, - продолжил Хардештадт, - что я не хочу, чтобы все это дело облепили архонты?»

«Что вы имеете в виду?»

Хардештадт остановился напротив одного из молодых Сородичей – неоната, которому хватило дерзости в порядке самозащиты убить своего сира (старший вампир попытался совершить над ним диаблери, чтобы преодолеть увядание). «Преступление» в виде уничтожения другого Сородича было более чем достаточным предлогом запереть его на мясо. Основатель провел рукой по спине и шее висящего дитяти. Несмотря на кол и паралич, заключенный, кажется, содрогнулся.

«Я имею в виду, не все мои архонты так же лояльны, как ты. Учитывая, сколько наших собратьев ищет для преодоления растущей слабости все более могущественную кровь, слишком многие из архонтов могут попытаться взять Беккета живым. А если они сделают это, его могут допросить, а слишком многие из нашего рода умеют при подобных допросах определять правдивость. Может выплыть наружу, что он не убивал Викторию Эш». *«Могут выплыть и другие вещи, - мысленно добавил он, - вещи, которые я не хочу предавать огласке».*

«Разумно. Так вы хотите, чтобы за ним отправился я сам?»

Хардештадт посмотрел на архонта. Несмотря на педантичное использование заключенных и их крови, ди Падуя проявлял признаки слабости. Что было заметнее всего, отталкивающий внешний вид, который он унаследовал от своего сира, похоже, сходил на нет: на его деформированном лице было меньше складок, морщин и нарывов, чем даже несколько недель назад. Многие Носферату определяли себя исключительно по своей уродливости, и Хардештадт мельком подумал: что они будут делать при наличии шанса снять с себя это конкретное проклятие. *Если все это сделала кровь неоната - не сделает ли большего такая сильная кровь, как у Беккета? Не это ли ты хочешь узнать, архонт ди Падуя?*

«Нет, - промолвил Основатель, - я не хочу, чтобы ты приближался к Беккету. Более того, я хочу, чтобы ты попытался выяснить, кто на самом деле убил Викторию, и предоставил результаты поиска мне и мне одному».

Хардештадт продолжал тыкать пальцем и похлопывать, словно действительно выбирал кусок говядины. «Этот должен подойти, - сказал он наконец. – Хорошее разнообразие по сравнению с обычными».

«Итак, архонт ди Падуя, - продолжил Хардештадт, отходя назад, чтобы рабочие предприятия могли подойти и снять с крюка выбранную им еду. – Мы уверены, что Беккет снова в Соединенных Штатах?»

«Не полностью уверены, но с очень большой вероятностью. Мой источник сообщает, что он где-то в Орегоне и наводит справки о текущем положении дел в Лос-Анджелесе. Я полагаю, что он дальше направится туда, хотя не могу сказать, зачем».

«Ты доверяешь своему источнику?»

«Он мой собрат по клану, который и раньше передавал мне информацию. Он так же надежен, как и все мы – то есть я верю ему, пока никто другой не сделал ему предложения получше».

«Очень хорошо».

Хардештадт знал, что ему нужно найти кого-то, кому он может доверить убийство Беккета, кого-то, кто сделает все как надо. Поскольку даже на архонтов сейчас нельзя было полагаться полностью, это не должен был быть кто-то из числа обычно доступных исполнителей. К счастью, нужный человек был, хотя Хардештадту не нравилась идея к нему обращаться.

Приняв это решение, Хардештадт глубоко вонзил клыки в парализованного неоната, бесстрастно высасывая из него кровь и душу, медленно, размеренно, глоток за глотком. Ни капли крови, ни клочка не-жизни и души дитяти не прошло мимо. Даже после того, как он поглотил достаточно, чтобы хватило на поддержание силы на много ночей вперед, Хардештадт продолжал пить – пока в его руках не остался только прах, а в его сердце – только набухшая жажда убийства.

Аэропорт Эпл Вэлли

Эпл Вэлли, Калифорния

Хотя в ближайшем будущем ждали серьезные опасности и трудности, Беккет был чрезвычайно рад тому, что полеты подходили к концу – по крайней мере, пока что. Весь полет от Вены до Штатов Беккет находил покой только в дневной спячке. Чезаре, с его вечной искусственной преданностью хозяину, говорил и говорил, непрерывно и красноречиво (насколько уж умел), целые часы подряд. Как он был

обеспокоен, когда Беккет на месяцы пропал в Вене! Как благодарен Богу он был, когда Синьоре вернулся к нему. Как обеспокоен он был тем, что нынешние дела Беккета могут еще раз подвергнуть опасности его драгоценную особу! На английском, итальянском, португальском, он все продолжал говорить, лично и даже, время от времени, через интерком.

Еще хуже было то, что постоянная несдержанность Чезаре служила Беккету постоянным напоминанием: он поработил разум и эмоции этого человека. Беккет, странник мира, независимый сородич и большой сторонник личных свобод, всегда беспокоился от мыслей об этом, как бы он для себя их ни организовывал.

В перерывах между монологами, в полете над морем и в несколько ночей в Лэйксайде, Орегон, Беккет и Капаней обсуждали текущую ситуацию и, насколько могли, строили планы. Благодаря частым консультациям Окулоса по телефону и e-mail, у обоих было неплохое представление о том, что ждет их в Лос-Анджелесе. Ничем хорошим там и не пахло.

«Это похоже на очередное наступление Шабаша, - как-то сказал им Окулос, - но на самом деле, еще хуже. В те разы, по крайней мере, вокруг бегали князья и архонты, пытаясь прикрыть Маскарад и прибираясь после разных боев. Сейчас Камарилья, похоже, слишком занята тем, что отбивает Лос-Анджелес и беспокоится об увядании, чтобы заниматься чем-то еще. Пока что во всех новостях все еще твердят о бунтах, терроризме и разборках, но я не знаю, как долго это еще продлится. Все это скоро лопнет, Беккет, и когда это случится, лучше бы тебя там рядом не было».

«Объясни мне, - спросил его Беккет, - как все это растянулось уже на три месяца? Обычная осада – дело нескольких ночей, ну, может, пары недель. Потом все местные вожаки секты либо разбегаются, либо оказываются повыбиты».

«Количество, мой друг. Худокровок несколько больше, чем крестоносцев Шабаша».

«И о каком количестве мы говорим?»

Окулос что-то пробормотал, почти слишком тихо, чтобы Беккет мог расслышать.

«Сколько?!» Беккет застыл, оглушенный. Он точно не расслышал старого друга, или в спутниковом соединении сбой…

«Сотни, Беккет, - повторил Окулос громче. – Буквально. Они сходятся со всего мира, стекаясь под знамена Кросс. Я не представляю, как ЛА и до сих пор-то их выдерживает, не развалившись по швам».

«Иисусе…» Камарилья привыкла мыслить в масштабах, скажем, сотни бойцов, не больше, по обе стороны конфликта. Если ЛА действительно служил убежищем сотням худокровок, неудивительно, что Внутренний Круг еще не запустил никаких масштабных наступлений на убежище Кросс или другие ключевые объекты худокровок. Они вели войну на истощение, пытаясь снизить количество врагов в схватках, где численный перевес врага не мог уравновесить их собственное превосходство в силах и опыте.

Узнав об этом, Беккет решил приземлиться в Эпл Вэлли, почти в сотне миль от Лос-Анджелеса. Камарилья, анархи МакНилов и худокровки Дженны Кросс, - все они точно пристально следили за LAX и другими аэропортами Лос-Анджелеса, высматривая возможные подкрепления, подходящие к противнику. На частный «Гольфстрим» их шпионы и, возможно, солдаты сбегутся раньше, чем успеешь

произнести «таможенный досмотр». Окулос уже организовал для них машину напрокат, добытую через столько рук, что никто бы не связал ее с Беккетом. До Лос-Анджелеса было почти два часа езды, поскольку они планировали избегать основных шоссе и маршрутов, - но, поскольку они прибывали достаточно рано вечером, проблемы это не составляло. Чезаре, к большому его унынию, было приказано ждать в Эпл Вэлли и держать самолет готовым для быстрого вылета. Когда между ним и его назойливым гулем закрылась дверь машины, Беккет не сдержал вздох облегчения.

«Итак, - начал разговор Капаней, когда большая часть дороги осталась позади в полной тишине, если не считать рокота двигателей на шоссе и бормотания радио, настроенного на один из новостных каналов ЛА, - есть ли у нас что-либо, напоминающее план?»

Вопрос был весьма актуален. Беккет не знал точно, где можно найти Смеющегося Джека. Та информация, что смог достать Окулос, сообщала, что анарх-ставший-пророком странным образом принял сторону худокровок, а не МакНилов, но это не слишком сужало круг поисков. Худокровки все еще контролировали большую часть ЛА, и у них были десятки оперативных баз и общих убежищ по всему городу. Камарилья – и собственные контакты Окулоса среди Носферату, - сумели обнаружить большинство, но, не считая периодического беспокойства со стороны полиции или других пешек, не располагали необходимым количеством людей или ресурсов, чтобы атаковать их напрямую. А учитывая то, какие меры безопасности должны были приниматься в подобных местах (Кросс, несомненно, беспокоилась по поводу возможных убийц из Камарильи), Беккета не сильно привлекала мысль о попытке прокрасться незамеченным. При нормальных обстоятельствах он просто заявил бы о своем присутствии, расспрашивая о Кросс, пока она не узнает о его интересе и не найдет его сама, но ему не хотелось заявлять о своем присутствии еще и Камарилье.

«Конечно, есть, - сообщил он спутнику, секунду подумав. – Я собираюсь позвонить Окулосу и узнать, не сможет ли он потянуть за какую-нибудь из своих ниточек и выяснить, какое именно убежище Кросс использует как штаб».

«Ты полагаешь, что Окулос будет способен узнать то, что не могут узнать архонты Хардештадта?»

«Ты удивишься насчет того, что может Окулос».

«Ладно. Допустим, он сможет выяснить, что дальше?»

«Дальше я собираюсь постучать в дверь и попросить разрешения войти».

Старейшина уставился на него. «Я бы хотел, - сказал он после недолгой паузы, - верить, что это была шутка».

«Я тоже».

Долина Сан-Фернандо

Лос-Анджелес, Калифорния

Не то чтобы все сложилось настолько уж легко. Беккет и Капаней сумели не подцепить на въезде в город ни одного хвоста: даже при их значительной численности, худокровки были слишком сильно разбросаны, чтобы контролировать каждую дорогу в Лос-Анджелес. Однако, когда они подъехали к домовладению, которое невероятный Окулос определил как дом Кросс, с противоположного конца

улицы появились две машины и заблокировали дорогу. Третья машина перекрыла улицу позади. Из каждой машины выскочили по три человека, – все с оружием, - и еще один остался за рулем.

Когда первый из худокровок приблизился к машине, Беккет улыбнулся своей лучшей улыбкой. «Эффективно, - сообщил он, опуская окно. – Хорошо организовано. Вы хороши».

«А вы тупые, если думали, что можете заявиться сюда вот так походя. – Он поднял пистолет, который, если смотреть со стороны Беккета, калибром был примерно с гаубицу, и махнул им в сторону. – Вылезайте из машины».

«Хорошо, что вы более цивилизованны, чем говорят слухи, - продолжил Беккет, открывая дверь и делая Капанею знак поступить так же. – Я наполовину ожидал, что вы просто расстреляете машину и сочтете дело сделанным».

«О, разумеется, нет, - ухмыльнулся худокровка. – Мы расстреляем *вас*, а не машину, а трупы обезглавим. Ты хоть представляешь, как трудно провезти через город изрешеченную тачку, не привлекая внимания?»

Беккет внимательно посмотрел сквозь свои очки на стоящего перед ним человека. «В этом нет необходимости. Мы просто хотим поговорить с Дженной Кросс. Это все».

«Точно. Не сомневаюсь. А я просто поверю, что ты не просто еще один киллер из Камарильи – с чего бы это?»

Беккет улыбнулся – и растаял. Тонкая струйка тумана поплыла над дорогой и втянулась в одну из канализационных решеток. Спустя несколько секунд она просочилась из ближайшего люка и снова приняла форму и вид человека.

«С того, - сообщил Беккет, игнорируя направленные на него панические взгляды и многочисленные стволы, - что, если бы я и правда хотел явиться в дом Кросс незамеченным, я бы мог так и сделать. Но я *хотел*, чтобы вы видели, как я подъезжаю, в подтверждение того, что мои намерения не враждебны».

«У нас есть способы засекать такие штуки» - буркнул часовой. Его голос, однако, выдавал его. Без сомнения, он либо был слишком молод, чтобы видеть, как вампир принимает форму тумана, либо, по крайней мере, не видел, чтобы это делали так *быстро*.

«Я уверен, что есть. Ты как, сынок, хочешь еще постоять здесь и поспорить, или хочешь дать нам поговорить с твоей начальницей? У нас есть несколько вопросов, и это все. Для меня и крысиной задницы не стоит, кто там главный в ЛА».

Одна из остальных вампиров подошла ближе, встав рядом с первым. Несколько секунд она смотрела на Беккета, изучая его чувствами более острыми, чем у человека. Потом она начала говорить; ее голос был не громче шепота, но чуткие уши Беккета вполне могли разобрать слова.

«Не думаю, что он пытается нас напарить, Майк. Я бы заметила, будь он испуган, - этого нет».

«Просто холодный, как рыба, и все. Мне это не нравится».

«Тебе и не надо, чтобы тебе это нравилось, - спокойно вмешался Беккет, словно они и собирались включить его в разговор. – Тебе надо просто спросить об этом босса».

Тот, кого назвали Майк, нахмурился, но, похоже, решил, что незваный гость прав. Он достал из кармана телефон.

«Лиззи? Майк. Слушай, тут кое-кто хочет говорить с Дженной. Нет, не из наших, но я не думаю, что он стрелок из Камарильи. Что? Сейчас. – Он немного опустил телефон. – Как тебя зовут?»

«Беккет».

Убежище Дженны Кросс в Долине Сан-Фернандо

Лос-Анджелес, Калифорния

«Он *здесь*!» Дженна Кросс, бледная даже по меркам вампиров, почти шептала в трубку своего телефона, и ее голос дрожал от страха, который любой опытный Сородич опознал бы как неестественный. Ее подчиненные выдернули ее с важной встречи, чтобы сообщить, кто пришел, и она немедленно позвонила единственному, кто, как она думала, мог помочь.

«Какого хера он делает *здесь*, Сэмюель?»

«Честно, понятия не имею. Поэтому ты с ним поговоришь».

«Что?! Я собираюсь приказать прикончить ублюдка прежде, чем он наложит на меня когти…»

«Дженна, ты позвонила мне за советом, да? Я советую тебе не тупить. Хотя я много рассказывал тебе о Беккете, ты его не знаешь. Тут не как в твоей войне с Камарильей. Беккет не хочет твои районы, а если бы он пришел тебя убить, то не стал бы представляться. Он не останется, чтобы драться, он сбежит, и шансы твоих людей убить его прежде, чем он смоется, близки к нулю. Тогда он будет знать, что ты против него, и больше не будет утруждать себя вежливостью и аккуратностью».

Дженна начала нервно расхаживать из стороны в сторону (привычка, которой она никогда не следовала, если ее видел кто-либо из ее людей).

«Ты говорил мне, что он самый главный ноддист из всех, кто этим занимается. Что, если он узнает, кто я, - она рассеянно потерла другой рукой полумесяц на плече, - он либо убьет меня в надежде как-нибудь отменить Геенну, либо попробует взять живой для опытов».

«Верно. Но он еще не знает, кто ты. Если бы он знал, он бы избрал совершенно другую тактику. Выясни, чего он хочет, и быстро выпроводи, и тебе не придется рисковать. После этого ты сможешь разобраться с ним в удобное для себя время, прежде, чем он станет угрозой».

Дженна вздохнула. Идея ей не нравилась, но Сэмюель еще ни разу не давал ей плохих советов. Из всех вампиров, которых она встречала с того времени, как столь нетрадиционным образом вошла в общество не-мертвых, он был одним из тех немногих, кому она верила. Она поговорит с Беккетом и выяснит, какого черта он здесь делает. А потом – *потом* она его уничтожит, прежде, чем у него будет шанс сделать то же с ней.

Убежище Дженны Кросс в Долине Сан-Фернандо

Лос-Анджелес, Калифорния

Подземные катакомбы, проклятые могилы, пещеры с привидениями - к таким вещам Беккет был привычен. Но он настолько привык заниматься всякими ненормальными вещами, что практически забыл: большинство вампиров пытается сделать свое окружение выглядящим настолько безобидно, насколько это возможно.

Комната была настолько типична для пригородного дома, что, казалось, сошла с экрана телевизора или страниц «Лучших Домов и Садов». Мебель, от дивана (кожа) и до кофейного столика (стекло и латунь), была расставлена по комнате в полном соответствии с планировкой. На окнах были занавески и подобранные к ним шторы, а лампа больше была похожа на произведение пост-модернового искусства, чем на светильник. Ковер был цвета морской волны, и даже напитки на столе все были расставлены на специальных подставочках и подносиках.

Все это, однако, совершенно не приглушало ощутимую атмосферу враждебности, которую Беккет ощутил сразу, как его провели в комнату. Капанея попросили оставаться на входе с двумя охранниками – в качестве «жеста доброй воли». Дело было не в двух мужчинах, которые шли за его спиной с «береттами» наготове. Дело было не в том, что худокровки, наполнявшие дом, были достаточно хорошо вооружены, чтобы взять штурмом большой притон наркоторговцев. И даже не в том, какие подозрительные взгляды бросали на него во всех коридорах большого дома те, кто видел от вампиров его возраста и силы одни лишь угнетения.

Нет, когда безобидно выглядевшая Дженна Кросс поднялась со своего кожаного кресла и встретилась с ним глазами, Беккет понял: ощущение опасности, тяжесть ненависти, которую он почти мог почуять как запах в воздухе, угроза, которая заставляла Зверя в его душе беспокойно бродить по своей метафорической клетке, все это исходило от нее. Беккет понятия не имел, почему, раз он даже ни разу не видел эту женщину, но ее бешеная ненависть к нему была очевидна и несомненна.

На ней были ботинки на толстой подошве, джинсы и свитер с длинным рукавом, который, почему-то казалось, не соответствовал ее стилю. Волосы ее были собраны в простой хвост, а в правой руке она стискивала «Desert Eagle».

«Меня зовут Беккет, - начал он, решив захватить инициативу прежде, чем та захватит его. – Возможно, вы слышали обо мне». Возможно, несколько невежливо, но нужно было с самого начала дать Кросс понять: несмотря на пушки и охрану, ситуацию контролировала не она.

«Я слышала о тебе, - Кросс нахмурилась, и щелчки предохранителя ее пистолета, который она перещелкивала большим пальцем то вверх, то вниз, вносил в ее слова странную гармоничность, точно страшноватый метроном. – Ты старейшина. Еще один ебаный вампир».

«Вроде тебя?»

«Нет. Я еще помню, что такое быть человеком».

Беккет почувствовал, как волосы на его загривке встают дыбом, как растет его гнев. Он хотел ответить на угрозу в ее голосе, сделав в этой наглой выскочке еще несколько дырок. Но, учитывая количество стволов в комнате, а так же количество злых худокровок, которые их держали, он решил проявить терпение. Еще важнее, однако, было другое: когда она начала говорить, Беккет сумел уловить подоплеку ее враждебности. Дженна Кросс боялась его – еще больше, чем ненавидела.

Сохраняя спокойствие в голосе, он ответил: «Я не отношусь и к твоим врагам. Если ты обо мне слышала, то знаешь, что я не из солдат Хардештадта. Я здесь не как твой враг, и мне решительно пофиг, кто победит в этой войнушке, что вы тут учинили».

«Точно. Значит, ты оказался аккурат в середине этой войнушки просто по случайности».

«В основном. – Беккет сделал один шаг вперед, одновременно поднимая руки ладонями вперед в знак того, что не начинает атаку. – Послушай, Кросс, я знаю, что ты не тупая. Будь ты тупой, ты бы не продержалась столько против Камарильи. Так что ты знаешь, что сейчас с Сородичами по всему миру что-то происходит. Странные знамения, причудливое ослабление. Некоторые из нас думают, что пришла Геенна, так что твое маленькое восстание все равно становится штукой неоднозначной, так?»

Кросс низко зарычала, а ее рука так стиснула пистолет, что пластмасса на рукояти захрустела. Беккет, откровенно удивленный, отступил на тот же шаг, на который только что подошел. Он привык к тому, что сообщение о конце света вызывает сильные эмоции – его самого оно оглушило отчаянием на несколько месяцев, в конце-то концов, - но раньше не видел по этому поводу такого неприкрытого гнева.

«Какое чертово отношение я имею к какому-то мифическому апокалипсису?» - огрызнулась Кросс.

«Ты? Насколько я знаю, никакого. Я здесь, чтобы видеть Смеющегося Джека».

Непонятно, чего от него ждала Кросс, но определенно не этого. Впервые Беккет увидел на ее лице не только гнев, но и замешательство: «Что?»

«Смеющийся Джек. Я знаю, что он вовлечен в происходящее и находится на твоей стороне, а не с остальными анархами, хотя я признаюсь, что не уверен, почему. У меня есть причина полагать, что он что-то знает о происходящем, и я хочу с ним об этом поговорить. – Беккет улыбнулся, хотя улыбка совершенно не разрядила обстановку. – Честно, Кросс, это на самом деле не имеет к тебе отношения. Просто ты – единственная, о ком я знал, что ты можешь нас свести, а тебя легче найти, чем его – хотя очень ненамного».

Выражение лица Кросс стало неуверенным – а потом ее губы плотно сжались. «Нет. Все это дерьмо. – Она подняла оружие, и Беккету не нужно было оглядываться, чтобы понять: остальные в комнате сделали то же. – Ты пошел на все эти хлопоты, чтобы меня выследить, только за тем, что решил, будто я смогу организовать тебе знакомство с дядей Джеком? Ну уж нахуй, я так не думаю».

Дядя Джек? Интересно…

Но ее выбор слов сейчас был не столь интересен. По какой-то причине Кросс явно думала, что Беккет пришел по другой причине, считала его врагом и определенно не была настроена позволить уговорить себя думать по-другому. Беккет напрягся; кончики его пальцев начали гореть, когда наружу скользнули когти. Если Кросс думала, что кучки детей с пушками хватит, чтобы его положить, то она находилась в шаге от огромной ошибки.

«Ты, - голос прозвучал из уголка для завтрака, голос, который Беккет уже не думал услышать, - находишься в шаге от огромной ошибки».

Все глаза в комнате повернулись в ту сторону. В дверях стояла темноволосая женщина, одетая почти исключительно в черное.

«Ну, - проговорил Беккет, распрямляясь (он инстинктивно принял низкую стойку, готовясь к кровопролитию), - черт меня побери».

«Люсита, - сказала Кросс; ее голос, хотя она пыталась оставаться вежливой, дрожал от ярости, - Я ценю твой совет, и твое терпение в том, что ты ждешь, пока я разбираюсь с этим другим делом, - но это к тебе не относится. Если ты хочешь обсуждать союз…»

«То, - перебила Люсита, - мне надлежит удостовериться, что мой потенциальный союзник проживет достаточно долго, чтобы поучаствовать в обсуждении».

«Ха!» – резко выдохнула Кросс. Затем: «Кем бы там ни был Беккет, он не потянет против нас шестерых со стволами, Люсита».

«Потянет».

Любой возможный протест, который еще могла высказать Кросс, оказался заглушен даже не словами Люситы, а ее тоном. Старейшина явно верила в то, что говорила, - а раз так, Кросс внезапно подумала, что, возможно, стоит поверить и ей. Она неохотно опустила пистолет.

«Я сочла бы это одолжением, сделанным лично для меня, - продолжила Люсита, когда обстановка на вид начала разряжаться, - если бы ты обдумала возможность удовлетворить просьбу Беккета. Этот жест доброй воли создал бы прочную основу для наших дальнейших переговоров».

«Пускай. – Кросс обернулась к ближайшей спутнице. – Табита, сходи к дяде Джеку, скажи, к нему посетитель. – Она снова обернулась, злобно уставившись на Беккета. – И скажи ему, что у нас тут куча важного и беспокойного дерьма, так что пускай поторопится». И она с яростным видом вышла из комнаты, оставив озадаченного Беккета недоумевать: во что он еще вляпался.

Убежище Дженны Кросс в Долине Сан-Фернандо

Лос-Анджелес, Калифорния

Худокровка захлопнул дверь дома, отрывисто скомандовав «Ждите здесь!»; у него вряд ли были другие причины ненавидеть Беккета и Люситу, кроме той, что они были старейшинами. Двое Сородичей обнаружили, что стоят на заднем дворике; отсюда был виден сад при доме, разбитый и обихаживаемый с видимым профессионализмом.

«Ну что ж, - произнес Беккет, осторожно оглядываясь, - очень пригородная атмосфера. – Он невесело усмехнулся. – Похоже, Кросс была не в настроении прямо сейчас довершать вашу встречу…»

Люсита помрачнела. «Этим наглым детям следует научиться некоторому уважению к тем, кто старше их».

«Если по справедливости, Люсита, каждый встреченный ими до сих пор старейшина хотел либо их убить, либо подчинить. Меня самого отношение Кросс тоже не сильно радует, но его можно понять…»

«Меня не интересует «по справедливости», Беккет. Я требую уважения, которое мне положено, и на этом все. Плохо было и раньше. С того момента, как ей позвонили и сказали, что здесь ты, стало хуже».

Беккет покосился на Люситу. Когда-то Анатоль, она и Беккет были товарищами в путешествиях, союзниками; возможно, даже друзьями. «И все же ты шагнула на мою защиту. Я это ценю».

«Меня не интересуют и твои благодарности. В прошлом мы многократно помогали друг другу. Я просто хочу убедиться, что между нами не остается старых долгов – по крайней мере, с моей стороны».

«Ну ладно, послушай, - Беккет повернулся к ней, его глаза сузились. – Я знаю, мы не много говорили с тех пор, как… ну, последние несколько лет, но я не думаю…»

А потом Беккет посмотрел на Люситу – посмотрел на нее *по-настоящему*. Он отметил резкость и остроту ее выражения лица, полное отсутствие человеческих движений или жестов, черт, которые она когда-то пыталась воспроизводить, чтобы сохранить свою связь с тем, чем она была когда-то. Он заглянул в ее глаза, и в их глубине не увидел никакого чувства, кроме нарастающего гнева.

И он заглянул еще дальше, хотя это и было грубостью, проник взглядом сквозь мертвую плоть и увидел переливающиеся цвета чувств и души внутри.

«Ох, ебать…»

Люсита зарычала. «Я *не* позволяла тебе читать меня, Беккет».

«К черту твое позволение! Что за нахрен, Люсита, что с тобой *случилось*? Я слыхал, что ты присоединилась к Шабашу, думал, у тебя свои причины… Но *это*?! Твоя человечность отделяла тебя от твоего сира, Люсита, и ты взяла и выкинула ее нахуй! Ты превращаешься в *него*».

«Как… ты… смеешь?! - Темнота вокруг ног Люситы начала дрожать и пульсировать; тени начали наползать на единственный фонарь у двери, который освещал сад. – Никогда не сравнивай меня с Монкадой! Я не то, чем был он, и никогда не буду.

Что во мне появилось, - продолжила она, самую чуточку спокойнее, - это честность к самой себе. У меня было больше времени рассмотреть наше положение, Беккет. Я узнала, что все попытки цепляться за мораль и веру того, чем мы были когда-то, обречены».

«Точно. А как насчет тех из нас, кто делал это дольше, чем ты существуешь, они что – просто случайные исключения? И даже если так, ведь есть другие пути, Люсита, другие варианты, которые не требуют от тебя становиться тем, против чего ты всегда сражалась».

Глаза Люситы сузились. «Беккет, поскольку однажды мы были товарищами, я объясню тебе чуть дальше. Мое постоянное противоборство с моим сиром, Монкадой, было подобно якорю на моей душе. Даже когда это чудовище погибло, я была так решительно настроена на стать тем, чем был он, что стала вообще ничем. Теперь – теперь я приняла то, чем являемся мы все, и это позволило мне двигаться дальше. И это, говоря грубо, все, что я захотела тебе сказать. Я отбросила то, чем была, Беккет, и меня не заботит то, обидело это тебя или нет. Объяснять тебе что-то еще я не обязана». Она начала отворачиваться.

«Правда? Как насчет Анатоля, Люсита? Ему бы ты стала объяснять? *Смогла* бы?»

Люсита резко обернулась, зашипев, как разозленная кошка или нападающая гадюка. Ее руки поднялись, и тени потянулись к Беккету, схватить его, порвать его на куски. Он тоже напрягся, приготовился прыгнуть, приготовился приложить все усилия, чтобы порвать горло своей старой спутницы прежде, чем попадет в хватку Бездны.

«Ух ты, это серьезная лажа, чел. Ты давай сначала расскажи мне, зачем хотел меня видеть, а уже потом вы друг друга поубиваете, хорошо?»

Оба развернулись к человеку в дверном проеме. На нем были рваные штаны, сандалии и покрытая пятнами шерстяная туника. Его волосы и борода были забиты грязью и кровью. Он вышел в сад, становясь между двумя посетителями.

«Смеющийся Джек?» - Беккет спрашивал больше из соображений вежливости, чем из неуверенности.

«Уже не сильно смеющийся, да? – Старый анарх усмехнулся. – Но да, я это он. Или он – это я. Или что-то в этом роде. А ты – Беккет».

«Да».

«Ты хочешь поговорить со мной о Геенне».

«Среди прочего».

Люсита переводила взгляд то на одного, то на другого. «Беккет, - наконец спросила она, - это правда? Мы все видели знаки, все начали страдать от увядания, но могут быть и другие объяснения…»

«Нет, Люсита. Это правда. Она началась».

Люсита ненадолго смолкла. Она и сама знала, что это так, но услышать подтверждение от того самого человека, от кого она, вопреки собственному пониманию, надеялась услышать альтернативное объяснение…

«Очень хорошо, - наконец ответила она. – Тогда я тоже буду частью этой беседы. Я хочу знать все, что происходит, Беккет».

Разумея, что они лишь немного не успели поотрывать друг другу руки и ноги, Беккет подумал было отказать – но решил, что это не стоит ни усилий, ни неизбежного кровопролития.

«Пойдемте со мной», - сказал им Джек и двинулся по саду.

И они пошли с ним, по садовым тропинкам, ведущим сквозь дыры в оградах. Один дом за другим, возле каждого – похожий сад, и Джек почти у каждого куста останавливался, приседал и осматривал его. Тут розы, там филодендроны, вокруг пруда с карпами растут лилии. Все они выглядели удивительно пышущими здоровьем, стебли и ветви толстые и высокие, цветы, несмотря на ночное время, открытые и пышные.

«Я их сам поливаю, - пояснил Джек, хотя никто не спрашивал. - Моя собственная кровь, чел, и еще кое-кого из агентов Камарильи, кого мы ловим на нашей территории. Делает их красивыми и сильными, видишь?»

Люсита и Беккет переглянулись. «А соседи не возражают, что ты ходишь по их участкам и поливаешь их кровью» - поинтересовалась она.

«Не-а. Мы владеем половиной квартала. Не на бумаге, конечно, но тут туева хуча гулей, которые теперь живут в районе. Мы только так могли разместить так много наших».

«Наших, - повторил за ним Беккет. – Ты ведь не худокровка, Джек. Почему ты с ними?»

«Потому что это конец, Беккет, как ты и сказал. И худокровки в итоге окажутся наверху. Старикам просто незачем на них наезжать. И у них просто недостаточно густая кровь, чтобы париться. Почему, думаешь, их не тронуло увядание, хотя почти все старше шестидесяти уже в штаны ссутся?»

Беккет нахмурился. Все? Нет, такого не может быть. Он сам чувствовал себя не слабее, чем обычно. Ну да, немного устал, но это легко было списать на стрессы и путешествия, значительные даже по его собственным меркам. Конечно, еще были его руки – напоминание, что он не остался нетронутым. Но он определенно не истаивал, не терял силы.

Он решил пока об этом не упоминать. Нет резона показывать всем то, что может оказаться дополнительным тузом на руках.

Джек остановился у пруда с карпами, с молниеносной быстротой сунул в него руку и извлек бьющуюся рыбину. Он лизнул ее, пожал плечами и бросил обратно. «Кормилась растениями, удобренными кровью, - пояснил он. – Хотел посмотреть, не передастся ли ей часть *витэ*». И они снова пошли дальше.

«Джек, - через несколько минут прервал его Беккет, - извини, что прерываю твои садовые дела, но…»

«Ты знаешь, ко мне Каин приходил».

Беккет моргнул. «Что?»

«Ну да. Ты тогда был здесь, в городе. Я знал, что ты здесь. Все это дело с гробом, оно было подделкой. Черт, даже когда я поговорил с Каином, я не был по-настоящему уверен, что он настоящий. Может, и нет, я думаю. Но *чем-то* тот парень был, чем-то очень важным. – Он искоса поглядел на Беккета. – На самом деле, от тебя такое же ощущение. Тебя коснулись – если и не Темный Отец, то что-то почти такое же древнее».

Беккет ненадолго задумался, не оставило ли на нем какой-то отметины пребывание в Каймаклы.

«Но все же, чел, сначала это было просто трепотней. Я думал, если я смогу всех взбаламутить насчет Геенны, может, анархи снова начнут действовать? Нас хорошо пораскидали Камарилья и эта Поебень Нового Обещания, и я подумал, ну епта, люди думают, Геенна пришла, может, они поднимут свои бескровные геморройные зады и сделают хоть что-то.

Примерно тогда я нашел Дженну Кросс. Двадцать два, выкинули из колледжа, не может определиться – то ли сбежать от папочкиных денег, то ли спустить их на бухло. И у нее была родинка…»

Беккет напрягся: «Полумесяц? Ты нашел Последнюю Дочь?»

«Почти. Сводил ее к знакомому татуировщику, маленько подправил. Но, знаешь, я прикинул – и так ей самой и сказал, - что она была нужна для поддержки. Чтобы создать хорошее ощущение Геенны. Как и тот гроб, и все те артефакты, что я собирал».

Беккет почувствовал, что в его животе что-то оборвалось и начало падать.

«А потом, - продолжил Джек, и голос его стал мягким, почти благоговейным, - она как-то ночью пришла ко мне – и она больше не была гулем. Она была одной из нас. Худокровкой, ну да, но чистым вампиром, на все сто ебаных процентов и с девятьсот девяносто шестой пробой».

«Кто-то Обратил ее без твоего разрешения?» - спросила Люсита.

«Нет, тут-то все и дело. Ее *никто* не Обращал!»

Беккет и Люсита остановились. Джек еще несколько секунд продолжал идти прежде, чем понял, что остался один, и вернулся к ним.

«Ну да, это уже кое-что, а? – усмехнулся он. – Я имею в виду, вы ведь все слышали, что старейшины становятся слабее. А некоторые из них становятся то сильнее, то слабее, как шизик с маниакально-депрессивным психозом, закинутый фенциклидином, так? У меня и у самого так же. В хорошие ночи прет, как никогда. В плохие…

Но вы не все об этом слышали, так? Творится кой-какое действительно стремное дерьмо, и этот ихний Внутренний Сфинктер не хочет, чтобы люди знали. Некоторые старые гули просто взяли и померли, словно крови перестало хватать силы защищать их от разложения. А несколько других гулей, вроде моей Дженны, пошли в другую сторону. Как будто они как-то проснулись, а кровь стала сильнее – настолько, что они перестали быть людьми. Насколько я пока что знаю, Дженна была первой». Джек наклонился и погрузил лицо в розовый куст, глубоко вдыхая запах. Он, похоже, не замечал шипов, пронзивших его нос, щеку и губы, или не обращал на них внимания.

Это было возможно, хотя и звучало экзотически. Некоторые слухи, которые дошли до Беккета через Окулоса и других, предполагали, что часть происходящего была еще страннее, чем увядание. Сейчас Беккет уже не собирался сходу отметать возможность чего бы то ни было. Быстро глянув на выражение лица Люситы, он убедился, что она думает так же.

Беккет кивнул старому анарху, и тот продолжил.

«Так что я понял, что Каин наставил меня на путь. – Джек поднялся на ноги, - даже если сначала я был слишком большим уебаном, чтобы его увидеть. – Он достал из заднего кармана одноразовую зажигалку и мятую сигарету и прикурил, слегка дернувшись, когда поднес к лицу пламя. – Я пытался рассказать всем, кто слушал, о том, что происходит, и что им надо готовиться к суду. Дженна держит меня при себе, чтобы я проповедовал худокровкам, а еще потому, что я уже давно воюю против камарастов и знаю, как это делается. Хотя она сама все еще не верит в Геенну. Эта мысль ее почему-то пугает – я имею в виду, пугает сильнее, чем всех остальных».

«А твои знания, - спросил Беккет. – Твои пророчества, твои проповеди? Откуда они взялись?»

«Отовсюду понемножку, чел. Пришлось собирать, знаешь ли. Мне притаскивали кое-какое старое пыльное дерьмо, ну да я тебе говорил, да? Завел себе несколько старых реликвий с дурацкими символами на них. Даже добыл несколько фрагментов

Книги Нод. Слушай, чел, ты ведь, небось, можешь достать мне все остальное. У тебя наверняка есть, ну, все издания от самого Каина и до короля Джеймса, так?»

«Гм… Не при себе».

«Ну конечно. Обидно было бы потерять *такое* на таможне. Черт, чел, я даже завел себе несколько настоящих пророков. Пара-тройка худокровных друзей Кросс, похоже, очень качественно умеют видеть, что будет делать Камарилья, еще до того, как они это сделают. Кросс их использует по тактической части, но я при любой возможности пытаюсь выуживать из них информацию о Геенне».

Беккет чуть не плакал. Весь этот путь до Лос-Анджелеса, и чем в итоге оказался Смеющийся Джек? Полубезумный второсортный уличный проповедник, которому примерещился Каин и который собрал как раз достаточно сведений, чтобы говорить убедительно. Способности худокровок к пророчеству были штукой интересной, и, при других обстоятельствах, заслуживающей более пристального внимания. Но, судя по первой встрече, Беккет не надеялся, что Дженна Кросс позволит ему задавать вопросы ее людям, а у самого Джека не было сведений, которые Беккет мог использовать, не было и таинственных источников, к которым Беккет мог бы обратиться.

«Понятно, - сказал он через несколько секунд, овладев своими чувствами. – Ну что ж, спасибо за потраченное на нас время, Джек. Ты очень помог. Как полагаешь, - добавил он, словно идея только что пришла к нему в голову, - ты бы мог попросить Дженну, чтобы она обсудила со мной все это? Если она действительно Последняя Дочь, она может что-то знать – даже если сама этого не понимает».

Джек нахмурился: «Ну, я ее спрошу. Мы, ученые, должны держаться друг друга, так? Но я не знаю, насколько это возможно, Беккет. Я понятия не имею, почему, но она не сильно тебя любит».

«*Правда, что ли?*» - подумал Беккет. Вслух, однако, он сказал другое: «Я бы попробовал».

Убежище Дженны Кросс в Долине Сан-Фернандо

Лос-Анджелес, Калифорния

«*Чего*, еще раз, он хочет?» Дженна Кросс барабанила пальцами по кофейному столику с достаточной силой, чтобы стаканы и кружки дребезжали.

Табита не поднимала глаз, глядя на свои ботинки – и на облепившую их садовую грязь. С того самого момента, как Джек вызвал ее на улицу и передал просьбу Беккета, она знала, что ее руководительнице это не понравится. В нынешние ночи Кросс, казалось, злилась вообще на все (что в ее обстоятельствах было неудивительно), но к Беккету она питала особо жгучую ненависть, и ненависть эта пропитывала и окружающих – даже несмотря на то, что о причинах ее никто их них не знал.

«Он хочет снова с тобой встретиться, - повторила Табита. – Что-то насчет всей этой чепухи с Геенной».

Дженна почувствовала, как ее рука дрожит, и спрятала ее под столик, чтобы не увидела Табита. Он знал. Другого объяснения не было. Она посмотрела на свое плечо, чувствуя, что может видеть полумесяц даже сквозь толстую ткань свитера.

«Который час?»

Табита моргнула от резкой смены темы, но посмотрела на часы: «Гм, около полпятого».

«Хорошо. Скажи ублюдку, что сегодня у меня не будет времени с ним говорить, но завтра я встречусь с ним до полуночи».

«Окей, я…»

«Я не закончила. – Кросс помолчала, размышляя. У нее и ее людей – худокровок – было очень мало преимуществ перед более старыми и сильными вампирами. Они постоянно тренировались использовать те немногие, которые все-таки были. – У кого сейчас рекорд в смысле не засыпать после рассвета?»

«У Муса было почти два часа, но теперь, когда его нет… Думаю, Даррил может больше часа, и Никки почти так же долго».

«Хорошо. Скажи им, что я хочу, чтобы сегодня утром они не ложились подольше. Беккет и другие будут в гостевых комнатах. Скажи им подождать полчаса после рассвета, а потом сделать так, чтобы Беккет больше не проснулся. Никогда».

«Дженна, разумно ли это? У него есть союзники…»

«Я сейчас не спрашиваю мнение, Табита. Я отдаю приказ. Лучше позаботьтесь и о его спутнике. Я не хочу, чтобы по округе бегал настроенный на мщение старейшина».

«А Люсита?»

Кросс на секунду нахмурилась. «Лучше не надо. Насколько мы видели, она знает Беккет, но близкими друзьями они не казались. Не думаю, что она поставит наш возможный союз под угрозу тем, что станет жаловаться. Не причиняйте ей вреда, если не придется».

Табита кивнула, хотя и неохотно, и пошла передавать приказ. Кросс откинулась в кресле и улыбнулась – впервые за много ночей. С ее плеч скоро упадет хотя бы одно бремя. Она подумала, не позвонить ли Сэмюелю еще раз, не рассказать ли ему, но довольно раздраженно решила этого не делать. Она была самостоятельной женщиной. Она стояла во главе армии Сородичей. Она могла сама принимать решения. Когда все будет сделано, она ему расскажет. И вряд ли он станет *возражать* против того, что она убила Беккета: он ненавидел этого ублюдка почти так же сильно, как она сама, хотя за что, она не знала.

Ну что ж, через несколько часов им обоим больше не придется об этом беспокоиться.

Убежище Дженны Кросс в Долине Сан-Фернандо

Лос-Анджелес, Калифорния

Табита вышла в дверь и пошла прочь по коридору. Она не заметила, как не заметили и два охранника перед дверью Кросс, что по пути она свернула в сторону, словно обходя невидимую преграду.

Оба охранника были из числа лучшего, чем располагала Кросс. Худокровки настаивали на том, чтобы она принимала предосторожности против возможных

попыток убийства со стороны Камарильи или МакНилов, и эти двое и были предосторожностью. Оба они были из числа самых хорошо обученных худокровок Лос-Анджелеса, и самых бдительных. Оба они обладали способностями к восприятию и обнаружению, недоступными не только смертным, но и многим более могучим Сородичам.

Чрезвычайно маловероятно было и то, что возможный нарушитель доберется до охраны незамеченным. Дальше по коридору, так, чтобы не срабатывать на самих охранников, был установлен детектор движения совершенно изумительной конструкции, просматривающий холл. Любое движение на той половине помещения, со скоростью большей, чем течение стекла и размером объекта больше таракана, заставляло сработать световой сигнал – и в самом холле, и в комнате встреч Кросс.

Капаней стоял в холле с руками, скрещенными на груди, и головой, наклоненной набок. Хотя он стоял в считанных футах от охранников, хотя Табита, проходя мимо, задела его, никто его не видел. Датчики движения молчали, когда он пришел, и будут молчать, когда он уйдет.

Так, значит, Кросс собиралась организовать убийство и его, и Беккета? Капаней почувствовал краткую вспышку гнева, гордую ярость Зверя, которую он не сумел полностью одолеть даже за века одиночества. Его рука медленно протянулась вперед и задержалась, почти касаясь ребер худокровки. Охранники в холле были всего в дюймах от быстрого и внезапного конца, которого они бы даже не увидели.

Но нет, не так. Он стал спутником Беккета, предоставлял молодому вампиру самому разбираться со всем, кроме тех вопросов, для решения которых ему просто не хватало подготовки. Никаких причин провоцировать какое-то замешательство на этом этапе их работоспособных взаимоотношений.

Капаней опустил руку и зашагал обратно по коридору. Рассказать Беккету о ситуации, и пусть разберется с ней по-своему. Что бы он ни решил делать, это точно будет интересно.

Побережье Средиземного Моря

Восточная Турция

Наверху горела Красная Звезда.

Внизу тьма взметнулась из волн, словно второй прилив. Она выбралась на берег возле границы с Сирией, затопляя пляжи, пески, дороги. Когда она ползла на север, один город за другим становился темным: Джейхан, Козан, Феке. Мужчины, женщины и дети с криками поднимались от кошмаров, которые сотрясали их душу и сокрушали здравый рассудок. Кое-кто не просыпался вообще, и их находили под их одеялами умершими от причин, которые не обнаруживал ни один патологоанатом. Боясь, что с юго-востока пришло какое-то новое биологическое оружие, возможно, в продолжение недавнего конфликта, солдаты в тяжелом защитном снаряжении двинулись через границу в поисках возможных источников таинственного «облака». Люди погибали в случайных стычках с ничего не понимающими отрядами курдов, но никто так и не раскопал ни следа странного оружия или лаборатории по его изучению.

А тьма двигалась на север, гася весь свет на своем пути. Там, где она была, не светили ни луна, ни звезды, ни огонь, ни электрический свет. Там, откуда она уходила, звучали молитвы благодарности и стенания, оплакивавшие мертвых. Когда поднималось солнце, тьма истаивала, оседая на землю и медленно растворяясь,

словно она впитывалась в камни и почву; и каждый раз она поднималась, словно туман, когда последние лучи солнца потухали на горизонте. Там, где было возможно, деревни эвакуировали, ибо, не обращая внимания ни на ветер, ни на местность, тень продолжала следовать одним и тем же ровным и предсказуемым курсом.

На север. Безошибочно и исключительно на север.

Пока, наконец, она не остановилась. Не над каким-то населенным пунктом, будь то деревня или город, но в долине в горах Тауруса, к юго-юго-востоку от Кайсери.

На входе в Каймаклы, на том самом месте, где Беккет проводил свой ритуал и добился успеха, о котором даже не мечтал, сущность из тени остановилась.

Из нее вытянулись щупальца тьмы, словно языки, пробующие запах воздуха и вкус земли. Они зарылись в песок, ощущая присутствие крови, которую Беккет пролил в пустыню, хотя за эти многие месяцы она уже испарилась, и ветер засыпал ее многими слоями песка.

Эти щупальца двигались то туда, то сюда, оставляя на песке борозды, и лишь звук пересыпающихся песчинок нарушал полную тишину. Щупальца коснулись камня пещеры и ощупью прошлись по поверхности камня над проходом. Здесь они ощутили слабые остатки истинной силы, последнюю подпись того, кто был почти так же стар, как само существо Бездны. Здесь, ослабленная исполнением пророчества и иномировым красным светом, эта сила была сокрушена, разорвана тем, кому никогда не должно было хватить силы для подобного деяния.

Здесь был центр. Здесь была точка, с которой прозвучал призыв, долгое воззвание, которое выдернуло эту сущность из глубин бездны, которое пробудило другие древние силы от их бесконечной дремы. Здесь все это началось, и тот, кто все начал, ушел, вероятно, так и не узнав, что произошло на самом деле.

И эта сущность размышляла, если только можно было назвать человеческим словом «размышление» работу ее ума. Был ли он угрозой? Не означало ли его присутствие здесь, в начале Конца, его отличие, или превосходство? Обладал ли он силой, или был всего лишь катализатором, мелкой искоркой, которая пробудила распространяющийся степной пожар?

Теперь она попробовала его на вкус, эта сущность из тени. Узнала вкус его присутствия, его страха, узнала силу, которая когда-то наполняла это место и теперь, несомненно, отчасти сохранилась за тем, кто его разрушил. Пусть он бежит на края земли и за ее края, пусть прячется в самой глубокой тьме или самом ярком свете. Это не имело значения.

Когда поднялось солнце, тьма вновь погрузилась в землю, избегая жгучих лучей света, который не могла затушить даже она. Завтра ночью она поднимется, и она уже не будет идти на север.

Наверху, в надвигающемся свете зари, горела Красная Звезда.

Гостиница «The Mission Inn»

Риверсайд, Калифорния

Комната была на порядочном отдалении от номеров, сейчас служащих командным центром действий Камарильи в Лос-Анджелесе. Согласно регистрационным записям, комнату занимал бизнесмен из Портленда по имени Роберт Перкинс. Среди персонала

ходил слух, что Перкинс, - нередкий гость в «The Mission Inn» - проводит большую часть вечеров в компании своей возлюбленной-на-очередной-месяц, и именно поэтому комната оставалась постоянно закрытой для уборщиков.

На деле, Роберт Перкинс находился в заслуженном отпуске на Таити и был бы порядочно удивлен, узнав, что он считается обитающим в Риверсайде. Персонал гостиницы был бы не менее шокирован, узнав, что он проводит время во Французской Полинезии, поскольку большинство из них помнило, как в течение нескольких последних дней общалось с ним то тут, то там. Им, разумеется, и в голову бы никогда не пришло, что эти воспоминания могли быть внедрены искусственно – вместе с приказом никогда не входить в комнату.

Остальным Сородичам высокого ранга, занятых в делах Камарильи, было хорошо известно, что именно в нее Хардештадт уходил для обсуждения дел, которые не были напрямую связаны с действиями в Лос-Анджелесе. Они понимали, что, в качестве самого активного члена Внутреннего Круга, Основатель Вентру одновременно держит в голове такое количество задач, что не может себе позволить полностью сосредоточиться на одной – независимо от ее важности. Хардештадт был ведущим стратегом в Лос-Анджелесском конфликте, он был первым среди тех, кто определял новый курс Камарильи и официальную реакцию на увядание, и он был занят Бог знает чем еще. Если ему для каких-то из этих дел требовалось уединение, то даже другие старейшины, при всем их любопытстве, были достаточно мудры, чтобы не пытаться его нарушить.

Часть уважения к личному пространству Хардештадта, конечно, могла быть вызвана теми оберегами, что были установлены вокруг комнаты и не позволяли ни Сородичу, ни гулю войти в нее без произнесенного вслух разрешения Основателя. Для того, чтобы их установить, ему пришлось найти нескольких могущественных чародеев – Ассамитов: теперь они оставались единственным доступным Камарилье надежным источником магии крови, поскольку все Тремер сгинули в последнем всплеске мелодраматической таинственности.

Именно эти чародеи Ассамитов опосредованно навели его на мысль, которой он сейчас следовал. Хардештадт сидел на единственном стуле в комнате за единственным в комнате столом. При нормальных условиях, любому посетителю пришлось бы сидеть на одной из кроватей – положение неофициальное и определенно не особенно почетное, что давало Хардештадту психологическое преимущество в любых беседах или переговорах.

Гость, явившийся этим вечером, просто остался стоять, и Хардештадт не собирался возражать против его выбора.

«Я хочу поблагодарить вас, - начал Хардештадт после того, как оба обменялись всевозможными любезностями, приветствиями и предложениями освежиться, - за то, что вы совершили такой дальний путь так быстро после того, как получили новость».

Тегириус кивнул. Его острая бородка (слегка тронутая сединой, как и его черные волосы), дернулась, словно двигалась по собственной воле. Не считая пользующегося почитанием аль-Ашрада, Тегириус, вероятно, был самым могущественным из так называемых схизматиков клана Ассамитов, которые предпочли вступить в союз с Камарильей, а не склониться перед безумным старейшиной Ур-Шульги. «Я был вполне уверен, что Внутренний Круг никогда не стал бы запрашивать о моем прибытии без причины» - ответил он.

«Вы имеете в виду, что увидели мою потребность в услуге и были рады подсуетиться, чтобы получить шанс сделать меня своим должником».

Ассамит слегка улыбнулся: «Дело может обернуться и подобным образом, да».

«Достаточно справедливо. У меня есть проблема, и я бы хотел ее устранить. Он – угроза для Камарильи в целом, но учитывая текущую войну и усилия по отлову мятежников, худокровок и заявляющихся стай Шабаша, свободных архонтов для этого задания сейчас нет».

«Другими словами, - понял Тегириус, хотя произносить вслух не стал, - он представляет собой скорее личную проблему, чем дело секты». Вслух, однако, он произнес заметно меньше: «Кто?»

«Беккет».

Тегириуса было нелегко удивить, но это имя было встречено поднятой бровью. «В самом деле. Я о нем слышал».

«Хорошо. Значит, мне не потребуется говорить, что он опасен, и играть с ним в игрушки нельзя».

«Я не играю в игрушки, Хардештадт. Ни с Беккетом, ни с вами. Вы хотите уничтожения Беккета. Я могу устроить, чтобы кое-кто из моих товарищей по клану взял ответственность за это на себя. Но Беккет опасен, времена неспокойные, а большинство моих воинов не так сильно, как прежде.

Не секрет, что Камарилья меняется с каждой ночью, и что перемены направляет прежде всего ваша рука. Если я возьмусь за это для вас, то хочу за это не меньше, чем равной позиции в новом порядке для моего клана, с таким же громким колосом, как у любого Тореадора или Вентру».

«Иначе, - продолжил Тегириус, когда Хардештадт открыл рот и собрался возразить, - мои собратья по клану продолжат торговать услугами в обмен на влияние. И я не могу гарантировать, что узнанное ими от Беккета останется тайной».

Хардештадт медленно поднялся со стула. «Ты что, - тихо прорычал он, - пытаешься шантажировать меня информацией, которой даже не владеешь?»

«О нет, ничуть. Я всего лишь сообщаю вам цену этого конкретного заказа, и то, на какие отчаянные меры мы можем быть вынуждены пойти – уверяю вас, без малейшей охоты, - если эта цена не будет принята».

Вентру еще секунду сверлил его взглядом, а потом внезапно, словно через силу, начал смеяться: «Думаю, вы уже слишком много времени общаетесь с Камарильей, Тегириус. Ваши замыслы слишком очевидны. Хорошо же. Вы решите для меня эту проблему – и останетесь доступны для решения последующих – а я поддержу ваш голос своим, когда придет время формально закрепить нашу новую структуру».

«Превосходно. Итак… Что вы можете рассказать мне о Беккете?»

Убежище Дженны Кросс в Долине Сан-Фернандо

Лос-Анджелес, Калифорния

Когда в предрассветный час детектор дыма начал верещать, как баньши, Кросс была совершенно уверена, что это ложная тревога, отвлекающий маневр, устроенный Беккетом или кем-то из его спутников с той или иной злонамеренной целью. Она отреагировала быстро: выдернула «Глок», собрала позади себя полдюжины

сторонников и двинулась к гостевым комнатам, которые отвели старейшинам. Она не беспокоилась, что они сбегут из дома. Даже если бы они знали об опасности, – а знать они не могли, – каждый выход, включая форточки и щель для писем, надежно охранялся. Она была более озабочена тем, какое разрушение они в данный момент творили.

Она повернула в гостиную – и застыла на месте с отвисшей челюстью.

Из коридора перед ней накатывалось огромное облако густого, угольно-черного дыма. Он заполнил дверной проем и потек дальше, словно был рад вырваться из маленького крыла дома в более просторное место. За пронзительным воем детектора она не слышала треска пламени, но не сомневалась в его наличии: чтобы создать столько дыма, нужен был очень большой огонь.

«Наружу! – Завопила она, оборачиваясь и таща за собой первого из своих братьев тем же путем, каким они все пришли. – Выводите всех наружу!»

У них были проблемы. До рассвета оставалось меньше часа, а потушить огонь подобных размеров так быстро им бы не удалось. Единственным их вариантом было укрыться в других домах, принадлежащих ее людям, и надеяться, что пожарные возьмут пламя под контроль и не дадут ему перекинуться на постройки вокруг.

Пока она распоряжалась своими людьми, быстро, но организованно покидавшими дом, у нее было только два утешения. Во-первых, она и ее последователи, будучи худокровками, легче сопротивлялись инстинктивному страху вампиров перед огнем, и, соответственно, могли не поддаваться панике – иначе ущерба и ран было бы больше. А, во-вторых, чего бы там Беккет ни рассчитывал добиться, устроив пожар такого размера, ему предстояло либо оказаться в ловушке посреди огня, либо, сбежав, встретиться с толпой разозленных вампиров. Теперь у нее была очень веская причина приказать своим людям убить Беккета, и отказываться от нее она не собиралась.

Дым повалил из парадной двери, пока худокровки – и, понемногу, остальные обитатели района, а так же проходие, - со всех сторон собрались смотреть на дом и на то, кто из него выйдет. Первое облако отнесло ветром по газону, и оно растаяло в темноте.

И все. Ни беглых пленников, ни ревущего пламени, ни даже дыма.

«Дерьмо!» Кросс метнулась в парадную дверь, хотя вдали уже выли первые сирены. Это все же был отвлекающий маневр – и, очевидно, чертовски хороший. Во время короткого, лихорадочного обыска она не нашла ни следа Беккета, Люситы или Капанея. А времени на поиски было немного. Пожарные потребуют впустить их в дом для осмотра. Ей и ее людям нужно укрыться в домах вокруг, так как все это почти точно будет продолжаться еще долго после рассвета.

Тем утром, все еще кипя, Кросс заснула на полу спальни друга вместе с пятью другими худокровками, еще сильнее напуганная тем, кто сумел от нее сбежать – и не понимающая, как Беккету это удалось.

Долина Сан-Фернандо

Лос-Анджелес, Калифорния

На некотором расстоянии от этого места, на берегу маленького ручья, который служил местным жителям ливневой канализацией, парило облако дыма. Теперь оно двигалось медленно, и наблюдатели были бы серьезно озадачены тем, что оно плывет против ветра. Впрочем, не считая нескольких ранних птиц и, возможно, лягушек и ящериц, смотреть было некому.

Воздух ненадолго вздрогнул, почти сморщился, как резина или латекс, и Капаней проявился из-под своего покрова затемнения. Он огляделся, прислушался, принюхался к окружающей местности – все это чувствами, превосходящими человеческие.

«Полагаю, здесь безопасно» - громко объявил он.

Дым поклубился еще немного, а потом распался.

Поток тумана, постоянное движение и течение которого создавало странной массе иллюзию клубов дыма, отполз в сторону и повис над травой. Он оставил после себя сердцевину полной и совершенной темноты, искусственную тень явно неестественной природы. Если бы Кросс или ее худокровки присмотрелись к дыму повнимательнее, то, вероятно, сумели бы распознать иллюзию, заметили бы, что движение и клубы – лишь оболочка вокруг черной, как ночь, сердцевины. Но какой вампир в здравом уме останется возле огня достаточно надолго для такого?

Туман собрался, сложился в колонну размером примерно с человека и медленно сгущался, пока на мокрой от росы траве не оказался Беккет. Темнота истаяла, обнаружив под собой Люситу, с изможденным видом стоявшую по щиколотку в ручье.

«Это, - фыркнула она с таким видом, словно ей не хватало дыхания, хотя такого быть не могло, - пожалуй, была самая идиотская вещь, что я делала за много, много веков».

Беккет пожал плечами: «Но ведь сработало?»

«Мы оба знаем по опыту: успех предприятия не означает, что предприятие не было идиотизмом. Ты не знал, сможешь ли сгустить свое туманное обличье достаточно, чтобы заставить датчик сработать. Я не знала, хватит ли мне теперь сил удерживать облако Бездны так долго. Нам надо было поджечь дом по-настоящему, этого бы вполне хватило».

«И рисковать тем, что мы окажемся заперты в огне? Я уж не говорю, что это разрушило бы все надежды на союз между твоим сопротивлением и худокровками. Не думаю».

«Почему, - парировала она, - тебя волнуют союзы моей организации? И она сама, если уж на то пошло?»

«Потому, что, чем больше Камарилья занята вами, - прямо ответил ей он, - тем меньше они сосредотачиваются на мне».

«Друзья, - вмешался Капаней, - могу ли я вам напомнить, что у нас больше нет вечности для бесед? План сработал. Мы бежали из убежища детей, не причиняя им вреда. Возможно, нам теперь стоит беспокоиться о том, где найти убежище от солнца и что делать дальше, и несколько меньше – о том, должен был план сработать или нет?»

Беккет и Люсита взглянули на Капанея, потом друг на друга, и кивнули.

«Может, туда? – Беккет, подумав несколько секунд, указал на небольшую бетонную трубу, из которой в ручей стекала струйка воды. – Она должна увести нас достаточно далеко, чтобы солнце нас не доставало».

Люсита нахмурилась: место было далеко не столь безопасным, как бы ей хотелось, - но вариантов у них сейчас было очень немного. Она согласилась, как и Капаней.

«Как насчет завтра, - спросила Люсита, когда они ползли сквозь холодную воду, плесень, мох и что-то еще, что нельзя было опознать. – Ты сказал, что знаешь путь, по которому мы можем покинуть город, не встречаясь ни с худокровками, ни с солдатами Камарильи».

«Ну да, - подтвердил Беккет тоном, не вызывающим энтузиазма. – *Можем*. Спроси еще раз вечером».

На подходе к канализационному узлу 27-Б

Под Лос-Анджелесом, Калифорния

Канализационные системы многих европейских и американских городов были намного более сложны и протяженны, чем догадывались их создатели и большинство работников канализаций. Манипулируя городскими службами и работая собственноручно, Носферату этих городов расширяли помещения, соединяли между собой проходы и даже добавляли целые этажи. Они создавали обширные подземные сети, подвластные лишь им самим. В них они могли обитать среди себе подобных вместо того, чтобы постоянно видеть чужую ненависть или снисходительность – у большинства обитателей поверхности, будь то Сородичей или смертных, они обычно вызывали одно из этих двух чувств.

Катакомбы Лос-Анджелеса были несколько менее обширны. Во многих случаях было заметно, что Носферату пытались использовать свои обычные подходы, но сочетание свойственной Калифорнии тектонической нестабильности и войн Сородичей, которые десятилетиями пылали в городе, затухая и разгораясь вновь, делало большую часть этой работы тщетной. Тут укрепленное помещение, одна стена которого обвалилась, все еще служило убежищем или перекрестком; там лишь короткий коридор, оканчивающийся грудой бетонных обломков, служил безмолвным свидетельством того, что когда-то земля здесь была изрыта целым лабиринтом ходов.

Самые современные части канализационных систем были отстроены с применением разных архитектурных и научных решений, направленных на устойчивость при землетрясениях, и Носферату Лос-Анджелеса обитали именно в них. Скрывать свое присутствие от рабочих было сложно, а вносить изменения (кроме самых мелких и незаметных) – почти невозможно, но они справлялись.

Лишь потому, что эти обстоятельства делали канализацию и подземелья Лос-Анджелеса менее сложными, чем в других городах такого размера, Беккет мог хотя бы подумать о том, что он сейчас делал.

Окулос не располагал серьезными связями среди Носферату Лос-Анджелеса, которые поголовно относились либо к худокровкам (которые попытались бы остановить Беккета от имени Кросс), либо к вторженцам Камарильи (которые попытались бы остановить Беккета от имени Хардештадта), либо к анархам, МакНилам (которые попытались бы уничтожить любого чужака на своей территории из страха и общих соображений защиты территории). Окулос, несмотря на все

попытки, не смог найти ни проводника, ни легких неохраняемых путей к бегству. Он смог переслать по e-mail грубую карту системы канализации, включая хотя бы часть «доработок» Носферату, и еще более грубую схему патрулей Камарильи и худокровок по границе города.

Многие не смогли бы достать и этого, но Беккета озадачило то, что безымянный знакомец, к которому Окулос обратился с просьбой найти Дженну Кросс и провести их к ней без происшествий, теперь, похоже, не желал помогать. Беккет отметил себе спросить об этом, когда будет возможность.

В любом случае, Беккет уже не первый раз прокладывал путь сквозь враждебный лабиринт, имея на руках только неточную карту. Большинство упомянутых лабиринтов располагалось в руинах глубоко в древних джунглях или под текучими песками пустынь. Тот факт, что в этот раз над головой шумели проезжающие машины, и какой-нибудь горожанин в любой момент мог спустить ему за шиворот содержимое унитаза, вносил некоторое разнообразие, но совершенно не радовал.

Они с Люситой и Капанеем уже вторую ночь двигались по трубам, выйдя в них по той сточной трубе, в которой ночевали. Хотя предложение идти по канализации было рискованным, оно несло меньше опасности, чем прорыв по поверхности, где Кросс и ее худокровки наверняка деятельно охотились за ними и следили за всеми возможными путями.

Они уже несколько часов брели по щиколотку в жиже, кормясь склизкими крысами и уворачиваясь от падающих тараканов. Запах был настолько ошеломляющим, что все трое говорили как можно реже, чтобы не вдыхать воздух; впрочем, миазмы человеческих отходов все равно забивали нос, не позволяя их игнорировать. Они не могли себе позволить идти по пути, который был самым прямым и быстрым: он шел слишком близко от центра силы Кросс, и там искать их будут активнее всего. Идти пешком через половину Лос-Анджелеса было занятием небыстрым, особенно если учесть, что карта Беккета не включала самых свежих последствий трехстороннего конфликта. Они уже потратили до трех часов, возвращаясь назад и ища обходные пути, и не было никакой гарантии, что остаток пути будет хоть немного легче.

Когда они осторожно перебирались через узкий, покрытый слизью кирпичный уступ, в десяти футах под которым ждал наполненный коллектор, и как раз проползли под потоком гнилой воды, текущим из ржавой решетки, Люсита положила руку на плечо Беккета. «Стой, - прошипела она; ее шепот был еле слышен за шумом текущей воды. – Ты чуешь?»

Беккет, все лицо которого только что окунулось в мерзкую жижу, сейчас отчаянно пытался не чуять вообще ничего. После предостережения Люситы, однако, он попытался отстраниться от вони и глубоко вдохнул.

Он тоже учуял это, и утвердительно кивнул сразу, как пропал позыв к рвоте. Оттуда, почти неразличимый за ароматами сточных вод, доносился слабый дух крови Сородичей. Либо там внизу кто-то был ранен, либо…

«*Ох, дерьмо…*»

Беккет двинулся вперед, к углу, но неожиданно почувствовал, что на его ногу что-то давит. Глянув вниз, он едва сдержал дрожь, увидев, что по его ботинку ползет таракан длиной с хот-дог. Сквозь ботинок ощущался даже его вес. Этого подтверждения было достаточно: еще не завернув за угол, он уже знал, что увидит.

Там, за поворотом, три тоннеля сходились к поднятой вверх цистерне, отделенной от сточных вод вокруг. Вода в цистерну определенно лилась из водостоков от дороги наверху, и, соответственно, включала в основном дождевую воду и весь мусор, который смывало вниз вместе с ней. Не слишком аппетитно, но для животных, обитающих внизу, такой источник питьевой воды годился.

Именно из этой емкости и доносился запах крови Сородичей, а в подземелье Носферату это могло означать лишь одно – бассейн порождения. В катакомбах покрупнее они были обычным делом. Носферату создавали такие бассейны, проливая капли своей крови в местный источник воды. Животные, пьющие эту воду, не только становились верны Носферату, но часто мутировали, вырастали, становились сильнее и злее.

Беккет открыл рот, чтобы предупредить спутников – и из ближайшего прохода на него обрушилось что-то, по ощущениям похожее на машину на скорости в 85 миль. Беккет отлетел – точнее, отскользнул, - на несколько ярдов назади остановился только у ног спутников. В следующее мгновение он уже был на ногах, его когти скользнули из кончиков пальцев, и он уставился на то, что в него врезалось.

Когда-то оно было ротвейлером, если судить по форме головы, звуку рычания и цвету тех немногих участков меха, что не были покрыты грязью и слизью. Сейчас оно было размером с небольшую лошадь, и его челюсти были искривлены огромными клыками. Эти клыки, как осознал Беккет, уже один раз попытались пронзить его куртку и сверхъестественно устойчивую кожу, но не смогли. Существо, бывшее собакой, тем временем уже разинуло пасть и снова кинулось на него, нацелясь на горло.

Беккет быстро сунул левое предплечье глубоко в пасть собаки, не давая ей порвать ему горло или полностью сомкнуть зубы на руке. Боль от коренных зубов, которые вонзились в его плоть, тем не менее, была довольно сильной. У собаки определенно хватало сил, чтобы преодолеть большую часть сверхъестественной выносливости Беккета. Оба, борясь, опрокинулись назад. Беккет ощутил свободное падение, а затем, почти сразу, с громким плюхом врезался спиной в воду внизу, погрузился под несколько слоев отбросов и оказался захвачен медленным, но мощным течением.

Сточная Камера 13

Под Лос-Анджелесом, Калифорния

Позади остались несколько минут и неопределенное расстояние, и Беккет вновь почувствовал, что падает. Он и собака, теперь уже неподвижная, вылетели из сточной трубы, оканчивавшейся высоко на стене большого коллектора. Перед его глазами промелькнула круглая комната, многочисленные трубы, выходящие в нее со всех сторон и сливающие воду в центральный бассейн, откуда она вытекала дальше через несколько туннелей на уровне пола, и затем он снова врезался в воду. К счастью, он приводнился возле небольшой площадки выше уровня воды, одной из нескольких, стоя на которых, ремонтные бригады могли разбираться, что откуда течет. Глубоко загнав когти в камень, он задержался, стряхивая мертвую собаку со своей изодранной руки. Затем, пока тело медленно тонуло, исчезая из вида, он вытянул себя из жижи, отхаркивая помои изо рта и горла. Не обращая внимания на жгучую боль в руке, он поднялся на ноги и огляделся.

В смятении борьбы он не особенно обращал внимание на то, по каким переходам и шлюзам его пронесло. Но все же, с его чувством направления, пройти обратно к спутникам не должно быть так уж сложно. Всего лишь вопрос…

«Ты вообще представляешь, - донесся до него высокий вопль, словно кричал какой-то грызун, - сколько ушло на то, чтобы вырастить его до такого размера?! А теперь ты его *испортил*! Мне придется начинать заново!»

Беккет поглядел вверх, потом еще выше. Там, у самого потолка, небольшой проход с разбитой решеткой выводил на узкую металлическую платформу; когда-то от нее шла галерея, но ее уже давно не было. На этой платформе была видна скрюченная, горбатая фигура ростом не выше четырех футов. Ее черты, насколько Беккету было видно, были растянуты и искажены, словно ее лицо было воздушным шариком, надутым до опасного напряжения. Рядом стоял второй ротвейлер, не такой здоровый, как тот, труп которого лежал рядом с Беккетом, но все равно достаточно крупный, чтобы порвать человека на клочья в считанные секунды.

«Тебе стоит смотреть, на кого науськиваешь питомцев, а? – заорал Беккет вверх; руки его тряслись от ярости. Зверь внутри дрожал от нетерпения, не желая ничего, кроме как запустить когти в сердце этого Носферату.

«Ты за это заплатишь! Вы все, и ты, и те, что с тобой пришли! – Странный маленький вампир чуть ли не приплясывал от ярости на своем узком помосте. – Я скормлю тебя своим зверькам! Я наполню их бассейн вашей кровью! Я…»

Беккет расслабил свои внутренние сдержки и позволил Зверю в его душе подняться. Его зрение заволокло алым, и он почувствовал, как губы растягивает оскал. Мир, казалось, съеживался, пока Зверь поднимался все выше.

Но от того, что он впал бы в ярость здесь, так далеко от этого Носферату, неспособный его достать, не было бы никакого проку. Он позволил своей звериной природе проявиться не для того. Как раз перед тем, как Беккет потерял бы контроль и перестал бы быть собственно Беккетом, он стиснул Зверя своей волей и вытолкнул его вперед и вверх. В акте силы воли и понимания Зверя, которыми могли похвастаться лишь немногие Сородичи, он переместил свою ярость и ненависть в кое-кого другого.

Или, точнее, в кое-кого третьего.

Носферату все еще вопил какие-то бессвязные угрозы, когда его второй ротвейлер обрушился на него сзади с мощью грузового поезда, ломая его кости и погружая клыки в дряблую плоть; от силы удара и Носферату, и пес полетели с площадки вниз, словно повторяя недавний печальный опыт самого Беккета. Тирада вампира размазалась одним высоким визгом, пока он падал, и оборвалась, когда он полностью погрузился под воду.

Беккет мгновенно нырнул за ними; его сверхъестественные чувства позволяли ему найти бьющуюся под водой пару так же легко, как акула находит тюленя. Он глубоко вогнал когти в спину Носферату, наполнив кровью воду вокруг. Зверь Беккета вырвался из собаки и занял место в душе самого вампира, но тот заставил его присмиреть, подавил его страстное желание укусить Носферату и выпить его досуха. Вместо этого, подтянувшись на своей неповрежденной руке, он вытащил врага из помоев и разложил на ближайшей каменной площадке. Собака, напуганная и ошеломленная силой и яростью Зверя Беккета, сбежала в туннели сразу, как высвободилась.

«Итак, - зарычал Беккет, держа коготь как раз напротив той мягкой точки на лице Носферату, где заканчивалось левое веко, - я собираюсь задать тебе несколько вопросов. – Его другая рука стискивала голову Носферату, и когти замерли частью рядом с его уродливым ухом, частью уже в нем. – Сколько чувств ты потеряешь, зависит только от того, насколько быстро и полно ты будешь отвечать. Кивать я тебе сейчас не советую, так что, если понял, просто скажи».

«Я понял! – Голос Носферату был громким и пронзительным. – Я понял, я понял!»

«Хорошо. Давай начнем».

Канализационный узел 27-Б

Под Лос-Анджелесом, Калифорния

«Его звали Роджер, или так он мне сказал. Он был из анархов, МакНилов, - рассказал Беккет спутникам, когда, следуя указаниям перепуганного Носферату, добрался до туннеля, в котором на них напали. И Люсита, и Капаней были покрыты множеством мелких ранок, оставленным прочим скопищем гулей Носферату, но, судя по всему, сумели разделаться со своими противниками, даже не особенно утомившись. Когда он их нашел, они как раз обсуждали, стоит ли идти искать Беккета, или лучше подождать, пока он вернется. – Ему сказали, что мы придем. И он ждал нас – или, точнее, меня».

«Зачем? – поинтересовалась Люсита, с выражением крайнего отвращения допивая остаток крови из крысы, пойманной очень, очень далеко от бассейна порождения. – Кто хочет твоей смерти?»

«А кто ее не хочет? – с горечью отозвался Беккет. – Прямо сейчас я разосрался и с Хардештадтом, и с Дженной Кросс, это не считая прочих врагов, что у меня скопились за эти годы. Правда, я не знаю, с чего бы кому-то из них обращаться к МакНилам, когда у них есть свои люди. Если верить Роджеру, приказ был отдан кем-то из верхушки МакНилов, но почему, он не знал».

«Это, - задумчиво прервал его Капаней, - заботит меня далеко не так сильно, как тот факт, что этот Носферату ждал нас именно здесь. Кто бы в данном случае ни был наш враг, он знает, что мы в канализации».

«Возможно, - задумчиво ответила Люсита. – Могло быть и просто удачной догадкой – не так уж много у нас было вариантов, в конце концов, - но я очень не хочу на это полагаться».

«Как бы ни было дело, - сообщил Беккет, - потерянное время не прошло совсем уж бесполезно. Наш крысоватый друг был очень, очень рад направить меня по самому быстрому пути на выход. К завтрашней ночи мы должны уже быть за пределами городской черты ЛА».

«Ты уверен, что он сказал тебе правду?»

«О, вполне уверен. Он один раз попытался соврать, и очень хорошо понял, что больше так делать не надо».

«Что ты сделал?» - спросила Люсита.

Беккет пожал плечами: «Надрал ему уши».

Он притворился, что не замечает, как спутники посмотрели на него после этой фразы – фразы, которая должна была скрыть отвращение к самому себе, переполнившее его до краев. Он чувствовал себя, словно что-то мерзкое заползло к нему внутрь и там издохло. Он всегда был хищником, но никогда не проявлял жестокости просто так. Когда в конце концов он убил беспомощного Носферату, это было не только ради самосохранения, но и из милосердия. То, что он сделал с Роджером, было необходимо, - он *должен* был получить свои ответы, - но Беккет знал: еще долго после того, как с его кожи смоется последняя грязь канализации, он будет чувствовать себя мерзко.

Сточная Камера 13

Под Лос-Анджелесом, Калифорния

Через некоторое время после того, как вдали стихли шаги беглецов, в центральной сточной камере появилась какая-то фигура. Сэмюель, фланелевая рубаха которого была заляпана отбросами, вышел из одного из туннелей, осторожно обходя лужи грязи и прочих отходов. Он молча прошел по нескольким кускам битого камня, которые откололись и отлетели во время последнего землетрясения, и наконец оказался там, где погиб Носферату. Хлопья мокрого пепла все еще оставались налипшими на слизь, и, если хорошо приглядеться, по очертаниям все еще показывали человеческую фигуру.

Он присел на корточки возле останков, очень аккуратно, чтобы не запачкаться в том, что осталось от его пешки, и покачал головой. Он не ожидал, что это маленькое развлечение окончится для Беккета смертью (если честно, такой исход его бы разочаровал), но рассчитывал на более долгую задержку. Если так пойдет дальше, они выберутся из канализации на следующий день. Конечно, у него еще было время запустить следующую стадию плана, но Беккет, несмотря на все препятствия, двигался с хорошей скоростью. Нет, так точно не пойдет. Пора передать немного больше информации.

Сэмюель встал и двинулся к ближайшему люку на поверхность. Пока он лез, его лицо и одежда ненадолго стали размазанными и поплыли, на случай, если поблизости найдутся соратники Роджера. Фигура, которая появилась на улице, была очень похожа на Калвина Ропера, уважаемого члена МакНилов; то, что Роджер получил указание ждать Беккета в туннелях как раз от него, было отнюдь не случайно. Он открыл маленький сотовый телефон, по памяти набрал номер и терпеливо подождал, пока поднимут трубку.

«Мне нужно поговорить с Дженной Кросс, - сообщил он голосом, который не соответствовал новой внешности. – Скажите ей, это Сэмюель. Скажите, у меня есть кое-какие сведения для нее, насчет Беккета и его транспорта».

Где-то над западом Соединенных Штатов

С помощью более актуальных сведений о туннелях, полученных от Носферату и добавленных к карте и сведениям, добытым Окулосом, остальное было несложно, хотя и не сильно приятно. Они избежали встречи не менее чем с тремя котериями худокровок, минимум с одной группой проникновения из Камарильи, и на следующую ночь выбрались из еще одной сточной трубы за городской границей Лос-Анджелеса.

Затем им потребовалось просто дойти до ближайшего подходящего места, которым оказалась заправка с магазинчиком, и раздобыть транспорт (Капаней и Люсита, которым не хватало крепости желудка, чтобы вволю напиться кровью зверья Носферату, были так же рады водителю, как Беккет – машине). Капаней также заметил в аэропорту Эпл Вэлли еще несколько худокровок Кросс, но они не выглядели особенно настороженно. Как предположил Беккет, дело было не в том, что Кросс узнала о нем что-то конкретное, просто она присматривала за *всеми* местными аэропортами. Когда им стало известно о шпионах, дальнейшее было несложно: некоторое время не попадаться им на глаза, потом просочиться на борт и дождаться, пока Чезаре получит разрешение на вылет. Теперь они направлялись в Даллас, но было непонятно, возьмут они там пассажира или высадят.

Беккет сидел за столом, который занимал почти всю длину одной из стен кабины. Капаней, в позе, совершенно не подобающей старейшине, развалился на своем спальном мешке, а Люсита устроилась на углу гроба Беккета. Хотя они провели вместе несколько ночей, прокладывая путь через канализацию, они мало говорили. Разговоры почему-то казались неуместными.

«Беккет, - наконец спросила Люсита после нескольких минут неуютного молчания, - насколько ты уверен? Если честно?»

Ему не требовалось спрашивать, о чем идет речь. «Полностью, - ответил он нейтральным голосом. – Так уверен, как только был когда-нибудь в чем-то уверен, Люсита. Увядание, исчезновение целых кланов, то, что я нашел в дневнике Этриуса… Я долго против этого сражался, но не могу больше это скрывать. Это не какое-то там проклятие крови. Это не болезнь. На нас действительно надвигается Геенна».

«Я думала, ты не веришь в Геенну».

«Я не верил».

Снова молчание, еще дольше.

«И ты правда верил, что Смеющийся Джек мог бы помочь тебе?»

«Тогда это казалось хорошей идеей. – Беккет нахмурился. – Моя единственная оставшаяся ниточка – Салюбри по имени Райциэль, которая, предположительно, пробудилась несколько лет назад. Она, как предполагается, дитя самого Саулота. Но драть меня в оба уха, если я знаю, где ее искать. – Он почувствовал, как в его душе нарастает желание что-нибудь сломать. – Проклятье, если бы у меня только было больше *времени*! Столько мифов и легенд, а мы так мало знаем… Я даже не могу предполагать, сколько времени Геенна займет».

«Что, в таком случае, - спросила Люсита, - ты предлагаешь делать по этому поводу?»

«Сейчас я еще больше, чем когда-либо, полон решимости найти свои ответы, - начал Беккет. – В конце концов, это доказывает мне, что мы, то есть Сородичи, существуем – или хотя бы *существовали*, - с какой-то целью, и я собираюсь выяснить…»

«Да, да, здорово. Я имела в виду, что ты собираешься делать с самой Геенной?»

Беккет моргнул. Она не могла задать вопрос, который он только что от нее услышал.

«Делать?»

«Да. Как ты планируешь ее остановить?»

«Люсита… - Беккет покачал головой. – Это же Геенна. Ее нельзя остановить. Как нельзя остановить восходящее солнце или накатывающийся прилив».

«Чушь». – Люсита поднялась на ноги и начала расхаживать, насколько позволяли размеры кабины. Хотя в каждом направлении можно было пройти всего по паре шагов, Беккет поразился грациозности ее движений. Люсита, возможно, была слабее, чем много сотен лет до этого, но по ее манере держать себя это было незаметно.

«Я провела тысячу лет, сражаясь с тем, против чего, предположительно, невозможно было сражаться, - продолжила она. – Я освободилась от Монкады – от силы, которой, как все говорили, невозможно сопротивляться. Много веков я противостояла Шабашу, и они не сумели меня одолеть. Более того, они с радостью приняли меня, когда я *сама* приняла решение к ним присоединиться. Я не верю в безнадежные битвы: при правильном подходе победить можно в любой».

«Ты поэтому вышла из битвы за сохранение своей человечности?» - поинтересовался Беккет; в его голосе была заметна нотка горечи.

Люсита только улыбнулась в ответ: «Ты не понимаешь. Я не вышла из битвы за поддержание человечности. Я *победила* в битве за понимание того, кто я есть».

«И тебе хочется этим быть?»

Теперь она нахмурилась: «Как я и говорила, мне не требуется объясняться перед тобой».

«Разумеется, нет. Тебе достаточно будет объясниться перед самой собой, и я не думаю, что ты пока удосужилась это сделать».

В воздухе повисло такое напряжение, что оно, казалось, вот-вот выдавит окна. Он подумал, не допустил ли он ошибку; возможно, он разозлил Люситу достаточно, чтобы напасть на него даже здесь, в подобном тесном – и хрупком – пространстве. Капаней оперся на локоть, пристально наблюдая за темноволосой женщиной.

Вместо этого она просто стиснула кулаки так, что Беккет услышал хруст костяшек. «Ты собираешься помочь мне ее остановить?» - резко спросила она.

На мгновение Беккет заколебался. Что, если они смогут? Что, если они действительно способны остановить или хотя бы отсрочить надвигающееся разрушение. В конце концов, он все еще не знал, почему он сам, похоже, меньше подвержен увяданию, чем все остальные его возраста. Возможно, он *может* что-то сделать?

Нет. Нет, это не сработает. Беккет в последние несколько недель проникся свежим уважением к древним мифам – и все эти мифы, до последнего, говорили, что ничего нельзя изменить, что все должно идти своим чередом. Если его необычная сопротивляемость что-то и означала, так это то, что ему даровали больше времени найти ответы. Он не станет тратить его на бой с ветряными мельницами. У него есть его поиск ответов, и он не станет ставить его на кон против скудной надежды на то, что все известные источники ошибались.

«Не могу, - просто сказал он. – И, честно говоря, не думаю, что ты можешь. Тебе лучше было бы заняться неоконченными делами, если они у тебя еще есть, Люсита. Уж ты-то из всех Каинитов точно знаешь, как встретить смерть, когда она наконец пришла». Он на мгновение смолк, задумавшись.

«*Почему бы тебе и твоим союзникам не присоединиться ко мне,* - чуть не спросил он. – *С большими силами у нас было бы больше шансов найти наши ответы; по крайней мере, ты узнала бы, почему все это произошло*».

Но он не спросил. Когда он открыл рот, то, и он мог бы в этом поклясться, он услышал голос – голос Анатоля: «Я бы не стал. Ты больше не можешь доверять ей, Беккет. Она – не та, кем была».

Почти наверняка это была галлюцинация; возможно, какое-то слабое эхо его снов. Но, сам того не желая, он подчинился. Так что он всего лишь спросил: «Мы можем куда-то отвезти тебя и твоих людей прежде, чем покинем Штаты?»

«А если я попрошу взять нас с собой?» - спросила Люсита. Это явно звучало как вызов, а не как предложение.

«Не могу. Оглядить, Люсита. В нынешние времена достаточно сложно проводить частный самолет сквозь таможню, особенно когда салон благоустроен таким необычным образом. И к тому же чертовски дорого, если считать и законные платежи, и взятки. Никакой черт не поможет мне протащить контрабандой полный груз пассажиров без документов – или явных трупов, если дело будет днем».

«Ах, Беккет. Всегда ищешь отговорку, чтобы что-то *не* делать. – Люсита отвернулась и открыла дверь салона. – Полагаю, остаток полета я проведу в кабине с Чезаре». Выйдя, она добавила, не оборачиваясь: «Просто высадите меня в Далласе, как договаривались. Я присоединюсь там к своим людям, и мы продолжим сражаться, насколько уж можем. А ты ступай искать свои драгоценные ответы». Дверь не то чтобы хлопнула (это было бы ниже достоинства Люситы), но определенно закрылась очень плотно.

«Чезаре в безопасности рядом с ней?» - спросил Капаней.

«О да. Люсита, может, и рассержена, но не до самоубийства, а управлять подобными штуками она умеет не лучше меня самого».

И после этого других дел не осталось – только ждать.

Текстильный комбинат «Braque et Chabrol»

Лилль, Франция

Хотя значительная доля тех, кто обладал местом на подобном совете, не смогла присутствовать, отвлеченная делами и обязанностями в других частях мира, собрание все же представляло огромную часть верхушки Камарильи. Князья и юстициарии, члены Внутреннего Круга и Основатели секты, все они сидели или стояли в массивном подвальном зале под текстильным комбинатом. Многочисленные неонаты, «преступники», единственным преступлением которых часто было невезение, лежали по периметру комнаты, пронзенные кольями, чтобы участники могли быстро добраться до них для утоления жажды.

Несколько устройств записывали ход мероприятия для дальнейшего ознакомления тех, кто не смог участвовать - как сам Хардештадт, а так же многие из самых могущественных князей мира, и нескольких юстициариев и членов Внутреннего Совета. Данные, как и всегда, качественно шифровались и пересылались через многочисленные линии безопасных соединений.

«Что я *пытался* сказать, - заявил Вурхис, князь Амстердама, раздраженно косясь на Карлака Пражского, - так это то, что, по крайней мере, в моем городе, и, как я понимаю, везде, для поддержания порядка становится недостаточно силы. Это не связано, как могли бы предположить некоторые, с недостатками моего правления. – Он обвел гневным взглядом нескольких из тех, кто уже говорил. – Увядание становится все сильнее, все больше неонатов испытывает то, с чем мы имеем дело не один месяц, и они ищут причины. Мы, со всей очевидностью, не можем позволить им принимать в качестве объяснения версию с Геенной, но не можем и просто продолжать сажать под замок всех, кто это предполагает. Нам нужно объяснение, которое можно им скормить, и оно должно быть вменяемым».

«Согласна». Мадам Гил, юстициарий глана Тореадор, поднялась на ноги. При нормальном раскладе она бы активно участвовала в усилиях Хардештадта по возвращению Лос-Анджелеса, так как западные Соединенные Штаты были одной из ее основных зон действия. Она присутствовала здесь просто потому, что обнаружила себя не у дел: Хардештадт стойко отказывался с ней сотрудничать из-за какого-то прошлого конфликта. «Наше отрицание и предположения на тему болезней и проклятий становятся неубедительно хрупкими. Мы не можем продолжать говорить нашим детям, чем увядание *может быть*. Мы должны им сказать, чем оно *является*».

«Благодарю. – Вурхис кивнул, отвечая на поддержку юстициария. – Нам не требуется беспокоиться насчет того, правдиво ли наше объяснение. Оно просто должно быть правдоподобным и универсальным».

«Ну не знаю, - подал голос Николас, князь Кента. – Я, например, *очень* хотел бы знать, что происходит на самом деле. Некоторые из нас уже упоминали о наших подозрениях касательно того, что Тремер со странной своевременностью исчезли. Мы, несомненно, должны более тщательно рассмотреть мысль о том, что это не просто совпадение».

На другом конце комнаты поднялась на ноги еще одна участница. Хотя она была очень невысокой, Анна, королева Лондона, излучала ауру собственного достоинства и контроля над ситуацией, которой не могло похвастаться большинство присутствовавших, даже те, кто был намного старше. «Я согласна, - объявила она чистым, царственным голосом. – Но также я утверждаю, как утверждают и многие другие, что мы должны взять под контроль ущерб, который несет наше общество, прежде, чем двигаться вперед. И, говоря об этом, я утверждаю, что Тремер поднесли нам наше решение на серебряном подносе. Время их исчезновения работает в нашу пользу, независимо, виновны они или нет на самом деле. Почему бы просто не возложить вину за увядание на их головы, публично и открыто? Это не только даст нашим неонатам возможность сосредоточить на ком-то гнев; мы сможем отвлечь их, привлекая их для поисков пропавших Тремер».

«Уважаемая королева Анна, - отметила Гил, - добилась заслуживающих всяческого восхищения успехов в том, чтобы поддерживать спокойствие собственного города, но я полагаю, что это побудило ее недооценивать настроение за пределами ее стен. Ее предложение отмечено, и оно было бы хорошим, если бы не тот факт, что страх и гнев неонатов слишком велики для призрачного врага. Будь у нас Тремер, чтобы выдать их как козлов отпущения, дело было бы другим, но сейчас ни одного из них невозможно схватить и отдать массам для отмщения. Они не поверят».

«Верно». Слово Ярослава Пашека, обманчиво хрупкого юстициария Бруха, сейчас обладали меньшим весом на советах, чем раньше. Отступничество Тео Белла, долгое время бывшего своего рода кумиром сторонников Камарильи, серьезно подмочило репутацию юстициария, подчиненным которого он был. Но Пашек все же сохранял свою должность, и его голос слышали. «Значит, нам требуется враг, которого неонаты

смогут увидеть. Против которого смогут сражаться – или хотя бы сами верить, что сражаются».

Франсуа Вийон, князь Парижа, поднял бровь: «И кого вы предлагаете?»

«Ассамитов».

Ропот, который прокатился по комнате, улегся только через несколько минут, и только благодаря окрикам со стороны всех присутствующих юстициариев. Когда он наконец улегся, голос князя МакТирнена из Индианаполиса озвучил то, о чем думало большинство в комнате.

«Да вы с ума сошли! Теперь, еще более чем раньше, мы не можем позволить себе оттолкнуть наших новых союзников. Нам *нужны* Ассамиты и все, что они способны предоставить, в бою, в шпионаже, а теперь, когда Тремер отсутствуют, и по части магии крови. Ты хочешь отбросить один из наших величайших активов».

«Я не хочу ничего подобного. – Пашек огляделся, и его немигающий взгляд был достаточно тверд и пронзителен, чтобы даже старейшины отводили глаза. – Мое предложение, если угодно, еще сильнее притянет к нам Ассамитов.

Мы обвиним в увядании чародеев крови из числа тех, кто верен Аламуту. Это было и нападением на суверенитет Камарильи, и кара, направленная против тех их соклановцев, кому хватило просвещенности присоединиться к нам. Это не только предоставит нашим массам врага, с которым можно бороться, это побудит тех Ассамитов, кто хочет продемонстрировать свою верность нам, охотиться за своими братьями. Они, несомненно, будут ждать, что подозрение падет и на них, и будут стремиться сделать все возможно, чтобы отвести его».

«А если кто-то из наших людей обнаружит, что и Ассамиты стали жертвой увядания, - спросил князь Вийон. – Что тогда?»

«Ну знаете, Вийон, - прервал Вурхис. – Ассамиты Камарильи вряд ли станут распространяться об этом, даже если узнают: они будут слишком озабочены тем, что им не станут верить, что это покажется попыткой обманом защитить соклановцев. А кто еще может иметь возможность наблюдать Ассамита – лоялиста или говорить с ним достаточно долго, чтобы открыть что-то подобное?»

По комнате снова прокатилась волна бормотания, но теперь она была тише и не столь сердитой. Многие из присутствующих явно, по крайней мере, задумались о плюсах плана юстициария.

«У нас есть предложение, - объявила мадам Гил, вновь останавливая обсуждение. – Будет ли оно поддержано вторым членом?»

Князь Вурхис вновь поднялся на ноги и кивнул: «Оно кажется разумным. Оно дает нам не только решение сиюминутной проблемы, но и время, чтобы выследить подлинный источник увядания, будь это Тремер или нечто иное. Я поддерживаю как второй».

«Тогда, поскольку в таком вопросе даже Внутренний Круг или юстициарии не должны принимать решение сами, давайте проголосуем. Все, кто за, поднимите…»

Юстициарий клана Тореадор смолкла в замешательстве: по комнате пронесся порыв теплого ветра. Она ощутила его кожей – как, очевидно, и остальные, ибо все они начали оглядываться, возможно, в поисках открытого окна, хотя в подвале такого быть не могло, - но ветер не встревожил ни ее волос, ни ее одежды.

Вместо того, чтобы стихнуть, как и положено случайному порыву, ветер начал нарастать. Он нес в себе запах крови и, что странно, сухой вкус песка.

Гил настороженно огляделась вокруг, призывая способности ощущения и наблюдения, по сравнению с которыми даже те, которыми владел, скажем, Беккет, казались бы слепотой.

Она увидела источник пустынного ветра.

Оглушительный вопль мадам Гиль, жалкий вой ребенка четырех сотен лет от роду, эхом отдался во всем помещении и, словно острые иглы, вонзился в уши всех, кто был рядом. Юстициарий рухнула на колени, зажимая руками лицо, неожиданно покрывшееся кровью. Почти одновременно все собравшиеся вскочили на ноги; в их глазах и на их лицах были заметны замешательство и нарастающий страх.

Запах крови стал еще гуще, ветер взревел еще громче, и Ярослав Пашек оказался убит первым. Он просто моргнул, словно смущенный внезапной мыслью, и рассыпался в прах, мгновенно лишенный крови, души и всего, что его составляло. В общем хаосе это несколько секунд оставалось никем не замечено.

Гибель князя Вурхиса из Амстердама, который поддержал инициативу Пашека, и князя Вийона, который уже начал поднимать руку в поддержку, когда Гиль призвала голосовать, привлекла несколько больше внимания. Оба сидели почти в центре комнаты, расположившись по обе стороны князя Кляйста из Берлина. Половина всех глаз в комнате оказалась прикована к Кляйсту, когда его внезапно осыпал пепел с обеих сторон: Вурхис и Вийон умерли и истлели там, где и стояли.

И этим все и закончилось. Ветер стих и пропал, запах крови истаял за обычными городскими запахами выхлопных газов и смертного пота, сочащимися сверху. В центре комнаты свернулась клубочком мадам Гил, продолжая кричать; голос ее быстро стал хриплым. Кровь, не останавливаясь, текла сквозь веки, закрывшие разбитые бесполезные глаза.

Хотя все инстинкты требовали бежать, каждый вампир в комнате, казалось, прирос к месту. Хотя Зверь требовал бегства, сознание каждого попросту не могло обработать случившееся. Шли минуты, и вопли Гил медленно утихли до неразборчивого хрипа. Наконец, с руками, трясущимися от первого за много веков неприкрытого проявления страха, Анна, королева Лондона, шагнула вперед.

«Кто за? - спросила она, и ее голос дрожал. Никто не отозвался. – Кто против?»

Каждая ладонь в комнате взметнулась вверх, словно пытаясь оторваться от своей руки.

«Инициатива отклонена. Собрание переносится».

Анна оказалась за дверью первой.

Заходя на посадку в международном аэропорту Даллас / Форт Уорт

Даллас, Техас

«Ну ладно, - сказал Беккет, опираясь локтями на столик кафе размером с большой поднос. – Теперь я знаю, что я спятил».

«И почему же?» – спросил его Анатоль, равнодушно наливая из сливочника полную кружку крови.

«Потому что сейчас середина ночи. Раз сейчас середина ночи, я не могу спать. Раз я не сплю, значит, это галлюцинация. Ergo, я безумен».

Анатоль вздохнул. «Либо так, либо я действительно тебе явился, и мы говорим».

Беккет огляделся. Столик, за которым они сидели, был тем же, что и в первый визит Анатоля. Вместо парижской улицы, однако, он был окружен полной темнотой. Странные жующие звуки, которые Беккет услышал в первый раз, все еще звучали где-то вдали, словно уходили прочь.

«Если так, у тебя точно странный вкус в смысле выбора места».

«Это доказывает, что сумасшедший здесь я, а не ты. Значит, это и правда должен быть я, так?»

Голова Беккета заболела даже попытки следовать этой логике, так что он просто кивнул.

«Часы тикают, Беккет, - продолжал Анатоль. – Песок сыпется, ты на последнем круге, двухминутное предупреждение уже прозвучало, шестая печать трескается. У тебя немного времени».

«Хочешь – верь, хочешь – нет, но я в курсе. – Беккет покачал головой. – Я не знаю, что делать, Анатоль. Я не смог найти ответы, которые ищу, за три прошедших столетия. Какая у меня причина думать, что я смогу сделать это за месяцы, или за недели?»

«Не больше и не меньше, чем тот факт, что ты обязан. Необходимость – лучшая мотивация. Поверь мне, я знаю».

«Что самое паскудное, - объяснил Беккет, и в голосе его неожиданно проступила усталость, - у меня есть нить. Возможно, лучшая из всех, что когда-нибудь были. Но я не знаю, как по ней пройти! Я знаю, кого мне надо найти, но я понятия не имею, где она!»

«Свят-свят, о да, это должно раздражать. – Анатоль помешал свой напиток. – Просто ужасно, что ты не знаешь ни одного школяра, ноддиста и хранителя знаний, который собирал эти знания со Средних Веков и хранит всю эту информацию в большой личной библиотеке».

Челюсть Беккета отвисла. «Нет. Ни за что. Ты не можешь верить, что мне хватит безумия туда сунуться».

«Эй, - отозвался Анатоль, пожимая плечами, - это же твоя галлюцинация, не забыл? Ты явно уже достаточно спятил». Он улыбнулся, обнажив идеально белые зубы безо всяких следов крови, которую он потягивал.

Беккет поморгал и в некотором замешательстве оглядел кабину. Капаней внимательно глядел на него с заметным беспокойством на лице. «Беккет, с тобой все хорошо?»

«Я… - Беккет потряс головой. – Я в порядке, думаю. Что случилось?»

«Я не уверен. Я сначала думал, что ты погружен в мысли, но ты уже несколько минут не шевелишься. Я начал бояться, не впал ли ты каким-то образом в торпор».

«Странно». Беккет немного посомневался, не стоит ли рассказать спутнику про свое видение, или сон, или галлюцинацию, или чем там оно было, но решил, что не стоит. Нет причин вводить старейшину в панику, сообщая ему, что он путешествует с помешанным.

«Люсита все еще впереди?» - спросил он.

«В самом деле. Твой гуль уведомил нас, что мы сядем в считанные минуты».

«Мы не задержимся. Высадим Люситу, и все. Думаю, я знаю, куда нам надо дальше».

Международный аэропорт Даллас / Форт Уорт

Даллас, Техас

Тео Белл спокойно шагал по открытому газону между оградой и этой отдаленной полосой. Находиться здесь ему не полагалось, но он всегда придерживался того мнения, что на систему безопасности, которая не может помешать ему войти, и обращать внимание не стоит. Кроме того, у него были дела.

Звонок Люситы был коротким. Она не сказала ему, как прошли дела в Лос-Анджелесе, или какой следующий шаг она предлагала. Он знал только о том, что она прибывает на частном самолете и будет очень признательна, если он ее здесь встретит.

В такой поздний час даже для такого большого аэропорта, как DFW, использование этих удаленных полос было делом необычным. Особенно если самолет был частным, а не лайнером. Очевидно, либо Люсита, либо те, кто там с ней был, организовали себе своего рода «вип-обслуживание». Белл вяло задумался, во что это вип-обслуживание обошлось, если считать в долларах.

Когда он подошел ближе к полосе, его глаза сузились. Он уже видел вдалеке мигающие огни нужного самолета – по крайней мере, он предполагал, что ждет именно его, и самолет, казалось, летел прямо в его направлении. Что его озаботило, так это три личности, прячущиеся рядом с ангаром. Белл был уверен, что это не обслуга аэропорта – разве что DFW начал в качестве униформы выдавать сотрудникам шинели.

Он покачал головой. Шинели. Ну да, уж они-то не привлекут ненужного внимания. Расслабленно положив SPAS-15 на плечо, Белл двинулся к затаившейся тройке.

«Я ужасно извиняюсь, - сказал он, подойдя, - но я полагаю, вы хотите найти багажный транспортер С. Это через терминал, в том направлении».

Все трое резко развернулись к нему; руки скользнули под одежду за оружием, которое они наверняка полагали надежно спрятанным. Белл его уже пересчитал и опознал.

«У тебя есть один шанс свалить, - рявкнул один из них на Белла голосом, который, как он предполагал, должен был звучать грубо. – Мы здесь не за тобой».

«Тем лучше для вас. – Белл покосился налево. Самолет в любую секунду коснется земли, а до конца полосы доберется через минуту или две. – Но, раз вы здесь, вероятно, за теми же людьми, что и я, это дела не решает. Так что у меня к вам то же предложение. У *вас* есть один шанс. Уебывайте, пока не начались проблемы».

Тот из троих, кто говорил, принял злобный вид: «Ну ладно, говнюк, ты сам...»

Даже не поднимая его с плеча, Белл нажал на курок дробовика и слегка поморщился, когда выстрел раздался над самым его ухом. Он услышал позади громкий хлюпающий звук, а затем – громкий стук от падения чего-то мягкого. Три пары глядящих на него глаз внезапно стали очень большими.

«Вы что, *правда* думали, я его не слышу? – спросил Белл. – Да этот уебок топал, как чертов носорог».

Сидевшая в засаде троица немедленно повыхватывала пистолеты и начала стрелять. Не то чтобы это имело большое значение: там, куда они целились, Белла все равно не было.

Когда все закончилось, Белл был серьезно разочарован тем, сколько времени на это ушло. Он ослабел далеко не так сильно, как Люсита, учитывая, что был намного моложе, но его периоды силы становились все реже, а периоды слабости – все дольше. Он был не таким быстрым, как должен был, и не таким сильным. Он все еще мог более чем достаточно, чтобы вынести троих неопытных уебанов вроде этих, но на это не должно было уйти полных две минуты. К тому времени, как он поднял глаза от валяющихся вокруг и медленно тлеющих трупов, самолет успел не только сесть, но и снова взлететь.

«Хм» - удивился он.

«Хорошо сработано, Белл».

«Господи! – Белл резко обернулся, выставляя дробовик, но из тени позади него выскользнула Люсита. – Бля, Люсита, *не надо* так делать».

«Извини, - ответила она голосом, в котором не было ни капли искренности. – Я тебя напугала?»

«Напугала? Да если бы у меня кишки работали, я бы уже все штаны обосрал!»

«Ах, как образно».

Когда оба неторопливо зашагали обратно к границе территории аэропорта, Белл показал стволом дробовика на тех, кого убил: «Эти придурки едва могли отличить один конец пушки от другого. Это никак не отряд киллеров Камарильи. Дай угадаю: твои переговоры с Кросс прошли не очень успешно, так?».

Пока они шли, она рассказала ему обо всем, произошедшем во время ее поездки в ЛА. Белл внимательно выслушал, прервав ее только раз, посреди рассказа о бегстве из дома Кросс.

«А как ты узнала, что этот товарищ, этот, Капаен...»

«Капаней» - поправила она.

«Пофиг. Как ты узнала, что этот самый Капаней сказал тебе правду. Ты только с его слов знала, что он подслушал, как Кросс решила вас всех закоптить. С чего ты

решила, что он не пытается просто заставить нас проебать переговоры, ради его собственных целей».

Люсита нахмурилась, наморщила лоб. «Нет, - наконец сказала она задумчиво, - я так не думаю. Учитывая, как враждебна Кросс была к Беккету, я бы сочла еще более подозрительным, если бы она *не* попыталась что-нибудь выкинуть».

Но Люсита все еще оставалась озабочена. Не той мыслью, что Белл был прав, но тем обстоятельством, что она даже не посчитала это возможным. Она просто поверила словам странного старейшины, инстинктивно, а Люсита прожила слишком долго, чтобы кому-то доверять без очень хорошей причины.

Ну ладно, что сделано, то сделано, какова бы причина ни была. Были и более крупные поводы беспокоиться. Она закончила свои размышления как раз к тому времени, как они с Беллом дошли до линии ограды аэропорта.

«Геенна, да? – Белл согнулся, чтобы помочь ослабевшей Ласомбра перепрыгнуть через ограду, потом отошел и с разбегу перемахнул сам, пролетев над колючей проволокой. Он приземлился с глухим ударом, сила которого отшибла бы дыхание любому существу, которому таковое еще требовалось. – Беккет насчет этого уверен?»

«Уверен. И даже не говори, что сам об этом не думал, учитывая, сколько месяцев мы уже все это обсуждаем».

«Люсита, - ответил он, когда они продолжили прогулку, на сей раз – в направлении фургона, припрятанного немного подальше, - с самого Обращения меня воспитывали на том, что Геенна – это миф, куча сраной мистики, которую наложили старейшины, чтобы оправдать свое положение и свои извращения. – Он покачал головой. – Я буду дураком, если стану отрицать то, что вижу, но принять это нелегко».

«Хорошо. Потому что мы не будем этого принимать».

Белл остановился и развернулся: «Извини, скажи это снова, в мое *здоровое* ухо».

«Беккет уже сдался. Он не верит, что это можно остановить. А мы собираемся».

«А-а. И как мы это сделаем?»

Люсита улыбнулась. «Беккет упомянул Салюбри по имени Райциэль

, дитя Саулота и древнюю собирательницу мудрости, которая недавно пробудилась. Он не знал, как ее найти».

«А ты знаешь?»

«Не лично. Но у меня были дела с той новой линией Салюбри, которая теперь входит в Шабаш, и довольно многие из них очень стремятся найти все, что связывает их с их умершим патриархом, все связи до последней. Если кто-то знает, где искать эту Райциэль, то один из них точно знает. И этого ресурса у Беккета нет.

Мы найдем Райциэль раньше, чем он, Белл. И мы добьемся, чтобы она помогла нам найти способ все это остановить».

«А если Беккет станет на пути?»

Люсита пожала плечами: «Я питаю надежды на то, что он, увидев, чего мы добились, осознает свои ошибки и решит помогать. Если нет – ну, один раз ты уже его почти убил».

Белл не был рад *такой* перспективе, но кивнул.

Убежище Дженны Кросс в Долине Сан-Фернандо

Лос-Анджелес, Калифорния

«Нет, это *ты* не понимаешь. - Дженна Кросс практически рычала в телефон; человек с той стороны трубки уже давно исчерпал чашу ее терпения. – Мне *плевать*, чего это стоит. Мне *плевать*, как это трудно. Мне *плевать*, на что тебе для этого придется пойти. Где-то в этой клятой системе есть план полета и пункт назначения самолета Беккета, и я, нахуй, не хочу снова слышать тебя, пока ты его не получишь!» Она яростно ткнула пальцем в кнопку разъединения, жалея, что говорит не по обычному телефону – бросать трубку намного приятнее, чем просто жать на клавишу.

«Все еще не знаешь, куда он направился?» - спросил Смеющийся Джек из дверей маленькой студии. Его пальцы и колени были грязны от земли из горшков, ботинки перемазаны травой, а из угла рта свисала незажженная сигарета, про которую он, похоже, просто забыл.

Кросс помрачнела. «Я думала, будет легко, когда Сэмюель прислал мне бортовые номера частного самолета Беккета».

«Точно. Я слышал про ту поебень в DFW».

«Не моя вина. У меня не было времени прислать туда своих. Пришлось положиться на кое-кого из местных, кто хотел мне удружить. - Ее голос немного дрогнул. Несмотря на ее собственные желания и страхи, ее люди действительно начали видеть в ней своего рода спасительницу всех худокровок мира. Это пугало ее почти так же сильно, как мысль о том, что старейшины обернутся против нее как против знамения наступающей Геенны. – Они были не то чтобы самыми компетентными ребятами из всех, с кем я работала».

«И что теперь? Ты будешь рыть, пока не найдешь, в каком пункте назначения сможешь его нагнать, и будешь продолжать слать на него людей, пока не угробишь?»

«Типа того».

«Дженна… - Джек вытащил из кармана старую, почти пустую одноразовую зажигалку, зажег сигарету (подальше от лица) и глубоко затянулся, пока она горела. – Это не вариант».

«О, Боже, не надо опять, дядя Джек».

«Нет уж, черт, послушай! – Старый анарх резко вошел в комнату и встал с ней почти лицом к лицу. Крохотная искра Алого Ужаса мелькнула в ее душе, и ей пришлось отстраниться от зажженной сигареты. – Ты особенная. У тебя отметина…»

«…которую на меня поставил ты» - напомнила она ему.

«Неважно. Она есть. Ты была гулем и стала вампиром без Обращения. Таких, как ты, с начала всей этой хрени было, ну, может, с дюжину, так?».

«Это тех, о ком мы слышали».

«Худокровки по всему миру смотрят на тебя и ждут, что ты проведешь их сквозь то, что ждет впереди, Дженна. Черт, даже некоторые реальные лицензионные вампиры начинают говорить, что, может, твой вариант лучше, чем у разваливающегося Шабаша или нацистов Камарильи. Тебя ждут впереди важные дела, большие дела. И ни одно из этих дел тебя не дождется, если Беккету надоест писать кипятком, и он тебя убьет».

«Беккет, - сообщила она ему, - будет мертв задолго до того, как начнет писать кипятком».

«Окей. И что? Сколько своих людей ты на это пожертвуешь? Как *это* будет выглядеть в глазах остальных? И как насчет *следующего* старейшины, который свяжет тебя с Последней Дочерью? Ты используешь свою отметину как инструмент вербовки, но это значит, что идут слухи. У остальных не может быть репутации Беккета, но, если достаточно многие начнут об этом орать, то им поверят».

Дженна хотела закричать на него, хотела сказать Джеку, что ей *не хотелось* становиться главой какого-то там великого движения худокровок, и, если ее люди станут ее меньше уважать из-за того, что слишком многие погибли, убивая Беккета, то она возражать не станет. Но она не могла. Она видела, как они на нее смотрят, видела надежду на их лицах, когда говорила о великих планах и обещаниях, которые, как она знала, она вряд ли сможет претворить в жизнь. Она не хотела этой чертовой работы – но еще меньше хотела увидеть, что будет, если она от нее откажется.

И она знала, что Джек не понимает – и не сможет понять – ее страха. Она знала, что старейшины – не отдельные, то тут, то там, а все те, кто действительно имел вес, - со временем опознают в ней Последнюю Дочь. Она знала и то, что, чем хуже будут идти дела, тем больше старейшин начнут снова верить в старые легенды и приход Геенны. И, когда это случится, они придут за ней, это будет только вопросом времени. Она не настолько уж боялась окончательно умереть; что наполняло ее настоящим ужасом, так это мысль о том, что Камарилья или Шабаш могут захватить ее и начать ставить над ней все опыты и эксперименты, какие у них могут быть для нее припасены. И, хотя Беккет был не единственным, кто мог проследовать по всем этим нитям и сплести из них сеть вокруг нее, определенно имел больше всего шансов это сделать. Она знала это, потому что ей это сказал Сэмюель.

Будь дело только в ней, она уже давно скрылась бы, сбежала бы так далеко от Лос-Анджелеса и Камарильи, как только можно. Но дело было не только в ней. Она не знала, как так получилось, но за последние месяцы на нее стало надеяться и полагаться очень много людей. Она бесилась на них за это, иногда даже ненавидела их – но не собиралась их кидать.

Но она не могла объяснить все это Джеку. Он бы не понял, как бы ни пытался. Джек всегда сражался с «Организацией» ради самого себя, не ради тех, кто сражался с ним в одном строю. И он бы *точно* не понял ее страха, потому что сам его испытывал редко. Но его забота была в своем роде искренней, поэтому, поднимаясь на ноги, она выдавила улыбку. «Я подумаю, дядя Джек. Обещаю. Но прямо сейчас, как ты верно заметил, мне надо заботиться о людях. Если в мое отсутствие кто-то позвонит с инфой на Беккета, пускай ее примет Джейкоб. Я потом решу, что с ней делать».

Джек сохранял на лице улыбку, пока она не ушла из комнаты, и еще полных две минуты. Потом он затушил сигарету о маленькое растение в горшке на ее столе и сказал: «Можешь выходить».

Бородатая фигура шагнула из теней. «Мне все было интересно, знаешь ли ты, что я здесь».

«С тех пор, как ко мне приходил Каин, я вижу много острее, Сэмюель».

«Точно. Твое легендарное пришествие».

Джек пожал плечами. «Большинство не верит, не вижу, с чего бы верить тебе. – Он несколько секунд помолчал. – Хотя, может, я и не так хорошо вижу, как я думал. – Он покосился на Сэмюеля. – Это ведь все ты, так?»

«Что – все я?»

«Вся эта хрень с Беккетом. Это ведь ты давал ей советы в последние несколько месяцев, ты со своими «связями» в Камарилье и среди старейшин. Никто другой не мог бы забить ей этим голову».

Сэмюель пожал плечами. «Страх уже был, Джек, и ждал, чтобы им воспользовались. Ты не представляешь, как девочка напрягается. Я просто дал ему направление, подтолкнул».

«Что бы ты там против него не имел – ты что, боишься убить Беккета сам? Зачем тебе для этого мучить Дженну?»

«Все сложнее, Джек. Я бы объяснил, если бы у меня было время. Или если бы оно было у тебя».

«А, ну да. Но я теперь слишком опасен, потому что я пытаюсь отговорить ее от этой придурочной вендетты. – Смеющийся Джек на шаг отступил от стола, и в его глазах начали тлеть угли. – Думаешь, можешь со мной управиться, Сэмюель? Я встречал *много* народу посильнее тебя, но вот он я здесь».

«О, я в курсе. Ты – легенда среди анархов. Может, я тебя и сделаю, может, нет. Но это точно будет достаточно долго, громко и шумно, чтобы собрать в эту комнату худокровок со всего квартала. Но… насколько ты предан Дженне и ее делу, Джек?»

«А? Какого черта ты…»

«Я оставил сообщение у кое-каких своих знакомых в Камарилье. И указание передать его лично Хардештадту».

Джек почувствовал, как все у него внутри начало падать. «И что за сообщение?»

«Сообщение, которое содержит все, что я знаю о Кросс и худокровках. Имена. Привычки. Места. Силы. Слабости. Имена смертных друзей и семей. Схемы патрулей. Убежища на случай чрезвычайных ситуаций. Работы».

Старый анарх почувствовал себя, словно его охватило пламя. Зверь взревел в его голове так громко, что он был уверен: Сэмюель его тоже слышит. Только величайшим усилием воли в своей жизни он сумел его подавить.

«Я думал, ты хочешь нам помочь…»

Сэмюель пожал плечами. «И дальше хочу. Что, думаешь, сделает Камарилья с такой информацией? Они могут знать общие вещи, но они не знают, где Дженна спит днем, или куда она, скорее всего, пойдет, если *там* станет опасно. Они не знают точной стратегии, по которой худокровки рассылают патрули, добывают информацию и все такое. Даже если ты меня убьешь и предупредишь Дженну, у нее не будет

времени изменить достаточно много. Хардештадт будет знать, кого бить, когда и как. Он сможет снимать ваши патрули, вылавливать людей Дженны одного за другим. Они даже могут суметь атаковать это самое место, несмотря на количество худокровок в этих домах.

Все это случится через… - Сэмюель глянул на часы, - три часа. Если я не доберусь до Риверсайда вовремя и не заберу посылку раньше, чем ее получит Хардештадт».

Плечи Джека поникли. «Откуда я знаю, что ты все равно ее не доставишь?»

«Джек, как ты сам заметил, я пока что помогал Кросс. И она все еще очень важна для моих планов насчет Беккета, хотя, если надо, я могу обойтись и без нее. У меня *нет причин* разрушать то, что она здесь делает – если меня к этому не вынудишь ты».

Смеющийся Джек, вожак анархов, ставший пророком Геенны, подошел ближе и встал практически нос к носу с Сэмюелем. Чужак не шелохнулся. «Что бы там за планы у тебя ни были на Беккета, - поведал ему Джек, - я надеюсь, он выебет тебя во все дыры».

«Буду иметь в виду».

Джек отвернулся. Звук длинного ножа, покидавшего ножны, был последним, что он услышал.

Часть Третья: Колдовской час *(время перед рассветом)*

Прислушайтесь к словам собирателя мудрости,

для которого знание – это проклятие,

И древние ужасы – лишь сны о грядущем.

С ними придет предупреждение.

С ними придет мудрость.

С ними придет побоище.

- Эрджиясские фрагменты, «Пророчества»

Замок Сфорческо

Милан, Италия

Те, кто его знали, не могли поверить, что это был тот же самый Джангалеаццо. Тот Джангалеаццо, который присутствовал на Торнском Конвенте, участвовал в Мятеже Анархов, поднялся на выдающиеся позиции в Шабаше и безжалостно истребил собственных людей, передавая Милан Камарилье, - то было существо сильное в своих убеждениях, могучее волей.

Тот Джангалеаццо, который теперь бесцельно бродил по залам Сфорца, разглядывая образы и реликвии ушедших ночей и желающий вновь в них вернуться, был чем-то совершенно другим. Он передал еженощное управление Миланом своим примогенам, велев обращаться к нему лишь по вопросам наивысшей важности. Когда он не бродил среди прошлого, как сегодня, то в основном проводил время взаперти в одном из своих многочисленных убежищ, двери и окна которого были заперты и мистически запечатаны тем скудным количеством материализованной тьмы, что он еще был способен призвать.

Что было еще хуже, князь Милана бормотал, разговаривая сам с собой. На самом деле он даже не особенно это замечал этой своей новой привычки, которой он с равной частотой предавался в одиночестве и в присутствии других. Те немногие, кому доводилось его услышать, были шокированы, услышав, как он говорит то о собственной смерти, то о смерти тех, кого он знал, то о своей смертной жизни. Никто, однако, не знал, что Джангалеаццо уже много недель не проспал ни одного дня целиком, что каждый раз он пробуждался в дневное время после реалистичного вида снов – либо о своем сире, либо о своих смертных родителях.

Он был слаб, намного слабее, чем если бы его тяготило одно лишь увядание. Его сила и умение обращаться с тенями ослабели уже много месяцев назад, но недавно добавившиеся недостаток сна и постоянный страх оставили от него лишь бледное отражение того, чем он все же мог бы оставаться. Ему не хватило сил посетить недавний конклав в Лилле, хотя приглашение было настолько близко к приказу, насколько это было возможно, когда адресатом был могущественный князь. Его это не заботило.

Джангалеаццо брел по комнате со скульптурами, где несколько месяцев назад состоялась его беседа с архонтом Беллом – которого теперь вердикт юстициариев и Внутреннего Круга объявил предателем, преследуемым по всему миру. Уже тогда он

знал, что грядет, знал, что для Сородичей и для всего мира настала Геенна, но никто не слышал его предупреждений. Даже сейчас, хотя события уже стали ужасающими, Камарилья отказывалась признавать истину, открыто лежащую перед ними, и дошла до того, что карала всех, кто осмеливался на нее намекать. Джангалеаццо воздержался от того, чтобы приползти обратно в Шабаш – не только из остатков гордости и почти несомненной уверенности в том, что они убьют его за предательство. Его удержало знание о том, что Меч Каина рушится изнутри. Он слышал об истреблении старейшин секты, знал, что она теперь представляла собой немногим более чем хищное скопище перепуганных и кровожадных неонатов. Если бы только он стал действовать раньше! Возможно, он сумел бы что-то сделать, не позволить всему этому произойти, возможно, не проводил бы сейчас свои последние ночи, как беспомощный старый…

Огни Милана, льющиеся в окно ниже по коридору, внезапно исчезли, словно кто-то просто отключил свет во всем городе. Нет, еще хуже: бесследно погас и свет от луны и звезд. Замок Сфорца был окружен самой густой тьмой, какую только видел Джангалеаццо за все время своего долгого знакомства с Бездной. В окна донеслись вопли объятых ужасом смертных, захваченных тьмой. Они были заглушенными, удаленными, на их пути стояла тьма, которая была не просто отсутствием света, но физической преградой. Даже стон мнущегося металла и звон стекла, когда неожиданно ослепленные водители въезжали в стены, деревья и друг друга, были не такими резкими, как должны были быть.

А потом он услышал голос. В отличие от всех остальных, он был на самом деле близко. Казалось, он идет сразу из-за его плеча. Он почти ощутил на ухе жаркое дыхание говорящего.

«Джангалеаццо…»

Не его ли сира это был голос? Или его смертного отца? Он внезапно не смог вспомнить, не смог ощутить разницу. Он резко обернулся, но там, как и перед ним, не было ничего, кроме тени.

Она начала говорить, быстро, но не останавливаясь. Слова были дикой бессмыслицей. Даже те, что происходили из языков, что Джангалеаццо знал, казались набранными случайно. То, что он слышал, было ропотом безумия – нет, еще хуже, извращенным бормотанием существа, для которого сама речь была совершенно чуждым понятием.

Давление слов нарастало, они пульсировали в разуме Джангалеаццо, отпечатывались напрямую в его мыслях. Эхо сказанного сплавлялось с тем, что было сказано далее, пока речь не стала потоком звуков, в котором он больше не мог вычленять отдельные слова или даже слоги. Она шла со всех сторон – сзади, потом слева, как будто говорящий шел вокруг него. Сущность теперь окружила его со всех сторон, и она продолжала бормотать голосом его отцов.

И Джангалеаццо знал, чем была эта тень. Он зажмурил глаза, не замечая, что из ушей и носа текут струйки крови. Он пал перед тенью ниц, рухнул на колени, прижимаясь к полу лбом и ладонями.

Тень взбурлила, всколыхнулась – и Джангалеаццо закричал.

Все его тело свел спазм, и его конечности задергались во все стороны, когда его подняли в воздух ставшие осязаемыми тени, вторгшиеся в его тело сквозь уши, рот, глаза, анус, даже сквозь поры кожи. Они текли, словно вязкая жидкость, заполняя Джангалеаццо изнутри. Из тех же самых отверстий наружу ударили фонтанчики

крови, вытесненной давлением прибывающей тьмы. Джангалеаццо бился, его мышцы сокращались сами по себе, независимо друг от друга, пока не оторвались от костей и связок или не согнули конечности под углами, ломающими суставы.

Краткое мгновение Джангалеаццо кричал – а потом тень дотянулась до его мозга, и он перестал находить голос. Его челюсть открывалась, но не доносилось никакого звука, кроме тихого булькания крови, все большим потоком текущей из горла.

Тьма скользнула в его голову – и дальше, сквозь его мысли, его воспоминания. Где тьма проходила, там оставалась тьма. В считанные мгновения то, что было Джангалеаццо, исчезло, зачерненное чужим, чуждым присутствием. Все, чем он был, теперь было в *нем*.

Оно узнало – до той степени, до которой оно могло узнать мир, как он постигается чувствами человека или Сородича, - все, что знал Джангалеаццо. Оно завладело половиной тысячелетия нового опыта. И крохотной крупицей информации, погребенной в этой лавине знания, крупицей, которую сам Джангалеаццо узнал лишь очень недавно и почти забыл за ее относительной неважностью. В конце концов, когда его сила ускользала, а в мир пришла Геенна, какое ему было дело до новости о том, что Хардештадт из Внутреннего Круга ищет одного - единственного беглеца.

Но для тьмы, для сущности из Бездны, эта новость не была неважной. Ибо имя отозвалось эхом во всем существе этой сущности, эхом, которое совпадало с тем, что оставалось на месте разрушительного ритуала. У сущности уже был след, хотя она еще не последовала по нему напрямую. Теперь у нее было имя.

Что было еще лучше, с именем последовало еще одно знание, знание о том, кто часто сопровождал беглеца, о том – точнее, о той, - кого сущность давно считала потерянной.

Сущность продолжала бормотать и шептать, хотя Джангалеаццо больше не мог ее слышать. И в ее бормотании, в потоке звуков стали слышны два новых слова.

«Беккет…»

«Люсита…»

Вскрикнув в последний раз, Джангалеаццо оказался разорван изнутри. Обрывки плоти и тканей полетели на пол, но исчезли, не долетев, полностью поглощенные тьмой. С последним воплем бесконечного отчаяния, душа великого князя Ласомбра последовала за ними.

Тьма двинулась через Милан, направляясь на восток.

Скрытая библиотека

Мишкольц, Венгрия

«Как насчет этой? – спросил Капаней, взвешивая большой том и сдувая со страниц пыль. – Этот фрагмент довольно бессвязен, но в нем говорится о путешествии по Южной Америке, и автор упоминает «этого жулика – ноддиста» по многим поводам».

Беккет отложил собственную книгу, чтобы пролистать эту, глянул на страницы. Минутой позже он покачал головой. Нет, я слышал об этой встрече от другого участника. Здесь говорится об Аристотеле де Лоране, моем бывшем спутнике. Не о Райциэль».

«А». Капаней вернулся к поискам.

Беккет сердито огляделся. Пещера была освещена множеством свечей в люстре над их головами, свечей, которые зажглись сами по себе, когда двое вампиров вошли в помещение. Он стоял рядом с Капанеем и глядел на многочисленные шкафы для книг, два стола и несколько стульев, которые размещались в гулкой известняковой пещере. При нормальных условиях подобное место было бы худшим в мире для размещения книг и бумаг, но ни капающей со стен воды, ни запаха плесени не было – хотя их можно было ожидать. Нечто неестественное не позволяло влажности просачиваться сюда из остальной части комплекса, делая этот маленький закуток пещеры совершенно безопасным даже для самых чувствительных древних бумаг.

Когда глаза Беккета остановились на мебели, он передернулся от отвращения – далеко не в первый раз. Книжные шкафы, столы, стулья, люстры – все это было со скрупулезной тщательностью сработано из плоти и костей живых и неживых существ. В принципе, было даже возможно (хотя он не хотел об этом думать), что некоторые из них были все еще в своем роде живы, запертые в вечной муке. Они с Капанеем уговорились не пользоваться мебелью сразу, как обнаружили ее ужасающую природу, и Беккета разрывали противоборствующие желания: жажда сохранить накопленное здесь знание для возможного будущего соперничала с потребностью сжечь все это место сразу, как они закончат, уничтожить эти извращенные существа и, возможно, избавить их от страданий.

К сожалению, начало казаться, что все это собранное знание может оказаться бесполезным. После нескольких ночей, проведенный в копании среди многочисленных и разнообразных книг (довольное точное воспроизведение того, что они делали в Фортшритте), они не нашли ничего хотя бы отдаленно полезного.

Неужели это и есть все, ради чего они пришли в Мишкольц? Если так, они впустую потратили очень много драгоценного времени, которого у них попросту не было. Они с Капанеем провели пять недель в Восточной Европе, начав в прибалтийских государствах, двинувшись на юг и используя все связи, что были у Беккета в этом регионе. У них ушло меньше месяца на то, чтобы выяснить: им нужен именно Мишкольц, именно здесь хранится главная библиотека их источника – и за все это время они не встретили и следа сопротивления.

«Их источника…» Какой аккуратный и простой термин для описания такого чудовищного и непредсказуемого существа, как Саша Викос.

Ноддист, собиратель сведений о Сородичах и, возможно, величайший монстр из всех, порожденных как Шабашем, так и кланом Цимисхи, Викос, пожалуй, было бы последней личностью среди Сородичей, смертных и иных существ, которую Беккет мог бы захотеть приплести к этому и без того запутанному делу. Оно (определения «он» или «она» более не были применимы к существу настолько искаженному физически, как Викос) было ненавистно Беккету уже сотни лет. Но еще он знал, что Викос, которое собирало многие тома мифов и истории вампиров дольше, чем Беккет ходил по земле, почти наверняка держало и досье на всех остальных, кто разделял его интересы. Хотя бы затем, чтобы оно могло грабить их и устранять соперников.

Слухи, которые дошли до Беккета за те недели, в которые он искал это место, предполагали, что клан Цимисхи в основном сгинул, пожранный изнутри более или менее так же, как мертвые Тремер, виденные им в Вене. Среди прочего, это видимым образом подтверждало шепоты, слышанные Беккетом за все эти годы: они утверждали, что Тремер использовали кровь Цимисхи для создания ритуала, который превратил Тремер из смертных магов в неживых чародеев крови. Что было более насущно, слухи предполагали: Викос мертво, окончательно и насовсем. Беккет

обнаружил, что ему трудно сдерживать ухмылку всякий раз при этой мысли, хотя он хотел бы видеть случившееся своими глазами.

И все же он был удивлен, обнаружив, что стражи хранилища Викоса, очевидно, отправились следом за хозяином. Он рассчитывал встретить хотя бы кого-то из искаженных, деформированных слуг, которые, как было известно, прислуживали Викосу. Черт, он бы не удивился, если бы нашел кого-нибудь из числа изначального ордена Обертус, – монашеского ордена, который Викос изначально и сделало ответственным за собирание всего этого эзотерического знания, - все еще живыми и работающими на их господина.

Они с Капанеем не встретили ничего подобного. Они обнаружили вход в библиотеку, спрятанный в большой усадьбе на краю города. Они нашли лестницу из подвала, которая вывела их в известняковые пещеры – почти наверняка продолжение знаменитого пещерного комплекса Барадла. В этом комплексе они нашли эти библиотечные комнаты, специально оборудованные и очень хорошо спрятанные. Но они не нашли и следа обитателей, будь то вампиров, гулей или кого-то еще. Беккет еще думал: значит, их поиски почти завершены.

Встряхнув головой, чтобы очистить ее от затянувшей мысли паутины, Беккет вытянул очередную книгу с очередной полки, пролистал ее – а потом, с раздраженным рыком, на всю длину запустил в нее когти и порвал пополам.

«Ничего!»

Капаней посмотрел, как обрывки бумаги ложатся на пол вокруг Беккета, словно большие снежинки, но комментировать не стал.

«Это чертова система этого богомерзкого ублюдка! – Беккет уже третий раз за три часа взъедался на спутника с теми же словами. – Древние книги, комментарии на древние книги, книги других людей, книги Викоса, комментарии Викоса на книги других людей…» Он встряхнул голову и смущенно позволил когтям снова втянуться в их мягкие ножны.

«Капаней, - сказал он несколько более спокойно, - мысль о том, что информации, которую мы ищем, здесь нет, на самом деле пугает меня не так сильно, как мысль, что она тут есть, а мы ее упустим. Викос мыслило по-человечески не в большей степени, чем было похоже на человека внешне, и оно точно было склонно к чертовски сильной паранойе. Если здесь *есть* сортировка, то не по дате, не по теме, не по чему-то еще, что бы я мог определить. Все эти книги, вся эта информация…» Беккет жестом обвел множество полок вокруг и проходы, которые вели еще как минимум в четыре пещеры такого же размера, тоже набитые материалами. «Все это – и никакого способа найти то, что мы ищем».

Старейшина согласно и понимающе кивнул – не было таких слов утешения и ободрения, которые уже не были бы им сказаны. С тяжелым вздохом Беккет вернулся к поискам, снимая с полок книгу за книгой и пролистывая их, поскольку других, более эффективных способов в его распоряжении не было.

Иногда бывает достаточно и чистой целеустремленности.

Он чуть не пропустил его. Его глаза пробежали текст, и, опознав в нем кусок пророчества, которое он уже читал раньше, он чуть не отложил книгу.

«Когда Отец будет уничтожен, и Одаренные погребены, и Племянники отгниют прочь, один Ангел выживет, храня последний Свет ее Истинного Клана. И, когда падет Тьма, и Чернота удушит Свет Ангела, то падет еще один Барьер, и Последние Ночи станут еще ближе».

Это было одно из пророчеств Саулота; патриарх клана Салюбри, ныне в основном исчезнувшего, был ими известен. Это конкретное пророчество было не из числа самых известных, но Беккету уже довелось видеть копию с копии таблички, на которой оно было записано.

Обратно к странице его глаза приковала пометка, которую кто-то (Беккет рассудил, что сам Викос) накарябал на полях.

«Согласно Миливое, Райциэль свидетельствует, что ее сира в этом конкретном фрагменте неверно цитируют. «Ангел», очевидно, есть неудачная интерпретация; исходное слово точнее переводится как «маленький бог». Должен исследовать вопрос дальше, когда позволят обстоятельства. Если верно, это может предполагать, что фрагмент относится не к уходу Каппадокийцев, как широко предполагается, а, возможно, к клану Равнос. «Маленький бог» - титул, более соответствующий их индуистскому происхождению, чем христианскому – Каппадокийцев, а клан последнее время вымирает».

«Капаней! – Беккет вскочил на ноги. – Иди сюда, погляди».

Еще через несколько часов поисков уже Капаней отрыл еще одну ссылку на этого «Миливое». Очевидно, Викос ссылалось на Миливое Добросавича, сербского Цимисхи, который бежал от бомбардировок НАТО в 1999 году и нашел временное убежище у Саши Викоса. Что он предложил в обмен, было неясно, но Беккет полагал, что информация должна была составить значительную часть платежа.

«Ну ладно, - задумчиво произнес Беккет, подумав еще некоторое время. – Этот Миливое утверждает, что говорил напрямую с Райциэль, или, по крайней мере, поддерживал с ней *какой-то* контакт. Ни за что не поверю, что Викос не выжало из него больше инфы на сей счет. Это ублюдочное создание точно восприняло бы Райциэль как потенциальный источник. Все, что нам теперь нужно сделать – найти эту информацию…»

«Это если допускать, - перебил Капаней, - что Викос ее записал».

«Не сыпь соль на раны, Капаней».

К сожалению, по крайней мере, в краткосрочной перспективе пессимизм старейшины оказался полностью оправданным. В ту ночь они больше не нашли ничего, и Беккет отошел ко сну, сгорая от нетерпения и раздражения. Он *знал*, что информация здесь, ее надо было только *найти*!

Следующая ночь обещала ничуть не больше, чем предыдущая. В первые полтора часа не нашлось никаких новых сведений о Миливое, а единственное упоминание Райциэли было лишь косвенным, применительно к дискуссии, случившейся в 1044 году. Беккет как раз открыл рот, чтобы (в очередной раз) спросить Капанея, не помнит ли он с тех пор чего-нибудь полезного, когда осознал, что происходит нечто очень неправильное.

Хотя стены были очень толстыми, сверхчуткий слух Беккета все еще мог различать звуки извне, из пещерного комплекса Барадлы: слабое капание воды,

которая неуклонно растила причудливые группы сталактитов и сталагмитов, создавшие пещере ее славу; писк и перебранки летучих мышей, улетающих на охоту и возвращающихся домой; шорох крысиных лапок. Все эти звуки даже для его ушей было чуть слышны, но все же присутствовали постоянно.

До того момента, как внезапно и полностью прекратились. Они не истаяли, не сошли на нет. Просто в одну секунду они были, а в следующую – отсутствовали.

Волосы Беккета встали дыбом. Он не слышал даже глухой стук, когда Капаней положил на стол свою книгу и огляделся в недоумении, осознав, что чего-то не хватает.

Беккет знал только одну вещь, способную вызвать подобное полное исчезновение звука; лишь один клан обладал подобной нетипичной способностью. Медленно, со всей доступной в этих обстоятельствах непринужденностью, борясь со всеми своими примитивными инстинктами, которые вопили: «беги», Беккет поднялся на ноги и обернулся к книжной полке, стоявшей за его спиной, словно собираясь поставить на место бывшую у него в руках книгу. Затем, неожиданно запустив руки между книжной полкой и стеной, он опрокинул ее через себя, обрушивая на пол десятки книг и тяжелую, сработанную из кости конструкцию.

Или почти на пол. Как он и ожидал, падение шкафа остановила фигура, невидимая даже для его обостренных чувств. Беккет даже не стал останавливаться и пытаться присмотреться к придавленной фигуре. Ассамит почти наверняка был невредим, но на то, чтобы высвободиться, ему потребуется секунда или две. Этого времени Беккету и Капанею вполне хватило, чтобы, спасая свои не-жизни, рвануться вверх по лестницам и в сам дом.

Беккет знал, что вряд ли сумеет обогнать Ассамитов на бегу, но, если он сумеет оторваться достаточно далеко, чтобы сменить облик на какой-нибудь другой, он сможет эффективно от них скрыться. К сожалению, оставался Капаней. Беккет не сомневался, что старейшина способен о себе позаботиться, но эти противники были серьезными.

«...Ассамиты, ради Каина!.. У Хардештадта, похоже, уже все предохранители повышибало...»

Они с Капанеем вынеслись из передней двери главного дома усадьбы и рванулись к дороге с такой скоростью, что за ними в воздух взлетали обрывки мокрой травы. Он как раз думал, куда деваться дальше, прикидывал, можно ли будет оторваться от преследователей на улицах Мишкольца, *не* превращаясь в летучую мышь или в туман (и, соответственно, не бросая Капанея), когда они вылетели из ворот участка…

И оказались лицом к лицу с полудюжиной молодых мужчин и женщин, имеющих при себе пистолеты и другое, еще менее дружелюбное на вид оружие. Судя по их одежде, снаряжению и общей манере держаться, это могли быть только очередные худокровки Кросс.

«...Ах, как чудесно. Более подходящего времени они бы при всем желании не нашли...»

Беккет бросился навзничь, а град пуль выбил несколько осколков из тротуара под его ногами. Осколки битого камня рванули его рубаху и джинсы, но, если какой-то из них и пробил его сверхъестественно прочную шкуру, это не чувствовалось. Он жестко приземлился на спину, перекатился на ноги и обнаружил, что упирается спиной в кованую железную изгородь, окружавшую дом. Он пригнулся, выставив когти перед собой. Капаней, как он заметил, стоял рядом; старейшина немного запачкался, когда

сам уходил из-под выстрелов, но крови на нем не было. Беккет качнулся в сторону, когда кирпич («ничего лучше не нашли?») пролетел мимо его головы и громко ударился в столб изгороди.

«Капаней, - осведомился он, шаря глазами по приближающемуся противнику и ловя признаки следующей атаки, - у нас был план «Б»?»

«Так полагаю, нет».

«Не знаешь, где бы нам его достать в это время суток?»

Худокровки остановились футах в двадцати, и четверо из шести направили на загнанную в угол пару пистолеты. Двое оставшихся держали наготове оружие ближнего боя, на случай, если жертва подберется достаточно близко; у того парня, который бросил кирпич, была бита, у другого – нож такого размера, что Беккет не был уверен, не относится ли он уже к мечам.

Хотя Беккет был живуч, он не думал, что нормально перенесет восемь – десять пуль, которые почти наверняка поймает при попытке атаковать в лоб. Он не сомневался, что в нормальных условиях они с Капанеем разобрались бы с шестью худокровками, хотя в процессе могли поцарапаться. Но сейчас позади в любую минуту могло материализоваться Бог знает сколько Ассамитов. Он был уверен: то, что они еще не появились, объяснялось лишь их осторожным продвижением по дому, в котором их за каждым углом могла ждать засада. Худокровки могли не убить Беккета и Капанея, но они сумели бы достаточно их задержать, чтобы их дело доделал кто-нибудь еще.

В животе у Беккета что-то свело, когда он понял: у него довольно мало вариантов, кроме как бросить товарища. Капаней стоял плечом к плечу с ним, он делал все, что способен делать Сородич, чтобы считаться «другом». Беккет бы с готовностью стал ради него сражаться, но все же не был готов ради него умирать. Не сейчас, когда его ответы так близки.

И все же он решил сделать все возможное и дождаться последнего возможного момента. Если они сумеют уложить худокровок быстро, шанс еще был. Если нет – он сможет сбежать и позже, особенно если Ассамиты и худокровки отвлекутся друг на друга.

Беккет резко согнулся еще сильнее и выдернул что-то из внутреннего кармана куртки. Когда первая пуля покинула ствол и отправилась в его направлении, он прыгнул направо, выдернул маленькую деталь из предмета в руке и швырнул его в середину компании худокровок.

Трое из них немедленно бросились прочь, прикрывая лица руками. Трое остальных, к их чести, всего лишь дернулись, а затем потратили долю секунды, чтобы посмотреть, от чего они собрались бежать. И все же, хотя на то, чтобы понять, что Беккет просто бросил в них сотовый телефон, оторвав от него антенну, как чеку, у них ушла лишь доля секунды, Беккет за это время как раз успел сократить дистанцию.

Двое первых худокровок были мертвы раньше, чем сообразили, что происходит: первый остался без головы, второму бритвенно-острые когти Беккета распороли все тело снизу доверху. Третья вскинула револьвер и выстрелила. Звук на таком расстоянии почти оглушал, особенно чувствительные уши Беккета, но он сумел сбить руку женщины в сторону, так что пуля безвредно пролетела мимо него и вошла в стену в половине квартала от них. Продолжая круговое движение, которое он начал, сбивая руку, Беккет крутанулся и одновременно присел. Он замахнулся руками –

когтями вперед. Раздался треск джинсовой ткани и сразу же – громкий хруст, когда он вырвал из ног худокровки обе коленные чашечки.

Беккет частично распрямился и поймал падающую женщину. Она кричала, но очень быстро смолкла: Беккет развернулся и выставил ее перед собой, принимая несколько девятимиллиметровых пуль от одного из двоих оставшихся на ногах худокровок. Он обрушился на стрелявшего, используя замолкшее тело как таран. Все трое упали, когти Беккета молниеносно мелькнули еще раз, и на ноги поднялся он один. Его глаза были расширены, к коже прилила кровь, и он ощущал удовольствие Зверя от убийства. Это был первобытный инстинкт; всего пару месяцев назад он не ощутил бы его с такой силой. Если бы Беккет заметил это, он был бы обеспокоен.

Он обернулся как раз вовремя, чтобы увидеть, как Капаней поднимает последнего противника над землей и в буквальном смысле отрывает ему голову – используя одну лишь силу.

«Хорошо, - отметил Беккет, поворачиваясь. – Теперь давай мотать ко всем чертям…»

Как и в прошлый раз, его спасли обостренные чувства. На сей раз это был запах, аромат защитных масел, который вряд ли смог бы уловить нос смертного. Беккет нырнул вперед, и клинок, который должен был его обезглавить, вспорол ворот его куртки и оставил неглубокий порез на шее. Запах его собственной крови, смешавшись с запахом масла на клинке, создал в воздухе вокруг странный, нереальный аромат. Он крутанулся, чтобы встретиться лицом к лицу с нападавшим, хотя был уже уверен насчет того, что увидит.

«…Разрази вас Бог, что бы вам стоило задержаться еще на тридцать секунд?!»

Та, кто напала на Беккета, выглядела как молодая женщина, возрастом около двадцати с чем-то. Ее длинные волосы были заплетены в косы и убраны за спину, и ее кожа была темной, не такого цвета, как обычно у выходцев из Африки или с Ближнего Востока, но словно посыпаная угольной пылью.

Только Ассамиты с возрастом становились *темнее*. Если бы недавнее проявление сверхъестественной тишины не убедило его насчет того, с кем он имеет дело, то сейчас бы он утратил всякие сомнения.

Еще несколько рассыпалось по улице, очевидно, выйдя из дома следом за первой. Беккет не питал иллюзий насчет своих возможностей. Он знал, что он живуч, хорош в свалке. Никто из этих Ассамитов не был угольно-черным, значит, они были не старше его. Несмотря на их подготовку, несмотря на их умения, несмотря на странные способности, которыми обладал этот клан, Беккет был уверен, что смог бы управиться с любым из них.

Он не собирался даже *пытаться* идти против четверых.

У него просто не было ни малейшей возможности силой проложить себе путь к товарищу сквозь такого врага. Ну что ж, Капаней был достаточно стар, чтобы о себе позаботиться – и, вероятно, достаточно сообразителен, чтобы сбежать. В любом случае, Беккет больше не мог сделать для него ничего. Он рванулся в ближайший переулок.

В большинстве случаев, у среднего Сородича не было бы ни единого чертова шанса обогнать воина Ассамитов. Этот восточный клан мог похвастаться наличием среди своих талантов сверхчеловеческой скорости, сравнимой со скоростью многих

Бруха. Когда Беккет сделал первый шаг, он услышал за спиной очень быстрый топот. Он знал, что враги настигают его, и очень быстро.

Ну ладно, они могут бежать быстрее любого человека, и, хотя Беккет мог увеличить собственную скорость, прогоняя кровь через ноги и увеличивая их силу, он не мог бы сравниться с их возможностями.

Значит, он просто перестанет быть человеком. Он прикинул, не обернуться ли туманом, но это обличье, хотя и неуязвимое для урона, было относительно медленным. Лучше, если будет возможность, полностью сбить Ассамитов со следа, чем допускать возможность (хотя и незначительную) того, что они проследуют за ним в туманном обличье, и нападут, едва он примет нормальный облик. Он мог бы улететь мышью, но в таком маленьком теле один хороший выстрел мог бы искалечить его прежде, чем он сбежит.

Беккет нырнул вперед, словно бросаясь в укрытие. К тому времени, как его руки ударились о землю, они уже не были руками. Они были лапами.

Черпая в вампирском *витэ* в жилах дополнительную силу, огромный белый волк понесся по улицам Мишкольца на скорости больше сорока миль в час. На улицах поменьше он обгонял машины. Там, где он пробегал, люди вопили, указывали пальцами и отскакивали с дороги. Выли сирены, но он сбегал раньше, чем могла бы прибыть полиция.

Что было важнее, он оставил преследователей позади – во всяком случае, пока. Некоторые Ассамиты могли бежать еще быстрее волка, но они не могли поддерживать такую скорость долго – подобные усилия сожгли бы слишком много крови. Кроме того, волчьими чувствами, обостренными даже по сравнению с его обычным нечеловеческим уровнем, Беккет мог легко ощутить даже приближение вампиров, спрятавших себя от зрения. На бегу в его бок ударил один-единственный метательный нож, но отлетел, почти не пробив шкуру.

Почти час был проведен в беспорядочных метаниях по Мишкольцу, в которых он стремился не нарваться ни на преследователей – Ассамитов, ни на полицию, ни на еще каких-нибудь воинственных худокровок, и наконец Беккет оказался здесь, спрятавшийся под большим мостом. Мимо текла вода; река была одним из притоков реки Шайо. Город, похоже, сбрасывал сюда сточные воды, и Беккет вяло задумался, в скольких чертовых канализациях ему еще придется оказаться. Он глянул вверх и отправил быстрый ментальный импульс, чтобы летучие мыши, гнездящиеся под мостом, успокоились и не сбежали от его присутствия. Он прикинул, не перекинуться ли обратно в нормальное обличье и не позвонить ли Чезаре, чтобы узнать, не под наблюдением ли самолет. Почти сразу же он вспомнил, что телефона больше нет. Решив немного передохнуть и собраться с мыслями, он свернулся на грязной земле рядом с потоком и укрыл нос хвостом.

Он провел так несколько часов, уверенный, что ему нужно что-то делать, но не представляющий, что именно. Он все еще размышлял по этому поводу – мысль уже стала своего рода жвачкой для ума – когда его волчье чувство запаха вычленило опасный, беспокойный аромат. Волосы на спине и загривке волка встали дыбом, и Беккету пришлось подавить желание издать низкий рык. Черт их всех побери, они его выследили, несмотря на все его усилия! Беккет поднялся на лапы, приготовился бежать в каком-то направлении…

И оказалось, что отрезаны оба. Несколько Ассамитов – он узнал ту, которая чуть не снесла ему голову с плеч, - появились с обеих сторон моста. Ассасины уже не трудились использовать способности к беззвучию, как раньше. Они знали: он в

ловушке, знали, что он способен их учуять. Они еще не подошли вплотную, что было разумно: узкое пространство на берегу позволяло им атаковать лишь по одному или по двое за раз. Они надеялись, что он впадет в панику, попытается сбежать и в процессе выйдет на открытое пространство, где они будут иметь численное преимущество.

«*Можно подумать, им нужны еще какие-то там чертовы преимущества*» - мрачно подумал Беккет. Затем, внезапно, он улыбнулся – или, если смотреть по волчьей мимике, распахнул пасть и вывалил язык. На самом деле у *него* было численное превосходство над ними. Так что лучше дать им то, чего они хотят.

Беккет поднялся на задние ноги, которые быстро стали единственными его ногами, и огляделся. Затем, подняв руки, словно в попытке сдаться (хотя в случае с Ассамитами такая попытка была совершенно безнадежной), он аккуратно двинулся к ближайшей группе.

Ассамиты не были дурачками. Хотя и уверенные в своей победе, они не сводили глаз с приближающейся фигуры, держа руки на оружии, явно ожидая какого-нибудь трюка или обманного хода.

«…Ну, лучше их не разочаровывать…»

Беккет еще поднял руки – и позвал голосом, который не могли слышать Сородичи, обратился к своим союзникам с просьбой явиться на помощь.

С почти оглушительным звуком сотни крыльев начали хлопать одновременно, и настоящий поток летучих мышей, сорвавшись из-под летучего моста, хлынул мимо Беккета и к выходу на свежий воздух. Ассамиты напряглись, ожидая, что крохотные зверьки будут атаковать, но мыши просто пролетали мимо и, трепыхаясь, взмывали в небо.

К тому времени, как они осознали, что именно происходит, даже с их скоростью было поздно реагировать.

Беккет, мимо которого мыши летели, задевая крыльями его куртку и заставляя ее хлопать, точно их крылья, казалось, начал съеживаться. С точки зрения наблюдателей наверняка казалось, что каждый пролетавший зверек откусывал от него по кусочку, заставляя становиться все меньше. А потом он просто исчез среди тучи, стал еще одной летучей мышью, шустро поднимающейся к облакам.

Он достаточно хорошо слышал, особенно в этом облике, чтобы различить долгую и громкую брань Ассамитов на арабском и фарси, провожавшую его отбытие.

Кольцевая развязка в даунтауне

Мишкольц, Венгрия

За много кварталов оттуда в центре большой кольцевой дорожной развязки стоял маленький каменный фонтан. Он был отключен, и спокойная вода в его бассейне по цвету соответствовала матово-черному оттенку статуи в центре. В этот поздний час через развязку обычно шло мало движения. Сегодня его было еще меньше: полиция перекрыла несколько улиц поблизости после перестрелки у металлургического комбината и сообщений о том, что горожане видели носящегося по бульвару волка.

Отсутствие автомобильного движения, однако, еще не означало, что перекресток пустовал.

Капаней стоял возле бассейна фонтана и почти расслабленно поглядывал то влево, то вправо, наблюдая за тремя Ассамитами, приближавшимися к нему с разных направлений. То были вампиры, которые почти с момента Обращения учились уничтожать себе подобных, убийцы, которых боялась целая раса хищников. Их темная кожа показывала, что у них за плечами уже десятки, если не сотни лет насилия.

Капаней отлично знал, что не успел нажить каких-то конкретных врагов за те месяцы, что провел на свободе после Каймаклы. Значит, им наверняка дали указание убить не только Беккета, но и любого, кто путешествует вместе с ним.

Как неудобно.

Они, *разумеется*, не были такими дилетантами, чтобы атаковать неизвестного врага поодиночке. Двое внезапно бросились в атаку с разных сторон, намереваясь ударить одновременно, чтобы он не мог ответить на оба удара; третий ждал в шаге или двух позади, готовый бить в любую заметную брешь в обороне.

Капаней расслабился и предоставил им атаковать.

Областной аэропорт Мишкольца,

Мишкольц, Венгрия

Уже в третий раз за ночь Чезаре прервал звонок со своего сотового, услышав, что Синьоре Беккет занят или находится вне зоны действия. Что-то явно было не так. Беккет, разумеется, не отзывался по первой же просьбе гуля, но он обычно перезванивал вскоре после того, как Чезаре оставлял ему сообщение. А это дело было важным. Кое-кто из худокровок (во всяком случае, Чезаре заключил, что это худокровки) не только наблюдал за самолетом: они дважды пытались подняться на борт и отступали только тогда, когда Чезаре показывался. Они вряд ли боялись привлечь внимание властей: аэропорт был крохотным, на ночь он был в основном закрыт, и самолет Беккета все равно стоял на самой дальней полосе. Оставалось заключить, что они не лезли лишь потому, что не знали: насколько серьезное сопротивление может оказать гуль, и один ли он на борту. Чезаре не знал, как долго они еще будут проявлять сдержанность. Ему правда нужен был совет Беккета, а хозяина нигде не…

Чезаре повернулся, и у него сердце ушло в пятки при виде крупной черной летучей мыши, вниз головой свисающей с люминесцентной лампы в кабине. Он не смог сдержать резкого, высокого вскрика.

Мышь свалилась с насеста и приземлилась уже на две человеческих ноги. Беккет с сердитым и болезненным видом тер уши.

«Неужели нельзя было обойтись без этого, Чезаре? Боже святый, я же был *летучей мышью*! Это было *громко*».

«Извините, Синьоре Беккет. Вы меня напугали».

«Правда, что ли?»

«У нас тут проблема, Синьоре Беккет».

Беккет внимательно слушал, пока Чезаре описывал ему ситуацию. Затем: «Я сомневаюсь, что этой ночью они пойдут на что-то серьезное, Чезаре. Как только рассветет, сходи в магазин за новым сотовым. Потом обеспечь, чтобы самолет был

заправлен и готов к вылету. Если будет похоже, что они собираются атаковать, улетай. Приземлись в ближайшем аэропорту и будь готов в любой момент по команде прилететь и забрать нас».

«Вы не останетесь в самолете на день, Синьоре? При взгляде на вас у меня создается впечатление, что в библиотеке тоже небезопасно».

«Нет, но я смогу найти убежище, если будет надо. Я собираюсь посмотреть, не найду ли Капанея до рассвета».

«Синьоре, я не могу оставить вас на…»

«Ты не поможешь мне, если позволишь себя убить, Чезаре. Если сможешь, оставайся. Улетай только если придется».

«Очень хорошо. Я… - Что-то из сказанного господином наконец отпечаталось в черепе гуля. – Купить новый телефон?»

Беккет снял телефон Чезаре с клипсы на его поясе и сунул к себе в карман. «Прямо сейчас мне он нужнее, чем тебе. Если приспичит связаться со мной до рассвета, отправь мне СМС с ноутбука».

«Понято, Синьоре. А… могу я спросить, что случилось с вашим?»

«Как-нибудь расскажу. Для того, кто там не был, покажется забавным». Беккет пошел в хвост, к холодильнику в безопасной комнате. Ему очень не хотелось залезать в неприкосновенный запас, особенно в этой стране, где у него не было контактов в медицинском сообществе и, соответственно, возможности его пополнить, но на охоту просто не было времени. Конечно, можно было подкрепиться из Чезаре, но он хотел, чтобы гуль оставался в наилучшей форме – на случай, если худокровки все же атакуют самолет.

Разрази их всех Бог! Ладно еще Хардештадт, его враждебность можно было понять. Но какого черта против него имеет Дженна Кросс?

Беккет, давясь, заглотал содержимое двух пластиковых мешков с кровью (черт, он ненавидел пить холодное), осторожно высунул голову из дверей самолета, чтобы проверить, что за ним не следят, и снова сосредоточился. Минутой позже тонкая струйка тумана стекла по лестнице и выплыла на полосу, где смешалась с предрассветным туманом.

Кольцевая развязка в даунтауне

Мишкольц, Венгрия

Он нашел Капанея все еще сидящим у фонтана – одной из нескольких достопримечательностей, возле которых они заблаговременно уговорились встречаться, если окажутся разъединены. В договоренности уточнялось, что оставаться в подобном месте они станут только в том случае, если будут точно уверены в отсутствии «хвоста». И все же Беккет немного покружил по развязке, ощупывая пространство теми немногими чувствами, что у него оставались в обличье тумана, и лишь потом сгустился возле спутника и принял обычный облик. Если Капаней и испугался при виде Беккета, проявляющегося из тумана, то скрыл это намного лучше Чезаре.

«Хорошо видеть, что ты выжил, Беккет, - поприветствовал его старейшина. – Я начал беспокоиться».

«У тебя есть причина беспокоиться. Но да, я более или менее здесь. У тебя были проблемы?»

«Ничего, заслуживающего упоминания. После твоего бегства Ассамиты недолго преследовали меня, но вскоре перестали. Я бы предположил, что их цель – ты, а не я, и что им мало до меня дела помимо того, что я с тобой путешествую».

«Везет тебе. Давай уйдем с открытого места. Незачем рисковать».

Капаней кивнул и поднялся на ноги: «Куда мы пойдем? Я уверен, библиотека будет под наблюдением, или даже окажется занята».

«Скорее всего. – Беккет огляделся. – Вероятно, для нас не будет опасно найти на день комнату в отеле. Ассамиты и худокровки не могут следить за ними всеми. Завтра ночью – ну, посмотрим».

Оба вампира осторожно двинулись вверх по улице, в направлении края города. Беккет так и не заметил, что вода в бассейне припорошена тонким слоем пепла.

Гостиница «Барадла»

Мишкольц, Венгрия

«Я просто не понимаю, - пожаловался Беккет, пока они шли к выбранному отелю. – Пока вся эта дрянь не началась, я о Дженне Кросс разве что мельком слышал. И уж точно ничего ей не сделал – насколько мне известно». Его голос был тихим, и никакой смертный не расслышал бы его уже дюймов с шести. Капаней, однако, различал его слова достаточно четко.

«Если копать достаточно глубоко, доставая самые корни, - так же мягко ответил старейшина, - то для ненависти подобного масштаба существует лишь две причины. Либо ты стоишь на ее пути, не давая ей получить то, что она хочет, либо же она боится тебя, и боится так сильно, что способна одолеть страх, лишь уничтожив тебя».

«Не могу представить себе ни одной чертовой вещи, которая есть у меня и которую она могла бы хотеть».

«Точно так. Обдумай это, Беккет. Она была готова рискнуть, убивая тебя – и меня – в своем собственном доме, не думая о том, как подобный безрассудный шаг мог бы повлиять на ее союз с людьми Люситы. Эта женщина уже месяцы находится в состоянии войны с Камарильей и не позволяет ей вернуть Лос-Анджелес. Она не из тех, кто мог бы иметь склонность к безрассудству – но дела, касающиеся тебя, кажутся исключением из правила».

«Значит, она меня боится. По-крупному».

«Представляется, что так. И это не кажется естественным».

Мимо проехала полицейская машина, и оба пригнулись в тени, так что Беккет не смог ответить сразу. Они продолжили, только когда задние фары погасли вдали.

«Думаешь, ее кто-то использует против меня?»

«Она очевидным образом верит, что ты – ее враг. *Кто-то* подал ей эту идею».

Еще несколько минут они шли в тишине, не считая лая собаки, по территории которой они продвигались – лая, который Беккет быстро оборвал резким мысленным приказом.

«Ты знаешь, что и Ассамиты, и худокровки будут следить и за домом, и за самолетом, Беккет, - наконец сказал Капаней. – Нам не выдастся возможность провести много изысканий».

«Я как раз об этом думал. – Беккет глянул на восточное небо, потом проверил время на сотовом. – Думаю, у меня даже есть идея на сей счет. Она рискованная на грани дурости, но сочетание одного с другим последнее время неплохо работает в нашу пользу. И, если она сработает, это даст нам минимум пару ночей».

«Замечательно. Две ночи, чтобы найти то, что мы не смогли за четыре. Возможно, Беккет, нам стоит покинуть Мишкольц и вернуться позднее? Мы можем попытаться получить информацию где-то еще, и…»

Беккет замер на ходу. «Получить информацию… - повторил он, словно в трансе. – Более поздняя дата. – Его глаза расширились, лицо расплылось в яростной ухмылке. – Капаней, хочешь, обниму тебя?»

«Я бы предпочел, чтобы ты этого не делал. Что ты осознал?»

«Только то, как Викос организовало свою библиотеку. Капаней, оно действительно сортировало книги по дате – только не по дате, когда они были написаны, или когда происходили описанные события, а по дате, когда оно их приобретало!»

«Ты уверен?»

«На самом деле нет, пока не доберусь обратно в библиотеку. Но смысл есть. Время поступления знало только оно само, так что никто другой не разберется в такой системе просто так».

«А ты сможешь?»

«Увидим, так? Сначала нам надо разобраться с парой нежелательных «хвостов»».

Следующим вечером, сразу после того, как они проснулись в старой, но педантично прибранной съемной комнате, Беккет резко обернулся к Капанею. Старейшина даже отступил на шаг. «Беккет, эта ухмылка не внушает мне доверия».

Если уж на то пошло, улыбка Беккета стала еще шире. «Капаней, я уже не раз видел, как ты пропадаешь из виду. Верно ли будет предположить, что ты умеешь и принимать чужое обличье?»

«Это навык не из тех, которые я практикую регулярно, но да, я это могу».

«Хорошо. Значит, действовать будем так…»

Даунтаун

Мишкольц, Венгрия

И снова по улицам Мишкольца огромными прыжками несся белый волк, оставляя за собой след из перепуганных пешеходов. Его левый бок украшало мокрое темно-красное пятно, и он заметно хромал на заднюю лапу. Этого хватало, чтобы замедлить волка – и для того, чтобы котерии Ассамитов, которая его преследовала, намного лучше удавалось за ним угнаться, чем прошлой ночью. Они обнаружили его, следя за улицами близ усадьбы Викоса, и были решительно настроены не упустить его второй раз. Они еще не сумели действительно нагнать Беккета, но и стряхнуть их со следа он больше не мог. И все же он бежал, потому что хорошо знал, что судьба припасла ему на тот случай, если они его поймают.

Ассамиты явно жаждали крови – и не только ради выполнения заказа. Несколько их товарищей прошлой ночью не вернулись, и это могло значить только одно: они выведены из строя либо мертвы. Преследователи не были уверены, как жертва (даже настолько опасная, как Беккет), сумела убить троих из их братьев и отделаться одной видимой раной, но не собирались позволить ему уйти с этой победой.

Волк направлялся к аэропорту – в этом они не сомневались. Смогут ли они его взять прежде, чем он достигнет самолета, оставалось вопросом открытым: каждый раз, как они, казалось, вот-вот сократят разрыв, Беккет вновь прибавлял скорости и оказывался хоть немного, но все же впереди. Они, однако, были уверены: оказавшись на поле, они легко смогут сами взбежать на самолет прежде, чем он сможет оторваться от земли, или, на худой конец, повредят его и не дадут взлететь.

Волк бежал и бежал, сбивая с ног медлительных пешеходов, иногда прыгая через ползущие по улицам машины или пробегая по их крышам в отчаянном стремлении скрыться. Вскоре за спиной зазвучали сирены, и волк метнулся в узкие переулки, где за ним не смогли бы следовать машины полиции. Этот последний шаг одобрили даже Ассамиты: чем бы дело ни закончилось, власти смертных в него лучше не впутывать.

И наконец последний прыжок, и четыре лапы застучали по гудрону взлетной полосы; за ними следовал топот многих человеческих ног. Когда Беккет приблизился к ангару, в котором, вероятно, ждал его самолет, то слегка сбавил ход, словно его наконец достала рана. Ассамиты воспользовались возможностью сделать то же самое.

Бежавший первым был всего в шаге от того, чтобы достать волка клинком, когда из-за ангара ударил первый выстрел; пуля попала Ассамиту в середину груди. Он рухнул на спину, а его спутники бросились в стороны: одна пуля следовала за другой, небыстро, но непрерывно.

Из-за ангара выскочило около полудюжины мужчин и женщин. Тот, кто выстрелил первым, сжал зубы, его лицо было искажено яростью и ненавистью. Как ни странно, все его товарищи казались шокированными его поведением – или, по крайней мере, были им озадачены. Ведущий Ассамитов, в груди которого пульсировала рана, предположил, что у парня с пистолетом просто «упала планка», и он напал раньше, чем был должен. Он не знал, кто эти люди, не был в курсе, что за Беккетом гонятся худокровки, и дела до этого ему, если честно, не было.

Ассамиты быстро метнулись вперед, лишая нападавших того скудного преимущества, которое им давало их огнестрельное оружие. На лицах второй стороны шок сменился страхом; они начали отступать, пытаясь сохранить достаточную дистанцию для стрельбы. Главный из нападавших, который и открыл огонь, с приближением Ассамитов прыгнул вбок и перекатился за контейнер с оборудованием.

Все прошло быстро, с обилием крови и насилия. Будь это простой бой лоб-в-лоб, он стал бы бойней. Но худокровки Кросс ожидали Беккета, вампира, известного своей устойчивостью к физическому урону, и, в отличие от своих товарищей, с которыми он дрался у поместья, имели возможность подобрать подходящее оружие. Мощные винтовки, тяжелые пистолеты и даже несколько зарядов взрывчатки, которые они хотели использовать против Беккета в его прорыве к самолету, оказались вместо этого обращены против восточных вампиров. Ассамиты были быстрыми, и цели достигло очень мало выстрелов – но каждый из попавших оказался сокрушительным.

В конце концов один-единственный выживший худокровка сбежал назад, в темноту Мишкольца. Один из оставшихся на ногах Ассамитов пошел назад к контейнеру, решив выразить тому, кто начал атаку, свое неудовольствие – и не нашел его. Тот просто исчез, словно никогда и не существовал. Ассамит обернулся с раздраженным лицом, хотел вернуться к спутникам…

И Беккет, в человеческом облике и с выпущенными когтями, обрушился на него с верха контейнера. Его одежда была пропитана красным там же, где была волчья шкура – кровь шла не из раны, она была крысиной, и Капаней полил ей Беккета, чтобы Ассамиты сочли его раненым и не удивлялись его медлительности. В своего рода насмешке над обычно применявшейся способностью клана, Ассамит умер, не издав ни звука.

Если бы трое оставшихся Ассамитов все еще были в хорошей форме, Беккет счел бы лобовую атаку самоубийством. Но один из них был без сознания, возможно, в торпоре; из двух, остававшихся на ногах, один был серьезно ранен, и в его теле все еще зияли входные и выходные отверстия от нескольких пуль. Когда Беккет с окровавленными когтями вышел из-за контейнера, Капаней – все еще скрытый под обликом того худокровки, который и начал бой, - проявился у них за спиной, а из двери самолета высунулся Чезаре с пистолетом в руках, Ассамиты решили, что с них хватит. Беккет, руки которого все еще согревала кровь мертвого ассасина, позволил им уйти – хотя и сомневался, правильно ли поступает.

«По крайней мере, несколько ночей, чтобы подлечиться, - сказал он Капанею, когда старейшина принял нормальный внешний вид. – Еще дольше, если они будут ждать подкрепления».

«Тогда нам лучше идти назад в библиотеку и приступать, не так ли?»

«Еще минуту». Беккет обернулся к полю за взлетной полосой, поднял руки и постарался кричать погромче.

«Я знаю, ты там, - проорал он. – Ты задержался посмотреть, что случилось с твоими дружками, и со мной тоже. Смотри, бля. Любуйся. – Беккет взмахнул руками, и на землю полетели брызги крови Ассамита. – Меня это уже достало. За несколько прошлых месяцев я поубивал больше народу, чем за много лет, и Богом клянусь, в этом виноваты вы! Я не собираюсь позволить вам и дальше так со мной обращаться!

Через сколько ваших людей мне еще придется пройти? Вы не были моими врагами, и Дженна Кросс не была, пока вы сами на меня не наехали. Я хочу, чтобы ты передал ей сообщение. Скажи ей остановиться, прямо сейчас. Вы, ребята, оставляете меня в покое с этой самой минуты, и я не стану держать на вас зла. Не оставляете – Дженна на самом деле попадает в мой личный список засранцев. И что бы там она ни думала, что я собираюсь с ней делать, напомни ей: я уже на несколько сотен лет дольше, чем она, развиваю свое воображение!»

Беккет присел, оттер о траву остатки крови с рук и ушел в темноту.

Чезаре смотрел им вслед, пока его хозяин и второй вампир не пропали из вида, а потом занялся уборкой оставленного беспорядка, начав с собирания гильз и сжигания тел Сородичей, бывших недостаточно старыми, чтобы быстро разложиться в прах без посторонней помощи. Он знал, что полиция Мишкольца все еще разбиралась с паникой, которую вызвал волк в даунтауне; еще он знал, что здесь, на удаленной полосе для частного использования, в это время ночи даже такой шумный бой вполне мог остаться никем не услышанным. Но рисковать ему все равно не хотелось. Если полиция все же явится, он не собирался позволить им найти что бы то ни было. Насвистывая под нос, он размотал шланг, который был предоставлен аэропортом для мытья самолета, и начал влажную уборку полосы и травы вокруг.

За его спиной фигура, невидимая для большинства смертных и неживых глаз, забралась в самолет. Она проползла вниз, со всем доступным удобством устроилась в техническом лазе для шасси, открыла ноутбук с подключенным спутниковым модемом и приготовилась к ожиданию, которое вполне могло оказаться довольно долгим.

Личная библиотека Саши Викоса,

Мишкольц, Венгрия

«Похоже, я был прав, - сообщил Беккет в начале следующей ночи, когда они наконец добрались назад в библиотеку. Насколько они смогли определить, за домом больше никто не следил. – Упорядочены более или менее по дате, когда Викос их получало, насколько я могу понять». Говоря, он взял с полки очередной том и пролистал, но этот жест был вызван скорее желанием проиллюстрировать сказанное, чем попыткой что-то обнаружить.

«Вижу. А его собственные книги? Те, которые оно написало само?»

«Отчасти именно это и сбило меня с толку. Смотри. – Беккет начал показывать на книги на полках. – Те книги, которые оно писало на основании собственных знаний, оно расставляло в порядке написания, все правильно. Но комментарии, которые оно писало на другие книги… Оно держало их не в том порядке, в каком их написало, а в том, в каком получало исходные тексты, которые оно комментировало».

«А-а». – На какое-то время Капаней замолчал. Потом: «Прости меня, Беккет, но я не вижу, чем это нам поможет».

«Саша Викос подвержено… было подвержено паранойе, - исправился он с ухмылкой, - и обладало достаточным эгоизмом, чтобы все мы в сравнении казались доверчивыми, как мальчики – певчие. Оно никак не позволило бы Миливое оставаться здесь, не оплачивая пребывание тем или иным способом. Я готов поспорить, что гость Викоса принес ему несколько книг, или, по крайней мере, еще какое-то знание, которое оно бы захотело записать. Мы знаем, когда прибыл Миливое. Значит, мы сможем найти то, что Викос писал об этих книгах – и, при удаче, о Сородиче, который их доставил».

Дело оказалось не настолько уж простым; все же потребовалось много часов, чтобы найти, где именно размещаются нужные тексты, и прошерстить их в отчаянной попытке найти хоть что-то, относящееся к теме. Наконец, в рукописных каракулях самого Викоса, Беккет нашел это.

Оно оказалось всего лишь сделанной походя отметкой, как часто и бывает с самыми важными откровениями. Это была первая строчка текста, в котором Викос

описал одну из встреч Миливое с Райциэль – очередная дискуссия на тему пророчества, как оказалось. Начало повествования, очевидно, слово в слово записанного за собственным рассказом Миливое, оказалось много ценнее для Беккета, чем все, что могло идти дальше.

«Мы сидели в ее убежище, укрытые в тени величайшей ошибки ее сира, где никто не мог бы подумать ее искать».

«Боже ты мой. – Беккет выпрямился, с глухим хлопком закрыв книгу. – Если я правильно это понимаю… Она была права. Это идеальное место, чтобы спрятаться. Кого бы понес черт искать Салюбри *там*?»

«Беккет? – Капаней выглядел озадаченным. – Не потрудишься ли объяснить?»

«Ты когда-нибудь слышал о секте Сородичей под названием Баали?»

Рот старейшины свела горькая и презрительная усмешка – возможно, самое крайнее проявление эмоций, что Беккет когда-либо от него видел. «Да. Мерзостный род порочных демонопоклонников. В мое время они почитались худшей из возможных ересей. Много попыток было предпринято, чтобы стереть их порчу с лика Земли».

«Некоторые оказались почти успешными. Начиная со Средних Веков их никогда не было много, и я уже лет пять не слышал, чтобы хоть один высунулся наружу. Возможно, кто-нибудь их наконец вытоптал.

Но, в любом случае, я ими занимался – не в личном смысле, уверяю тебя, в смысле исторического исследования, раз или два. У них очень необычный взгляд на природу Сородичей, и он заинтересовал меня – хотя бы с тем, чтобы я смог безопасно исключить подобные взгляды из собственных разработок. В этих изысканиях я наткнулся на кое-какие крупицы мифов касательно того, откуда они могли взяться».

Беккет начал расхаживать по помещению, погружаясь в старые воспоминания. «Хотя касательно многих деталей они расходятся, большинство легенд утверждает, что они выползли из ямы, полной отбросов и мертвой плоти, в месте, называемом Аш-Шаркаб».

Капаней моргнул: «Город Ашура?»

«Да, Сородичи когда-то его так называли. В современной географии это маленький городок под названием Калат ат-Шеркат в государстве Ирак. – Беккет нахмурился. – В нынешние ночи там путешествовать там и нелегко, и небезопасно».

«Какое это имеет отношение к Райциэль или ее сиру?»

Беккет нахмурился. «Подтверждений этому никогда не было, имей в виду, - медленно проговорил он, - и Салюбри того времени приложили очень много усилий, чтобы прикопать эту версию, - но, хотя легенды не соглашаются насчет того, кто породил Баали, одним из подозреваемых, кто проявляется в многочисленных мифах, оказывается сам Саулот».

«Правда? – Капаней выглядел искренне ошеломленным. – Никогда бы не подумал… Насколько ты уверен, что Цимисхи ссылается именно на это место?»

«Не полностью. Саулот в свое время совершал и другие ошибки. Если так рассудить, то позволить Тремеру высосать себя досуха тоже можно считать ошибкой. Но это единственный вариант, который можно рассматривать как наихудшую ошибку, и при котором Райциэль не оказывается застрявшей посреди враждебной территории. Если и можно говорить, что в Ираке доминирует какой-то клан, то это Ассамиты, а они, если и обнаружат ее, не будут ничего против нее иметь. Черт, у них даже есть общий враг в виде Тремер».

Беккет пожал плечами и, пролистав книгу на предмет каких-то еще упоминаний темы, поставил ее обратно на полку. «Рассуждение, конечно, не безупречное, Капаней, я и сам знаю. И мы будем искать, пока сможем. Но пока что это лучшее, что у нас есть, и оно определенно звучит приемлемо».

Приемлемый или нет, это был последний кусок относящейся к делу информации, который они нашли. Когда часы показали полночь в третью ночь после схватки у самолета, Беккет и Капаней неохотно согласились на том, что просто не могут позволить себе потратить еще больше времени.

«Если след окажется ложным, - покорно сказал Беккет, - мы всегда сможем вернуться».

«Сможем ли? – Капаней жестом показал на отвратительное, противоестественное убранство комнаты. – Не следует ли нам уничтожить эти извращения и освободить души, которые еще могут быть в них заперты?»

Беккет остановился, огляделся, некоторое время боролся с собой – и наконец покачал головой. «Нет. Извини. Я знаю, что надо. Но я не могу рисковать, уничтожая ответы, которые могут понадобиться мне позже. Я клянусь тебе: когда все закончится, мы, если сможем, вернемся сюда и это сделаем».

Капаней помрачнел, но последовал за Беккетом из пещеры. Он не знал, что темнее – пустая пещера за его спиной или глаза Сородича, который шел перед ним.

На взлете из областного аэропорта Мишкольца,

Мишкольц, Венгрия

«Беккет, - неожиданно спросил Капаней, когда самолет поднялся в воздух, - ты не чувствуешь себя как-нибудь необычно?»

«Необычно? Что ты имеешь в виду?»

«Сними свои очки, пожалуйста».

Беккет моргнул, а затем так и сделал. Капаней вздохнул: «Не думаю, что они тебе теперь нужны».

«Мои глаза?»

«Теперь обычные. Как и твои руки».

«Хм. – Потом он пожал плечами. – Я потом об этом побеспокоюсь. Прямо сейчас меня больше заботит…»

«Синьоре Беккет?» - позвал из кабины Чезаре.

«…это». – заключил Беккет и пошел в носовую часть самолета; Капаней последовал за ним. «Да, Чезаре?»

«Как вы и ожидали, оказалось попросту невозможно получить разрешение на пересечение воздушной границы Ирака. Мы приземлимся в аэропорту Диярбакыра. Боюсь, остальную часть путешествия нам придется проделать по земле».

Беккет чуть не рассмеялся. Опять Турция. Приступ веселья был вызван не разочарованием, а осознанием того, что он *действительно* ходит кругами.

Хотя, вообще-то, было не до смеха. Турция была домом порядочного количества Ассамитов. Здесь придется постоянно оглядываться по сторонам – и смотреть еще внимательнее, чем раньше.

«Ну что ж, Чезаре, сойдет. Спасибо…»

«Синьоре, это еще не все. Вы торопились оказаться в воздухе, и у меня еще не было возможности вам сказать».

«А?»

«Как вы и говорили, я в течение дня проверял e-mail и прочие сообщения от Окулоса. Он оставил одно недавно, и оно было довольно неистовым. Он писал, что слышал упоминания об отдельных старейшинах, просто прерывавшихся на полуслове и падавших. Некоторые, похоже, впадали в торпор, другие немедленно начинали рассыпаться в прах».

«Увядание?»

Чезаре кивнул, хотя при взгляде со спины движение было почти незаметным. «Окулос полагает так. Оно начало убивать».

Беккет вздохнул, прислонился к стене и, обмякнув, сполз по ней, оставшись сидеть на корточках. «У нас немного времени, Капаней. Я не знаю, почему я еще не ослабел – или почему не ослабел ты, если уж на то пошло, - но это произойдет. Мои руки, тот странный период в Европе, когда мне ни разу не захотелось есть, теперь еще глаза… Теперь это всего лишь вопрос времени: рано или поздно увядание меня достанет, и сильно».

Он медленно поднялся на ноги. «Я назад, прибраться. Чезаре, если что-то изменится, скажи. Капаней… - Беккет ненадолго нахмурился. – Если ты – человек религиозный, я бы не был против, если бы ты начал за меня молиться».

Капаней печально улыбнулся. «Учитывая все, что мне довелось повидать, Беккет, мы с Богом больше не ладим так хорошо, как когда-то. Тебе не нужно моих молитв».

Беккет задержал на старейшине долгий, пристальный взгляд, потом кивнул и закрыл дверь в кабину.

Убежище Дженны Кросс в долине Сан-Фернандо

Лос-Анджелес, Калифорния

Кросс сидела за столом, а вокруг нее в комнате собрались ее друзья и офицеры. Теперь подобные сцены были не только привычными, но и обыденными. Подобные брифинги и собрания по стратегическому планированию к этому времени стали делом уже почти еженощным.

Уже несколько недель кряду кресло сразу по правую руку от нее оставалось пустым. Несмотря на все ее усилия, на все методичные поиски лучших ее людей, она не смогла найти ни единого следа Смеющегося Джека с той самой ночи прошлого месяца, когда он исчез. Восковая бледность ее лица, ставшего теперь тусклее, чем у многих вампиров в несколько раз старше ее, свидетельствовала о проблемах со сном: она настолько беспокоилась, что теперь даже поднимающееся солнце действовало на нее довольно слабо. Она продолжала бы поиски двадцать четыре часа в сутки, если бы могла делать это, не прожарившись до хруста.

К сожалению, остальной мир не желал подстраиваться под ее потребность найти пропавшего наставника.

«…с минимальными потерями. – докладывала Табита. – В отсутствие князя Тары и при поддержке тех худокровок, что уже обитали в городе, нашим людям удалось ликвидировать примогенов и остальных старейшин без больших проблем». С широкой улыбкой и мановением руки, которое находилось на грани мелодраматичного, она заключила: «Дженна, ты можешь добавить Сан-Диего в список городов, которые мы освободили от владычества Камарильи».

Кросс едва смогла выдать слабую улыбку, хотя комната вокруг нее взорвалась поздравлениями. Это действительно была хорошая новость, безо всяких сомнений. За прошедшие месяцы другие худокровки, вдохновляемые успехами Кросс в Лос-Анджелесе, начали восставать от ее имени (и часто при поддержке тех, кто отчитывался напрямую перед ней) и сражаться против угнетения старейшин, режим власти которых приобретал все больше общего с фашизмом. В некоторых городах, вроде Далласа и Цинциннати, худокровки обнаружили, что сражаются плечом к плечу с бойцами ячеек сопротивления, завязанных на Люситу и Тео Белла, хотя между ними не было никакого формального союза. Хотя Кросс никогда бы в этом не призналась, она была рада, что ее попытка убить Люситу не удалась.

В полудюжине действительно крупных городов и двух-трех десятках мелких худокровки явно превосходили более «чистых» вампиров в числе – настолько, что либо являлись одной из основных сил на поле, либо вообще управляли вампирскими делами города сами. Даже Кросс была шокирована тем, насколько много худокровных вампиров на самом деле существовало в мире. Без сомнения, Камарилья и выжившие иерархи Шабаша были оглушены этим фактом полностью. Считая и тех, кем она командовала напрямую, и тех, кто шел в бой под ее знаменем и, безо всяких сомнений, стал бы следовать любому ее приказу (если бы она таковое прислала), под началом Кросс оказались буквально сотни вампиров – и новые прибывали каждую ночь. Кроме того, то, что ее люди сражались более чем в одном городе сразу, вынуждало Камарилью дробить внимание и ресурсы, делая битву за каждый конкретный город соответственно легче.

Все это, разумеется, заставляло вспомнить соображение о том, что «если у вас все стало хорошо, значит, вы о чем-то еще не знаете».

«Я… - начал с того конца стола Тоби. Он смолк, прокашлялся, подождал, пока стихнут радостные возгласы и взаимные поздравления, и начал заново. – Я прошу прощения, что порчу настроение, Дженна. Но…»

Он сбился, и она ободрительно кивнула, приглашая продолжать.

«Люди Хардештадта вошли в Альгамбру, Восточный ЛА, Комптон и Хоуторн. И они отбили ЛАКС».

В комнате повисла мертвая тишина.

ЛАКС не то чтобы был таким уж сюрпризом. С самого начала конфликта аэропорт переходил из рук в руки, худокровки и Камарилья отбирали его друг у друга, словно футбольный мяч. Кросс взяла его, когда она и ее люди убили Тару, Камарилья отобрала его со своей утечкой газа, и с тех пор он еще минимум три раза менял хозяина. Но когда худокровки заняли эту территорию в последний раз, Кросс была уверена, что теперь их хватка несокрушима, а позиция неприступна.

Но, опять же, она была уверена и в том, что Восточный ЛА и Комптон надежно защищены.

«Как?» - дрогнувшим голосом спросил молодой худокровка по имени Дэвид.

Тоби нахмурился, отвечая. «Сочетание факторов. Обычные полицейские рейды и прочее манипулирование муниципальными пешками, которое так любит Камарилья, отвлекли внимание. Наши гули были заняты тем, что с ними разбирались, когда… - Плечи худокровки поникли. – Я так понял, никто из вас еще не смотрел ночные новости, да?»

Глаза Кросс обежали стол, потом она покачала головой: «Мы, в общем, пришли сюда сразу, как проснулись, Тоби».

«Огонь, Дженна, и довольно много взрывчатки. Я не имею в виду маленькие поджоги то тут, то там, я имею в виду по-настоящему. Зажигательные бомбы, коктейли Молотова – больше похоже на осаду Шабаша, насколько мы о них слышали, чем на операцию Камарильи.

Власти называют это скоординированной серией терактов. Сорок шесть убитых, втрое больше раненых – это непричастных смертных. Ущерб оценивается десятками миллионов».

«Не только здесь. – добавил из угла комнаты Стив; глаза его не могли оторваться от ноутбука. – Сан-Франциско, Лас-Вегас, Сакраменто… И мы уже везде видим признаки – скажем, Даллас – Форт Уорт. У этих уебков в Риверсайде вообще крышу посносило. По сравнению с прошлой ночью, мы серьезно теряем территорию, Дженна».

Кросс сгорбилась, закрыв лицо руками, и отчаянно пыталась не разрыдаться перед своими людьми.

Боже правый, такого точно не должно было быть! Это была война *Сородичей*. Что бы она ни делала, какое бы насилие ни чинила, она из кожи вон лезла, чтобы смертного населения это не касалось. Возможно, старейшины Камарильи уже достаточно долго были вампирами, чтобы видеть в людских массах не более чем еду, но Дженна не могла позволить себе этой роскоши. Она и большинство ее братьев не настолько давно сами были смертными. Для нее люди все еще оставались… ну, людьми.

И вот теперь Камарилья, очевидно, решила, что раздавить ее важнее, чем… Чем что? Чем сохранность городов, которые они хотят? Чем сам Маскарад? Десятки, может, сотни смертных умирают, и Бог знает, сколько худокровок оказались перебиты в этих последних атаках.

Не говоря уже о том, что она все еще не получила вестей он…

«Кросс? – Еще один из ее людей просунул голову в дверь. – Джейкоб на проводе, из Мишкольца».

Она мгновенно оказалась на ногах, и не только потому, что она уже не одну ночь ждала этих новостей, новостей, которые, каковы бы они ни были, точно были важными. Она помнила и о том, что там, где он находится, уже почти рассвело, и у них всего несколько минут на разговор.

Когда она вернулась за стол, никому из собравшихся вампиров не потребовалось спрашивать, хорошие или плохие новости она получила: хватало одного взгляда на ее лицо.

«Команда мертва, - сообщила она тусклым голосом, когда молчание затянулось. – Все, кроме Джейкоба. И он совершенно уверен, что он выжил лишь потому, что Беккет через него хотел передать мне сообщение».

«Уебок! – Говорить начал Тоби, но его чувства явно разделяли все в комнате. – Бог его разрази! Мы его выследим и порвем ему жопу на…»

«Нет».

Дженна буквально почувствовала, что все глаза в комнате впились в нее. «Нет? – переспросила Табита, явно не веря своим ушам. – Какого черта ты имела в виду под «нет»?»

Предводительница худокровок – возможно, самого большой группировки вампиров, не принадлежащих к Камарилье или Шабашу, со времен Торнского Конвента, сделала глубокий и совершенно ненужный вдох. Она могла поклясться, что почти видит Джека, стоящего рядом, через плечо глядящего ей в лицо и мягко, одобрительно улыбающегося. С другой стороны, реакцию Сэмюеля она себе даже представлять не хотела: сама мысль о его неудовольствии сводила ей нутро болью, хотя она никогда не была уверена насчет того, *почему* его одобрение так много для нее значит.

Но некоторые вещи все же были более важными, чем он. Даже чем он.

«Пока что мы закончили с Беккетом». Заставлять себя это произнести было все равно что самой выдирать себе зубы. Все ее друзья, которых он убил, ужасающий страх, который свернулся в ее животе и напоминал, что произойдет с ней, если он скажет что надо и кому надо, и гневные взгляды ее товарищей – все это призывало ее скорее откусить себе язык, чем высказать эту мысль.

Но сообщение Беккета дошло до нее вполне четко – и, хотя ее бесила необходимость это признать, как минимум частично оно было точным. Что бы там он ни *мог* с ней сделать, именно *она* напала первой, она продолжала посылать за ним людей – как оказалось, на смерть. Хватит – по крайней мере, пока. Ей и так предстояло потерять достаточно друзей и достаточно солдат в боях с Камарильей. Она не станет жертвовать ни одним, чтобы утихомирить свои страхи. Если Беккет на самом деле окажется угрозой, она разберется с ним сама. Пока же…

Пока же, если ей *придется* посылать друзей на смерть, пусть у этого хотя бы будет причина. О да, Сэмюель не будет этому рад – возможно, даже откажется помогать ей в дальнейшем, - но, с другой стороны, она и так уже несколько ночей не могла с ним связаться. Она почувствовала короткую вспышку беспокойства за своего советника, но отстранилась от него, как и от всех прочих трудных вещей, которые ей предстоит выдержать ради блага своих людей.

Дженна Кросс затолкала мысли о Беккете так глубоко, как только могла, и переключила внимание на планирование своей безнадежной обороны против

Камарильи, которая, похоже, окончательно перестала следовать хоть чему-то, напоминающему правила.

Гостиница «The Mission Inn»,

Риверсайд, Калифорния

«Кто за?»

«Кто против?»

«Инициатива отклонена. Собрание переносится».

Хардештадт сидел, откинувшись на спинку пышного кожаного дивана; одной рукой он подпирал подбородок, в другой был пульт дистанционного управления. Он в очередной раз перемотал запись на несколько секунд и в очередной раз просмотрел, как трое старейшин оказываются убиты силой, которую они – и он – даже не смогли увидеть.

«Как вы заметили, - сухо сообщил он тем, кто собрался в комнате за его спиной, - у нас теперь еще одна проблема». Хардештадт поднялся и развернулся, оставив запись прокручиваться на широкоэкранном телевизоре. Он сосредоточился на лицах остальных.

Федерико ди Падуя, лицо которого сейчас было таким же уродливым, как и в лучшие годы, благодаря шрамам от последней встречи с худокровками Кросс, похоже, только и мог, что качать головой, не веря тому, что видел. Пальцы Тегириуса так сжались на спинке стула, позади которого он стоял, что дерево уже давно треснуло и встопорщилось щепками. Кок Робин и разнообразные офицеры Хардештадта по войне за Лос-Анджелес демонстрировали подобные же оцепенение и страх. Наконец, Люсинда, юстициарий Вентру, которая лишь ненадолго оказалась в Риверсайде по какому-то делу (таковых у нее, как у одной из величайших и самых занятых полевых агентов Внутреннего Круга, еще остающихся в строю, было достаточно много), задумчиво приподняла бровь, но в остальном никакой реакции не проявила.

Хардештадт нахмурился, оглядывая собравшихся Сородичей и отмечая у всех раны и выражение измотанности. Худокровки Кросс справлялись слишком хорошо. Он, далеко не в первый раз, задумался: не сливает ли им кто-нибудь информацию. *Еще* одна проблема, с которой ему нужно разобраться.

«С нашей стороны было бы глупо, - отметила Люсинда, отбрасывая каштановый локон с глаз жестом, больше подходящим невинной молодой женщине, которой она казалась на вид, чем древнему и беспощадному существу, которым она была на самом деле, - игнорировать время этого события. Что бы ни ударило по конклаву в Лилле, оно явно отреагировало насилием именно на предложение Пашека». Она пристально уставилась на Тегириуса, который, завороженный, все еще не сводил глаз с экрана телевизора.

«Как насчет этого, Тегириус? – спросил Хардештадт. – Могут ваши бывшие братья оказаться ответственными за это?»

«Не представляю, каким образом, - возразил Ассамит, с усилием отрывая взгляд от экрана. – Даже сам Ур-Шульги не так быстр и не так скрытен, чтобы суметь

вторгнуться на целый конклав могучих старейшин и убить нескольких, оставшись незамеченным».

«Но все же, эксперт по части внезапных убийств здесь скорее вы, чем мы, - парировал Кок Робин своим странным искаженным голосом. – Нет ли у вас соображений, что могло это вызвать?»

«Никаких. Мне жаль».

Хардештадт, и не оглядываясь, мог сказать, что минимум половина присутствующих не верит в заявленное незнание Тегириуса. Поскольку ситуация была напряженной, они хотели найти виноватого, и то, что Ассамит такового не назвал, их не порадовало.

Они по большей части были испуганы. Хардештадт, несмотря на свою гордость, признавал это. Теперь увядание убивало, и ни один старейшина не мог быть уверен в своей безопасности. Они пошли даже на то, чтобы перенести в соседний номер несколько парализованных кольями неонатов – под постоянной охраной, разумеется, - на случай, если кто-то из древних почувствует, что его одолевает неожиданная волна слабости. Все возможные концентрационные заведения на всех известных территориях Камарильи были заполнены настолько, насколько это удавалось ответственным за вопрос, но даже это представлялось недостаточным. Хардештадт знал, и все они знали: с развитием увядания и ослаблением Сородичей у них рано или поздно закончатся молодые вампиры, пригодные для питания. Сейчас не оказывалось успешным и одно Обращение из пяти. Хардештадт почувствовал, как от мысли об этом у него внутри нарастает паника, и подавил ее вместе со внезапным острым желанием наведаться в соседнюю комнату за одним из детей. Он не мог себе позволить утолять голод, пока он не станет действительно одолевать. Сородичам предстояло нормировать свое потребление, пока все не закончится.

Тем или иным образом.

«Это могла быть какая-нибудь магия крови, что-нибудь тауматургическое, - отметил ди Падуя. – Ну да, Тремер на вид пропали, но действительно ли их больше нет? И даже если нет, не может ли это быть постэффектом того, что они там могли натворить вызвавшего увядание?»

«И магия крови не обязательно означает Тремер, - мягко добавила Люсинда. – Это могли быть Цимисхи, хотя они, похоже, тоже исчезли. Джиованни. Предвестники». Она не упомянула Ассамитов, но быстрый косой взгляд на Тегириуса не оставлял сомнения: вопреки его заверениям, она все еще считала их вероятными подозреваемыми. Он угрюмо уставился на нее в ответ.

«Это, - сообщил им Хардештадт, - является идеальным примером того, почему я выбрал изменить мою стратегию в том, что касается быстрого покорения Кросс и ее ничтожеств».

Он начал расхаживать по комнате, насколько позволяли ее размеры, обращаясь к собравшимся Сородичам, словно генерал к войскам. «Мы столкнулись, вероятно, с величайшим вызовом со времени Мятежа Анархов и самого образования Камарильи. Увядание наносит нам удары изнутри. Странные сущности появляется среди нас. Мы имеем дело не менее чем с двумя: той, что явилась на конклав, и таинственной тьмой, которая накрыла Милан, когда исчез князь Джангалеаццо».

При упоминании об этом в разных концах комнаты раздалось неразборчивое бормотание. Небольшое, но активно выражающее свое мнение меньшинство в рядах официальных лиц Камарильи полагало, что исчезновение Джангалеаццо во тьме

Бездны означало, что он снова переметнулся, что он бежал назад в Шабаш. Но, учитывая нынешнее состояние дел Меча Каина, Хардештадт знал, что они вряд ли радушно примут в свои ряды нового старейшину, особенно такого, кто долго считался предателем их дела. Джангалеаццо заслуживал многих наименований, но Хардештадт знал, что дураком князь не был. Нет, с ним что-то случилось, и эта сущность тени – возможно, насланная Ласомбра Шабаша, - была замешана в деле.

«Многие из наших братьев и сестер во Камарилье, - продолжил Хардештадт, - начали воспринимать все это как знаки того, что пришла Геенна. И не только неонаты, но многие из тех, кому должно было быть виднее. Анархия и беспорядок распространяются, как лесной пожар, и, словно пламя, поглотят нас, если мы им это позволим.

И теперь нам нужно еще и разбираться с этими расползающимися паразитами из числа худокровок? Если говорить просто, у нас на тарелке слишком много блюд. Наше внимание разделено, наши силы не могут прикрыть все фронты. Для нас *жизненно* важно преодолеть первый из этих барьеров настолько быстро и решительно, насколько возможно, чтобы мы могли сосредоточиться на остальных. Таким образом, Кросс должна быть раздавлена немедленно.

У нас больше нет времени на игры, нет времени на маленькие схватки, одиночные проникновения, скрытное маневрирование. Хотя мне больно это признавать, мы вынуждены позаимствовать метод у нашего злейшего врага. Мы должны организовать осаду ЛА и других оплотов худокровок, как Шабаш сделал бы с нами».

«Способны ли мы? – почти обыденным тоном спросила Люсинда своего собрата по клану. Даже Хардештадт не был уверен: действительно она возражает, или изображает адвоката дьявола. – Есть ли у нас силы? Худокровки превосходят нас числом, Хардештадт, а мы сейчас далеко не на пике силы».

«Сами худокровки дадут нам силы, ибо мы будет питаться теми, кого не убьем на месте. Они могут похвастаться числом, но у нас есть ресурсы. Мы знаем, где они есть, где встречаются их вожаки, где их логова». Пока Основатель говорил, его глаза, казалось, начали тлеть, как угли. Хотя прошло много столетий, Зверь в нем не забыл, что когда-то он был военачальником и сыном военачальника. Война не была для него в новинку, не была его врагом. «Кросс и ее люди не могут вынужденно заинтересованы в том, чтобы их территория страдала как можно меньше, но мы больше не можем себе позволить об этом заботиться».

«Еще больше бомб? – спросил ди Падуя обеспокоенным голосом. – Больше огня? Больше происшествий? А как же Маскарад?»

«А что Маскарад? – Хардештадт с жаром уставился на архонта. – Мы привлечем внимание, это правда, но смертные не поймут, что вокруг них происходит нечто большее, чем конфликт их же собственного рода. Учитывая события нескольких прошлых лет, я сомневаюсь, что они вообще удивятся сообщениям о новых «террористических актах». – Основатель обернулся к Тегириусу. – Если вы или ваши братья располагаете какими-нибудь гулями родом из ваших родных земель, нам может понадобиться их позаимствовать, возможно, даже позволить убить одного или двух, чтобы их нашли власти. Вы, разумеется, получите компенсацию».

Ассамит сжал зубы до боли, но не сказал ничего. Вместо этого, когда совещание Хардештадта по планированию ужасов перешло к деталям и обсуждению того, как лучше бить по конкретным целям, он поднялся и, извинившись, собрался уходить. Поскольку Тегириус не был напрямую вовлечен в войну за Лос-Анджелес, Хардештадт разрешил ему уйти.

Тегириус несколько секунд помялся перед дверью в соседний номер, борясь с искушением. Но нет; хотя хорошее питание позволило бы ему почувствовать себя лучше, необходимости он не ощущал, а он, как и Хардештадт, осознавал необходимость сдерживать себя. Скоро все будет лучше. Скоро у них будет множество пленных худокровок, чтобы утолить жажду. До тех пор – умеренность во всем. Тегириус отступил от двери и вернулся в комнату, которую Хардештадт предоставил ему на время пребывания в Риверсайде. Он прошел мимо нескольких сотрудников отеля – все они к этому времени уже находились под плотным и надежным контролем обитающих здесь Сородичей, - и закрыл за собой дверь в свое убежище.

Он застыл.

Нечто находилось в комнате вместе с ним. Тегириус не мог его видеть, не мог слышать, но он его ощущал. Оно отдавалось эхом в его душе, оно было связано с ним – он никогда не замечал подобной связи, но чувствовал ее всегда.

Горячий ветер пронесся по комнате гостиницы, переворачивая бумаги, шурша занавесками. У Тегириуса чуть не закружилась голова от мощного запаха крови, который следовал за ветром. Значит, это был тот же незваный гость, который оборвал конклав, безжалостный убийца, дела которого оказались запечатлены на видео Хардештадта, хотя сам он на нем и не появился.

И Тегириус знал, чем является это нечто.

Он не стал бежать, этот могучий старейшина Ассамитов. Он не попытался поднять руки, сражаясь против неизбежного. Он не стал кричать.

Тегириус преклонил колени в центре комнаты, глубоко склонив голову. На древнем арабском наречии он произнес свои последние слова.

«Я разочаровал тебя. Я опозорил тебя, и твое имя. Прости меня».

На какое-то мгновение ветер громко, пронзительно взвыл. Потом он исчез, оставив безмолвную комнату, пустую, если не считать кучи пепла на полу, по очертаниям похожей на человеческую фигуру.

Международный аэропорт Диярбакыра

Диярбакыр, Турция

«Синьоре Беккет, - неожиданно сказал Чезаре, когда вампиры собирали припасы для долгой дороги, - позвольте мне вас сопровождать».

«Что? – Беккет моргнул; вопрос оказался совершенно неожиданным, и ему потребовалось несколько секунд, чтобы убедиться, что он правильно понял своего гуля. – Чезаре, ты пилот. Ты нужен мне на самолете».

«По большей части да, конечно, Синьоре, именно здесь. Но в этот раз, какой прок от меня здесь будет? Что бы за неприятности с вами там ни приключились, я не смогу прибыть за вами. Разрешение на перелет через границу мне никогда не получить, а если меня собьют, хорошо от этого не будет ни мне, ни вам. Кроме того, здесь, в Турции, явным численным перевесом пользуются Ассамиты. Я никак не смогу себя защитить, если они захотят устранять вашу возможность к бегству. С вами я, по крайней мере, смогу быть еще одной парой глаз – глаз, которые, прошу заметить, могут оставаться открытыми и днем, - и, возможно, лишней единицей оружия, если

вы встретитесь с опасностью. Кроме того, я сам буду менее уязвим для нападения в вашей компании, чем сам по себе».

«Он может быть прав, Беккет, - отметил Капаней, видя, что Беккет остается мрачным. – По крайней мере, в чрезвычайном случае от него можно будет питаться».

«Гм… ну да, конечно». При упоминании этого Чезаре несколько спал с лица.

Еще несколько минут Беккет оставался мрачен, упрямо пытаясь найти хорошую причину для отказа. Ему не нравился Чезаре, и ему не нравилось, что гуль напоминает ему: когда приспичит, он играется с жизнями смертных точно так же, как и любой другой Сородич. В конце концов, он сдался. В конце концов, так гуль хотя бы не потащится за ними самостоятельно – вот уж что бы его убило почти наверняка. «Но тебе придется нести припасы, - сердитым голосом предупредил он гуля. – Если мне придется за тобой присматривать, то от тебя при этом должна быть хоть какая-то польза».

Через считанные минуты после их отбытия из люка шасси с глухим стуком выпрыгнула невидимая фигура. Все было еще лучше, чем он мог надеяться! Присутствие гуля могло предоставить ему огромный ассортимент интересных возможностей…

Он знал, что не сможет за ними угнаться. Ему нужно было обзавестись транспортом, как, несомненно, собирались сделать и они, и он не сможет оставаться достаточно близко к ним без риска обнаружить себя. Но все было в порядке.

Он совершенно точно знал, куда они направляются.

Юго-восточная часть гор Таурус

Возле Сирнака, Турция

Итак, они отправились в путь. Беккет нес на плече новую сумку с обычным своим снаряжением, Чезаре тащил сумку-холодильник с несколькими бутылками воды, сушеным мясом и сухофруктами, а так же несколькими пакетами крови из холодильника самолета.

Как они и предполагали, достать транспорт было легко; джип оказался не таким хорошим, как в прошлое путешествие Беккета по этим местам, но и ехать на нем так далеко они не собирались. На самом деле, им предстояло ехать всего лишь до Сирнака. В более спокойное время они могли бы пересечь границу с Ираком прямо на машине, или же на поезде. Но по нынешнему состоянию дел путешествия через границу были воспрещены, и строго. Сирнак находился на восточном склоне долины Тигра, окруженный горами Таурус, на расстоянии брошенного камня и от Ирака, и от Сирии. В этом месте, разделенные трехсторонней границей, друг на друга нехорошо посматривали три армии и несколько менее регулярных вооруженных формирований. Им предстояло дойти пешком, обходя стороной пристально охраняемый пограничный пункт в Хабуре. К счастью, Беккет не думал, что найти какой-нибудь другой транспорт уже в Ираке окажется сложно; мысль о том, чтобы преодолеть сотню миль от границы до Калат ат-Шерката пешком, его не вдохновляла.

Спешившись, они пользовались шоссе и железнодорожными путями, как ориентирами, двигаясь параллельно, но не пользуясь ими, двигаясь к юго-востоку от

Сирнака. Беккет мог бы проделать весь путь заметно быстрее и легче в обличье летучей мыши или волка, но он не собирался оставлять Капанея на этой стадии. Старейшина показал себя спутником чрезвычайно ценным и, что было много более замечательно, верным. Он заслуживал увидеть все до конца, если что-то вообще получится. И, опять же, нужно было думать о Чезаре.

Их путь был еще сильнее замедлен необходимостью прятаться от патрулей. Джип, который как-то проехал по шоссе всего в нескольких десятках ярдов от них, был почти таким же, как тот, на котором Беккет много месяцев назад добирался к Каймаклы, когда он был вампиром более невежественным, но и более довольным не-жизнью. В отличие от того, на котором ехал Беккет, этот был битком набит турецкими солдатами, и у каждого солдата было какой-нибудь очень большой ствол. То же относилось к джипу, который ехал следом, и к следующему, и к разномастным грузовикам процессии. Рев идущего конвоя почти оглушал, и земля поблизости слегка дрожала.

Беккет и его спутники не высовывались, пригнувшись среди камней. Он не был уверен, что кто-нибудь в этом подразделении снаряжен очками ночного видения, но рисковать не собирался. Военные патрули, стерегущие южную Турцию от иракских нелегалов и курдских сепаратистов, были людьми нервными и склонными стрелять в любую тень – и у них были на то причины. Беккету не хотелось, чтобы тенью оказался он.

Хотя местность поблизости была не особенно гористой (по крайней мере, по сравнению с остальными частями Турции), здесь хватало гор и холмов, и Беккет не сомневался, что они смогут находить убежище от солнца. Фактически, самым серьезным, на что он пока мог пожаловаться, был тот факт, что группа теряла по часу в каждую ночь путешествия потому, что они начинали искать пещеру или другое укрытие задолго до рассвета – чтобы точно успеть что-нибудь найти.

После нескольких ночей дороги они оказались ненадолго задержаны настоящим ограждением, проходящим по линии границы; после очередного недавнего конфликта ее серьезно усилили. Беккет знал, что легко может перелететь через режущую проволоку или просочиться сквозь нее, а Капаней, судя по проявленной ранее силе и стойкости, вероятно, смог бы залезть прямо по ней и не особенно порезаться. Но Чезаре, как Беккет и ожидал, создавал проблему.

В конце концов, после нескольких минут споров, Беккет перелетел поверх в обличье мыши, добрался к ближайшему военному посту и поджег грузовик. Этот маневр достаточно надолго отвлек патрули, чтобы он успел пешком вернуться к товарищам, встав напротив них по другую сторону стены в человеческом облике. Дальше Капаней, напрягшись, попросту перебросил гуля через проволоку. Беккет подавил неожиданное искушение позволить Чезаре приземлиться лицом оземь, в качестве урока за настойчивость, и поймал его. Капаней перебрался мгновением позже, не издав ни звука, хотя ограда под его весом колебалась и качалась. Когда он перелез, на нем не было ни единого пореза. К тому времени, как курдские и американские патрули вернулись на свои маршруты – ища диверсантов, так как установить причину возгорания они не смогли, - Беккет и остальные уже давно исчезли.

Еще исчез старый джип-пикап, конфискованный во время войны, но солдаты заметили его отсутствие только через несколько дней.

Долина Тигра

К северо-западу от Калат ат-Шерката, Ирак

Если подумать, эта пещера была лучшим, на что мог надеяться Беккет. И все же он чувствовал беспокойство. Капаней, Чезаре и он сам расселись в безопасности, до рассвета оставался всего час, а до Калат ат-Шерката – всего несколько ночей пешего хода. Все шло настолько близко к плану, насколько Беккет мог надеяться, и какой-то инстинкт подсказывал ему, что это не к добру.

Путь от границы прошел, как и ожидалось. Не считая изменившихся униформы и языка, солдаты на одной стороне границы казались очень похожими на солдат с другой, насколько они интересовали Беккета и спутников, а интерес они представляли лишь как препятствия, которые надо обходить. К сожалению, это не всегда было возможно: путешествие на джипе требовало от них держаться дорог, и целых три раза люди с большими стволами сигналили им остановиться. На первых двух остановках Беккет и товарищи смогли решить вопрос словами: гражданские по этим местам все же путешествовали, а люди, связанные с восстановлением местных нефтепромыслов и прочих объектов национальной инфраструктуры, занимались бизнесом пусть и рискованным, зато оборотистым. Некоторая сумма в американской валюте тоже помогла собеседникам расслабиться.

Третья остановка, к сожалению, произошла на более официальном посту, и солдаты потребовали какие-нибудь документы. Капаней смог затуманить разум солдат, стоявших у машины, но на остальных, стоявших в нескольких ярдах у дороги, его не хватило. Все трое сбежали в пустыню, бросив пикап. Дальше они пешком добрались до Мосула, там поохотившись и пополнив припасы, насколько это было возможно. После этого они следовали вдоль Тигра. Пейзаж стал менее гористым, и находить убежище было все сложнее, но они справлялись. И все же Беккет беспокоился.

В последние несколько ночей беспокойство сосредоточилось на Чезаре. Гуль, казалось, довольно неплохо справлялся с физическими тяготами путешествия, но он впал в молчаливость, говоря с Беккетом или кем-то еще только тогда, когда обращались напрямую к нему. Кроме того, в дороге он стал отставать, постоянно держась хотя бы в нескольких ярдах позади остальных. Когда Беккет начал расспрашивать его по этому поводу, Чезаре ответил: «Вы не можете позволить себе делиться со мной кровью прямо сейчас, Синьоре. Так что я держусь позади, где она не зовет меня и не искушает». Если честно, Беккет не был убежден, что дело только в этом, и более того, был убежден, что гуля смущает что-то еще, но прямо сейчас у него просто не было сил сейчас об этом беспокоиться.

Беккет как раз рассуждал сам с собой, не спросить ли у Капанея – возможно, он заметил с гулем что-нибудь неладное, - когда старейшина, расслабленно привалившийся к стене, резко встал и наклонил голову, словно прислушиваясь. Он дважды втянул ноздрями воздух, принюхиваясь. Беккет несколько секунд посмотрел на него и поднялся сам.

«Проблемы?»

«Что? – Капаней моргнул. – О, нет, никаких. Я просто… узнал это место. Я здесь уже был, много сотен лет назад».

«Здесь, в этих местах? Или ты имеешь в виду, даже в этой пещере?»

«В этих местах – определенно. Я не уверен… - Капаней резко повернул к выходу. – Я полагаю, я пройдусь и посмотрю вокруг, погляжу, не увижу ли еще что-нибудь знакомое. Я вернусь до рассвета, не беспокойся».

«Почему бы мне не пойти с…»

«Беккет, - с улыбкой ответил Капаней, - в первый раз с тех пор, как ты освободил меня из Каймаклы, я, возможно, нашел что-то, что знаю. Позволь мне немного побыть в одиночестве, предаваясь ностальгии. Пожалуйста».

Беккет глянул на Чезаре (тот просто пожал плечами) и затем кивнул: «Ладно, Капаней. Но будь осторожен. За нами все еще гоняются, и, насколько мы знаем, часть территории в округе заминирована».

«Я буду осторожен. Вернусь в течение часа». Старейшина ушел, оставив Беккета слегка озадаченным.

Долина Тигра

К северо-западу от Калат ат-Шерката, Ирак

Снаружи, в пустыне, в нескольких ярдах от главной дороги, которая в этом месте шла вдоль Тигра, девственный пейзаж пустыни портила рукотворная соринка. На песке стоял почерневший, разбитый остов, который когда-то был иракским танком. По-настоящему чуткий вампир мог бы суметь уловить запах крови людей, которые умерли в этом танке и вокруг него, хотя это и произошло довольно давно.

Никто из упомянутых вампиров, однако, не заинтересовался танком. Они просто проходили мимо.

Их было больше полудюжины, и они беззвучно скользили по песку. Незаметность их движения не была сверхъестественной по природе, хотя и могла бы быть, но была достигнута за многие годы тренировок и опыта. То, что большинство из них было почти невидимо, опять же, было достигнуто не за счет каких-то способностей крови, а просто за счет умения использовать ночные тени вокруг. То, что почти все обладали достаточно темной кожей, чтобы не выделяться на фоне ночного горизонта, тоже не вредило. Хищники пустыни, змеи и скорпионы бежали с их пути. Они могли узнать более могучих охотников, видя их.

Присутствуй при этом Беккет, он, возможно, опознал бы нескольких Ассамитов из Мишкольца. Они шли за ним из самой Болгарии, по дороге подбирая подкрепления. В отличие от худокровок, которые гнались за Беккетом, они не полагались на данные шпионажа, не знали ни бортового номера самолета жертвы, ни пункта ее назначения. Они шли по следу с помощью мистических средств, предоставленных чародеями их клана; теперь, с исчезновением Тремер, эти чародеи, очень вероятно, оставались самыми могущественными в мире. Благодаря талисманам, дарованным этими магами крови, они знали и направление к цели, и расстояние до нее. Беккет был менее чем в часе пути и не двигался. Укрылся от приближающегося дня, без сомнений. Ассамиты застигнут его за минуты до рассвета. Он не сможет бежать, и, загнанный в угол, умрет. Они воспользуются убежищем, которое он для них так любезно нашел, и следующей ночью отбудут. Пока что им не удавалось связаться с Тегириусом и доложить обстановку, но он, несомненно, будет доволен, когда они наконец выйдут на связь.

Ведущий котерии Ассамитов первым обогнул выгоревший каркас. И за ним, на другой стороне, кто-то поджидал их.

На целую долгую минуту ассасины застыли, оценивая ситуацию. Очевидно, они были обнаружены, несмотря на всю их скрытность. Несколькими малозаметными

жестами ведущий раздал приказы. Его спутники рассыпались веером, чтобы подходить к незнакомцу с разных сторон, а сам вожак шагнул вперед.

«Я впечатлен, - сказал он на английском с сильным акцентом; он выбрал этот язык, потому что знал, что им владеет собеседник. – Действительно немногие могли бы вообще заметить наш приход, а тем более с такого огромного расстояния».

Капаней кивнул: «Я тоже впечатлен. Немногим бы хватило способностей и упорства, чтобы вот так следовать за нами по миру. – Он равнодушно глянул на Ассамитов, которые двигались, окружая его. – Вы пытались убить меня в Мишкольце».

«Мы пытались. И нам это не удалось, хотя мы к такому непривычны. – Ведущий начал медленно двигаться вперед рассчитанным шагом, чтобы привлекать внимание Капанея и мешать ему следить за остальными. – И все же, наша цель не ты. Если ты решишь уйти сейчас, мы тебе это позволим. Я не могу обещать, что ты найдешь убежище прежде, чем встанет солнце, но так у тебя будет больше шансов, чем если ты попытаешься нас остановить».

«В самом деле. – Голос Капанея звучал с заметным невниманием к прозвучавшей угрозе. – Позволь мне сообщить тебе, Халид, что произойдет в ближайшее время».

«Как ты узнал мое…»

«Ты и твои браться, - продолжил Капаней, не позволяя себя перебить, - сейчас уйдете. Вы повернете назад, покинете Ирак и прекратите все дальнейшие попытки убить Беккета и его спутников».

«В самом деле? – Ведущий Ассамитов, Халид, поднял руку, готовясь дать сигнал к атаке. – И почему мы это сделаем?»

Капаней улыбнулся: «Мне отрадно, что ты спросил».

На долгие минуты над пустыней повисла мертвая тишина, которую нарушали только слова Капанея; он говорил не на английском, но на древнем языке, который Ассамиты не могли знать, но почему-то смутно понимали. Слова, казалось, были обращены не к самим Ассамитам, но к их Зверям – и Звери корчились в ужасе. Даже ветер смолк и затих, словно сам мир, напрягшись, слушал голос старейшины.

По мере того, как Капаней говорил, он каким-то неявным образом менялся. Это не была физическая трансформация. Скорее, он позволил проявиться достаточной части себя, чтобы его слова приобрели вес.

Внутри, под потемневшей от времени кожей, безжалостные убийцы клана Ассамитов побледнели. Когда старейшина наконец прекратил говорить, они, как один, развернулись и без оглядки побежали обратно в пустыню, из которой пришли. На жизнь Беккета больше не будет покушений – во всяком случае, со стороны любого из Ассамитов Камарильи.

Искривив губы в выражении, которое вполне можно было назвать ухмылкой, Капаней развернулся и двинулся назад в пещеру.

Калат ат-Шеркат

Бывшее местоположение города Ашур

Последние два дня прошли совершенно отвратительно. Не находя пещер для укрытия, Капаней был вынужден закапываться в землю. Чезаре прикрывал себя рубашками спутника, чтобы защищаться от прямых лучей давящего, изнуряющего солнца. Беккет благодаря своим дарам Гангрела был способен просто смешаться с землей, но его товарищам от этого было не легче. К тому времени, как они увидели перед собой первые строения Калат ат-Шерката, они были чрезвычайно рады наконец выбраться из каменистой пустоши.

Сам по себе город, служащий домом примерно сорока тысячам душ, выглядел очень похоже на любое другое пустынное поселение. Даже после заката люди, одетые в самую разнообразную одежду, от футболок и вещей защитного цвета до паранджей, бродили по улицам по каким-то своим делам. У многих были затравленные, перепуганные лица, и они сторонились чужаков – включая Беккета и его спутников.

Большая часть города состояла из каменных домов. Некоторые стояли на улицах с настоящими мостовыми, другие – преимущественно по окраинам – просто выстроились вдоль грунтовых дорог. То тут, то там среди домов были видны другие постройки, здания официального или коммерческого сорта; много таких сгрудилось в центральном районе, который с большой натяжкой можно было назвать «даунтауном».

Многие части города все еще лежали в руинах; там, где когда-то жили и работали люди, оставались черные воронки и груды обломков. Калат ат-Шеркат не был военным объектом, но несколько раз в течение войны по нему наносили удары из-за слухов о том, что где-то в городе спрятана фабрика по производству оружия специального назначения. Беккет уже давно перестал обращать внимание на большинство войн смертных, но конкретной за этой следил в связи с тем, что занимался кое-какими историческими местами в пределах этой страны. Он не знал, существовала ли фабрика на самом деле, но уж теперь ее здесь точно не было.

Калат ат-Шеркат больше е сохранил никаких настоящих остатков своей былой славы. За тысячу лет он прошел через много нападений, перестроек и раскопок, начиная с седьмого века до Р. Х., и все древние строения, памятники и прочие сооружения уже давно сгинули.

Но *где-то* среди зданий или развалин была яма, яма, которая, если верить рассказам, вела не только в глубину земли, но, в каком-то смысле, в глубины самого порока, в глубины Ада. И, если Беккету действительно повезет, где-нибудь поблизости окажется и женщина, в поисках которой он проделал такой долгий путь.

Теперь все, что от них требовалось – выяснить, где именно была эта чертова яма. С хорошей вероятностью в городе не было ни одного местного вампира, у которого можно было бы это спросить. Городок такого размера при обычных условиях мог вообще не числить среди населения Сородичей – максимум одного или двух. И любой вменяемый вампир сбежал бы из Калат ат-Шерката, не дожидаясь американских бомбардировок. Даже если здесь и обитала Райциэль, было очень сомнительно, чтобы в городе нашелся еще хоть один Сородич.

Беккет, свободно говорящий по-арабски, начал расспросы. Он объяснял, что он – антрополог, надеется сохранить местную культуру, не допустить, чтобы она оказалась утрачена в процессе восстановления. И прямо сейчас, говорил он, он изучает суеверия и местные мифы. Нет ли в городе, спрашивал он, какой-нибудь части, которая считается «несчастливой»? Какого-нибудь места, куда люди не станут ходить, если их не заставлять?

Поначалу ему отвечали немногие. Большинство населения, по вполне очевидным причинам, нервничало в присутствии чужаков. Опять же, у большинства не было свободного времени, чтобы говорить на незначительные темы.

И все же, в конце концов, хотя для этого потребовалось пожертвовать некоторой суммой в долларах и несколькими бутылками воды Чезаре, Беккет выяснил то, что ему было нужно.

В городе действительно была подобная часть, место, о котором с древних времен ходили слухи, что там обитают джинны или другие злые духи, место, где работали очень немногие и жили лишь самые бедные.

И, если бы Беккет хорошо над этим подумал, он и сам бы мог догадаться, где было это место. Все было элементарно.

Беккет, Капаней и Чезаре стояли на краю наиболее тяжело разрушенной части города, глядя на кучу обломков площадью примерно с городской квартал. Именно сюда и пришелся главный удар, именно здесь с самолета на предполагаемый оружейный завод сбросили двухтонную бомбу. Но Беккет знал, что под обломками погребено нечто похуже, чем любая возможная фабрика.

Это не могло быть совпадением. Несомненно, поганая природа самой ямы тянула к ней насилие. Несомненно, никто из генералов, которые планировали разрушение этого места, пилотов, которые привели план в исполнение и даже, если они вообще существовали, тех людей, которые решили разместить производство ужасного оружия в этом месте, - никто из них не представлял, что инстинкт вел их не меньше, чем военная целесообразность. Тьма призывала тьму, а это место, которое породило Баали, не могло не притягивать самые мерзкие желания и самую сильную ненависть, что только могла породить человеческая природа.

«Синьоре Беккет, вы ведь не думаете, - спросил Чезаре, когда все трое беспомощно глядели на многочисленные кучи обломков, которые когда-то были зданиями, - что та женщина лежит где-то внизу под всем этим».

Разумеется, первой мыслью Беккета как раз это и было. Ему потребовалось немного времени, чтобы успокоиться и усмирить Зверя, который хотел взвыть от досады и ярости, а потом пожрать всех, кто был рядом. Потом он смог ответить.

Несколько секунд рационального мышления помогли.

«Не думаю, Чезаре. Она хотела быть рядом, где никто не станет ее искать, но она не захотела бы сидеть прямо сверху. Даже если предположить, что само это место не воздействует на обитателей, развращая и искажая их, она все равно не хотела бы каждую ночь, просыпаясь, бередить скверные воспоминания. Нет, она где-то рядом. Все, что нам нужно – ее найти».

«Это если предположить, - мягко отметил Капаней, - что она уже давно не покинула здешние края. Сообщению того Цимисхи уже несколько лет».

«Даже не начинай, Капаней. Этот мост я сожгу, когда подойду к нему. – Он настороженно огляделся, не обращая внимания на то, что из нескольких ближайших окон на него уставились беднейшие из бедных жителей города. – Пошли, скоро уже рассвет, а завтра нам предстоит долгая ночь. – Он махнул рукой, обводя жестом весь квартал. – Здесь достаточно заброшенных строений; я уверен, что хоть в одном есть подвал или замкнутая комната, которой мы сможем воспользоваться.

Чезаре, спи сколько потребуется, но постарайся хотя бы раз в течение дня выйти на улицу и попробовать что-нибудь разузнать».

«Синьоре, я не говорю по-арабски».

«О Господи, Чезаре, здесь достаточно многие знают английский. Я же не прошу доставить мне Райциэль, обвязанную розовой ленточкой с бантиком. Просто посмотри, не сможешь ли узнать хоть *что-то* полезное».

«Разумеется, Синьоре. Я сделаю, что смогу».

«Хорошо. Теперь давайте найдем подвал, пока мы не начали загорать».

Заброшенный дом

Калат ат-Шеркат, Ирак

«Беккет? Беккет!»

Он не хотел открывать глаза. Свет причинит им боль. «Вали. Сплю».

Хотя он не мог видеть, он почему-то знал, что на коленях рядом с ним стоит именно Анатоль.

«Беккет, тебе надо проснуться».

«Тебе что, больше являться некому? – раздраженно пробормотал Беккет, разлепляя глаза как раз настолько, чтобы увидеть лицо Малкавиана, обрамленное светлыми волосами. Он не мог нормально рассмотреть черты лица старого товарища. Свет, бьющий из-за его спины, был слишком ярким. – У тебя ведь наверняка есть и другие друзья, которые иногда спят?»

«Беккет, это плохое место».

«Ну да, конечно, это плохое место. Потому-то мы и здесь. Тут...»

«Беккет, оно для тебя плохое. И тебе нужно проснуться!»

«Анатоль, еще светло, я...»

«ПРОСНИСЬ!!!»

Ошарашенный и довольно сильно напуганный нечеловечески громким голосом Анатоля и зрелищем его растянувшегося рта, Беккет заставил себя открыть глаза полностью. Он чувствовал медлительность, вялость, словно пытался двигаться сквозь полузастывший цемент. В его голове стучало, Зверь, скуля, свернулся клубком в его животе. Он не мог, просто не мог оставаться на ногах днем. Он почувствовал, как его веки снова опускаются...

А потом, как раз до того, как он снова бы впал в забытье, он ощутил, как под его клыками рвется плоть, и почувствовал на языке медный привкус крови.

Беккет внезапно и полностью пробудился, в ужасе глядя на женщину – почти девочку – которую он сжимал в руках. Под этим углом он не мог видеть ее лица – только волосы, ухо, шею...

Зверь во мгновение ока из сонного состояния перешел в состояние полного контроля. Беккет ощутил себя марионеткой, которую дергают за нитки: его руки не подчинились приказу выпустить ее, горло продолжило глотать по собственной воле. Он буквально трясся от напряжения – но ему просто не хватало силы воли перестать. Лишь почувствовав, что втягивает воздух со странным вкусом – все, что осталось в опустошенных венах, - он отбросил тело с гневным воплем. Тело девочки, брошенное со всей силой гнева, с глухим звуком врезалось в дальнюю стену.

Вокруг него на полу валялась, как мусор, остальная семья девочки. Женщина постарше; человек с раненой ногой, возможно, жертва войны; маленький мальчик, возможно, ее брат. Все, все они были мертвы, и Беккет выпил их них больше крови, чем ему могло бы захотеться даже в тисках ярости. Они наверняка забрели в здание по какой-то причине. Может, они были бездомными и привыкли находить здесь укрытие от дневного солнца. Но как он…

Беккет огляделся вокруг, и ужас пробрал его до костей: он стоял в считанных футах от входной двери здания. Только удача и ставни на окнах в данный момент защищали его от солнца, заходящего, но все еще смертоносного.

Он не просто ухватил во сне прохожего и подкрепился. Он поднялся из подвала наверх, открыл минимум одну дверь, прошел по короткому коридору…

А если бы его сон не разбудил его, что тогда? Мог бы он в этом лунатическом состоянии и дальше идти на запах крови? Мог бы открыть эту дверь и испепелить сам себя, так и не проснувшись?

Дело наверняка было в яме, он не сомневался. Даже сейчас, погребенная под тоннами мусора, она источала отвратительные эманации, которые отравой вплелись в его разум и сейчас извивались в нем. То, что оно оставалось мистически активным, его не удивляло, но то, что оно обладало такой властью над только что прибывшим, что оно смогло так быстро на него повлиять – это не просто шокировало, это повергало в ужас.

Беккет побежал назад, вниз по лестнице. Что с остальными? Неужели они…

Нет, Капаней лежал в углу, который выбрал, мертвый для любого обследования, которое могли бы измыслить смертные. То ли большая сила крови, то ли большая сила воли, чем у Беккета, позволяли ему остаться незатронутым ямой – во всяком случае, пока. Чезаре с мутными глазами сидел, прислонившись к стене, и на его покрытом потом лице было явно видно, насколько тяжело далось ему путешествие.

Коротко кивнув гулю, Беккет сел напротив Капанея и следующие полтора часа невидящими глазами смотрел в темноту; и разум, и душа его были опустошены воспоминанием о семействе трупов наверху. В тот день он больше не заснул.

Заброшенный дом

Калат ат-Шеркат, Ирак

Беккет как раз закончил рассказывать Капанею, что произошло, когда вернулся Чезаре, примерно через час после заката. Он выглядел довольно измученно, и на все вопросы только и сказал, что, несмотря на все усилия, он не смог узнать ничего стоящего. Уже ощущая глубокое разочарование, но решительно настроенный не проводить следующий день в этом покинутом Богом месте, Беккет побрел наружу; товарищи последовали за ним.

«Невероятно, - пробормотал он Капанею, когда они стояли на улице и смотрели, как мимо идут редкие пешеходы. – Мы знаем, что она в городе. Черт, мы даже предполагаем, что она рядом. Но мы не знаем, как ее найти!»

«Эта женщина не желает, чтобы ее находили, Беккет. Она не сделает эту задачу легкой для нас. Я уверен, со временем мы сможем ее обнаружить, но для этого потребуется оставаться здесь много ночей. Я не уверен, что мы можем себе это позволить».

Но Беккет перестал его слушать после первого же предложения. Вместо этого, с блеском в глазах, почти таким же ярким, как недавно исчезнувшее красное свечение, Беккет вышел на середину улицы.

«Я, - мягко сказал Капаней Чезаре, - не доверяю этому выражению на его лице».

Гуль печально кивнул. «Боюсь, Синьоре Беккет собирается сделать что-то в высшей степени неумное».

«*Райциэль*! – И Капаней, и Чезаре слегка подскочили от того, насколько громко заорал Беккет. – Райциэль, я знаю, что ты здесь. Мы просто хотим поговорить!»

Еще до того, как улеглось эхо, оба спутника Беккета стояли рядом с ним. «Что ты делаешь?! – прошептал ему Капаней. – Ты с ума сошел?»

«Ты же сам сказал, Капаней. Эта женщина не хочет, чтобы ее находили. Так что у нее есть хорошая причина прийти и заткнуть меня, так? *Райциэль*! – Беккет медленно двинулся по улице, игнорируя шокированные взгляды прохожих. – Мы не желаем тебе вреда, Райциэль! Нам надо с тобой поговорить!»

«А не пришло ли тебе в голову, - продолжил Капаней, шагая рядом с Беккетом, - что она может предпочесть утихомирить тебя менее дружелюбными методами, чем слова?»

Беккет пожал плечами. «Для этого ей все равно придется показаться. *Райциэль*!»

Несмотря на возражения Капанея, вопли продолжались еще несколько минут, на разных улицах. Наконец, когда они проходили по узкому переулку между домами, и как раз когда Беккет набирал воздух для очередного вопля, чей-то голос прошипел из теней: «Хватит!»

Из другого переулка вышло трое. Первая была полностью укутана в паранджу; Беккет не мог различить ничего, кроме темно-карих глаз. Двое Сородичей, идущих рядом с ней, однако, были ему очень даже знакомы.

«Мне следовало этого ожидать, - оскалился Беккет, и руки его так сильно сжались в кулаки, что начали дрожать. – Я удивлен, что она еще жива; вы, должно быть, пробыли тут недолго».

«Они здесь не для того, чтобы чинить мне вред, - пояснила одетая в паранджу женщина на английском с сильным акцентом. – Они хотели лишь поговорить со мной, - как и ты, или как ты уже рассказал всем, у кого были уши».

«Ну правда, Беккет, - упрекнула его Люсита, сузившиеся глаза которой показывали, что она находит в происходящем не больше веселья, чем он сам. – Орать на улицах? Даже ты мог бы придумать что-нибудь менее заметное».

«Ты знала, где она? – прорычал Беккет, не сводя глаз с бывшей спутницы. – Когда мы беседовали на самолете, ты знала?» Он шагнул вперед; руки его были открыты, из пальцев выскользнули когти.

«Осади назад, Беккет» - предупредил Тео Белл, тоже делая шаг вперед.

«Нет, Беккет, я не знала, - сказала Люсита. – Но у меня было представление, как ее найти».

«И ты не сказала мне ни слова, сука такая!»

«А с чего мне было помогать *тебе*? Тебе неинтересно все это остановить, спасти все, ради чего мы работали! Ты хочешь только своего драгоценного просветления! Я могу использовать информацию и более полезным способом, чем помогать тебе оправдать твое бесполезное существование!»

«Черт тебя возьми, ты отняла у меня недели, или даже месяцы! – Зверь обрадованно встрепенулся от гнева в голосе Беккета, прибавил к этому голосу собственный. – Назови хоть одну причину, чтобы я отпустил тебя отсюда и дал возможность снова меня наебать!»

«Можешь попробовать меня остановить!» - отрезала Люсита; ее глаза пылали. Темнота у ее ног начала бурлить.

«Друзья мои, - начала Райциэль, - пожалуйста…»

Но и Беккет, и Люсита уже ничего не слышали, и Белл только и смог, что шарахнуться в сторону, когда когти Беккета полоснули по месту, где он стоял, пытаясь достать плоть Люситы. Тонкое щупальце протянулось из тени и отбило удар, остановив руку Беккета в паре дюймов от груди Ласомбра. Беккет развернулся, используя силу удара, и с разворота ударил ногой – но этому приему его научила сами Люсита. Она легко перепрыгнула удар, в прыжке пнула его в голову, приземлилась в низкую стойку и вторым пинком вышибла из-под Беккета оставшуюся ногу. Он с глухим стуком рухнул наземь. Люсита метнулась вперед, чтобы прижать ее к земле, и еле успела отскочить от удара когтями, который отсек бы ей минимум одну ногу на уровне лодыжки. Беккет перекатился вперед, и оба снова оказались лицом к лицу со вскинутыми руками.

«Беккет, - крикнул Капаней, пытаясь вклиниться между ними, - это бессмысленно». Белл одновременно крикнул спутнице почти то же: «Люсита, стой!» Райзиэль лишь печально качала головой, с отчаянием видя, что за много веков, проведенных ею в торпоре, Сородичи совершенно не изменились.

Но у Беккета и Люситы не оказалось возможности снова напасть друг на друга. Едва они напряглись, каждый в готовности сделать следующий ход, ночь расколол внезапный, высокий визг, напоминающий звук ржавой бормашины. По всему Калат ат-Шеркату и мужчины, и женщины в ужасе посмотрели в направлении центра города, откуда шел звук. Вампиры, оказавшись так близко от источника, были почти оглушены.

Люсита первой узнала звук: не крик какого-то живого существа, но рев ветра Бездны, сила, которой не было подобия в физическом мире. Она уже слышала их раньше, хотя не встречалась с таким, который звучал бы именно так.

За три квартала от них, из самого темного из всех темных мест, из ямы, погребенной под многими слоями обломков, в ночь пустыни, словно гейзер, изверглась тьма. Обломки камня и старые кости полетели в стороны, отброшенные

силой много больше, чем мог бы надеяться призвать любой Баали; эта сила прорвалась сквозь место их рождения и уничтожило его, словно детскую игрушку. Колонна тьмы воздвиглась подобно какому-то богомерзкому дереву; его крона расползалась все шире, стремясь стереть луну, звезды, все ночное небо. Щупальца тьмы хлестнули в разные стороны. Там, куда они попадали, разлетались здания. Там, куда они попадали, гибли люди.

Тень нависла над Калат ат-Шеркатом, и особенно над вампирами, собравшимися на улице.

И во тьме, закрывшей небо, там, где не мог пробиться никакой естественный свет, горела Красная Звезда.

Исламский Центр при мечети Эль-Пасо

Эль-Пасо, Техас

Фатима стояла на коленях, обратившись лицом к востоку, и молилась. Она медленно опустила лоб на коврик, продолжая славить имя Аллаха. Она искала направления. Она искала защиты. Но более всего она искала отваги, чтобы встретить то, что, как она знала, приближается.

Она молилась многие часы, как и много ночей до того. Она знала, что ее не станут прерывать. В этот поздний час здесь не было никого, кроме маленькой команды уборщиков, а с ними она нашла взаимопонимание сразу, как прибыла в Эль-Пасо.

Присутствие, которое она так долго чувствовала, тяжко давило на ее разум. Оно временно перемещалось за пределы, в которых она могла бы его преследовать. Она знала это, не зная, *откуда* она знает. И потому, вместо того, чтобы гоняться за ним по всему земному шару, она решила ждать.

Прошли недели, и, наконец, она снова ощутила его приближение. Она начала преследовать его, двигаясь на север, в Соединенные Штаты, но потом передумала. В Эль-Пасо она по чистой случайности наткнулась на Исламский Центр. Кроме того, вес чужого присутствия, который она ощущала разумом и душой, становился все сильнее. Она знала, что больше не гонится за ним. Оно шло к ней. И, раз Аллах привел ее в это святое место, то здесь она и встанет.

И так она ждала, молясь, ночь за ночью.

Еще до того, как начал дуть ветер, она уже знала, что больше ждать не придется.

Горячий ветер пронесся по комнате, растрепав ее волосы, сдув с места несколько ковров и настенных украшений мечети. Фатима ощутила запах крови, сильный, как от только что убитой жертвы. Глядя прямо перед собой, не желая попусту гоняться за ветром по комнате, она поднялась на ноги.

«Все, что я сделала, - начала она говорить на арабском, мягко, но твердо, - я сделала во имя Аллаха, но также, где возможно, и во имя твое. Все ради Его славы, но и ради твоей». Она ощутила, что ее голос дрожит. Смертоносная убийца из клана Ассамитов уже не помнила, как давно она не чувствовала настоящего страха. Ну что ж, если тот, к кому она говорит, вменит ей это в вину, да будет так. С ее стороны было бы глупостью *не* бояться.

«Я любила моих братьев, любила мой клан, с самых первых моих ночей. Тысячу раз я с радостью пожертвовала бы своим существованием ради них, умерла бы новой смертью в каждую ночь, что ходила по Земле. Я любила тебя.

Но я не стала – не смогла – предать моего Бога, даже по велению Ур-Шульги, твоего глашатая. И я думаю, что твои древние учения не стали бы от меня действительно этого требовать. Те, кто верен Ур-Шульги, зовут меня предательницей. Я говорю, что, оставшись верной Аллаху, и самой себе, я осталась верна и нашему клану.

Карай меня по своей воле. Но я не извиняюсь».

Проявив, возможно, величайшую отвагу за всю свою жизнь, Фатима подавила инстинкт тела и Зверя закрыть глаза. Она увидит его появление. Она посмотрит смерти в лицо, как делала всегда, один последний раз.

Горячий ветер подул сильнее…

И пропал.

Фатима аль-Фахади, как и многие до нее, предстала на суд. И – единственная – была оправдана.

Слезы крови покатились по щекам никогда не плакавшего Сородича. То были слезы облегчения, да, но прежде всего слезы радости. Всякое сомнение, которое она когда-нибудь ощущала, оказалось развеяно этим последним порывом пустынного ветра, ибо величайший из всех судий, кроме Самого Аллаха, объявил ее достойной. Пусть завтра придут смерть или Геенна – она встретит их с улыбкой.

«Спасибо тебе, Праотец Хаким» - тихо прошептала Фатима в темноту. Затем, подобно фантому, ушла и она.

Среди хаоса

Калат ат-Шеркат, Ирак

Объятые ужасом смертные бежали с воплями или застыли на месте, окаменев от страха, когда звезды над их головами просто исчезли, перестав существовать, а огни на улицах и даже в их домах померкли и потухли. Беккет и остальные метнулись в ближайшие убежища, оказавшись в комнатах, уже занятых перепуганным стадом. Беккет практически перепрыгнул через какого-то мальчика, оказавшегося на пути, и приземлился в центре комнаты, рядом с Капанеем и Люситой. Куда делись остальные, он не знал.

В воздухе разлился странный запах. Нет, даже не запах, а *отсутствие* запаха. Душок пота от смертных вокруг, кровь, пульсирующая в их жилах, пыль и камень, из которых состоял город – все это просто *исчезло*.

Тьма затекла внутрь с улицы снаружи. Часть ее казалась плотной, вливаясь в открытые окна, подтекая под двери. Другие части великой тени, однако, выглядели бесплотными, проявляясь из самих стен, словно они были лишь иллюзией.

На тех смертных, кто бежал от наползавшей тени, она не обращала внимания; те, кто застывал на месте, оказывались поглощены, их тела и души оказывались

проглочены темнотой, которая сама по себе была намного хуже, чем все, что она могла скрывать. Она поднималась и над городом, проходя сквозь крышу над головой Беккета, волны, щупальца и абстрактные образы черноты, клякса Роршаха, выплеснутая на лицо мира.

За все свои годы Беккет не видел ничего, хотя бы отдаленно похожего. Люсита – видела, и бесстрашную хищницу среди хищников била дикая дрожь, ибо она с ужасом понимала, с чем они столкнулись. Она уже имела дело с кошмарами Бездны, но они не были такими огромными, не имели столько чистой силы. И, что еще хуже, она чувствовала свою связь с ним, какой никогда не имела даже со своим сиром, кардиналом Монкада.

Она ощущала его почти как родителя.

Словно ее ужасающую догадку еще требовалось чем-то подтверждать, Люсита ощутила, что оставшиеся у нее скудные силы покидают тело, будто кто-то выдернул заглушку. Ее мышцы обмякли, кровь оскудела, даже ее плоть, казалось, съежилась на костях, оставив от нее иссушенную пародию на былую себя. Ее колени подогнулись, и только быстрые рефлексы Капанея не дали ей осесть на пол.

Но тень жаждала не Люситу. Дергась, словно ядовитые щупальца медузы, нити тьмы потянулись к Беккету.

Конечности из тени достаточной физической силы, чтобы сокрушать здания, и достаточной мистической силы, чтобы посрамлять величайших оставшихся в мире чародеев крови, метнулись вперед и вниз, и, даже если бы они двигались не со скоростью молнии, Беккету некуда было деваться. Он не смог сделать ничего, кроме как дернуться в сторону, когда щупальца хлестнули по нему…

И прошли прямо сквозь него, словно он был призраком. Он ощутил странный, болезненный холод, прошедший по его душе, почувствовал, как Зверь внутри сжимается, но никакого вреда ему нанесено не оказалось.

На какой-то долгий (и, потенциально, последний в своей жизни) миг Беккет не мог делать вообще ничего – настолько его шокировало то, что он остался цел. Он дикими глазами огляделся вокруг, столкнулся с таким же напряженным взглядом Капанея. Если Люсита, свисавшая из рук старейшины, и увидела произошедшее, то у нее не было даже сил как-то отреагировать.

Тень взвилась, как испуганная лошадь, частично пройдя сквозь потолок. Щупальца били снова и снова, и каждый раз они проходили сквозь Беккета, или разбивались о него, истаивая, как дым.

«Люсита?! Беккет?! – Кричали снаружи; секундой позже дверь вышибла нога в тяжелом ботинке. В проеме стоял Белл с дробовиком в руках. – Вы как? Мы не знали, куда вы делись, и… Ебаная срань!!!» Белл прыгнул в сторону, когда какое-то шальное щупальце небрежным жестом махнуло в его направлении, обрушившись на то место, где он стоял.

Этого хватило, чтобы вывести Беккета из оглушенного ступора. «Капаней, беги!» - выкрикивая это, он сам уже пронесся к двери, ухватил Белла за рубашку и вытащил его за собой. Капаней, перекинув Люситу через плечо, словно пожарный, следовал на пару шагов позади. Райциэль и Чезаре ждали в дверном проеме через дорогу, глядя вверх, на клубящуюся тьму, которая теперь заполнила все ночное небо.

«Разрази его Бог! – Беккет настолько ошалел от ярости, выбравшись на улицу со всеми остальными, что она временно перекрыла страх. – Почему все пытаются убить именно *меня*? Какого хера ему от меня надо?!»

«Возможно, - мягко предположила Райциэль, - нам следует задаться этим вопросом несколько позже, и в каком-нибудь ином месте?»

«Я с ней» - объявил Белл.

«Ну да, - ответил Беккет, - если не считать того, что оно, похоже, почему-то не может мне повредить. Хотел бы знать, почему, но это значит, что оно на самом деле может разве что пытаться напугать меня до…»

Та часть тени, что напала на Беккета, вырвалась из здания, словно огромный кит, прорвав поверхность камня. Огромные куски камня и бетона, обломки мебели и куски тел взмыли в ночное небо и дождем обрушились на улицы Калат ат-Шерката. Даже бомбы, которые падали на город в войну, не вызывали такого страха, ибо они, по крайней мере, были не настолько необъяснимы и непонятны. Тонны обломков приземлились на здания, на дома, на машины. Десятки людей погибли под этим ударом, сотни оказались ранены.

Беккет вытащил себя из-под старой ванны, скривившись, когда его левая рука согнулась где-то между локтем и запястьем: он закрылся ей от летевшего куска бетона. Он заставил себя не обращать внимания на боль, заставил тело влить в рану столько крови, чтобы хватило усилить кость, и не больше. Он сможет полностью вылечиться позже; прямо сейчас, как он предполагал, сила ему понадобится для другого.

Капаней стоял на коленях, укрывшись в дверном проеме через улицу, Райциэль была рядом, Люсита все еще была переброшена через его плечо. Как он сумел так быстро туда добраться, Беккет не знал. Чезаре лежал на улице и стонал, по его волосам бежала кровь, на животе была болезненного вида рана, но, насколько можно было видеть, немедленная помощь ему не требовалась.

Большой кусок дома отвалился в сторону, и из обломков поднялся Тео Белл; по его лицу стекала кровь, в глазах стояло желание убивать. «Я думаю, - огрызнулся он в направлении Беккета, - эта штука очень даже способна выколотить из тебя дерьмо».

«Беккет, - обманчиво спокойным голосом позвал из двери Капаней. – Я думаю, у меня есть план «Б», о котором ты спрашивал в Мишкольце».

«Бежать, словно на подходе рассвет, а мы стоим лицом к западу?»

«Нечто вроде того, да».

«Очень своевременно с твоей стороны. – Беккет поглядел вверх, на нависшую тьму, которая, разнеся укрывавшее их здание, похоже, замерла без движения. – Давайте убираться прежде, чем эта штука осознает, что у нее в арсенале есть еще одно оружие, и…»

Раздался скрежет разрываемого металла и грохот камня, и верхние два этажа ближайшего здания просто разлетелись, превратившись в град смертоносных обломков: на них с размаху обрушилось сотканное из тени щупальце толщиной больше городского автобуса. И снова на Беккета обрушился целый дождь из металла, и камня, и стекла, и тел – некоторые из которых кричали до того самого момента, как ударялись о землю. Но на сей раз это уже не было случайным последствием какого-то беспорядочного действия. На сей раз удар был прицельным. Беккет почувствовал, как

что-то рвануло его левый бок, оставив болезненную рану, почувствовал, что его правая нога оказалась раздроблена в колене и еще минимум в двух местах, а правое плечо выбито из сустава, а потом его поле зрения стремительно заполнил собой летящий экран от старого телевизора. Потом был удар, и чернота почти такая же кромешная, как пришедшая за ним сущность из тьмы, поглотила его с головой.

Долина Тигра

К западу от Калат ат-Шерката, Ирак

Беккет внезапно пришел в себя. Внезапность перехода из забытья в сознательное состояние была один из тех моментов существования Сородича, без которых он иногда хотел бы обойтись. Если бы он бодрствовал в течение дня, он бы плохо соображал, был лишь наполовину в сознании – зато у него было бы время, чтобы медленно воспринять происходящее вокруг. Ночью же вампир либо полностью бодрствовал, либо лежал без сознания. Если не считать крови, напичканной наркотиком, или сверхъестественного воздействия того или иного рода, возможности промежуточного состояния не существовало.

Сначала он ощутил удар боли – резкий приступ, отдавшийся в его правой ноге, в обеих руках, груди, голове. Везде было знакомое ощущение: раны, которые начали излечиваться, когда тело инстинктивно подогнало к ним кровь, но излечились лишь отчасти. Он мог двигаться, вероятно, мог бы даже бежать на короткие дистанции, если приспичит, но ничего приятного в этом бы не было.

Беккет не открывал глаза, пытаясь определить, что происходит вокруг, с помощью остальных чувств. Его лицо обдувало ветром. Слегка теплым, шершавым, пахнущим камнем и песком. Пустыня, никаких сомнений. Рев откуда-то из-за головы и то обстоятельство, что его швыряло и перекатывало, предполагали автомобиль, и, если судить по силе ветра, скорость была большой.

И кровь. Даже внутри сумки Чезаре, даже сквозь пластик упаковки он чуял кровь. Беккет открыл глаза.

Он валялся в кузове побитого оранжевого пикапа – очевидно, просто заброшенный туда безо всяких церемоний. Люсита лежала рядом, и выглядела еще хуже, чем он ощущал себя сам. Не знай он правды, он принял бы ее за настоящий труп, таким изможденным был ее вид. Чезаре сидел за ними, прижав колени к груди и обхватив их руками. Капаней тоже был в кузове, расположившись на коленях возле заднего борта и пристально глядя назад. Оставалось рассудить, что Белл сидит за рулем, а Райциэль – рядом с ним, если все до сих пор в сборе. Болезненно и неловко Беккет поднял себя в сидячее положение и увидел…

Увидел то, что было позади них. Он немедленно забыл о желании посмотреть, кто в кабине.

Вдалеке он все еще мог видеть Калат ат-Шеркат, где в ночное небо все еще поднимались столбы пыли и дыма; множество городских зданий, намного больше, чем те два, что он успел увидеть, находясь в сознании, оказались попросту разнесены, стерты, словно какой-то ребенок выместил злость на замке из песка. Каменистая пустыня под ними грохотала и перекатывалась; маленький фургон скрипел и фыркал, несясь по местности, для езды по которой он просто не был приспособлен.

А в воздухе над ними клубилось облако чистой тени. Оно тянулось почти от самого города и катилось по небу, словно грозовой фронт. Вниз и вперед, словно

молнии, били щупальца тени, вырывая из ложа пустыни куски камня и пригоршни песка. Небо впереди них было полно звезд и мягкого лунного света; позади них простиралась пустая чернота.

Что было еще хуже, тени также тянулись спереди и с обеих сторон пикапа, пытаясь ухватить колеса или как-нибудь еще задержать машину. Великая сила из Бездны позади них не могла сама дотянуться так далеко. То, что их атакует и темнота впереди, означало, что это существо не только вышло из Бездны, но и способно *управлять* Бездной, как и сами Ласомбра.

Беккет рывком метнулся через весь кузов (Чезаре пронзительно вскрикнул от неожиданности) и дернул к себе сумку-холодильник. Словно животное, он рылся в ней, пока не нашел оставшиеся немногочисленные пакеты с кровью. Первый он осушил в считанные секунды, сдавливая пакет, чтобы кровь быстрее вытекала. Второй он выпил самую чуточку медленнее; третий, последний, оставил на потом, что бы там потом ни было.

«Беккет, - Капаней кричал, заглушая рев ветра и двигателя, - тебе лучше? Ты был тяжело…»

«Потом!» - Беккет пробрался дальше вперед, покрепче уцепился за кабину и нагнулся вперед так, что его лицо оказалось рядом с окном со стороны водителя. Ну да, за рулем был Белл; Райциэль, голова которой оставалась почти полностью закутанной, сидела рядом. Даже со своего угла обзора Беккет мог видеть провода, болтающиеся под приборной доской; кто-то (почти наверняка – Белл или Чезаре) соединил их в обход замка зажигания, когда угонял пикап.

«Вернулся в мир живых?» - поинтересовался Белл, не отрывая глаз от пустыни впереди.

«Как мило. Белл, эта штука нас нагоняет».

«Заметил, да? А идеи получше у тебя есть? Драться с ней мы не можем, она нам это еще в городе показала, и очень хорошо».

«Еще как можем. Езжай в самое пустое место, какое найдешь, а дальше будем делать вот что…»

Когда он договорил, Белл все-таки отвел глаза от того, что для них сходило за дорогу, и уставился на Беккета, словно у того выросла вторая голова. «Да ты насмерть ебанулся».

«Возможно. Если у тебя есть идеи получше, уже давно было пора их предлагать».

Белл помотал головой и стиснул зубы. «Просто скажи, когда».

Беккет втянул себя обратно в кузов и посмотрел на всех, кто в нем был. Темнота уже была всего в нескольких десятках ярдов от них. «Вы все, когда я скажу – выпрыгивайте».

Наградой ему стали два недоверчивых взгляда. Даже Люсита, которая уже какое-то время не двигалась, сумела кое-как скосить глаза в его направлении.

«Прошу прощения, - сказал Капаней, - ты не мог бы повторить?»

«Когда я скомандую, прыгайте. Из пикапа. Капаней, тебе придется снова нести Люситу».

Глаза Чезаре расширились еще сильнее. «Синьоре, что мы…»

«Заткнись и делай, что я тебе говорю». Беккет скользнул к задней части кузова, обеими руками вцепился в борт и нервно уставился на тьму, подползающую все ближе и ближе.

И еще ближе.

Запахи пустыни истаяли, сменившись полным отсутствием всякого запаха, которое следовало перед надвигающейся тенью. Ветер, который несся мимо них, изменил направление, словно вымораживающие ветры Бездны стали сильнее, чем движение машины вперед. Беккета, немертвое тело которого обычно не тревожили перепады температуры, начала бить крупная дрожь от этого противоестественного холода, делающего душу вялой.

И тогда оно догнало их. Из темноты метнулось щупальце, и на этот раз оно не промахнулось. Оно обернулось вокруг правого заднего колеса, и шина лопнула, точно виноградина. Пикап накренился, на несколько секунд начал дико вихляться прежде, чем Белл выправил его. Люсита жестко врезалась в борт – было странно, что не раздался хруст костей. Чезаре полетел вверх тормашками и упал рядом с ней, а Беккет не оказался выброшен из кузова только благодаря быстроте своих инстинктов: он запустил в металл борта когти. Только Капаней, как можно было догадаться, сохранил равновесие безо всяких видимых затруднений.

Второе щупальце обвилось вокруг всей машины, сразу за кабиной. Оно напряглось, напоминая Беккету трос промышленного крана, и начало поднимать свой груз. Колеса пикапа оторвались от поверхности пустыни, и он немедленно наклонился вперед под весом двигателя.

«Сейчас!» - заорал Беккет, хотя особой нужды в этом не было. Ему бы пришлось потрудиться, чтобы в этот момент не дать товарищам оставить автомобить.

Чезаре перевалился через борт; Капаней подхватил Люситу и аккуратно выпрыгнул. Беккет услышал, хотя и не увидел, как распахнулись обе двери кабины, и знал, что ему придется выброситься прежде, чем Белл приведет в исполнение вторую часть его безумного плана.

Беккет напрягся, чтобы прыгать, - и мир вокруг вывернулся наизнанку. Он ощутил тошноту, почувствовал себя более больным, чем в самые худшие времена смертной жизни, а тем более – существования после Обращения. По всем его конечностям прошла судорога: мышцы напряглись, сопротивляясь друг другу, и медленно расслабились, но в них засела тупая ломота. Даже его сердце, мертвое уже несколько сотен лет, ударило один и только один раз, даже эта обмякшая мышца поддалась спазму, который свел все остальные. В глазах у него на миг помутилось, прояснилось, снова помутилось, снова прояснилось, и все это в считанные мгновения. Сила, казалось, оставила его ноги. Не то чтобы он ослабел; он все еще был в лучшей форме, чем большинство смертных и многие Сородичи. Но он ощутил себя измотанным, ощутил, что маленькая, но важная часть его собственной жизненной силы оказалась высосана из него. Он дрогнул, прыгая, врезался ребрами в край борта и упал обратно в кузов.

Сейчас, в самый неподходящий момент, Беккет утратил свое преимущество, утратил то благословение (чем бы оно ни было), которое обеспечивало его безопасность. Теперь, наконец, увядание достало и его.

Лежа в углу между кузовом и кабиной, Беккет поглядел вверх, в чистую, ничем не разбавленную тьму. На грани забытья он смутно слышал внизу треск выстрелов из

дробовика Белла. Бывший архонт следовал плану: либо он не знал, что Беккет не смог выпрыгнуть, либо, что было разумно, решил не обращать на это внимания.

«Отвали». Беккет плюнул в нависшую тень как раз в тот момент, когда машина содрогнулась от первого попадания. Потом, собрав все оставшиеся силы до капли, он отчаянно перевернулся на ноги (выдающееся достижение, учитывая, как пикап качало и трясло) и прыгнул еще раз.

В тот самый момент, когда ноги Беккета оттолкнулись от металла, бензобак рванул.

Небо пустыни оказалось на мгновение освещено; воздух расколол грохот, какого в этих краях не слышали с окончания бомбежек. Ненадолго ослепленный, оглушенный и опаленный, Беккет почувствовал, как сила взрыва закрутила его и швырнула намного дальше, чем мог бы достать его прыжок. Земля поднялась ему навстречу и он тяжко врезался в нее, пропахав борозду в шершавом песке пустыни.

Чувствуя боль во всем теле, пытаясь проморгаться, Беккет перекатился на спину и посмотрел назад, на картину пожара. Щупальца тьмы извивались в агонии, сжатые на горящем остове пикапа. Громкий визг пронзил его уши; нет, не уши, вопль звучал в его разуме. Существо тени швырнуло этот источник боли со всей своей силой; машина, продолжая пылать, полетела в темноту и исчезла за песчаной дюной.

Беккет медленно поднялся на ноги; спутники тем временем собрались вокруг него, и все они не отводили глаз от твари Бездны. Они, возможно, уязвили ее, но этим все и закончилось. Если вспышка пламени и причинила какой-то долговременный ущерб, на вид этого им точно заметно не было.

«Хорошая попытка, Беккет, - тихо сказал Белл. – Но, думаю, этим все и ограничится».

«Все назад».

«Чего?»

Беккет помрачнел. «Я сказал, всем отойти назад. Сейчас».

Он неохотно подчинились, отойдя, может быть, на дюжину ярдов. Беккет остался стоять в пустой пустыне в одиночестве, и темнота начала собираться вокруг него.

«Я не знаю, что ты такое», - произнес Беккет. Голос его был на самой грани крика. Вообще-то, это утверждение было лишь частью правды: Беккет очень хорошо представлял, чем это существо *может* быть, и это соображение страшило его так сильно, как никогда ничто не страшило до того. Но если бы он признал это соображение правдивым, хотя бы на мгновение, Зверь в его душе заставил бы его бежать сломя голову, пока хватит сил – а такой исход был верным самоубийством.

Не то чтобы попытка накричать на эту штуку и пристыдить ее обещала какой-то заметно отличающийся исход – но других вариантов, похоже, не оставалось вообще.

Долина Тигра

К западу от Калат ат-Шерката, Ирак

Существо кричало на тьму, и тьма узнавала его. *Это* было оно. Именно на этой крохотной, жалкой сущности тьма чувствовала порченое касание тех сил, которые

пробудили ее, сил, высвобожденных, когда был обрушен барьер. Когда-то и она была подобна этому жалкому существу, когда-то, когда у нее было имя, сотрясающее опоры мира всякий раз, как его произносили. Теперь она была иным, она не была от этого мира. Материальные вещи, вещи света, они причиняли боль. Это крохотное существо вернуло ее назад в этот болезненный мир, и она уничтожит его первым.

«Я даже не знаю, можешь ли ты меня понять, - продолжало крохотное существо, - но я знаю, что ты умнее, чем кажешься. Так что слушай! Я не знаю, почему ты хочешь меня убить. Прямо сейчас мне пофиг. По какой-то причине ты не можешь вредить мне напрямую. Мы это уже видели там, в Калат ат-Шеркате. Ну и вот, сейчас мы прямо посреди пустого места. Пустынной равнины Ирака. Что ты собираешься делать? Швырять в меня гравием? Ты можешь достать где-нибудь валун, но я растаю туманом или смешаюсь с землей раньше, чем ты вернешься».

Темнота над Беккетом всколыхнулась, пошла волнами. Крохотная сущность стояла перед ней, словно предлагая себя взять. От нетерпения щупальца тени дрожали, гудели, как натянутые струны. Существо было отдано на ее милость, но она не могла коснуться его! Нечто защищало его – нечто большее, чем порченая сила, нечто поистине могущественное. Несмотря на всю свою силу, тень не могла коснуться крохотной сущности, пока та была защищена.

Но здесь были и другие – другие, которых она *могла* коснуться. Другие, которых она *знала*. Медленно, словно густое тесто, льющееся из миски, часть тьмы начала собираться на земле позади существа, вырастая вверх. А то продолжало балаболить, не зная, что происходит сейчас между ним и его спутниками.

«У нас ничья, - говорил Беккет. – Учитывая, как ты восприняло огонь, я поспорить готов, что солнце тебе нравится не больше, чем мне. Я могу смешаться с землей там, где стою. А ты? А если да – что дальше? Ты что, собираешься болтаться здесь, в пустыне, пока я не решу выбраться? Тебе больше что, заняться нечем, пойти некуда?»

Разумеется, она *могла* ждать. Крохотное существо перед ней не понимало. Оно думало, что ему знакомо терпение, думало, ему знакомо бессмертие, но оно ничего не знало об истинной вечности. Сущность из Бездны могла ждать столько, сколько ей требовалось ждать, и еще дольше.

Но зачем? Зачем ей ждать, когда у нее были другие, более доступные возможности?

Тень на земле позади Беккета поднялась, и, поднимаясь, начала принимать форму. Тьма текла на тень, создавая складки и наплывы, которые быстро приняли вид шматов человеческого жира. Основание тени разделилось надвое, и оказалось, что она стоит на двух человеческих ногах. Еще часть тени стекла сверху и повисла, образовал руки. И наверху, словно назревший гнойник, тьма пробилась пузырем, который быстро принял форму головы.

Тьма продолжала плыть, изменяясь, придавая себе форму, пока между Беккетом и его соратниками не остался стоять четкий силуэт человека.

Или, точнее, вампира. Чрезвычайно тучного вампира.

И Люсита, впервые с того момента, как на нее нахлынула последняя тяжкая слабость, отреагировала. Она закричала, словно ее душу разрывают на куски изнутри.

Долина Тигра

К западу от Калат ат-Шерката, Ирак

Беккет резко обернулся; только вопль, прозвучавший сзади, предупредил его, что там что-то происходит. Даже при взгляде со спины, даже не видя никаких деталей, кроме силуэта, он немедленно осознал, что происходит, что сделала эта сущность тени.

«О Боже мой…»

Не обращая внимания на Беккета, не обращая внимания ни на что вокруг, кроме самой Люситы, фигура шагнула вперед странным, переваливающимся шагом нездорово тучного человека. И, невозможно дело, тень заговорила.

«Прошло слишком много времени, дочь моя. Мне не хватало наших бесед».

Беккет, слыша голос, отметил в нем странную двухслойность, словно он отдавался эхом в тот самый миг, как звучал. Первый голос был обычным, физическим, в нем был слышен слабый испанский акцент. Другой был нечеловеческим, иномировым, и его отзвуки раздавались в умах слушателей в то самое время, как первый голос звучал в их ушах.

«Ты исчез… - Люсита буквально всхлипывала, обмякнув в руках Капанея, безвольно обвиснув в них. – Ты исчез!»

Хотя у нее все еще не было видимых черт лица, тень, которая несла в себе облик и голос Амброзио Луиса Монкады, улыбнулась. Это можно было видеть просто по тому, как двинулись ее щеки и челюсть. «Моя прекрасная дочь, я учил тебя не настолько плохо. Не могла же ты подумать, что меня можно так легко взять из этого мира? Меня, кто знает замысел Божий и мое собственное место в нем? Я говорил тебе, что у нас есть место в божественном порядке, Люсита. Ты явно не верила мне. Но сейчас ты веришь».

Фигура шагнула ближе, пока не оказалась футах в пятнадцати от Люситы и остальных. Белл, прорычав: «Иди нахуй!», начал стрелять по приближающейся тьме. Картечь прошла сквозь призрачного Монкаду, словно он был не более чем тенью, из которой и соткался, и Беккету пришлось шарахнуться в сторону, чтобы ее избежать. Подхватившись, он увидел, что основное тело существа Бездны остается неподвижным; его внимание, очевидно, было приковано к кукольному представлению, которое перед ним разыгрывалось.

«Люсита! – Беккет заставил себя встать, морщась, когда песок терся о свежие ожоги от взорванного пикапа. – Люсита! Это не Монкада! Это не твой сир! Этого не может быть!»

«Я не могу быть? – Монкада подошел почти вплотную к дочери, и на месте пустой тьмы начали медленно проступать черты лица. – Или не видела ты, как я был взят вниз, поглощен Бездной, чтобы присоединиться ко всем нашим братьям, что были раньше? И не восстали ли мы сейчас, все мы, из глубин тьмы, чтобы вернуться на свое место в Божьем творении?»

«Нет… нет…» Лицо Люситы было покрыто слезами крови, которую ее тело не могло позволить себе терять, она не могла встретиться с существом взглядом. Она прижала руки к ушам, но голос тени продолжал звучать в ее разуме.

«И все еще ты сомневаешься, дорогая Люсита. Позволь, я покажу тебе, так, как никогда не мог, пока был всего лишь Монкадой, покажу тебе, что тебе надлежит обрести, заняв место, твое по праву».

Из тьмы подул холодный ветер, и Люсита содрогнулась, словно на нее обрушился сильный шок. Сила переполнила ее тело, сила, которой она не ощущала уже многие месяцы. Ее плоть мгновенно потеряла большую часть мертвенности и снова стала упругой. Она ощутила, что ее связь с Бездной стала сильна, даже сильнее, чем раньше. Все, что отняло у нее увядание, вернулось, и еще больше добавилось.

Люсита высвободилась из рук Капанея и встала на ноги сама. Там, куда она глядела, по малейшей ее мысли или прихоти начинали плясать тени, не требуя никакой концентрации. Она крутанулась, чтобы на них поглядеть, и от скорости ее движения взвился вихрь песка. Она полностью исчезла из вида, через пару секунд появилась в дюжине ярдов, так же быстро вернулась назад. Напрягшись, она могла услышать стук каждой отдельной песчинки, падающей обратно на землю. Изумленная и немало испуганная, она уставилась вверх, на существо, которое утверждало, что оно – ее сир.

«Ты не Монкада» - утвердительно повторила она, но, сильный как никогда, ее голос все же дрогнул.

«Ты знаешь, что это не так. Я – Монкада, ибо я – все, кто приходили раньше. Ты знаешь меня, Люсита. Теперь служи мне, как всегда была предназначена служить. Только приняв назначенную тебе роль, ты познаешь счастье и удовлетворение, которых ты искала».

Словно червь – древоточец, голос прополз в душу Люситы, обвился вокруг ее мозга, словно он был материальной вещью. Она сделала три шага к своему сиру прежде, чем сама заметила свое движение. «Что… - Она прервалась, прочистила горло от пыли и песка. – Что бы ты хотел, чтобы я сделала?»

Монкада повернул голову, пристально меряя взглядом каждого из ее спутников по очереди, дольше всего задержав взгляд на Беккете. То, что при этом он развернул голову затылком вперед, его, очевидно, совершенно не побеспокоило.

«Нет. – Люсита напряглась. – Не буду».

«Дорогая моя, я не стал бы просить тебя убивать своего старого спутника. Не сейчас. Не первым. Мы к этому подойдем, начав с кого-нибудь другого. В конце концов, они для тебя не значат ничего».

«Не буду».

«Тупое дитя! – Голос Монкады взвился к ночному небу, разнесся на многие мили пустыни. Беккет, Райциэль и Беккет попадали на колени, сжав расколотые болью головы. Чезаре упал на спину и скорчился. Люсита упала бы с ними, но конечности тени удержали ее на ногах. – Неужели ты действительно *все* забыла?!

Они – ничто, дочь моя. *Ты* – ничто, и всегда была бы ничем без меня. Я определяю тебя, Люсита. Я всегда определял тебя, будь то твоим сопротивлением или твоей покорностью. Но время детских игр прошло. Займи положенное тебе место, Люсита. Вернись ко мне – и принеси мне голову черного».

Люсита не могла видеть пустыню из-за тьмы, залившей ей глаза. Она не слышала спутников, ибо голос призрака заполнил ее уши. Она ничего не чувствовала, ничего не думала, ибо ее сир захватил власть над ее душой. В мире не оставалось ничего. Все было Монкадой. Не существовало пустыни, Беккета, Белла.

Люситы.

С пустыми, невидящими глазами, она обернулась к обмякшему на песке Тео Беллу, который все еще пытался вытрясти из головы боль. Она встала над ним, и тени, пришедшие по ее зову, сложились в клинок, нависший над открытой шеей Бруха…

И Беккет, хотя все его тело трясло от боли, хотя струйка крови сочилась из его левого уха, поднялся на ноги. «Люсита!»

Она инстинктивно обернулась на звук своего имени.

«Игнорируй его, дитя! – Скомандовал Монкада. – Делай, как я предписал».

«Сколько раз, Люсита, - спросил Беккет, - искала ты утешения, успокоения и просветления в наставлениях Анатоля? Сколько раз вернулась бы ты к Монкаде без его поддержки?»

«Заставь его замолчать, дочь моя!» - В небе извивались щупальца тени размером с деревья, но Беккет не стал оборачиваться.

«Если ты сделаешь это, Люсита, то докажешь, что Монкада был прав. Все, за что ты сражалась, было ложью. *Все, что говорил тебе Анатоль, было ложью!* – Беккет уставился на нее, встретил взглядом ее пустые глаза. – Неужели ты правда так ненавидела Анатоля, что сотрешь все его влияние на твою жизнь одним паскудным взмахом клинка?»

И на мгновение – на одно крохотное мгновение – глаза Люситы прояснились.

Она испустила еще один крик – но на сей раз не стон страха, а первобытный вопль такой ярости, на которую даже среди вампиров большинство способно не было. За какую-то долю секунды Люсита пронеслась мимо Беккета и прыгнула – не на темное отражение Монкады, но в сердце тени, породившей ее. Когда она бросилась вперед, ее кожа, казалось, расплылась: она призвала свою вернувшуюся власть над Бездной, чтобы принять облик тени. Крылья тьмы подняли ее и понесли в центр сущности из глубины, когти тьмы полоснули составляющую ее субстанцию так, как не могло бы никакое материальное оружие.

«Люсита! – Голос Монкады эхом прозвучал в ее уме, но теперь он казался отдаленным, слабым. – Люсита, прекрати это немедленно!»

«Никто не владеет мной! – Она ответила мыслями и эмоциями, а не голосом, но знала, что ее услышат. Она билась, отрывая куски тьмы от окружившей ее тени. – Ни Монкада, и никто!»

На этот раз, когда голос вернулся, он звучал не как пара голосов, но как тысяча, и все они раздались в ее голове.

«Я ВЛАДЕЮ ТОБОЙ! ИБО ТЫ – ЧАСТЬ МЕНЯ, КАК БЫЛ МОНКАДА. Я ТОТ, КТО ЕСТЬ, И ТОТ, КТО БУДЕТ. И ТЫ НЕ МОЖЕШЬ НЕ ПОВИНОВАТЬСЯ».

Хотя у нее не осталось черт лица, на которых это было бы видно, Люсита улыбнулась. «Смотри хорошенько, ублюдок».

Тень, которая была Люситой, взорвалась каскадом ударов во все стороны. Крылья, когти, клыки – она била всем, чем могла бить. От темноты отрывались клочки и

немедленно возвращались назад, поглощенные великим целым. Если тьма была тем, чем утверждала – а Люсита в глубине того, что оставалось от ее души, знала, что так оно и есть, - то разрушить ее Люсита не могла. Но, будь оно все проклято, попытаться стоило.

И она *не собиралась сдаваться*.

Даже самому Ласомбра.

На ее разум обрушилось давление: сущность пыталась вернуть себе контроль. Но, была то сила воли Люситы или просто безумие ярости, в которую она впала, сама того не заметив, заставить ее прекратить сущность не могла. Она чувствовала, как ее поднимает вверх, чувствовала поддержку, словно кто-то еще держал ее на весу и придавал ей сил продержаться еще хоть несколько секунд. Разум древнего нахлынул на нее, как прилив, но захватить ее собственные мысли не мог.

Ее новообретенная сила хлынула из нее, как кровь из раны. За какую-то долю секунды она снова оказалась в физическом теле, неспособная поддерживать свое превращение в тень. И все же она продолжала бить, хотя это стало совершенно бесполезным занятиям. Будь у нее даже силы, чтобы наносить тяжелые удары, - а силы она стремительно теряла, - ее материальное обличье просто не могло причинить вред тьме.

Ее сила убывала, пока Люсита не поняла, что не может нанести следующий удар, и продолжила убывать дальше. Ее зрение – насколько оно вообще существовало в середине этой тьмы – помутилось. Ее стремительно несущиеся мысли замедлились. Даже ее боль, последний якорь, держащий ее в ее не-жизни, истаяла.

И здесь, в самом конце, до смерти, ее ждала утрата независимости. Ее поглотит эта ужасающая, чудовищная сущность, и у нее не осталось никаких сил, чтобы этому помешать. Она…

«Привет, Люсита».

Последним движением, на которое хватило сил, Люсита повернула голову и уставилась в направлении голоса, ошарашенно понимая, что узнала его. Она уставилась вверх – но не во тьму, а в лицо, окаймленное светлыми волосами и окруженное светом. И она пролила свои последние слезы – слезы радости, ибо она победила.

Люсита протянула руку навстречу руке Анатоля, оставив тело на поживу тьме, которая более была не властна повредить ей самой, и ушла.

Долина Тигра

К западу от Калат ат-Шерката, Ирак

Сущность Бездны парила над пустыней. Какое-то время она совершенно не двигалась. Щупальца и конечности тени повисли без движения, оставив борозды на песке. Звезды оставались стерты с небосвода, но тьма прекратила расширяться, прекратила двигаться.

Ибо тьма не понимала. В той части ее разума, которая все еще была способна ощутить замешательство, тьма озадаченно размышляла, что произошло только что. Сущность тени была не более способна принять случившееся, чем человек – понять, почему одна из его собственных конечностей пошла против него самого.

Она лишь на недолгое время сосредоточилась на этом вопросе прежде, чем полностью отбросила беспокойство и обратила внимание на насущные дела. Но «недолгое время» по меркам того, кто был бессмертен еще прежде, чем стал един с нижней тьмой, на самом деле длительно, и когда она снова стала воспринимать свое окружение, пустыня была пуста. Но она все еще ощущала тягу к тому, которого она искала, тягу, исходившую из места, из которого они раньше пришли.

Еще она ощущала нарастающую тяжесть неба, и знала, что свет недалеко.

Тень медленно погрузилась в песок. Завтра ночью она поймает увертливое существо снова. А потом двинется прочь, ибо еще многое предстояло сделать прежде, чем проснутся остальные…

Покинутый дом

Калат ат-Шеркат, Ирак

В ночь после смерти Люситы Беккет проснулся на кошме в пустующем доме на задворках города. Измятые, избитые, вымотанные и до глубины души шокированные самопожертвованием Люситы, он и все остальные бежали с того места в тот самый момент, когда великая тень перестала двигаться, и добрались до границы Калат ат-Шерката меньше чем за час до рассвета. Город кипел мрачной деятельностью. Отряды спасателей и примкнувшие к ним горожане раскапывали обломки скудными инструментами и окровавленными руками, спасая тех, кто мог оказаться заперт под ними; столь же скудно снаряженные пожарные пытались сдержать несколько очагов огня, вспыхнувших среди разрушения; санитары носили раненых в больницы, в которых вряд ли было достаточно нужных средств, чтобы о них позаботиться.

Беккет и остальные не обратили внимания ни на что из этого, ища только укрытие от быстро надвигающегося солнца. К счастью, Райциэль привела их в район на окраине, где можно было найти несколько домов, жителей которых в войну переселили. Беккет, слабый и израненный, ввалился в один из них, несколько раз втянул носом воздух и определил по запаху, что внутри уже несколько месяцев не было ни одного смертного. Он и его спутники, шатаясь, добрались до подвала и с наступлением рассвета рухнули, впав в спячку.

Теперь Беккет с болезненным ощущением разлепил глаза и увидел, что Райциэль шебаршится по комнате вокруг него. Чезаре и Капаней стояли у стены и наблюдали с осторожным выражением на лицах. Белла нигде видно не было, и Беккет рассудил (как выяснилось, правильно), что Бруха ушел на разведку.

Райциэль сняла паранджу и осталась в простой юбке и рубахе. Беккет в первый раз смог нормально на нее посмотреть. Она была красива странной, немного «не такой» красотой. Черты ее лица были резкими, волосы были насыщенного кофейного цвета. У нее был явный вид существа из какой-то прошлой эпохи, хотя Беккет не мог точно сказать, что *именно* в ее виде делало ее похожей на живое ископаемое. Он также заметил, и не смог полностью подавить дрожь от этого зрелища (даже несмотря на то, что ожидал его), глядящий из центра ее лба и изредка мигающий третий глаз. Она заметила его движение, поняла, что он очнулся и мягко присела на кошму рядом с ним.

«Отдыхай, - сказала ему она. – Ты еще какое-то недолгое время будешь чувствовать усталость».

«Усталость? Почему?» - Или, по крайней мере, он *попытался* это спросить. Он был ошарашен тем, что слова пробились наружу медленно и шепеляво, тем, что осознал: его практически придавило к кошме изнеможение, далеко превосходящее даже ту слабость, что он ощутил, когда его наконец достало увядание.

«Что… - Он попытался снова, выговаривая каждое слово отчетливо и медленно. – Что ты со мной сделала?»

«Не сердись на Райциэль, - промолвил Капаней, шагая вперед. – Мы все согласились, что это необходимо».

«Капаней, - сообщил Беккет; по мере того, как он говорил, слова вылетали все быстрее и легче. – Я собираюсь собрать себя с этой кошмы и начать ломать шеи, если кто-нибудь не объяснит мне, *что за хрень вы имеете в виду!!!*»

«Я очистила тебя» - мягко сказала Райциэль; ее третий глаз сиял почти незаметным внутренним светом.

Увидев на лице Беккета откровенный ужас, Капаней кивнул: «Ты оставался в спячке дольше, чем мы, вероятнее всего, из-за твоих ран. – Что-то в его глазах сказало Беккету, что Капаней знает: дело не только в этом. Он понял, что увядание наконец заявило свои права и на Беккета, но остальным ничего об этом не сказал – возможно, из уважения. – Мы знали, что великая тьма снова потянется к нам, и мы знали, что она идет за тобой. Райциэль и я изучили твою ауру, внимательно, и мы обнаружили на твоей душе порчу».

«Мы сочли, - продолжила Салюбри с того места, где замолчал Капаней, - что именно эта порча притянула к тебе тень. Я подумала, что смогу стереть порчу, защитить тебя – и всех нас. Но я не могла ждать, пока ты пробудишься, чтобы спросить разрешения».

Беккет с усилием поднялся и бешено уставился на женщину. Он как раз достаточно знал о Салюбри, чтобы знать, чего именно должен был потребовать подобный процесс. «Значит, ты, не спрашивая, высосала мою чертову душу из моего тела и с ней похимичила? И что *еще* ты со мной сделала, богомерзкая ты…»

«*Беккет!* - Голос Капанея громом разнесся по комнате. Чезаре подскочил, Беккет, съежившись, вжался в стену, и даже Райциэль показалась шокированной. Беккет даже удивился, что вопль старейшины не стряхнул со стен пыль. – Уж ты-то изо всех прочих мог бы подумать прежде, чем поддаваться глупой суеверной болтовне. Если бы Райциэль «похимичила» с твоей душой, ты не сохранил бы способности задавать ей вопросы. Эта женщина, - которую, если позволишь напомнить, ты пытаешься найти уже много месяцев, - вполне возможно, спасла тебя».

Беккет медленно кивнул и обернулся назад к Райциэль. «Я приношу извинения, - сказал он, и, если в его глазах и оставался гнев, то проявиться в голосе он ему не дал. – Я сейчас в немного… затравленном состоянии».

«Я понимаю. Мой народ привычен к страху других».

Беккет прикинул, не станет ли ей легче, если она узнает, что Тремер – гонители Салюбри и источник большей части той ненависти, что выпала на их долю за много веков, - со всей очевидностью, исчезни. Он рассудил, что, по крайней мере, прямо сейчас не станет.

«Итак, - сказал он вместо этого, - как мы узнаем, что оно…»

«Воздух! – Они услышали крик, потом – тяжелый топот по полу над ними и по лестнице вниз, и затем в комнату вломился Белл с дробовиком наизготовку. – Оно вернулось!»

«…сработало?» - ровным голосом закончил Белл.

Райциэль уставилась на него всеми тремя глазами. «Мы ждем».

На несколько минут воцарилась тишина. Затем с улиц наверху к ним начали доноситься крики, затем еще больше криков. Сначала то были крики страха, когда навалилась катящаяся тьма. Потом земля содрогнулась, а воздух расколол непрерывный грохот: конечности тени разносили здание за зданием в щебень. Тогда к крикам ужаса добавились крики боли. Звуки доносились то с одной стороны, то с другой, без видимого плана или порядка.

«Оно бьет куда попало!» - прошипел Беккет.

А потом, словно иллюстрируя его слова, и звуки, и сотрясения прошли мимо них и прекратились.

На сей раз, когда Беккет обернулся к Райциэль, его гнев пропал совсем и по-настоящему. «Спасибо тебе» - прошептал он.

Салюбри улыбнулась. «Рада помочь. Но я думаю, ты искал меня не за тем».

Беккет перевалился на кошме и уселся, скрестив ноги. Райциэль встала у двери, Капаней – у стены напротив нее. Белл и Чезаре вышли из комнаты и отправились наверх посмотреть, что там творится – просто на всякий случай.

«Капаней немного рассказал мне о твоем поиске, - сообщила ему Райциэль. – Хотя, если честно, ему не особенно и требовалось. Зная квест Люситы, я предположила, что твой сходен с ним».

«Не совсем. Люсита хотела остановить Геенну. Она… - Его голос осекся. – Я не могу поверить в то, что она сделала».

Капаней медленно кивнул. «Я горжусь своей способностью судить о других, и ее поступок удивил и меня, Беккет. Она сделала это не для нас, как ты понимаешь».

«Я знаю. Ее потребность быть свободной. И все же… Я не знаю, способен ли я на такое сам».

Довольно долго никто в комнате ничего не добавлял к этому.

На разрушенной улице

Калат ат-Шеркат, Ирак

Чезаре стоял на месте, глядя на огромную груду обломков, которая когда-то была зданием. Зданием, в котором жили люди, смеялись. Теперь оно было могилой, памятником в честь чудовищ. Гуль любил своего хозяина, не мог не любить его, но временами чувствовал к Беккету столь же сильное отвращение – за то, что он показал Чезаре, каков мир на самом деле.

Он был на самом деле благодарен, что Белл предложил разделиться и осмотреться более широко, что он пошел другой дорогой. Чезаре сейчас был не в настроении находиться рядом с вампирами.

К сожалению, выбора ему не предоставили.

Могучие руки, слишком, слишком сильные, чтобы гуль при всей своей силе мог сопротивляться, обвились вокруг него со спины и одним движением свернули ему шею. Чезаре, голова которого оказалась повернута почти лицом назад, умер, перед смертью не видя ничего, кроме лица убийцы.

Убийцы, нацепившего на себя лицо в точности как у Чезаре.

Белл, быстро пройдясь по окрестностям, устроился охранять вход в дом, где отдыхали его спутники. Он немигающими глазами смотрел, как в ночное небо поднимается дым от пожаров, пылающих по всему Калат ат-Шеркату, смотрел, как те немногие люди, что продолжали обитать в этом районе, делают, что могут, пытаясь выудить выживших из завалов.

Когда Чезаре прошел по улице и протиснулся мимо архонта, приветственно ему кивнув, Белл едва обратил на него внимание.

Покинутый дом

Калат ат-Шеркат, Ирак

Внизу повисло молчание; ни Райциэль, ни Капаней не хотели тревожить ход мыслей Беккета. Наконец, словно он и не прерывался, он сказал: «Значит, она хотела остановить Геенну? Но я не верю, что это можно сделать. Я просто хочу понять цель существования Сородичей до того, как все закончится».

Салюбри расхохоталась, но это был легкий смех безо всякой издевки. «Ты хочешь не так уж и много, а?»

Беккет слабо улыбнулся: «Мир вот-вот перестанет существовать – по крайней мере, наш мир. Не вижу причин отказывать себе в удовольствии».

«А почему ты думаешь, что я могу тебе в этом помочь?»

«В основном из-за твоего сира, полагаю. Саулот, как говорят, был самым мудрым и просветленным из Патриархов. Его писания известны по всему миру как величайшее и наиболее точное из пророчеств о Геенне. А некоторые говорят, что из всех детей Каина он был самым любимым. Думаю, я просто рассудил, что если *кто-то* и мог бы мне помочь найти мои ответы, так это он – и, опосредованно, его дитя».

«Понимаю. – Райциэль, казалось, на мгновение задумалась. – Я не могу дать тебе каких-то конкретных ответов».

Беккет ощутил, что его немертвое сердце начало куда-то проваливаться.

«Я не знаю мыслей Бога, или Каина, больше, чем ты сам. Но я *могу* поговорить с тобой на эти темы до той степени, до которой со мной их обсуждал мой отец. Возможно, из знания Саулота ты сможешь вывести свои собственные ответы».

Беккет не смог сдержаться. Он расхохотался.

Райциэль моргнула. «Это смешно?»

«Нет, нисколько. Извини. Просто… Ты говоришь, что готова предложить мне прозрения Саулота, словно это какой-то мелкий подарок. Это не так, Райциэль. Боже ты мой, возможно, ты предложила мне знание, которое принесет какой-то смысл во все мое существование».

«А ты думаешь, что до сих пор твое существование было лишено смысла, Беккет? Мне трудно в это поверить. Но, если для тебя это важно…»

«Важно».

«Тогда я буду очень рада помочь». Райциэль улыбнулась, говоря, и ее глаза, казалось, зажглись внутренним светом.

А потом они на самом деле вспыхнули.

Комнату внезапно заполнил шипящий звук, оборвавшийся глухим, мокрым ударом. Красноватый свет ударил из открытого рта Райциэль, ее глаз, даже ноздрей, а из затылка вырвался дым. Полные ужаса глаза Беккета встретились с ее глазами, и в ее взгляде была видна легкая озадаченность, словно она сбилась с мысли.

А потом дочь Саулота, которая несла с собой знание и любовь своего сира уже больше тысячи лет, грудой рухнула на пол, и ее древнее тело истлело в пепел еще раньше, чем упало. Райциэль сгинула, и с ней – вся мудрость, которой она могла бы поделиться.

Беккет мог только глядеть на происходящее, не двигаясь. Его разум просто отказывался осознавать произошедшее. Даже Капаней с его обычной невозмутимостью выглядел шокированным от внезапности того, что произошло только что.

В дверях, позади того места, где стояла Райциэль, пригнувшись, стоял Чезаре, держа одну ногу на ступеньках. В его левой руке был тяжелый пистолет, в правой – пустая сигнальная ракетница. Он равнодушно бросил ее на пол.

«Этого, - сказал он голосом, который и близко не был похож на голос Чезаре, - должно как раз хватить».

«Кто… Кто ты такой? – Беккет обнаружил, что ему трудно даже говорить. – Ты не Чезаре».

«Нет, я не он». Образ гуля Беккета на секунду пошел рябью, словно мираж в пустыне, и на его месте оказался кто-то другой. Он был невысок, но широкоплеч. Он был одет в фланелевую рубаху, лицо его покрывала густая борода. Именно его, как осознал Беккет, они видели на поезде и на улицах Вены.

«Меня зовут Сэмюель. – Он ухмыльнулся. – Ты рад меня видеть».

«Я тебя не знаю. – Весь мир Беккета, казалось, покосился на сорок пять градусов влево. – Зачем ты сделал это со мной? Или с ней?»

«Ты не знаешь меня, о нет. Но я знаю *тебя*, Беккет».

«Чезаре?»

Сэмюель указал на дымящийся прах. «Как она. Ну, конечно, минус быстрое разложение. Я…»

Беккет взвизгнул и осознанно призвал Зверя на поверхность души. Будь он в лучшей своей форме, то пересек бы комнату и запустил когти в живот Сэмюеля прежде, чем тот успел бы хоть пальцем шевельнуть. Но он был ранен, и его захватила ранняя стадия увядания, и на то, чтобы покрыть это расстояние, ему потребовалось на долю секунды больше.

Этой доли секунды Сэмюелю хватило. Его пистолет быстро рявкнул три раза, отшвыривая Беккета назад и сбивая с ног. Он перекатился, готовясь напасть снова – как раз вовремя, чтобы увидеть, как Сэмюель тает и исчезает из вида.

Когда на крик Беккета и звук выстрелов, наконец, прибежал Белл, он увидел Гангрела, скорчившегося в центре комнаты и всхлипывающего над горкой пепла – пепла, который знаменовал смерть не только самой Райциэль, но и последнего шанса Беккета.

Векслер и Сыновья, Складские Помещения

Лонг – Бич, Калифорния

Склад частично выгорел: несколько месяцев назад по нему прошелся пожар, начатый двумя беспечными работниками и одной незатушенной сигаретой. Само по себе здание технически не пострадало, но потеря хранимого в нем товара заставила собственников свернуть дела и сбежать из города прежде, чем вопящая толпа кредиторов явится за возмещением. Склад пустовал, пока в него не въехали нынешние наниматели – совершенно не похожие на прошлых.

В офисе наверху, за тяжелым столом, который выжил в пожаре с минимальными повреждениями, Дженна Кросс сидела, уронив голову на руки. Она все еще не представляла, каким образом дела так быстро начали идти так плохо. Ее ум крутился вокруг событий прошлых недель.

Это было невероятно. Вампиры по всему миру слабели и даже умирали. Увядание теперь затронуло более или менее все население Сородичей за исключением худокровок, и не было гарантии, что они не станут следующими. Отовсюду поступали вести о странных, необъяснимых происшествиях. Она слышала истории о горячем ветре, который сокрушал тех, над кем проносился, о движущемся облаке тьмы, которое оставляло за собой панику и трупы. Она слышала и другие слухи, разошедшиеся не так широко, но не менее беспокоящие. Нечто странное поднялось из старых канализационных систем Лондона и сожрало всех Носферату. Масса трупной плоти, корчась, ползла по улицам Манхэттена. Что-то еще заставляло всех Сородичей Каира бежать или сходить с ума. Этого было достаточно, чтобы даже Кросс, которая всегда отмахивалась от пророчеств Джека как от бредней помешанного (черт, как же его сейчас не хватало!), усомнилась: возможно, во всей этой хрени с Геенной было больше смысла, чем она думала.

И, несмотря на все это, несмотря на то, что мир вокруг них рушился и осыпался, Камарилья продолжала сосредотачиваться на ее худокровках!

Они просто слетели со всех возможных катушек, и Хардештадт, и остальные. Это было единственным возможным объяснением. За прошедшие недели штурмовики Камарильи отбросили последние подобия секретности. О, на словах они все еще уважали Маскарад, но никакой «скрытности» в их военных действиях уже не было. Кросс все еще вздрагивала, вспоминая, как неожиданный взрыв заставил стены вздрогнуть, а ее зубы – лязгнуть перед самым рассветом. Она помнила, как укрылась в багажнике машины от приближающегося рассвета и сквозь кровавые слезы

смотрела, как превращается в угли ее дом – вместе со всеми остальными домами полукровок в квартале. В то утро она потеряла не только дом. Она потеряла друзей, тех, кто либо не смог вырваться из огня, либо не успел найти укрытие за минуты, что оставались до восхода солнца.

Превосходство худокровок в числе ничего не значило против врага, который просто перестал следовать правилам. Они ничего не могли сделать, никуда не могли ударить в ответ. Кросс не была готова разрушить собственный город ради того, чтобы его удержать, но у Камарильи по этому поводу явно не было никаких сомнений. После третьей подряд ночи взрывов правительство приняло в деле участие. Полиция и военные день и ночь патрулировали улицы; сотни и тысячи людей были приведены на допросы лишь на том основании, что находились не очень далеко от места нападения или родились у «неправильных» родителей. А нападения продолжались: Хардештадт и прочие вожаки Камарильи имели достаточно ушей в правительстве и армии, чтобы знать, когда пройдут патрули, и наносить удары, когда их не было рядом. Лос-Анджелес горел, целые районы эвакуировались, люди в ужасе запирались в домах, и все это продолжалось.

И Кросс проигрывала, и с того самого момента, как все это началось, она знала, что обречена проиграть.

В считанные недели она и ее люди потеряли почти все, что приобрели за месяцы яростной борьбы. В пределах Лос-Анджелеса осталось несколько – немного - анклавов сопротивления худокровок, но большая часть ее людей отступила в мелкие города вокруг. Ее нынешняя «штаб-квартира», этот убогий старый склад в Лонг-Бич, была уже третьей, считая с разрушения дома. Вероятно, не последней, но несколько безопасных ночей она должна была дать.

Дженна предавалась роскоши, которую могла себе позволить лишь когда наверху рядом с ней не было ее людей: она плакала по утраченным друзьям и утраченным мечтам.

«Хочешь – верь, хочешь – нет, - промолвил из-за спины хриплый, но мягкий голос, - я понимаю тебя».

Кросс оказалась на ногах и с «Глоком» в руке прежде, чем на стол упала последняя слезинка. Три быстрых шага назад отвели ее на расстояние, на котором ее не мог бы достать незваный гость за спиной (впрочем, не то чтобы она не узнала голос), и на положение, в котором она могла броситься либо к двери, либо за стол.

«Беккет, - зарычала она. Потом она моргнула. – Выглядишь страшно, как чума».

Беккет кивнул. Глаза его запали, кожа была бледной. Он выглядел, словно не питался много ночей. Его одежда была изодрана, и на нем были видны шрамы от нескольких последних ожогов, которые пока не успели залечиться. То, что он где-то по дороге потерял солнечные очки, Кросс не заметила: она видела его только раз, и в то время не знала, почему он прятал за ними глаза. «У тебя и у самой вид не сильно хороший».

«Решил этим воспользоваться? – В ее голос вернулась толика былого огня. – Явился наконец довершить свое дело?»

Беккет, вздохнув, присел на угол стола. «Кросс, ты ведь *получила* мое сообщение, да?»

«Типа того. Его доставил единственный из моих людей, кого ты *не* убил в Мишкольце».

«Из твоих людей, которых ты отправила меня убить, если я ничего не путаю. Не жди от меня извинений. – Потом, покачав головой, он продолжил. – Кросс, я пришел сюда не как твой враг. Будь так, я бы оторвал тебе голову, подойдя сзади, а не объявлял о своем присутствии. Я слабее, чем раньше, - признал он, поскольку понимал, что скрыть этот факт вряд ли сможет, - но я все более чем достаточно быстр и силен для такого дела».

Кросс насупилась, но пистолет опустила. «Как ты вообще сюда залез? Когда мы разобрались с той штукой, которую ты выкинул в доме, мы начали ставить датчики дыма почти на все двери и окна в каждом здании, что мы занимали. Ты не должен был суметь пробраться в обличье тумана».

«Я не сильно уверен, что это бы сработало, Кросс. По правде, мне пришлось здорово потрудиться, вися вокруг датчика, пока я не заставил его сработать. – Беккет пожал плечами. – Но, поскольку такое все же бывает, я просто обернулся летучей мышью и проехал зайцем в чехле, в котором один из твоих парней таскает свой АК. Дальше я просто подождал, пока он зайдет внутрь, и пробрался сюда, наверх».

«Ну ладно, так зачем? Если ты здесь не затем, чтобы меня убить, - а я, кстати, еще не совсем в это верю, - так *почему* ты здесь?»

«Не-а. Твой ход первый. Как ты проследила меня до Мишкольца?»

Кросс подумала, не отказать ли в ответе, а потом мысленно пожала плечами. Зачем беспокоиться? «Получила бортовой номер твоего самолета от знакомого».

Беккет кивнул. «Этот знакомый, это случайно не та самая личность, которая тебя против меня настраивала, а?»

«Настраивал? Расслабься, Беккет. Он рассказал мне *все* о тебе. Я точно знаю, что ты готов со мной сделать, чтобы больше узнать о твоей драгоценной Геенне, - или что сделали бы остальные, если бы ты хоть намекнул им, что я та, кто я, по твоему мнению, такая».

«Да мне плевать, кто ты такая. Это тот же человек?»

Она скрестила руки на груди и промолчала.

«Бородатый? – настойчиво продолжил Беккет. – Фланелевая рубаха? Называет себя Сэмюель?»

С лица Кросс сбежало пренебрежение. «Как ты?..»

«Тебя разыгрывали втемную, Дженна. С самого начала. Если тебе будет от этого легче, то меня тоже».

Беккет говорил много долгих минут. Сначала Кросс часто перебивала, то уточняя одно утверждение, то оспаривая другое. Под конец, однако, она осела назад в кресло, качая головой – не в знак отрицания, но из-за отчаяния и нарастающего гнева.

«Я идиотка» - наконец признала она.

«Может, и так» - недипломатично отозвался Беккет. Почувствовав, как она на него посмотрела, он добавил: «А может, дело в чем-то большем. Кросс, почему ты верила этому человеку?»

«Он – союзник. Друг. Он давал мне советы про Камарилью, про князя Тару. Его советы никогда не оказывались плохими».

«Если не считать тех, что касались меня. Почему ты ему верила?»

«Я…» - Кросс запуталась в словах. «Я не знаю» - наконец признала она.

Беккет снова кивнул. «Промывка мозгов. Давай угадаю: ты уже какое-то время его не видела, иначе было бы намного сильнее. Тебе повезло: он ограничился тем, что сделал тебя внушаемой».

Кросс с чувством уставилась на него. «Ну ладно, Беккет. Допустим, ты прав – зачем ты явился с этим ко мне?»

«Потому что у меня был дерьмовый месяц, у меня кончается время, и мне приходится начинать с чистого листа. У меня нет ни времени, ни сил, чтобы бегать от твоих людей или от Камарильи».

«Ну, о нас тебе еще недолго беспокоиться, - сообщила Кросс, и Беккет почти услышал надлом в ее голосе. – Мы сейчас просто сидим и ждем. Камарилья уже более или менее раздавила нас».

Она попыталась отвернуться, попыталась спрятать проступившие в глазах чувство, но взгляд Беккета удержал ее. «Даже не думай сдаться сейчас».

Кросс моргнула. «Хера ли тебе с того?»

«Кросс, как ты думаешь, что такое увядание?»

«Я… Наверное, я об этом не думала».

«Я и сам точно не знаю, но оно имеет отношение к концу. Может, это сами Патриархи вытягивают силу и жизнь из своего потомства. Предполагается, что в Геенну они восстанут и будут жрать. Может, это так и происходит».

«Ты в них веришь?»

«Кросс, я одного из них *видел*. Но в любом случае, к чему я веду: что бы ни происходило, оно началось с верхушки, с древних, и пошло вниз. Единственные Сородичи, которых это пока не коснулось, - худокровки. Ты и твои люди.

Я не знаю, выживет ли кто-то из нас в Геенне. Если честно, то, наверное, нет. Но, если хоть кто-то выживет, это будешь ты. А значит, и восстанавливать все придется именно тебе».

«Боже, вот только давить не надо».

«Не волнуйся. Скорее всего, ты помрешь раньше, чем до этого дойдет».

Кросс глянула на него исподлобья: «Это ты так пытаешься меня подбодрить?»

«Это я тебе рассказываю как оно есть. Возможно, вы проживете лишь немногим дольше, чем остальные из нас, или вообще столько же. Но, может быть, вдруг, вы останетесь и дальше. А значит, тебе придется продолжать бой сейчас. Никакой сдачи».

«Хорошо сказал, гуру. И как мы это сделаем?»

«У меня и тебя есть два общих врага, Кросс. С одним я собираюсь тебе помочь сам. Насчет другого…» - Беккет поднялся на ноги и указал в окно. Кросс посмотрела в ту сторону и увидела фигуру, стоящую на ближайшей крыше. Большой чернокожий мужчина, в кожаной куртке и бейсболке.

«Для другого, - продолжил с улыбкой Беккет, - потребуется специалист».

«Это тот, о ком я думаю?»

«Возможно. Скажи своим людям его впустить, и мы побеседуем».

Впервые за несколько недель Дженна Кросс улыбнулась.

Апартаменты «Линкольн Парк»

Чикаго, Иллинойс

Стук в дверь был неприятной неожиданностью – не только потому, что хозяин квартиры был погружен в размышления, но и потому, что гостей он не принимал. Никогда. Он осторожно поднялся из-за стола с компьютером, за которым сидел, и поднял с тумбочки у двери тяжелый револьвер «Smith & Wesson». Мгновение концентрации, и его облик поплыл и истаял, делая его во всех смыслах невидимым для зрения смертных (и большинства бессмертных). Тогда и только тогда наклонился он к дверному глазку.

Несколько долгих секунд он просто глядел в глазок. Он еще долго не рассчитывал увидеть того, кто стоял в коридоре – по крайней мере, увидеть лично. Наконец, приняв решение, он снова позволил себе стать видимым, засунул револьвер обратно в тумбочку и открыл дверь.

«Беккет! – промолвил он с широкой ухмылкой, отступая в сторону и пропуская друга внутрь. – Ну и сюрприз. Заходи, пожалуйста».

Но несколько секунд Беккет просто стоял и глядел на него. «Ну, - сказал он напоследок, удивленно качая головой, - это многое объясняет». Он наконец зашел внутрь и закрыл за собой дверь. «Как твои дела, Окулос?»

«Намного лучше. Как видишь, раны уже давно залечились».

Беккет не сводил глаз с лица друга. «Это, как я вижу, не все, что изменилось».

Тот провел рукой по челюсти: «Тебе нравится?»

Окулос, Носферату, когда-то бывший страшным, как принявший плоть кошмар, теперь казался почти человеком. Он никогда не стал бы симпатичным, - черт, он никогда бы не поднялся даже до величественных высот уровня «ниже среднего», - но его черты восстановили себя, а плоть утратила большую часть нездорового оттенка. При плохом освещении или невнимательном взгляде никто не принял бы его за что-то большее, чем непривлекательный человек.

«Увядание?» - спросил Беккет.

Окулос кивнул. «Я один из… ну, везунчиков, можно сказать. Очень мало на кого из моего клана оно повлияло именно так. Еще меньше оказались изменены так рано, как я. Я так выглядел задолго до того, как стал слабеть».

«Вижу. Повезло». Беккет рассеянно прошел по квартире, остановившись перед окном. Он отдернул занавески и посмотрел на мерцающие огни Чикаго.

И остался стоять там, словно выжидая. Наконец, едва Окулос открыл рот, чтобы задать вопрос, Беккет заговорил.

«Все встало на свои места после той ракетницы, Окулос».

Окулос моргнул. «Прошу прощения?»

«Ракетница. Одноразовая. Ты всегда их любил. Даже когда я нашел тебя в Каймаклы, на тебе еще была бандольера. – Беккет продолжал глядеть в окно. – Тебе стоило воспользоваться чем-то еще, когда ты уложил Райциэль».

«Немало Сородичей использует ракетницы, Беккет».

«Верно. Но все же это бывает достаточно редко, чтобы запомниться, и этого уж точно хватило, чтобы я начал думать. Я не знал «Сэмюеля», но он явно знал меня. Знал меня достаточно хорошо, чтобы проследить за мной по Вене. Чтобы передавать Дженне Кросс новости о моем маршруте, чтобы дать ей бортовой номер моего самолета. Чтобы последовать за мной в Ирак. Знал Чезаре достаточно хорошо, чтобы одурачить Тео Белла, притворившись моим гулем: Белл не особо знал Чезаре, но он по природе наблюдателен. Как раз один-единственный человек во всем мире был на это все способен, Окулос».

Беккет наконец обернулся. Его старый друг глядел на него из-под полуприкрытых век, более или менее неподвижно стоя в центре комнаты.

«Скажи мне, Окулос, зачем было убивать Викторию Эш? Я слышал, что Хардештадт приписал ее к списку моих приступлений, и полагаю, это твоих рук дело».

«Потому что она тебе помогала. Она направила тебя на Тремер, и я не собирался позволить ей сделать это снова. Плюс, она даже питала к тебе какие-то добрые чувства где-то в глубине своего черного сердца».

«А Кросс? Как ты подцепил в свой инструментарий Кросс?»

«Качественные тактические советы. У меня все еще хватает контактов в иерархии Камарильи – достаточно, чтобы она могла сопротивляться Хардештадту и его хунте. Плюс, в разумных пределах, преувеличение некоторых страхов и чувства неуверенности».

«Не говоря уже о толике копания в мозгах».

«И это тоже».

Беккет кивнул. «Это отлично объясняет то, что ты смог ее найти там, где не мог Хардештадт, не так ли? – Он покачал головой в недобром восхищении. – Все это не могло даться тебе легко, учитывая увядание. Тебе, должно быть, было страшно до чертиков, что твоя маска Чезаре слетит».

«Да, было беспокойно. – Голос Окулоса все еще звучал обыденно, словно они обсуждали счет бейсбольного матча. Беккет понял: он с такой легкостью раскрывает свои секреты потому, что он *хочет*, чтобы Беккет понял, что он делал. – Но при наличии должной мотивации человек просто чудо на что способен. И мне было достаточно удерживать ее, пока я шел мимо этой здоровой скотины».

«И ты не боялся, что кто-нибудь сможет увидеть твое лицо сквозь «маску» Сэмюеля, потому что маска не была сверхъестественной. – Беккет покачал головой. – Фальшивая борода?»

«И прочий сценический макияж».

«Точно. И, поскольку сейчас ты выглядишь меньшим монстром, чем раньше, борода скрыла все оставшиеся нечеловеческие черты. – Беккету слегка изменило самообладание: он нахмурился, и в его горле начал назревать низкий, тихий рык. – В смысле, внешние черты».

Взгляд Окулоса ненадолго задержался на револьвере на тумбочке. Беккет снова покачал головой: «Даже не думай».

«А с чего бы мне? Если желаешь, убей меня, Беккет. Теперь это ничего не изменит. У меня никогда не было цели убить тебя – только сделать так, чтобы ты никогда не нашел, что искал. А теперь – теперь уже слишком поздно. По обществу Сородичей гуляет хаос. Одна из великих сект рассыпалась, другая обещает опрокинуться от малейшего толчка. Существа, подобные которым мы даже не могли вообразить, в этот последний год разгуливают среди нас. Ты никаким образом не сможешь найти свои ответы до того, как все закончится, Беккет, не теперь, когда я вынудил тебя начать все с пустого места. Так что убей меня, если хочешь. Это просто будет значить, что я умру несколькими месяцами раньше. Я все равно победил».

Молчание в комнате стало твердым почти до хрупкости, и двое вампиров продолжали глядеть друг на друга. Окулос явно ждал чего-то, ждал одного конкретного вопроса, на который он уже очень долго хотел дать ответ.

Беккет не стал его задавать. Ему не пришлось. Он знал, почему Окулос это сделал; ему следовало догадаться намного раньше.

За ту единственную ночь, что он провел в Каймаклы, призраки и образы, которые они принесли, поразили и исказили его сны, словно болезнь. Он видел события прошлого сквозь призму ярости, и ненависти, и вины. И в одном из этих снов заключение Окулоса было не случайностью, а результатом намеренного саботажа.

За одну ночь. Окулос оказался заперт в этом кошмарном месте на годы, и постоянные сны бились с его воспоминаниями до тех пор, пока никакими усилиями нельзя было бы отделить одно от другого. Один Бог ведал, что, по его мнению, сотворил Беккет, или почему. Один Бог ведал, о чем сожалел Окулос. Возможно, он думал, что на свободе смог бы преуспеть там, где Беккет потерпел неудачу, смог бы найти ответы, которые оба они искали, может, даже смог бы найти способ предотвратить конец раньше, чем он начнется. Один Бог ведал, как давно он сошел с ума по-настоящему, когда мелкие, мстительные порывы Зверя начали властвовать даже в его сознательном уме. Но то, что он винил в своем заключении Беккета, было очевидно.

И, что было сильно хуже, Беккет, когда вычислил, кем был Сэмюель, пришел к осознанию ужасающего факта. Окулос был по-своему прав.

О нет, Беккет не подстроил заключение своего друга намеренно. Но *на самом ли деле* он делал все возможное, чтобы его спасти, как он клялся? По большей части, его усилия последних лет по спасению Окулоса занимали только его свободное время, только то, которое он не тратил на какие-нибудь более интересные дела.

Но какой результат в итоге дали эти «более интересные дела»? Стоя перед лицом Геенны, он оказался не ближе к своим ответам, чем когда-либо, а то немногое, чего он добился, было сделано уже после освобождения Окулоса. Он, несомненно, мог – и должен был – потратить больше времени, разбираясь с головоломкой, которую представляла собой Каймаклы. Если бы он действительно так сделал, если бы он сдержал обещание вместо того, чтобы впустую тратить время, возможно, Окулос смог

бы выйти на волю раньше? Смог бы выйти на волю до того, как сны мертвых свели его с ума?

Может, Беккет и не был виновен в тех грехах, за которые Окулос его карал, но руки его были далеко не чисты.

Это все, разумеется, совершенно не значило, что Беккет *когда-нибудь* простит Окулосу то, что он с тех пор успел сотворить.

«Окулос, - сказал Беккет, - взгляни на меня».

«Уже смотрю. И мне нравится то, что я вижу. Раздавленный, проигравший…»

«Нет. *Взгляни*».

Окулос когда-то обладал способностями к восприятию немногим хуже, чем у самого Беккета. Даже сейчас, при всей своей слабости, он был более чем способен читать ауры.

Беккет с мстительной ухмылкой пронаблюдал, как довольное выражение рушится с лица Носферату. «Этого не может быть…» - Окулос осекся, всхлипнул, отступил на шаг назад.

Аура, которую он видел вокруг Беккета, сияла мягким мерцанием полного покоя и полного удовлетворения. Где кипящий гнев, где обездвиживающее разочарование, где глубинное отчаяние неудачи?

«Ты объявился слишком поздно, Окулос, - сообщил ему Беккет, и каждое слово, казалось, словно молотом било в нутро Окулоса. – Ты не дал Райциэль рассказать мне то, что мне было нужно знать, но до того она упомянула имена других своих братьев, с которыми она делилась своим знанием. После того, как ты исчез, найти их было довольно просто. Я знал, что ты больше не станешь за мной следить».

«Нет. *Нет!*»

«О да. Я просто хотел, чтобы ты знал. – Беккет прошел вплотную к пытающемуся хоть что-то ответить Носферату и открыл дверь. В коридоре он остановился, ненадолго глянул через плечо. – Убей меня, если хочешь, Окулос, - мягко сказал он. – Это не имеет значения. Я победил».

Лязг захлопнувшейся двери не смог полностью заглушить вой агонии Окулоса.

Снаружи апартаментов «Линкольн Парк»

Чикаго, Иллинойс

Капаней стоял на парковке, лицо его застыло в маске сосредоточенности. Позади него, как раз на том расстоянии, чтобы не слышать разговоров, ведущихся шепотом, ждали Дженна Кросс и больше дюжины ее ближайших товарищей.

Лишь когда Беккет появился из темноты, старейшина позволил себе прервать концентрацию. С усталым выражением лица он встретил пришедшего вопросом: «Это сработало?»

«Похоже на то. Я удивлен, что ты отсюда не услышал воплей».

«Я рад. Маскировать собственную ауру – дело довольно простое. Маскировать чужую… Я не был уверен, что смогу удержать ее, когда ты выйдешь из поля моего зрения».

«Ты просто замечательно справился, Капаней. Окулос и правда верит, что я – *не* безнадежно подавленный неудачник».

«То, что ты с ним делаешь, жестоко, Беккет. Ты об этом знаешь».

«Точно. Потому я это и делаю. За то, что этот ублюдок сделал, он заслуживает страдать долго. К сожалению, мы не можем ему позволить страдать настолько долго. Он может решить снова к нам явиться, когда отойдет от шока. И тут еще кое-кому хочется уладить претензию-другую».

«Апартаменты 316, - сказал он Кросс, когда худокровки подошли поближе. – Возле двери у него револьвер, и у него, возможно, есть минимум одна ракетница в тайнике где-нибудь в квартире».

«Не волнуйся, Беккет. Этот ублюдок копался в моей голове, натравил нас на тебя, из-за него погибло много моих друзей. Я *надеюсь*, что он не сдастся без драки».

«Ты уверена, что справишься, Кросс? Он старше, чем любые десятеро из вас, вместе взятые. И мы не знаем наверняка, не засунул ли он к тебе в голову других предохранителей. Тот факт, что ты смогла опознать его ложь, признак хороший, но это еще не значит, что ты чиста и свободна».

«Я бы не волновалась. – Дженна Кросс мерзко ухмыльнулась и показала на несколько сумок в руках ее друзей. – Я не планирую подходить достаточно близко, чтобы он хоть что-то мне сказал. А то, что у нас тут есть, могло бы угробить *тебя*».

Беккет кивнул, и Дженна Кросс шагнула в здание, чтобы обменяться с «Сэмюелем» несколькими словами на прощание. Беккет и Капаней подождали на парковке, пока не стихнет стрельба – просто для верности – и исчезли в ночи.

Гостиница «Mission Inn»

Риверсайд, Калифорния

Хардештадт оказался застигнут врасплох.

Он брел по коридорам «Mission Inn», глубоко погруженный в раздумья, возвращаясь в собственные комнаты после очередного стратегического совещания со старейшинами, которые еще не были убиты, не исчезли и не стали жертвами увядания окончательно. Его список союзников скудел с ужасающей скоростью, но это не обязательно было плохо. Они были не особенно ему нужны, чтобы поддерживать натиск на худокровок; черт, это, для начала, был в основном его план. И, чем меньше старейшин оставалось, тем меньше было претендентов на кровь заключенных, и тем легче будет придать новому порядку форму, соответствующую его вкусам. Он хотел бы знать, что случилось с Тегириусом, хотя бы из любопытства, но ему не особенно недоставало Ассамита.

В одну секунду Хардештадт открывал дверь личной комнаты, праздно размышляя об очередной поездке в ближайший центр содержания. В следующую секунду все его тело пронзила боль: несколько пуль, с тихим свистом вылетев из пистолета сорок пятого калибра с глушителем, вонзились в его живот.

Еще какие-то месяцы назад Хардештадт, возможно, смог бы отделаться попорченным костюмом. Большинство Вентру могли похвастаться такой же устойчивостью и малой уязвимостью для ран, как и Гангрелы, а тот, кто был столь древним, как он, мог просто проигнорировать атаку, способную уложить на месте кого-то другого – даже Сородича. Но сейчас он был ослаблен, и атака впечатала спиной в стену, а боль, которая свела его тело, не дала не только защититься, но даже вскрикнуть.

С застывшей на лице маской агонии и ярости Хардештадт посмотрел вверх. Он увидел в комнате несколько личностей, вооруженных и огнестрельным оружием, и

клинками. Он сосредоточился на том, кто стоял прямо перед ним, на том, кто стрелял. Его глаза расширились, поднявшись по толстой кожаной куртке к темнокожему лицу.

«Я не ждал снова увидеть тебя здесь» - заявил Хардештадт; в его ровном голосе не проступило и следа страдания.

«Ну что тут сказать? – ответил Белл. – Я весь такой внезапный. Кстати, Дженна Кросс передает привет. И пока».

«Думаешь, это так легко, предатель? Кому, как не тебе знать, что это место *кишит* охраной. При первом же звуке боя они будут здесь в считанные секунды».

Хардештадту потребовалась пара секунд, чтобы опознать глубокий, рокочущий звук: его былой слуга хохотал. «Никто из охраны на этом этаже уже ничего не услышит, Хардештадт. Как, думаешь, я сюда добрался? Я знаю твою безопасность лучше тебя, и у меня тут целая команда ребят Кросс, - он указал на тех, кто стоял рядом, - которые были просто счастливы прикрыть мне спину».

Белл обыденным жестом заткнул пистолет за ремень джинсов и снял с плеча свой традиционный дробовик.

«Посмотри на хорошую сторону, Хардештадт, - посоветовал ему Белл. – Посмотри, как успешно продолжила работать Камарилья, когда замочили твоего сира».

Твоего сира? Беккет наверняка рассказал Беллу правду, вот ублюдок!

«Так что прикинь, - продолжал бывший архонт, - как теперь круто пойдут дела, когда не станет *тебя*. Черт, да я даже, может, назад запишусь».

Все ответы, которые могли найтись у Хардештадта, навсегда оборвал оглушительный грохот выстрела двенадцатого калибра.

Где-то еще

Из Ирака великая тень, которая была Ласомбра (так же, как была Монкадой, Левиафаном и всеми остальными крошками, которые питали Бездну и придавали ей форму), поплыла прочь. Она плыла через страны, даже через континенты, не следуя никакому плану или узору из тех, которые мог бы опознать разум живущих. Она то поворачивала, то парила, словно меняя свое направление по прихоти. Иногда она исчезала на несколько ночей, но только затем, чтобы объявиться через тысячи миль или даже через целые океаны от прошлого места. По земному шару расходились новости о странном явлении; перед ним, словно ударная волна, расходилась паника. Были включены сигналы тревоги, подняты подразделения армий и санитарных служб. Перед темнотой люди бежали. В темноте – молились, а некоторые из них – умирали.

Там, где проходила тьма, светила Красная Звезда, светила так ярко, что ее наконец увидели и невооруженные глаза смертных. И в свете Красной Звезды люди начинали *видеть*. Их взоры пронзали тени, которые до сих пор не мог пробить даже солнечный свет.

В былые эпохи многие знали о тех существах, что делили ночь с людьми, но их заставили забыть. Немногие знали всегда, но им затыкали рты, или просто игнорировали их. В недавние годы некоторые обрели и видение, и способность отвечать ударом на удар, но многие из таких сошли с ума. Однако те, кто сохранил рассудок, разносили весть.

В свете Красной Звезды все большее количество живущих начало на самом деле видеть, что окружало их с самого начала.

Эпилог: Рассвет

Нет спасения в убийстве,

и Проклятые никогда не забывают.

- Эрджиясские фрагменты, «Пророчества»

Клуб «ElaZtic»

Где-то в Северной Америке

«Я просто не знаю, что мог бы сделать для тебя, Беккет. Ты знаешь, какие дела сейчас творятся. Если я не буду держать голову ниже линии радара, я, скорее всего, останусь без нее, понимаешь?»

Двое сидели в кабинке в углу клуба, и Беккету приходилось наклоняться вперед и не сводить глаз с губ второго вампира, чтобы разбирать его слова. Пронзительная музыка – какофония электронных шумов, смешанная кем-то по имени ди-джей Антракс, - пульсировала так громко, что басы сотрясали все здание, а Беккет морщился от боли: его слух ослабел, но все еще оставался острее человеческого. Танцпол был не так полон, как когда-то: многие люди стали бояться собираться большими группами. Но те, кто все же присутствовал, бились и пульсировали в ритме музыки с такой развязностью, которая заставила бы менад гордиться. Большинство были пьяны или под кайфом, и на столиках клуба валялось не меньше порошков и шприцов, чем разного хавчика. Дела до этого не было никому. У полиции было много *заметно* более срочных дел – это если она вообще хоть что-то делала.

Комната, казалось, плыла перед глазами Беккета, и он мысленно дал себе пощечину, заставляя себя снова сосредоточиться. Потом еще будет время упасть в обморок. Запах, смесь алкоголя, кофе, пота и смешанной с наркотиками крови, тоже не способствовал концентрации.

«Послушай… Ричард, - Беккет обращался к одетому в кожу Сородичу перед ним, едва сумев вспомнить, как зовут его знакомого. - Я не прошу делать что-то опасное. Мне просто надо найти Архимеда. Я знаю, что он здесь, но Носферату ушли так глубоко в подполье, что я даже не знаю, где искать. Если ты сможешь просто представить меня князю, я уверен, что он…»

«Забудь. Ни за что».

В голове у Беккета поплыло. Он вцепился в сиденье стула – под столом, чтобы Ричард не увидел, - чтобы удержать равновесие. «Почему нет?»

«Да послушай, чувак! Единственная причина, по которой я еще не болтаюсь в одной из тюрем князя, это то, что я приношу пользу, когда могу, и остаюсь, - Ричард прервался, чтобы отмахнуться от официантки, которая с затравленным (и обдолбанным) видом двигалась в их направлении через танцпол, - остаюсь в тени, когда не могу, - завершил он фразу секундой позже. – Черт, да по всем понятиям, я должен был уже докладывать, что ты в городе, Беккет. Вампиры твоего возраста – это ебаный деликатес. Но мы слишком давно для этого знакомы».

Что означало: Ричард подождет, пока Беккет скроется из виду, и *тогда* доложит. Беккет нахмурился.

«Ты правда думаешь, что можешь оказаться в меню князя? Ты же дитя примогена, Боже правый».

«Беккет, ты, когда путешествуешь, вообще глаза открываешь? Сейчас каждый сосет сам за себя. Камарилья уже совсем рассыпалась, и ты чертовски хорошо это знаешь. Еще с тех пор, как погиб Хардештадт, - кстати, я правильно слышал, у тебя с ним были какие-то дела незадолго до его смерти?»

Беккет только отмахнулся.

«Точно. В общем, считай, местные князья есть, но над ними никто не стоит с хлыстом. Князья делают то, что хотят, чтобы их города работали, а их силы не скудели, и никто по этому поводу и вякнуть не смеет. Прямо сейчас, чувак, *последнее*, что тебе надо, это привлекать внимание князя. И, черт, тот Носферату, которого ты ищешь, наверняка уже давно пропал.

Я пошел, Беккет. Я дам тебе совет, в память о старых временах. Чего бы ты там ни искал, брось это. Выметайся отсюда, и не возвращайся. Сородичей твоего возраста осталось немного, а у тебя мало союзников. Это значит, что ты не игрок. Это значит, что ты – долбаная еда, порция пиццы с двойным *витэ*».

Беккет смотрел, как Ричард выскальзывает из кабинки и прокладывает себе путь к двери, нервно оглядываясь через плечо по дороге. Немного позже другая фигура вышла из толпы и уселась на место Ричарда.

«Никакой удачи, так понимаю» - отметил Капаней.

«Никакой. Опять». – Беккет ссутулился и уронил голову на руки, ожидая, пока пройдет очередной приступ головокружения.

Он вяло задумался: до какой именно степени воцарившийся хаос – его вина. Хардештадт не был единственным выжившим старейшиной Камарильи, но, очевидно, все же именно он выполнял роль краеугольного камня. Его гибель от руки Тео Белла и худокровок Кросс прозвучала для секты смертным приговором. Другие старейшины быстро исчезли, и, хотя некоторые наверняка прятались или лежали в торпоре, еще больше, несомненно, стали жертвами молодых вампиров, которых вдохновил успех Кросс. Князья все еще правили именем Камарильи, но Беккет отлично знал, что у руля уже никто не стоит.

Путешествуя после встречи с Окулосом, он из первых рук узнал, что на территориях Шабаша все еще хуже, хотя ненамного. Молодых вампиров этой секты больше не контролировал никто, и у них не было даже памяти о Маскараде, которая могла бы их сдержать. Мехико Сити уже не один месяц был водоворотом хаоса и насилия, равных которому в современном мире не было. И это насилие распространялось. Даже территории Камарильи уже зашли далего за грань «волнений и бандитских войн». В большинстве крупных городов обезумевшие вампиры кормились, не обращая внимания ни на что другое, или сражались друг с другом, и люди гибли десятками каждую неделю. Огромная тень прокатывалась по континентам, и официальная версия о том, что это – шальное последствие применения биологического оружия с Ближнего Востока, не выдерживала никакой критики. Смертные по всему миру теперь запирали двери и окна, и они вешали на эти двери и окна распятия, иконы и прочие знаки. По ночам улицы патрулировали инициативные группы – вооруженные не только ружьями, но и клинками, и даже деревянными кольями. Никакие уважаемые СМИ пока не использовали слово «вампир», но стадо наконец осознало, что в ночи бродит *нечто*, нечто, пьющее кровь и страшащееся рассвета. Черт, хоть какое-то подобие Маскарада сохранялось исключительно за счет того, что популяцию вампиров с головокружительной скоростью выкашивало многочисленные диаблери и увядание.

Большинство знакомых Беккета были мертвы или пропали без вести, но те скудные сведения, что он еще получал, показывали ему: проблемы распространились не только на Сородичей. За последнюю пару месяцев он услышал больше историй о

диких монстрах, проделках призраков и явлениях ангелов, чем за прошлые десять лет. Что-то растревожило существ, которых страшились даже вампиры – оборотней и им подобных.

И, несмотря на все это, несмотря на нарастающий хаос и расползающийся пожар, Беккет продолжал свои поиски. Мир вокруг него становился все ужаснее, но он не собирался сдаваться. Он становился слабее с каждой ночью, но он не собирался сдаваться. Он больше не мог нормально сосредоточиться, не мог обращаться к силе своей крови. Черт, если рядом не было Капанея или кого-нибудь еще, с кем можно было бы говорить, ему трудно было даже просто организовать свои мысли. Даже под угрозой смерти он не смог бы вспомнить, сколько времени прошло с тех пор, как он подобрался так близко к своим ответам при встрече с Райциэль, или хотя бы точно сказать, в каком городе он находится. Он помнил, что ищет Носферату по имени Архимед, собирателя знаний, и помнил, что слышал, что Архимед пошел куда-то в этом направлении, но больше ничего. А сейчас и эти сведения были бесполезны: даже если Носферату был здесь, у Беккета не было возможности его найти.

«Я услышал нечто интересное, - сообщил Капаней, и, хотя его голос был мягким, Беккет каким-то образом расслышал его сквозь пульсирующий ритм музыки. – Представляется, что уровень насилия в Лос-Анджелесе весьма существенным образом спал. – Он показал на молодого человека за ближайшим столиком, молодого человека с радиоприемником. – Согласно новостям, полиция там получила помощь большой организованной группы гражданских добровольцев».

«И что? Полиция сейчас примет помощь от кого угодно, кого сможет найти в эти…»

«Согласно сообщению, предводителем этой конкретной группы является молодая женщина по имени Дженна Кросс».

Беккет поднял голову и недоверчиво уставился на спутника.

«Я полагаю, в этом есть некоторая доля смысла, - задумчиво продолжил Капаней. – Любой, кто имеет глаза, может видеть: смертные узнают о нас, это лишь вопрос времени. Возможно, Кросс сочла наилучшим представиться первой, сделать своих худокровок полезными вместо того, чтобы позволить смертным открыть их в качестве врагов».

«Думаешь, она рассказала людям правду?»

«Я предполагаю, что полицейские работают плечом к плечу с ней и, конечно, должны заметить в ее людях нечто необычное. Я могу рассудить, что она открылась конкретным представителям гражданской власти и предложила свои услуги.

Это, возможно, самое мудрое решение, какое она только могла принять, Беккет, - отметил старейшина, видя, что Беккет качает головой. – Если кто-то из них переживет Геенну, у них будут налаженные связи в правительстве. Они смогут контролировать распространение информации о нашем роде. Они могут быть величайшей надеждой для Сородичей».

«Для Сородичей *нет* надежды, Капаней, и ты чертовски хорошо это знаешь! – Беккет орал, внезапно перестав заботиться о том, кто может его услышать; к счастью, громкая музыка не дала его голосу разнестись. – Ты не хуже меня знаешь, что Геенна – это конец. Я сомневаюсь, что ее переживет хоть кто-то из нас, и их уж точно не будет достаточно, чтобы беспокоиться о «новом обществе». Кросс и остальные сами себя обманывают».

«И все же именно ты сказал ей, что ради этого она должна продолжать выживать».

«Я солгал. Мне было нужно получить ее поддержку».

Капаней пожал плечами. «Лучше ложная надежда, чем никакой».

«Нет, не лучше. – Плечи Беккета поникли. – Посмотри на меня, Капаней. Я гоняюсь за лживыми надеждами уже месяцы, и я не ближе к своим ответам, чем когда бы то ни было. Вместе с Райциэль я потерял свой единственный шанс, и мы оба это знаем. Теперь… теперь я просто тяну время до конца».

«А что ты бы предпочел делать, Беккет? Отчаянно цепляться за былую славу и увядающую силу, как князья? Или бездумно жрать и убивать направо и налево, как неонаты? Или сражаться, пытаясь сдержать прилив насилия бок о бок с худокровками? Что бы ты делал, если бы не искал свои ответы?»

Глаза Беккета расширились, словно он получил пощечину. «Похоже, с этой стороны я дело не рассматривал. – Он вздохнул. – Ты знаешь, что я не найду свои ответы».

«Но ты будешь продолжать попытки».

«Но я буду продолжать попытки. – Беккет вяло улыбнулся. – До тех пор, пока я способен стоять».

«Я буду помогать тебе, Беккет. Я…»

«Каин!»

Капаней моргнул. «Прошу прощения?»

«Каин должен где-то существовать! – Беккет заговорил с возбуждением. – Я никогда об этом не думал, я же привык думать о нем как о мифе! Но раз Геенна на самом деле настала, а древние на самом деле пробуждаются, то и Каин должен скитаться где-то в мире, правильно? Если хоть *кто-то* и может рассказать мне то, что мне нужно знать…»

«То это будет не он, - мягко возразил Капаней. – Подумай, Беккет. Вспомни все, что ты знаешь о Первом Вампире. Я бы предположил, что он, из всех людей мира, возможно, *меньше* всех понимает, зачем все это нужно. Вспомни: согласно мифу, он так никогда ни не признал, что сделал что-то неправильное».

Беккет, казалось, сдулся на глазах. «Ты прав, разумеется. – Он покачал головой. – Кроме того, не то чтобы у меня были хоть какие-то зацепки насчет того, где его найти». Беккет моргнул, его глаза снова начали терять резкость. Он почувствовал тошноту, почувствовал, что ему плохо. Комната, казалось, крутилась и дергалась с каждым пульсом ритма из колонок.

«Я бы готов был поспорить, что он смог бы все это остановить, - сказал он, больше из потребности говорить хоть что-то, из-за того, что собственная речь отвлекала его от боли увядания, чем из реального желания обсудить тему. – Это, конечно, если бы он захотел. – Беккет хмыкнул. – Как думаешь, чем он все эти годы занимался?»

«Каин? – Глаза Капанея приняли отвлеченное выражение. – Если бы мне пришлось попробовать угадать, Беккет… Я могу предположить, что Каин уже давно устал бы наблюдать, как его потомки ссорятся между собой и мучают смертных, от которых

питаются. Я могу предположить, что он уже давно нашел бы уединенное место, где он смог бы ожидать последних ночей без страха, что его побеспокоят».

Беккет усмехнулся: «Как ты, хочешь сказать?» А затем желудок Беккета внезапно ухнул в какую-то очень глубокую яму.

«Он, возможно, временами покидал бы пещеру, - продолжал Капаней, все еще глядя куда-то вдаль, - отправляя свой дух наружу, чтобы наблюдать, и даже иногда говорить с другими, с теми немногими, кто мог увидеть его в этом обличье. Но физически он ждал бы там многие века. Ждал бы там, пока его не нашел кто-то. Кто-то, кто предложил ему последнюю возможность увидеть мир, увидеть, что сталось с его потомками – прежде, чем их не станет».

Глаза Беккета лезли на лоб, и он подумал, что сейчас упадет в обморок. Это точно увядание. Он просто не понимает то, что, как ему кажется, говорит Капаней. Это *должно* быть увядание.

«И я думаю, - сказал старейшина, в первый раз обратив взгляд напрямую на Беккета, - что он, возможно, кое-что узнал о природе расы, которую породил. Узнал вещи, которые не узнал бы иначе. Молодой вампир и его спутники, возможно, могли научить его, старейшего из всех нас, кое-чему касательно упорства и преданности. Чему-то, что старейший, к своему стыду, давно уже позабыл.

И наконец, когда им больше нечему будет друг у друга учиться, когда молодой вампир найдет свои ответы, пусть он и не может их увидеть, - тогда, я думаю, и только тогда Каин двинулся бы дальше».

Беккет несколько очень долгих секунд бессмысленно смотрел на добрую улыбку Капанея. А потом музыка смолкла, запах клуба истаял и все потемнело.

Автостоянка

Где-то в Северной Америке

Он медленно пришел в себя – так медленно, что понял, что находится в сознании, лишь когда осознал, что свет даже сквозь веки раздражает его глаза.

Он не особенно рассчитывал пробудиться. В каком-то смысле он был почти разочарован: было бы настолько легче…

Он ощущал под собой землю, сухую почву, пучок вымирающей травы. Осколки битого стекла, изогнутые – наверное, от какой-нибудь бутылки. Он чуял мусор, мусор в том гнилом, жидком виде, в каком он скапливается только на дне контейнеров. Он чуял человеческую мочу, рвоту, алкоголь…

Дым…

Беккет открыл глаза.

Он, как он и подозревал, лежал на парковке позади клуба, распластавшись на самой границе участка. Чего он *не* ожидал, так это огня, весело горящего рядом со старой металлической бочкой в считанных футах от его лица. Скорее всего, его развел какой-нибудь бездомный, желая согреться; после этого что-то опрокинуло бочку, высыпав на парковку пылающий мусор, который еще не успел прогореть.

Беккет уже набрал в легкие воздуха, чтобы крикнуть, уже вскинул руку, чтобы прикрыть глаза – но тут ощутил, что потребности в этом не чувствует. Всего в нескольких футах от того места, где он лежал, плясало пламя, но он не ощущал ни малейшего признака паники, ни следа Зверя, который бы бился о клетку, пытаясь сбежать. Если на то пошло, тепло казалось очень приятным.

Отряхивая пыль с коленей (и забыв, что его штаны находятся в таком состоянии, что разницы все равно не будет), Беккет поднялся на ноги. Он удивился тому, как легко это получилось. Перед тем, как отключиться, он был так слаб, что еле мог поднять палец или промолвить слово. Но сейчас он чувствовал себя сильным, сильнее, чем он уже очень долгое время был.

Не *поэтому* ли бочка с огнем опрокинулась? Зверь вырвался, без разбору пожирая бездомных мужчин и женщин, которые, возможно, грелись вокруг? В пылу ярости было бы легко швырнуть в бочку труп или врезаться в нее самому, даже не заметив этого. Неужели даже сейчас, в самом конце, у него стало еще больше смертей на…

Нет. Нет, дело было не в этом. Беккет прислушался к ощущениям, зарылся глубже в собственную душу, и нашел не больше следов разъяренного или злобного Зверя, чем испуганного. Опять же, на парковке не было никаких следов кровопролития.

На какой-то миг он, казалось, припомнил ощущение, что его наполовину ведут, наполовину тащат из клуба после того, как он отключился. Капаней? Да, это мог быть только он. У Беккета все еще осталось ощущение того, что рука спутника поддерживает его; его плечо, на которое старейшина положил ладонь, все еще покалывало, словно от слабенького ожога.

Беккет снова почувствовал, что мир перед глазами закружился, но теперь это уже было проявлением эмоций, а не увядания. Он подумал, - понадеялся, - что понятое им в клубе было ошибкой, было глупым и смехотворным плодом его слабости и усталости. Но теперь он знал, хотя и не знал, откуда он знает, что это было не так.

Нет, он не питался. Капаней – Беккет упорно отказывался думать о старейшине под каким-то другим именем, - даровал ему силу, которую он сейчас ощущал. И точно также, внезапно осознал Беккет, именно Капаней защищал его от увядания так долго, до тех пор, пока даже его сил не перестало хватать, чтобы его оградить. Если так подумать, то это был единственный осмысленный ответ. Беккет действительно оставался нетронут увяданием так долго, потому что он был избран. Просто он неправильно понял, *кто* его избрал и зачем.

А зачем сейчас? Почему древний даровал ему эту последнюю крупицу силы, укрепил его, хотя бы временно, против злейших проявлений увядания?

Что Капаней еще хотел от Беккета?

Возле городского парка

Где-то в Северной Америке

На то, чтобы догадаться, времени оставалось немного. Солнце уже должно было скоро взойти, и он был уверен: несмотря на новообретенное чувство покоя, после восхода он, скорее всего, не почувствует себя лучше.

Он несколько часов бесцельно бродил по окрестностям; ноги выбирали дорогу сами. Хотя он больше не чувствовал слабости, его походка была жесткой, вихляющейся, словно у лунатика.

«Или ожившего покойника» - подумал Беккет, и потом ему пришлось до крови закусить губу, чтобы не начать маниакально хихикать.

Клуб остался уже далеко позади, хотя, обернувшись, он бы, возможно, еще различил тонкую струйку дыма, поднимавшуюся от огня, который он так и оставил тлеть на парковке клуба.

Не то чтобы ему требовалось напрягаться, чтобы увидеть какое-нибудь разрушение. Город освещало сразу несколько пожаров заметно больших, чем тот, который он оставил. В ночи не переставали выть сирены, и люди на улицах, которых было заметно меньше обычного, шли по своим делам быстрым шагом; на их лицах застыли искаженные маски безнадежности и страха.

Беккет не особенно следил за тем, что творится в мире. Он с трудом помнил крупицы слухов, собранные в пути. Но он знал достаточно. Сведения достигли стада, и, хотя они еще не смогли осознать всю их масштабность и неестественность, вскоре достаточно многие во всем разберутся - это было лишь вопросом времени.

И тогда, Геенна или нет, Патриархи или нет, конец наступит.

Беккет покачал головой. Так или иначе, для Сородичей все закончится. Они вымрут в тайне, как в тайне существовали все эти тысячелетия, или же сгинут в пароксизме человеческой ярости и страха, как уже когда-то чуть не произошло.

Оба варианта на самом деле были подходящими.

Беккет понял, что в каком-то смысле завидует Люсите. Ее смерть никак не была приятной, но была хотя бы быстрой. И в конце концов, пусть даже ее мотивы и не были ни самоотверженными, ни благородными, ее жертва имела смысл. Смерть Беккета даже не будет иметь…

Он застыл на тротуаре (шедший следом пешеход, который чуть на него не налетел, обогнул его, тихо ругнувшись). Его глаза расширились от шока – а потом, словно через силу, Беккет начал смеяться.

Ну да, все было именно *настолько* просто, да? А дальше Сородичи, и он в их числе, прекрасно все усложнят сами.

Беккет снова не поспевал за собственными мыслями – но теперь они не метались беспорядочно, нет, они неслись к очень конкретной цели. Он зашагал дальше. Ему нужно было найти подходящее…

Там.

Городской парк. Не особо ухоженный, замусоренный страницами газет и журналов, использованными салфетками. Одна-единственная шаткая детская горка стояла над неглубокой песочницей, рядом была ржавая каруселька, которую нужно было вращать руками. Все это грязное, обтрепанное, совершенно не впечатляющее. Но этого хватит.

Но не сейчас, еще нет. Он должен был увидеть его, хотя бы его начало. Один последний раз, он должен был его увидеть.

Медленно, неловко, Беккет обернулся лицом к востоку.

И теперь, никуда не идущий, ничего не ищущий, просто ожидающий, он мог только думать, и его разум наконец складывал в единое целое то заключение, к которому он так долго тянулся.

Он был прав – и ужасающе неправ. Да, это была Геенна, это был конец. У него никогда больше не будет возможности искать свои ответы, но это больше не имело значения. За всем этим не стояло никакого скрытого значения, никакой славной цели, никакого абсолютного ответа.

И в этом была его вина.

Все его лихорадочные поиски прошлых ночей, и, на самом деле, всех долгих лет его искания… И лишь слова таинственного древнего и последние действия той, что оставила свою человечность, привели его к чему-то, подобному откровению и правде о цели Сородичей. И истина состояла только в одном.

Это не имело значения.

Не имело значения, каково было намерение Бога, когда он протянул десницу и обрушил ее на земледельца, пролившего человеческую кровь. Не имело значения, чем Бог намеревался видеть порожденных Каином. Наглядный урок, или чума на род человеческий, или катализатор, который заставит человеческие народы сотрудничать, - ничего из этого не имело значения.

Ибо Сородичи, несмотря на проклятие, все еще обладали величайшим из всех даров Божьих. Свободной волей. Способностью выбирать, как сделала Люсита, каждый свою собственную цель и свое собственное значение.

Они никогда этого не делали.

Их вожди ссорились друг с другом по пустякам и видели только то, что хотели, а не то, что было. Их младшие понимали только силу, которая у них теперь была, и ничего – о последствиях. Их ученые мудрецы, включая самого Беккета, были худшими из всех, так как смотрели в поисках ответов в прошлое и никогда не пытались создать собственные ответы.

Небо на востоке начало светлеть, и Беккет, который, по очевидным причинам, уже сотни лет не видел рассвета, не мог сказать: какая доля красного оттенка, окрасившего зарю, происходит от загрязненного воздуха, а какая – от кровавых слез, которые застили ему взор и, ничем не сдерживаемые, катились по щекам. Бессмысленно, бессмысленно…

Если не считать того смысла, который он мог придать всему этому *сейчас*, в самом конце, как сделала Люсита.

Это был конец его мира. Возможно, и конец мира смертных. Было вполне возможно и даже вероятно, что завтрашний день не наступит.

Но, возможно, он все же будет. Возможно, что-нибудь, какая-нибудь маленькая част мира, все же выживет. Выживет, и вырастет, и начнет заново.

И он будет там. Бог свидетель, он теперь понимал, и он *заставит* их увидеть, что, пока они ищут ответы на небесах, они никогда не смогут увидеть мир перед собой. Они наконец поймут все правильно.

Или нет. Что было более вероятно, это были его последние минуты, и всякая надежда была иллюзией, лживой мечтой вроде тех, которым

следовала Дженна Кросс в Лос-Анджелесе. Но, по крайней мере, он *знал*. Теперь он знал ответы, хотя, возможно, уже никогда ими не воспользуется.

И, в конце концов, Капаней был прав. Ложная надежда *лучше*, чем никакой.

Словно хохот радости из уст восторженного ребенка, смех Беккета прокатился по крошечному парку, эхом отдаваясь в деревьях и кривой горке. В последний раз он почувствовал, как сила крови катится сквозь него, призвал свою силу, почувствовал, как она пульсирует, словно его сердце на эти секунды снова начало биться.

Когда солнце взошло над последней ночью Сородичей, Беккет воззвал к той силе, которую даровал ему один излишне гордый земледелец, медленно погрузился в землю, и уснул.